

Родная № 4(46)' 2018 **ДАДОГА**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России
Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолюкин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва); *Яценев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский лингвист, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла Новикова-Строганова. Русский крест Ивана Тургенева. <i>К 200-летию писателя</i>	5
Вячеслав Улыбин. Ольга Берггольц и Анна Ахматова	209
Николай Переяслов. В нас одна кровь	216

ПОЭЗИЯ

Борис Орлов	10
Вадим Терёхин	13
Владимир Скиф	76
Валентин Голубев	79
Игорь Тюленев	147
Алла Линёва	151
Владимир Подлузский	185
Андрей Бениаминов	188
Зоя Бобкова	225
Яков Маркович	228
Татьяна Шорохова	251

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «Не прикасайтесь к помазанным Моим». <i>К 100-летию русской трагедии —</i> <i>убиения Николая II и его Семьи</i>	16
Игорь Андрушкевич. Причины и результаты царубийства	38
Михаил Смолин. Русские: монархисты или республиканцы?	43

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей Перевезенцев. Александр Страхов. Традиции народовластия в России в X—XVII веках	50
Елена Чавчавадзе. «Поезд истории России идёт, садитесь в любой вагон, и он вынесет вас к Родине»	63
Иржи Опршал. Чехословакия: 100 лет от создания демократического государства в центре Европы	83
Митрополит ХРИСТОФОР (Пулец). 100-летие образования Чехословацкой Республики и Православная Церковь	97

ПРОЗА

Сергей Шаргунов. Поповичи	68
Виктор Лихоносов. Южная сторона	154
Олег Селедцов. Приказано: Быть убитыми. <i>Отрывки из повести в новеллах</i>	160
Михаил Зарубин. Делянка рыжиков	175

Валерий Хайрюзов. Держись хохла	200
Анатолий Белинский. Громозда	231
Василий Забелло. Бурундук	239
Владимир Пронский. Быть добру	244

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Мои воспоминания о иерархах Православной Церкви. <i>К десятилетию объединения Русских Церквей</i>	105
--	-----

ДОСЛУХИ

Зоя Десятова. Последний бой разведчика. <i>К 110-летию Героя Советского Союза Виктора Лягина</i>	134
---	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита Шевцов. Елена Наумова. Вслед за Меншиковым в Берёзово	191
---	-----

И. С. Тургенев

**Алла НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА**

РУССКИЙ КРЕСТ ИВАНА ТУРГЕНЕВА

К 200-летию писателя

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

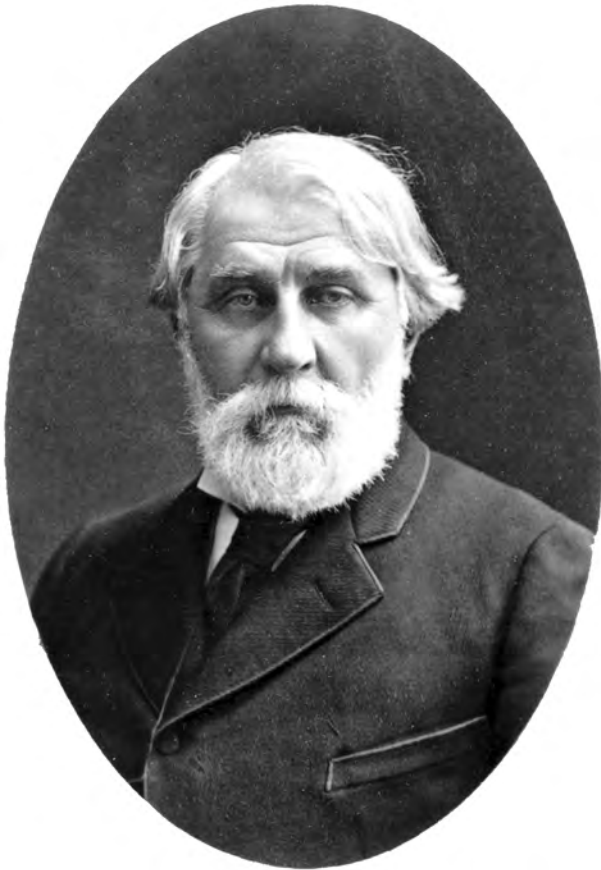
Но, к сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Еще Н. С. Лесков писал о том, как «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» — «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Продажные либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: «*Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь*» (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет)

Иван Сергеевич Тургенев

не смогла не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни — по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни правед-

ничества, ни выдающегося таланта. Добротолубие учит: *«Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Бога»*. По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»* (Мф. 7:1–2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться *«христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом»*, о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем», — как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: *«Аз емь Истина, и Путь, и Жизнь»* (Ин. 14:6), — единственно истинный подход к любому явлению жизни. *«Кто учит иному, — говорит апостол Павел, — и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины»* (1 Тим. 6:3–5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест — по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме «Русский крест»:

*Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
— В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе — один лишь страх!
— Все Господь определяет,
Всякий знак — в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славой во всем мире.

Писатель жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг, поэт Я. П. Полонский, говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы, — скажет он Эдмону де Гонкуру, — нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил: в столицах или за границей, — неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10 августа 1882 года — за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня — лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок (в том числе режиссерско-постановоч-

ных) и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций — задача важная и благотворная. Об этом моя книга **«Христианский мир И. С. Тургенева»**.

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них — «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья (**«Живые мощи»**). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. *«Посему мы не унываем, — учит апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», — справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего — писателю, создавшему ее образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной — кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной — главной героини романа **«Дворянское гнездо»**.

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев — Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь — молитвенницу Лизу и страдальцу Лукерью — с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька — раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе **«Два богача»** показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделает целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Самое главное в русской классической литературе в целом, и в частности в тургеневском творчестве, — ценнейшей составляющей отечественной классики — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М. Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

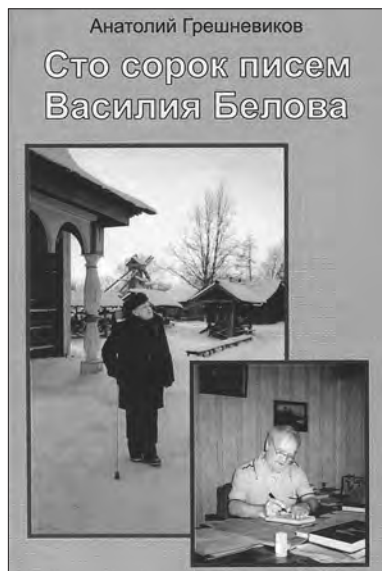
Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от «*Бога живого*» (2 Кор. 6:16), «*В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения*» (Кол. 2:3), «*Ибо все из Него, Им и к Нему*» (Рим. 11:36).

ВЫШЛА КНИГА

Грешневиков А. Н.

Сто сорок писем Василия Белова. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2018. — 424 с.

Классик русской литературы Василий Иванович Белов (1932–2012) оставил потомкам не только великие эпохальные произведения, но и большое эпистолярное наследие. Данная книга состоит из писем писателя, адресованных известному политику и общественному деятелю, писателю-экологу А. Н. Грешневикову, с которым дружил на протяжении долгих лет. Так как каждое письмо является ценным источником сведений о повседневной жизни, творческих и духовных поисках В. И. Белова, то автор дает к нему свой комментарий, чтобы воссоздать атмосферу прожитых писателем лет и историю его встреч и взаимоотношений со множеством разных людей.

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

«ОДОЛЖИ СЕДЛО МНЕ, МЕДНЫЙ ВСАДНИК»...

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, Большой литературной премии, автор более 20 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Живет в Кронштадте.

* * *

Жить хочется спокойнее и проще.
Земля — приют для неба и воды.
Моя страна — березовая роща,
Шумят березы — русские роды.

Возводишь храм.

Молитву шепчут губы.
Спешит беда, хотя не ждешь беды.
А сколько приходило лесорубов
В мою страну на русские роды.

Поляна в роще превращалась
в площадь.

Вставал народ и защищал
свой кров.

Моя страна — березовая роща,
Но приходите к нам без топоров!

* * *

Площадей пятна. Скопища зданий.
В скверах шпиль торчат из листвы.
Сонный город, как ежик, в тумане
Сиротливо бредет вдоль Невы.

Облака, как листочки крапивы,
Он уносит на шпильях легко.
Чтоб затем из большого залива,
Что из блюдца, лакать молоко.

* * *

Скрипит замерзшая вода,
Блестит янтарь листвы.
Дожди стоят, как поезда,
У берегов Невы.

Вокзал печалей и простуд.
В подъездах стынет ночь.
Когда дожди весной пойдут,
В дождях уеду прочь.

* * *

В табунах гуляют, а не в стаде
Облака. Рассвет. Вода в окне.
Одолжи седло мне,
Медный всадник,
Дай-ка прокатиться на коне.

Тонут парапеты и колонны.
Пьедестал как вымокший пенек.
Я пришпорю взмыленные волны:
В наводнение конь — морской конек.

Плавают русалки, как царевны.
Долетают брызги до удил.
Что ты, Медный всадник,
смотришь гневно?
Не слезай с коня! Я пошутил...

* * *

Вечер под ветра восторженный свист
Тихо уходит на отдых.
Снег престарелый —
слезлив и ноздрист —
Нюхает мартовский воздух.

Прорубью дышит заспавшийся пруд.
Ветер качает калитку.
Опытен снег престарелый и мудр —
Шепчет капель, как молитву.

* * *

Когда путем страстей ведет кривая,
Не учат нас трагедии веков.
К телам, что к гнездам,
души привыкают,
Хотя тела — хранилища грехов.

И все равно — мордвин или татарин,
И все равно — эвенк или еврей.
Когда есть тело, мир не идеален —
Он манит бестелестностью своей.

* * *

Каждый верит в свою удачу,
Нянчит рощу и строит дом.
Эта сосенка станет мачтой,
А березка — могильным крестом.

Роща солнечным небом дышит,
Ель танцует среди сестриц.
Прежде чем стать коньком на крыше,
Надо выслушать песни птиц.

* * *

Памяти Валентина Кочеткова

Когда-нибудь
о летних песнях вспомнят
И верная жена, и верный друг.
Еще цветет на берегу шиповник.
Но стаи птиц уже летят на юг.
Еще в залив ныряют чайки ловко,
Но много грустных мыслей в голове.

И запоздало клевера головки
Краснеют, словно угольки, в траве.
Шепчу осенним птицам:
«До свиданья»...
Хотя «Прощай!» торопит на покой.
И горизонт непостижимой гранью
Сияет между жизнью и мечтой.

* * *

От революций съежилась страна.
Жизнь коротка, да и устои шатки.
Мне не нужны чужие времена —
Без революций жизнь
течет в достатке.

От грязных смут по швам
трещит страна.
Из революций вырастают войны.
Мне не нужны чужие времена:
Они — уроки, но без них спокойней!

* * *

И комиссары в пыльных шлемах...

Б. Окуджава

В трагедии перерастали драмы.
Красавицы, но жизнь на волоске.
Их отличали от Прекрасной Дамы
Кожаночка и маузер в руке.

Кровь праведников в христианском мире
Струилась в небеса сквозь облака.
Валькириями Красные Эсфири
Носились над застенками ЧеКа.

* * *

Моим друзьям военным писателям

Чтоб честь иметь, носи мундир.
Нет чести без мундира.
Сражаемся за Русский мир,
Как греки в Фермопилах.

Мы чтим и Родину, и Род,
Но Ирод-царь не в теме.
Пусть мы погибнем, но народ
Наш выиграет время.

* * *

Он, совесть отравив, невинных судит,
Его растлил круговорот страстей.
Он из народа вышел прямо в люди,
А после криво — в звери из людей.

Из сердца исчезает Божья милость,
Когда ворвется дьявольская прыть.
Но что бы в этой жизни ни случилось,
Не надо из народа выходить!

* * *

В младенческих снах летал
Кометой меж звездных скопищ.
Но кровь тяжелит металл,
Он бытом надежды топит.

Где правды нет — нет и лжи:
Зачем выбирать дорогу?!
Мне крылья мешают жить,
А вот помереть помогут.

Есть вечность. Куда спешить?!
В ней все: где и был, и не был.
Мне крылья мешают жить —
Они меня тянут в небо.

ПОЭЗИЯ

Вадим ТЕРЁХИН

«СЛОВО И МУЗЫКА ВЕЧНЫ...»

Вадим Федорович Терёхин — родился 27 января 1963 г. в пос. Песоченский Суворовского района Тульской области. Окончил Казанское высшее военное училище ракетных войск имени М. Н. Чистякова, Московский литинститут им. Горького. Поэт, сопредседатель СП России, председатель Калужского обл. отд. Союз писателей России, действительный гос. советник Калужской области II класса, ветеран космодрома Байконур, в 2009–2014 гг. зам. министра — начальник управления культуры Калужской области. Автор книг стихов и сценариев, лауреат Международных и Всероссийских премий, награжден многими медалями. **Живет в Калуге.**

* * *

Не думая о каждом часе
Невольно прожитого дня,
В безудержном однообразье
Уходит время от меня.

Но разгоняет жизни морок
Дитя, рожденное на свет.
Последний раз мне будет сорок,
Ну, то есть, сорок девять лет.

И если стоит жить на свете
Не для стяжания венцов,
Нам радость — бабочки и дети,
И звон прощальных бубенцов.

Нам радость — данная свобода,
Господь, творящий естество.
И честь достойного ухода
Под сень могущества Его.

* * *

Откуда — ее я не звал —
Идет беспощадная старость.
И, кажется, всё я сказал,
Но главное что-то осталось.

И всё кратковременно так,
Непрочно, мгновенно, беспечно.
И всё кратковременно так,
И всё удивительно вечно.

И всё, что на грешной земле,
Пропел я, как певчая птица, —
Плутая в полудночной мгле,
На небе должно разрешиться.

* * *

Я решил, что я — Жар-птица!
А Жар-птице ни к чему
За любовь начальства биться,
Низко кланяться ему.

Темным силам потакая,
Всем начальство говорит:
Птица? Жар? Да. Есть такая.
Но не очень-то горит.

И, сказать, она не очень.
Светит тускло, хоть убей.
А у нас есть, между прочим,
Птица лучше — воробей.

Но и он по всем законам
В тщетном поиске огня
Светит светом отраженным,
Исходящим от меня.

* * *

Известно, что придя в движенье,
По всем законам естества
В системе общего снабженья
Вода безвидна и мертва.

Она подвижница теченья,
Напора, скрытого в груди.
И из любого заточенья
Всегда пробьет себе пути.

И ждет спасения, доколе
Не образует в трубах течь.
Вода не может жить в неволе,
Как поэтическая речь.

И если посмотреть на воду,
Примерить жалкий опыт свой —
Лишь вырываясь на свободу,
Вода становится живой.

* * *

Фонтан, обложенный камнями,
Твоя проточная вода
Стремится кверху и всегда
Востребована небесами.

И образует водопад
По всем законам притяженья.

Но в мире вечного теченья
На землю падает назад

И я у Господа в передней
Слепым подобием воды
Стремлюсь достигнуть высоты
И каплей становлюсь последней.

* * *

А я уж на склоне пути,
Но в мире, таком многогрешном,
Мне всё предлагают расти
И быть молодым и успешным,

И думать всегда о рубле,
Развершем небесные тверди.
Как будто и нет на земле
Ни боли, ни горя, ни смерти.

* * *

И когда повстречал я бомжа
На каком-то вокзале убогом.
Я подумал, что наша душа
Точно так же смердит перед Богом.

Это я — изнемогший от битв.
Это я — худоцветный и черный.

Бог не требует наших молитв.
Но лежу пред Тобой распростертый.

Это я — предъявивший права
И просящий пощады несмело.
Понимаю, что эти слова
Может быть, наше главное дело.

* * *

Земля под дедовской избенкой
Среди отеческих могил,
Тебя, как малого ребенка,
Я на руках своих носил.

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

«НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ»

*К 100-летию русской
трагедии — убийства
Николая II и его Семьи*

Народ!

*Мария Годунова и сын ее Феодор
отравили себя ядом.*

Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите:

да здравствует

Царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

А. С. Пушкин «Борис Годунов»

В истории борьбы Руси-России за независимость на поле брани на протяжении столетий мы неизменно видим победы русских воинских полков над чужеземцами. Но в истории русских революций или, как их еще называют, Смутных времен, мы замечаем, как «народные полки» всякий раз вначале сдаются без боя. Проникаясь идеями врага, народ не раз безропотно предавал своих князей и царей, которым крестным целованием клялся в верности, а потом кровью своею и своих детей искупал

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

это предательство. Суть и причины таких отступлений и поражений кроются в историческом конфликте власти и народа — конфликте, имеющем глубокие духовные корни, уходящие в библейскую историю.

Убедительнее многих историков, зримо, правдиво этот конфликт исследовали гениальные русские писатели. Не будучи богословами, но изучая Закон Божий в гимназиях и будучи воспитанными в православной традиции, пронизывавшей всю жизнь царской России, Пушкин, Достоевский, Лесков посредством художественных образов, основываясь на личном понимании божественных законов бытия, выявляли причины, нарушающие закономерный ход русской истории, высвечивали стороны характеров героев произведений, отражали человеческие поступки, приводящие к необратимым последствиям и мрачным смутам.

Александр Сергеевич Пушкин в трагедии «Борис Годунов» изобразил трагический, непостижимый в своем разрушительном потенциале конфликт власти и подданных через глубокий образ безмолвствующего народа. Последняя фраза трагедии «народ безмолвствует» — заставляет содрогнуться и ужаснуться нас, знающих о кровавых последствиях этого равнодушия, понять, что безмолвие, неучастие — это и предательство, и суд, и наказание. Народ одобрительно или безразлично (по-церковнославянски — «теплохладно») молчит, когда на его глазах враги уничтожают законного царя, народ — безмолвствует и потом, предчувствуя собственную кару. После бунта, после пьяных дней эйфории приходит отрезвление, вселяется ужас от содеянного.

В другом пушкинском произведении, в стихотворении «Бесы», метафорически показаны истинные бенефициары спровоцированного извне бунта народа против законной власти — это бесы-провокаторы, олицетворяющие человеческие страсти и пороки, они сбивают путников с праведной дороги, погружают в круговорот беспорядка, в метельный хаос смятения.

В романе «Бесы» Федор Михайлович Достоевский убедительно доказывает реальное существование бесов, показывая их сущность через образы конкретных людей, имеющих исторические прототипы, которые не безмолвствуют, но в своей разрушительной пропаганде весьма откровенны. Одним из таких прототипов является известная историческая личность — С. Г. Нечаев¹, приятель М. Бакунина и Н. Огарева, организатор подпольной московской террористической организации «Народная расправа».

Нечаевым восхищался Ленин, называя его «титаном революции». «Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — “Кого же надо

¹ Нечаев С. Г. (1847–1882) — автор радикального «Катехизиса революционера». Проповедовал идею: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции...». После убийства студента Иванова, отказавшегося подчиняться его воле, Н. жил в эмиграции, участвовал в возобновлении подрывного издания «Колокола». Был выдан русским властям и умер в тюрьме. Факт, характеризующий советскую власть: большевики подняли его на щит своей пропаганды, с 1927 года до начала 1980-х одна из улиц Иванова (бывшая Пятницкая) носила имя Нечаева. На доме его семьи была открыта даже мемориальная доска.

уничтожить из царствующего дома?”, Нечаев дает точный ответ “Всю большую ектению”. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь Царский Дом, все члены Дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь Дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»¹.

То, что о революции писал Нечаев — тривиально, но его радикализм был экстремальным. Вот некоторые постулаты: кто не готов отдаться революции до самоотречения, тот обречен стать жертвой; чем больше жертв, тем лучше. Нечаев «почти всегда лгал, был искренен во лжи», и в этом была его сила (В. Н. Захаров). Особенно он был искусен во лжи на власть.

Достоевского интересовало, как эти нечаевы набирают себе последователей — нечаевцев. «Как нечаевы искушали нечаевцев, большого секрета нет: возбуждение смуты, плетение интриг, развязывание инстинктов толпы, поправление святынь, глумление и кощунство, “нас обманули”», “найди врага”, “чем хуже, тем лучше”, “разделяй и властвуй”, “все позволено”, “цель оправдывает средства” и т. п. Для тех, кто думал о “высоком и прекрасном”, — это искушение идеей “всеобщего счастья” и обещание чуда любой ценой: принуждением, насилием, даже кровью; это и искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут не успеть, опоздать, их могут не взять в светлое будущее, и т. п.

Рецепты этой политической кухни известны»²...

Действительно, такие нечаевцы были известны во времена Достоевского и даже раньше. Укрепившиеся многими идеологическими и техническими новшествами, они узнаваемы и сегодня. Удивительно, почему же историческое знание их смертоносных целей и разрушительных методов не вразумляет ныне, не спасает народы от новых ошибок.

Последние перевороты, известные как «Майдан» и «Арабская весна», являются типичными примерами такого рода. Причем высокий уровень жизни населения обреченной страны не имеет решающего значения. Пример тому — Ливия, где народ жил материально лучше всех на Африканском континенте.

В России революционное возмущение или привычнее — «смутное время», кажется, является закономерным модусом исторического процесса. Не счесть, сколько раз ход истории насильно разрывался, и социальный или религиозный уклад нашего Отечества подвергался революционным преобразованиям, в результате которых происходило изменение исторического качества, смена системы.

Самопроизвольно возникает лишь неорганизованный бунт, который всегда подавляется. А революции сами собой не происходят — их тщательно готовят, используя в качестве горючего реально существующие в каждой стране проблемы и противоречия. В случаях революций в России в начале

¹ Цит. по: *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 360.

² Там же. С. 362–363.

XX в. — это противоречие между Царем и народом, с одной стороны, и прозападной элитой, с другой. Спусковым крючком должна быть кровь: «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. — начало первой русской революции; выстрел в Сараево 28 июня 1914 г. — убийство эрцгерцога Фердинанда как повод для начала Первой мировой войны; убийство пограничников (инцидент в Глейвице) как предлог для нападения в 1939 г. Германии на Польшу, ставшее началом Второй мировой войны. Сейчас все чаще главными действующими лицами переломных моментов истории становятся «неизвестные снайперы». Они появляются там, где толпа слишком нерешительна в деле свержения власти, где противостояние слишком затягивается, что требует больших денег. Примером является Майдан, на который США потратили 5 миллиардов долларов.

В Российской империи, где государственная власть проиграла информационную войну, таким спусковым крючком оказались всего лишь инспирированные в Петрограде очереди за **белым** (черный в магазинах был!) хлебом. Даже дата этой провокации была заранее известна: 21 февраля по старому — 6 марта по новому стилю 1917 года. То есть, чтобы купить белый хлеб, нужно было постоять в очереди, — и это когда война шла уже три года (!).

Идея голода была для заговорщиков наиболее подходящей, хотя в реальности все было иначе. «И союзники России, и ее враги в феврале 1917-го давно жили по карточкам. Все продукты там распределялись строго по нормам. Никакого свободного рынка в Европе на тот момент не было! Только тотальная мобилизация и учет всего — та экономическая политика, которую потом большевики, ничего не придумав — только слямзив, назовут “военным коммунизмом”!..

...А в России на момент Февральской революции по карточкам распределялся лишь сахар. Все остальные продукты, вплоть до красной и черной икры, находились в свободной продаже. И было их столько, что хватило бы даже не на две, а на три России». И далее, убитый фашиствующими молодчиками с попустительства властей в Киеве писатель (+ 2015), Олесь Бузина продолжает: «Есть красноречивый пример. Уже когда закончится не только Февральская, но и Октябрьская революция, и немцы после Брестского мира весной 1918-го войдут в Киев, их поразит, прежде всего, обилие еды. Кайзеровские солдаты будут пялиться на витрины киевских магазинов, переполненные колбасами и булками. И нажираться от пуза впервые за всю войну»¹.

Да, на начало «Февраля» голода в столице не было, и внешне ничто не предрекало такого стремительного развития революционной ситуации и смены власти. Нет причин сомневаться в выводах и фактах, изложенных в воспоминаниях товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя И. Д. Жевахова² о почти незаметном, не предвещающем трагического раз-

¹ Олесь Бузина. Расстрелянная правда / сост. А. А. Бобров. М.: Алгоритм, 2016. С. 279.

² Жевахов И. Д. — российский государственный, общественный и религиозный деятель правого направления. Исполнял должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода Николая Раева с 15 сентября 1916 г. по 28 февраля 1917 г.; 26 февраля 1917 г. предложил первоприсутствующему члену Синода митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому) выпустить воззвание к населению в защиту монарха — «вразумляющее, грозное предупреждение Церкви, влекущее, в случае

вятия начале Февральской революции 1917 года. Он утверждал: «Видел я и возвращавшихся с фронта солдат, и направляющихся на фронт новобранцев, и любовался их бодрым настроением и веселыми лицами, их уверенностью в несомненной победе, их молодецкатым видом и выдержкою. Не испытывало никаких лишений и население. Всего было вдоволь...»¹. А в учебниках истории прежних и настоящих рассказывается о восставшей против Царя поголовно всей России. Так ведь безо лжи революции не делаются, как говорит автор названных воспоминаний, «... всякая революция есть ложь: она начинается и проводится надувательством и обманом, ибо есть порождение дьявола — отца лжи»². Ложью запугивают население, ложью побеждают.

И подтверждение тому — через неделю очереди исчезли — Царя свергли, булочные наполнились белым хлебом, а те, кто стоял в очередях, ушли на митинги в поддержку новой власти. Вспоминали ли жители блокадного Ленинграда, многие из которых еще помнили февраль 1917-го, этот клятвопреступный способ свержения законной, богоданной власти, эти кощунственные манипуляции с хлебом насущным? Может, и не вспоминали, но все жители города совершили святой подвиг и искупили предательство двадцатипятилетней давности, произошедшее на земле, осененной именем святого апостола Петра, раскаявшегося и оплакавшего свое отречение.

Итак, без объективных причин начиналась «народная революция» в Российской империи, которую с подачи хитрых покровителей новой власти, понимающих пропагандистское значение терминологии, многие поныне называют «русской революцией». Следует отметить, что в 1917 г. во всех документах: правительственных, гражданских и церковных, а также в прессе было общепринятым выражение «государственный переворот». Выражение «революция» с различными эпитетами: народная, великая, освободительная, демократическая, — появилось позднее, когда необходимо было закрепить в умах народа сознание того, что это народные массы, а не группа высокопоставленных заговорщиков, действующих по указке Запада, являются ее творцами. Что это прозревший народ — сверг своего «плохого» Царя. Хотя материально народ так хорошо никогда не жил, как во время правления Николая II. «Повторим, что никогда, — ни до, ни после правления Николая II, — не было в стране таких высоких темпов экономического роста, как это было во время его царствования: за 1880—1910 годы темпы роста промышленности превышали 9 % в год», — отмечал писатель и историк Церкви Н. М. Коняев³. Во время царствования Императора Николая II была самая высокая рождаемость за всю историю Российского государства — это ли не показатель относительной социальной стабильности и относительного благосостояния народа.

ослушания, церковную кару». Воззвание предлагалось не только зачитать с церковных амвонов, но и расклеить по городу. Митрополит Владимир отказался помочь падающей монархии. После захвата власти большевиками Ж. жил на территориях, контролируемых Белыми армиями. После эмиграции жил в Сербии, в Италии в г. Бари. Умер в Закарпатье в 1946 (?) году.

¹ Жевахов И. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 284.

² Там же. С. 286.

³ Коняев Н. М. Полковник Романов. СПб.: Страта, 2017. С. 53.

Но какое бы романтическое название ни придумали своим кровавым действиям сокрушители Российской империи, свершилась невиданная в мире трагедия, приведшая к тому, что тяжелейший крест Царского служения превратился в крест физического и нравственного страдания законного правителя государства, а его смерть — во святой подвиг.

Неужели, спрашиваем мы сегодня, нельзя было решить вопрос о власти иначе? Для чего все-таки потребовалось именно такое, показательное жестокое убийство законного правителя России и его Семьи? Данный вопрос имеет древние корни, восходит к Библейской истории. Религиозный компонент налицо — вспомним восхитившее Ленина выражение Нечаева: «уничтожить всю Великую ектению».

Что это значит? Возможно ли это сделать? Чтобы во всем разобраться, надо сначала уяснить, что представляет собой Помазание на Царское служение, понять, что это не просто символический ритуал, это суть высшей власти, осененной Промыслом Божиим.

О Помазании святым елеем часто говорится в Библии. В Ветхом Завете это свидетельство божественного призвания человека при возведении его на высшее, самое ответственное служение — Царя, Пророка, Первосвященника. О Помазании неоднократно говорится и в Новом Завете. Например: «Ему [Иисусу] подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Евангелие от Луки 4:17–19).

Когда совершается Таинство Елеопомазания (Соборование), то читается это место из Библии: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне» (Послание Иакова 5:14).

*Портрет Императора Николая II.
1900 г. Художник Эрнест Липгарт*

Апостол Иоанн Богослов, обращаясь к христианам первенствующей Церкви, пишет: «Впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все» (Первое послание Иоанна 2:20). «Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то чему оно научило вас, в том пребывайте» (Первое послание Иоанна 2:27).

Внимательное чтение библейских текстов Ветхого и Нового Заветов и сегодня много дает для понимания того, что происходит на самом деле и как характеризует Священное Писание — Библия — Слово Божие — непреходящую суть земной монархической власти. Слово Божие есть также слово человеческое, которое вместило в себя вдохновение Святого Духа, обожествилось и стало богочеловеческим, т. е. Божественным и человеческим одновременно. Сохраняется историческая обусловленность его человеческой формы, связанная с языком, эпохой, национальным характером и пр. Но через эту историческую обусловленность не устраняется его Божественная сила, ибо Слово Божие человеку и не может быть сказано иначе, как на его человеческом, т. е. исторически обусловленном языке. Библия вообще есть целый мир, она есть, образно говоря, таинственный организм, жить в котором нам удастся только частично. Сама Библия обладает удивительной жизнеспособностью: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помысления и намерения сердечные» (Послание к Евреям 4:12).

Книга Книг — Библия дает архетипы (прообразы) человеческого поведения. Разумеется, в Библии архетипы присутствуют постольку, поскольку они существуют в жизни. Поэтому притчи Христовы, сказанные две тысячи лет назад в совершенно другой культурной, политической и бытовой ситуации, актуальны всегда и везде, они универсальны, например, притча о блудном сыне. Понимание особенностей характерных персонажей полезно потому, что оно придает материалу более узнаваемые нами очертания. Архетипы — базовые составляющие книг Библии. Представление о них делает более ясным смысл текста, который мы читаем в данный момент. К тому же, поскольку архетипы встречаются на всем протяжении Библии, они становятся одним из основных инструментов, с помощью которых Библия предстает перед нами как единая Книга. Привязка действующего лица к определенному архетипу не означает, что оно лишается индивидуальных черт и своей уникальности. Например, в нашей статье архетипическая дилемма: священство и царство — представлена личностями Моисея и Аарона, пророка Илии и царя Ахава.

Начало монархии в Израиле и избрание первого царя Саула описывается в Библии в Первой книге Царств в 8–12 главах. Царство и его правитель — Царь — рассматривались народом в первую очередь как *гарант справедливости и военного могущества*.

«Господь открыл Самуилу за день до прихода Саулова и сказал: завтра в это время Я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и ты помажь его в правителя народу Моему — Израилю, и он спасет народ Мой от руки Филистимлян; ибо Я призрел на народ Мой, так как вопль его достиг до Меня. Помажь его...» (Первая книга Царств 9:15–16).

Помазание елеем являлось особым таинственным ритуалом, знаменующим посвящение от Бога, знаком ниспослания благословения Божия и Его даров (способностей), для несения им особой миссии¹. Помазанник (ивр. מָשִׁיחַ «*māšīah*» — машиах) считался отделенным, выделенным для особых миссий и целей человеком, имеющим связь с Богом. Также в библейских текстах царь образно называется сыном Божиим, то есть отношения между Богом и царем предстают как отношения отца и сына. «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих» (Вторая книга Царств 7:14). Речь идет, конечно же, не о физическом рождении, а об избранности, об особых близких отношениях царя и Бога, символизируемых актом помазания на царство.

Помазание обуславливало *неприкосновенность* в силу помещения человека в сакральную сферу близости к Богу, так что любой, кто причинит ему вред, **будет наказан**. «Но после сего больно стало сердцу Давида, что он отрезал край от одежды Саула. И сказал он людям своим: да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он помазанник Господень» (Первая книга Царств 24:6–7).

Идеальный царь по Библии является пастырем, он защищает людей, и их судьба — это часть его судьбы. «И поставлю над ними одного пастыря, который будет пасти их, раба Моего Давида; он будет пасти их, и он будет у них пастырем» (Иезекииль 34:23). Также: Вторая книга Царств 5:2; Книга пророка Михея 5:4; Псалтирь 77:71–72. Царь ответственен за положение дел в стране (Третья книга Царств 9:4–9).

Люди приходят к царю искать справедливости. В нем видят гаранта порядка, стабильности и законности: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Книга Судей 21:25). Вот библейский итог предмонархической эпохи Судей Израилевых.

Царь должен обладать способностью судить справедливо: «И сказал Соломон... даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» (Третья книга Царств 3:6, 9). «Мерзость для царей — дело незаконное, потому что правдою утверждается престол» (Притчи 16:12). Также: Псалом 71, Вторая книга Царств 8:15; Книга пророка Иеремии 23:5; Исход 9:7; 11:3–5; Книга Притчей Соломоновых 25:4; 29:4, 14.

Исходя из фактов, изложенных во Второй и Третьей книге Царств, где Давид и Соломон исполняют священнические функции, можно сделать вывод о том, что царь частично обладал сакральными полномочиями: «И приносил Соломон три раза в год всесожжения и мирные жертвы на жертвеннике, который он построил Господу, и курение на нем совершал пред Господом. И окончил он строение дома» (Третья книга Царств 9:25), а также Вторая книга Царств 6:14–18; Третья книга Царств 3:4; 8:62–63; 10:5.

Итак, помазание — выражало волю Бога и обеспечивало Его помощь. «И взял [судья Израиля] Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его

¹ В Новом Завете это стало называться греческим словом «*χάρις*», что означает «благодать». Это дар Божий, спускающийся с небес. Слово содержит корень *χαρά* — «небесная радость». Слово «*χάρισμα*» означает «благодать Святого Духа» или конкретный дар Святого Духа.

*Саул у волшебницы Аэндорской.
Художник Гюстав Доре*

[Саула]¹, и поцеловал его и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего» (Первая книга Царств 10:1).

Помазание на Царство ветхозаветных времен свидетельствовало о даровании избраннику благодати Святого Духа. На помазаннике почивал Дух Божий — т. е. пребывало божественное водительство и благословение: «И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после» (Первая книга Царств 16:13). Это дарование изменяет человека, дает ему силы и волю исполнять Божье служение. «Как скоро Саул обратился, чтоб идти от Самуила, Бог дал ему иное сердце, и сбылись все те знамения в

тот же день. Когда пришли они к холму, вот встречается им сонм пророков, и сошел на него Дух Божий, и он пророчествовал среди них» (Первая книга Царств 10:9–10).

Мы знаем, что в действительности далеко не всегда помазанники слышали и исполняли Божию волю. Так, царь Саул в конце своего правления,

¹ Саул (ивр. שָׂאֻל, Шаул (Шауль); букв. «одолженный [у Бога]»; греч. Σαούλ; в исламе Талут (2-я половина XI века до Р. Х.) — согласно Ветхому Завету (Танаху) первый царь теократо-монархического периода и основатель объединенного Израильского царства (около 1029–1005 гг. до н. э.), создатель регулярной еврейской армии, воплощение правителя, поставленного на царство по воле Божией, но ставшего потом Ему негодным. Саул — единственный царь, о котором авторы Библии не знают точного времени царствования, что особенно удивительно в случае первого царя и основателя государства. Жизнь Саула распадается на два периода: первый — с Богом, второй — без Бога. Саул не смог заставить себя уничтожить языческое враждебное племя амаликитян по приказу судии Самуила, но с другой стороны, уже позже, он приказал вырезать совершенно невинных священников в Нове. Царствование Саула сопровождалось постоянными войнами с филистимлянами (современное произношение — «палестинцы»). В последнем сражении были убиты три сына Саула, а сам он, окруженный филистимлянскими лучниками и израненный их стрелами, окончил жизнь самоубийством, бросившись на свой меч (1 Цар. 31:4). Когда на следующий день филистимляне обнаружили среди павших израильтян тело Саула, они отсекали его голову «и послали по всей земле филистимской, чтобы возвестить о сем в капищах идолов своих и народу» (1 Цар. 31:8–9). Оружие Саула было пожертвовано в храм Астарты (1 Цар. 31:10), его тело было вывешено на стене Бет-Шеана, а «голову его воткнули в доме Дагона» (1 Цар. 10:10). Первая книга Паралипоменон также сообщает, что «умер Саул за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом, за то, что не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице с вопросом» (1 Пар. 10:13).

после того, как убил невинных священников, потерял богообщение, и «Господь не отвечал ему ни во сне, ни через урим, ни через пророков. Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней, и спрошу ее. И отвечали ему слуги: здесь в Эндоре есть женщина волшебница. И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей Саул: прошу тебя, поворожи мне, и выведи мне, о ком я скажу тебе» (Первая книга Царств 28: 6–8). За то, что Саул обратился к волшебнице, дух Самуила изрекает пророчество: «И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки филистимлян» (Первая книга Царств 28:19).

Поучительна история богоотступничества Израиля и его царя Ахава¹, современника пророка Илии. Знание их духовного противостояния помогает ответить на многие современные вопросы, учитывая непреходящее значение библейских архетипов поведения. Повторю, Библия приоткрывает тайные смыслы истории, «...проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные» (Послание к Евреям 4:12), у нее особая многоплановая структура, и знание Библии помогает лучше понять циклы мировых процессов, в частности, особенности русской истории начала XX века.

О пророке Илии в Библии не раз говорится, что он человек Божий, и делами, как, например, воскрешением отрока вдовы из Сарепты Сидонской, доказывает это: «И сказал он ей: дай мне сына твоего. И взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель, и воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее? И простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него! И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил. И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал его матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив. И сказала та женщина Илии: теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно» (Третья книга Царств 17:19–24).

Иначе в Ветхом Завете говорится о самом нечестивом царе Ахаве: «...и царствовал Ахав, сын Амврия, над Израилем в Самарии двадцать два года. И делал Ахав, сын Амврия, неугодное пред очами Господа более всех бывших прежде него. Мало было для него впасть в грехи Иеровоама, сына Наватова; он взял себе в жену Иезавель, дочь Ефваала, царя Сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему. И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии. И сделал Ахав дубраву, и более всех царей Израильских, которые были прежде него, Ахав делал то, что раздражает Господа, Бога Израилева» (Третья книга Царств 16:29–33). Культ Ваала стал государственным культом Израильского Царства. Евреи стали забывать своего Бога и все больше стали почитать Ваала. Фактически

¹ Ахав (ивр. אָחָאב, др.-греч. Αχάαβ) — царь Израильского царства в 873–852 годах до Р. Х.). Годы его правления ознаменованы в Израиле появлением еще одного культа Ваала, а именно культа Мелькарта, тирского Ваала. Ахав заключил брачный союз с Ефваалом (одзн. «с Ваалом»), царем Тира, чтобы жениться на его дочери Иезавели. В результате в Израиле возник более мощный, влиятельный культ с множественностью жрецов и их помощников (1 Цар. 16:31–33). Убит в сражении с сирийцами.

существовало двоеверие. Евреи стали, по выражению пророка Илии, «хромать на оба колена» (Третья книга Царств 18:21). Желая положить конец господствующему в Израиле двоеверию, Ахав решил истинное богопочитание искоренить, оставив лишь культ Ваала.

Следует напомнить, что изображаемый в виде столба-фаллоса (редко в виде быка — символа силы и плодородия) — Ваал (в зависимости от места, где ему поклонялись, имеются разные транскрипции этого имени: Баал, Балу, Ваал-Зебуб /Вельзевул/, «Ваал мух» — «повелитель мух» и т. п.) был языческим ближневосточным божеством. Он неоднократно упоминается в Ветхом Завете вместе с женским божеством Ашэрой /Иштар/ (в греческой транскрипции это богиня любви и власти Астарта)¹. Культ Ваала сопровождался сладострастными оргиями, его жрецы в экстазе наносили раны и порезы на разных частях своих тел, особенно на ладонях и запястьях, заливали жертвенники кровью.

Как пишет магистр богословия, профессор Киевской Духовной академии А. И. Пономарев: «...Религиозный культ Ваала состоял в дико разнузданном сладострастии, искавшем искусственных возбуждений. В этом отношении культ Ваала совершенно совпадал с культом Астарты, так как служение ей было вместе с тем служением и Ваалу, ее оплодотворителю. Внешним символом его постоянно служил phallus, в виде колонны с усеченной вершиной. При капищах Ваала жили так называемые кедешимы и кадешоты, священные блудники и блудницы, которые обрекали себя на служение капищу посредством зарабатывания денег своим блудодейством. Понятно, какое глубоко развращающее влияние должен был иметь такой культ. Память об этом развращении увековечена была для сознания евреев в сказании о городах Содоме и Гоморре, где культ Ваала принес особенно горькие плоды. Но, несмотря ни на эту поучительную историю, ни на запрещение иметь какое-либо общение с служителями Ваала, ни на грозно пламенные речи пророков, избличавших гнусность культа Ваала, он всегда имел для евреев непреодолимое обаяние, и вся библейская история, начиная со времени поселения избранного народа в Палестине, представляет собою историю увлечений этим культом. “Оставили сыны Израилевы своего Господа и стали служить Ваалу, делая злое пред Господом”, — таково много раз повторяющееся свидетельство библейских историков»².

По свидетельству ветхозаветного пророка Иеремии, служение израильтян Ваалу включало в себя человеческие жертвоприношения, в том числе убиение собственных детей сожжением в огне: «и устроили высоты Ваалу, чтобы сжигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу...» (Книга пророка Иеремии 19:5). Евреи устраивали такие жертвоприношения в

¹ **Астарта** (греч. Αστάρτη, Astártē) — греческое звучание имени богини любви и власти Иштар, заимствованное греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев. Наиболее часто упоминается в текстах Библии. У западносемитских племен — Аштарот, Ашторет (иврит), у южносемитских — Аштерт. Ее культ был распространен в Израиле с X по VIII век до н. э.

² Источник текста: Православная богословская энциклопедия. Том 3, стлб. 1. Издание Петроград. Приложение к духовному журналу «Странник» за 1902 г. Цит. по: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaia-bogoslovskaja-jenci-klopedija/tom-3/vaal.html>

священных дубравах на высоких холмах¹. «И поставили у себя статуи и изображения Астарта на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом... и служили идолам, о которых говорил им Господь: не делайте сего... и оставили все заповеди Господа, Бога своего, и сделали себе литые изображения двух тельцов, и устроили дубраву, и поклонялись всему воинству небесному, и служили Ваалу; и проводили сыновей своих и дочерей своих через огонь, и гадали, и волшебствовали, и придавались тому, чтобы делать неугодное в очах Господа и прогневать Его... Авийцы сделали Нивхаза и Тартака, а Сепарваимцы сожигали сыновей своих в огне Андрамелеху и Анамелеху, богам Сепарваимским. Между тем чтили и Господа, и сделали у себя священников высот из среды своей, и они служили у них в капищах высот» (4 Цар. 17:10–18, 31–32).

Вот, например, свидетельство пророка Иеремии: «И сделаю Иерусалим грудой камней, жилищем шакалов, и города Иудеи сделаю пустынею, без жителей... И сказал Господь: за то, что они оставили закон Мой, который Я постановил для них, и не слушали голоса Моего и не поступали по нему; а ходили по упорству сердца своего и во след Ваалов...» (Книга пророка Иеремии 9:10–11; 13–14). А вот обличение пророком Осией блудницы Гомери, как символа неверного Израиля: «И детей ее не помилую, потому что они дети блуда. Ибо блудодействовала мать их и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: “пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки”... А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у нее серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала... И накажу ее за дни служения Ваалам, когда она кадила им и, украсив себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, — говорит Господь»² (Книга пророка Осии 2:4–13).

¹ Как следует из Библии, поклонение Ваалу существовало уже в дни ветхозаветных патриархов, хотя тогда оно, очевидно, не было таким мерзким и развращенным, как в то время, когда израильтяне вышли из Египта и вошли в землю Ханаан. Первым косвенным доказательством этого служит упоминание о городе Аштероф-Карнаиме, названном, возможно, в честь Астарты, жены Ваала (Быт. 14:5). Перед тем как перейти Красное море, израильтяне должны были стать лагерем в окрестностях Ваал-Цефона (Исх. 14:2, 9). На горе Синай Моисей получил от Бога конкретные указания в отношении жителей земли Ханаан: израильтяне должны были разрушить их жертвенники, разбить их священные колонны и срубить их священные столбы (Исх. 34:12–14). Понятно, что изображали эти столбы. Таким образом, на Обетованной земле не должно было остаться ничего, что было как-то связано с поклонением Ваалу. И, тем не менее, когда израильтяне поселились в Ханаане, они начали подражать хананеям. На своих полях они устанавливали жертвенники, столбы и другие атрибуты поклонения Ваалу, вовлекались в безнравственные обычаи, присущие поклонению Ваалу. За это Господь неоднократно отдавал их в руки врагов для прозрения своего греха и осознанного покаяния.

² Язык пророчеств Осии и Иеремии в высшей степени насыщен образами и метафорами. Пророки неоднократно осуждали Израиль за то, что тот осквернил себя поклонением Ваалу; они уподобляли еврейский народ прелюбодейной жене, которая занималась проституцией под каждым ветвистым деревом и на каждом высоком холме, и забывала истинного Бога, своего «мужа и владельца» (Иер. 2:20–27; 3:9, 14).

Апостол Павел в послании к христианской общине в греческом Коринфе, которая состояла, в основном, из евреев, ссылаясь на вышеуказанные пророчества, пишет: «А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: “народ сел есть и пить, и встал играть”... Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (1 Кор. 10:6–7, 20–21).

Пророк Иеремия напоминает евреям, что идолопоклонство — страшный грех, что единое упование человечества — Господь Бог: «Как о сыновьях своих, вспоминают они о жертвенниках своих и дубравах своих у зеленых деревьев, на высоких холмах. Гору Мою в поле, имущество твое и все сокровища твои отдам на расхищение, и все высоты твои — за грехи во всех пределах твоих. И ты чрез себя лишишься наследия твоего, которое Я дал тебе; и отдам тебя в рабство врагам твоим, в землю, которой ты не знаешь, потому что вы воспламенили огонь гнева Моего; он будет гореть вовеки» (Книга пророка Иеремии 17:2–4).

Но помазанный царь Ахав со своей женой Иезавелью как будто не знали всего этого и безжалостно истребили сотни пророков Господних, часть из которых была спасена Авдием. При этом Иезавель кормила четыреста пятьдесят пророков Вааловых и четыреста пророков дубравных. Когда Ахав увидел пророка Илию, то упрекнул того, что он своей верой в Единого Господа вносит смуту в Израиле. «Когда Ахав увидел Илию, то сказал Ахав ему: ты ли это, смущающий Израиля? И сказал Илия: не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, тем, что вы презрели повеления Господни и идете вслед Ваалам; теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели» (Третья книга Царств 18:17–19). Там, на горе Кармил, Илия свидетельствует о силе Господа (Третья книга Царств 18:20–46).

Эта широко известная история состязания одного пророка Божия Илии с сотнями пророков Ваала, которую нельзя читать без волнения, имеет огромное значение в истории Израиля. Из первой части повествования (стихи 16–24) становится ясной причина, по которой Бог дал повеление устроить это впечатляющее состязание, почему созвал людей на гору Кармил. Они перестали исполнять повеления Господни и сделались почитателями «Ваалов» (множественное число от множества его имен). Пророк заставляет народ сделать выбор: «И пошел Илия ко всему народу, и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова» (Третья книга Царств 18:21).

Русский Царь Николай II тоже призывал своих подданных следовать воле Божией. Но также не ответил русский народ ни слова Помазаннику, которому присягал. Своим безразличием народ попустил разграбление своего Царства, и расплатился за это предательское молчание жизнями своими и детей своих, и навлек погибель на страну, которая, выражаясь словами пророков, стала блудодействовать с другими. Из русской истории известно, когда народ безмолвствует, когда не слышит своего Царя и не отвечает ему, тогда на Русь наползает Смута.

Николай II оказался перед тьмой беззакония один. Но ведь и пророк Илия был один, когда вышел сразиться против четырехсот пятидесяти пророков Вааловых и четырехсот пророков дубравных. Состязание состояло в том: по молитвам с какой стороны будет принята жертва, там и Бог. Илия победил. Его жертву, его тельца принял Господь и послал на землю Израиля долгожданный дождь, свидетельствуя о том, что молитва пророка Илии была услышана Богом. Ваал и его жрецы были посрамлены и уничтожены, а нечестивый царь, пытавшийся искоренить истинное богопочитание, унижен. Но

даже в своем глубоком нечестии и богоотступничестве Ахав все же оставался помазанником Божиим (это несмываемо), которому обязан был подчиняться каждый житель Израиля, даже великий пророк Божий Илия.

Напомним, что пророк Илия был так велик, что он единственный, кто не умер, но вознесся на небо на огненной колеснице, и он, спустя почти тысячу лет, говорил с Преобразившимся Христом на горе Фавор о будущем, а в апокалиптические времена снова придет на землю вместе с Енохом для обличения антихриста перед народами и, будучи одним из свидетелей, будет убит «зверем из бездны». А зверь, убивший праведников, как сказано в пророчестве Апокалипсиса, «трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят. И многие из народов и колен, и языков и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиною, и не позволят положить трупы их во гробы. И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу; потому что два пророка сии мучили живущих на земле» (Апокалипсис 11:8–10).

Помазание является священным Господним законом. Всем следовало подчиняться помазаннику в плане дисциплины, установленных ритуалов, в исполнении государственных постановлений светского характера даже в том случае, если он был недостойным человеком. Видя его ужасные грехи, но зная главное, что Ахав — законный царь, пророк Илия почитал его, как должно почитать помазанника Божия. «Между тем небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь. Ахав же сел в колесницу, [заплакал] и поехал в Изреель. И была на Илии рука Господня. Он опоясал чресла свои и бежал пред Ахавом до самого Изрееля» (Третья книга Царств 18:45–46).

Нет, пророк Илия не был похож на покорных и льстивых слуг Ахава, он был пророком Божиим и не боялся воспроизводить слово Божие перед

Пророк Илия бежит перед колесницей царя Ахава. Художник Джеймс Тиссо

нечестивым царем, зная, что Бог повелел ему отстаивать Господню истину и справедливость. Но знал также Илия, что обязан выказывать почтение к Его помазаннику — должен бежать впереди колесницы своего земного царя. «... вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит их к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его» (Первая книга Царств 8:11).

Убийство Помазанника Божия превосходит по своей значимости и последствиям убийство обычного человека¹. Убийство Николая II, который до последнего своего часа оставался Помазанником, — это убийство ангела, посланного России накануне ее величайшей трагедии. Но мало кто из поданных тогда это осознавал. Сегодня нам легче понять произошедшее сто лет назад. Достаточно сопоставить две рассекреченные фотографии: безумного Ленина в инвалидной коляске в Горках (1923), так называемого вождя пролетариата, и Помазанника Божия Николая II в Тобольске (1918). Обе они сделаны незадолго до смерти этих исторических личностей: на одной из них — пародия на человека — лишенный ума Ленин, на другой — плененный Царь Николай, на пороге смерти не потерявший физическую красоту, достоинство, веру. Не остается сомнений в наличии двух миров — безблагодатного, дьявольского, искажающего образ Бога в человеке, и ангельского, к которому принадлежит Помазанник Божий Царь Николай. Сегодня все знают, от какой болезни головного мозга умер Ленин, Николай II причислен к лику святых: каждый поучил по заслугам.

С именем Помазанника Божия Николая II, заступника и горнего молитвенника России, связаны новые надежды нашей страны, возрождающейся после беспощадного сущностного разорения. После вековой духовной засухи народ жаждет спасительной божией благодати, возрождения духовной нивы. Но без наших собственных трудов, без веры и молитвы, без личного нравственного преображения никакое напитывание не поможет, как не поможет дождь родить невозделанному и незасеянному полю. Но нам поможет знание Библии, истории России и Русской Православной Церкви, возвращение к установлениям и традиции.

Сознательное и бессознательное, традиционное и революционное, прошлое и настоящее — эти неразрывные элементы русского национального самосознания проявились в крайних своих формах в революционном хаосе начала века, который все-таки не смог поглотить русскую мировоззренческую традицию. Ее укорененность в бессознательном, в структурах трансцендентного (выходящее за пределы опыта и постигаемое лишь высшим умозрением) и архетипического (подлинное, исконное) оказалась так крепка, что даже при насильственном изменении повседневного поведения народа не был разрушен онтологический базис (фундаментальные принципы бытия) его существования. Через смирение и жертву носителей Божией благодати было показано, какая высота богоподобия доступна человеку.

¹ Царь Давид казнил вестника, который доставил ему новость о смерти Саула, поскольку тот признался, что помог царю в самоубийстве (2 Цар. 1:15–16), а поднимать руку на помазанника — преступление.

Большинство русских православных священников в кровавые годы разгула богоборческой тьмы на своих жертвенных крестах воссияли Фаворским Светом. Помазанный Царь Николай II вместе с новомучениками стал заступником и молитвенником за Русь-Россию у Престола Божия. Что давало им всем силы предстать в красоте подражания Христову подвигу? Сам Иисус Христос.

Иисус Христос является Первосвященником¹, приносящим в жертву не кровь агнца Ветхого Завета, но Самого Себя, «Кровь Нового Завета», Сам жертва и жрец, «приносяй и приносимый». И Он есть глава и начало ново-заветного священства. В первый день Воскресения Он устанавливает Священство словами: «Мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Евангелие от Иоанна 20:21–23). Незадолго до своего Вознесения Господь сказал ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до окончания века. Аминь» (Евангелие от Матфея 28:19–20). В день Вознесения Иисус Христос вывел апостолов из Иерусалима «...и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Евангелие от Луки 24:50–51). Эти дуновения и благословения знаменательны. Они являются символом вечного присутствия Его с учениками. Причем ученики облеклись «силою свыше» при сошествии Святого Духа, в День Пятидесятницы, который считается днем рождения Церкви, это праздник Святой Троицы. Институт Священства в Церкви не есть человеческое изобретение, но Божественное установление.

Служитель Церкви более чем мирянин должен сознавать свое особое призвание, потому что к священнику в особой степени относятся слова Сына Божия «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам» (Евангелие от Иоанна 15:16).

После Апостолов сообщение благодатных даров Святого Духа в Церкви сделалось полномочием иерархии, т. е. епископата с пресвитерами и диаконами. Апостол Павел учит, что каждый должен воспринимать епископов как служителей Христовых и устроителей тайн Божиих: «Внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святы́й постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровию Своею» (Деяния св. Апостолов 20:28). Уже с конца I и нач. II вв. в творениях мужа апостольского святого Игнатия Богоносца, священномученика Иринея Лионского, а позже, к III в. — Тертуллиана и епископа Киприана Карфагенского, высказывается та же общая мысль, что Церковь собирается возле епископа, епископ же существует преемством апостольского рукоположения, которое есть Божественное установление. Церкви нет без епископа. Благодать Святого Духа, сообщаемая Церкви, не есть субъективное вдохновение или личная праведность того или иного лица, которые могут быть или не быть ему присущи, но есть объективный факт жизни Церкви, есть всегда и непрерывно

¹ Первосвященником у православных является Иисус Христос в соответствии с Посланием ап. Павла к Евреям: «...быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека» (Послание к Евреям 5:10). У римско-католиков первосвященником является римский папа.

и неотъемлемо действующая сила Всемирной Пятидесятницы. Огненные языки ее, сошедшие на апостолов, пребывают в мире и всегда преподаются преемством от апостолов. Апостольский лик явился иерархическим приятелем и посредством для передачи благодати Пятидесятницы. Преемником апостолов является епископ и поставляет его Дух Святой.

Новозаветное священство не является простым продолжением ветхозаветного священства, но **вновь** возникает от Великого Архиерея Иисуса Христа, — не по чину Аарона, но по чину Мелхиседека. Об этом подробно и многократно пишется в Послании апостола Павла к Евреям. «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Послание апостола Павла к Евреям 5:5–6).

«Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства. И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано:

*Ты священник вовек
по чину Мелхиседека.*

Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности... ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано:

*клялся Господь,
и не раскается:
Ты священник вовек по чину Мелхиседека»*

(Послание апостола Павла к Евреям 7:14–18, 21; ср. Псалом 109:4).

Как повествуется в 13 гл. книги Бытия, Аврам¹, перекочевавший из Египта, поселился в древнем Ханаане (Бытие 13:12). Эта территория приблизительно соответствует современным Палестине, Сирии, Иордании, а само событие библейской хронологией датируется, примерно, 1850 г. до н. эры. Из 14 гл. Книги Бытия известно, что «Аврам, услышав, что [Лот] сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана; и, разделившись, напал на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска» (Бытие 14:14–15).

После победного сражения навстречу Авраму, родоначальнику древних евреев, вышел «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего, — и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть из всего» (Бытие 14:18–20). Город Салим отождествляется с современным Иерусалимом, в котором тогда, за 2 тысячи лет до н. э., су-

¹ Справка: первоначальное имя — «Аврам», а затем — «Авраам»; его жена — «Сара», затем — «Сарра».

ществовала такая форма правления как теократия, поскольку Мелхиседек в одном лице был и царем, и священником Бога Всевышнего. Он не принадлежал к еврейскому этносу. Евреев тогда еще не было. Аврам — это еще только родоначальник еврейского народа и в то время не имел даже сына Исаака. О евреях, как о народе, можно говорить только с появлением от Иакова, внука Авраама, 12-ти колен Израилевых. Аврам признает высший авторитет Мелхиседека и поэтому «дал ему десятую часть из всего» (Бытие 14:20). Понятно, что если священник и царь Салима исповедовал веру в Бога Всевышнего (Единого Бога, а не в богов), то и его подданные следовали его примеру единобожия (монотеизм, праомонотеизм)¹.

При этой встрече присутствовал и царь Содомский, но отношение Аврама к нему совсем другое: «Аврам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама» (Бытие 14:22–23).

Исход евреев из «египетского рабства», где, как написано в Библии: «сыны Израилевы расплодились, и размножились, и выросли, и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та» (Исход 1:7) состоялся примерно в 1250 г. до Р. Х. При исходе «сыны Израилевы по слову Моисея, просили у египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу [Своему] в глазах египтян; и они давали ему, и обобрал он египтян» (Исход 12:35–36).

После Синайского законодательства, где были дарованы Богом 10 заповедей и другие законы, чему посвящены с 20 по 23 главы Книги Исход, Израиль заключает Завет с Богом: «И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исход 24:8). Далее Господь через Моисея дает указания о сооружении Ковчега Завета с двумя золотыми херувимами, стола и хлебов Предложения, золотого семисвечника, Скинии (походной церкви — храма) и завесы для нее, медного жертвенника и дает устав для богослужения. Этому посвящены с 25 по 27 главы Книги Исход.

Учреждение ветхозаветного Священства по чину Аарона происходило следующим образом. 28 глава начинается стихом: «И возьми к себе Аарона, брата твоего, и сынов его с ним, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне, Аарона и Надава, Авиуда, Елеазара и Ифамара, сынов Аароновых. И сделай священные одежды Аарону, брату твоему, для славы и благолепия» (Исход 28:1–2). И, наконец, в 29 главе описан обряд посвящения в священники Аарона и сыновей его. Господь говорит Моисею: «Вот что должен ты совершить над ними, чтобы посвятить их во священники Мне... и опояшь их поясом, Аарона и сынов его, и возложи на них повязки, и будет им принадлежать священство по уставу навеки; и наполни руки Аарона и сынов его» (Исход 29:1–9).

Следует отметить также, что перед всем этим Моисей целых 40 лет (после убийства им египтянина и бегства из Египта) жил у священника мадиамского Иофора и женился на его дочери Сепфоре. Примечательно,

¹ В Швейцарии с 1938 года есть институт праомонотеизма. Его основатель — католический священник Вильгельм Шмидт является автором фундаментального труда «Происхождение идеи Бога» в 12-ти томах. Шмидт — создатель музея этнологии в Вене.

что местные жители Мадиама приняли Моисея за египтянина, насколько он отличался от них по виду (Исход 2:19). Еще один пример неприкосновенности помазанника Божия связан с историей жизни священника Иофора.

«У священника Мадиамского было семь дочерей. Они пришли, начерпали воды и наполнили корыта, чтобы напоить овец отца своего. И пришли пастухи, и отогнали их. Тогда встал Моисей и защитил их, и напоил овец их. И пришли они к Рагуилу, отцу своему, и он сказал: что вы так скоро пришли сегодня? Они сказали: какой-то Египтянин защитил нас от пастухов, и даже начерпал нам воды и напоил овец. Он сказал дочерям своим: где же он? зачем вы его оставили? позовите его, и пусть он ест хлеб. Моисею понравилось жить у сего человека; и он выдал за Моисея дочь свою Сепфору» (Исход 2:16–21).

Вот как описывает Библия явление Господа Моисею при Неопалимой Купине: «Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиамского. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исход 3:1–2).

О мудрости, опытности и доброжелательности священника Иофора (он же Рагуил, прибывшего из Мадиама чтобы помочь Моисею в управлении еврейским народом после исхода из Египта, говорится в 18-ой главе Книги Исход: «Иофор радовался о всех благодеяниях, которые Господь явил Израилю, когда избавил его из руки Египтян... И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом» (Исход 18: 9–12). Иофор учит Моисея как правильно вести суд (Исход 18:18–20). «Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесяти начальниками и десяти начальниками... (Исход 18:21)». «И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил... И отпустил Моисей тестя своего, и он пошел в землю свою» (Исход 18:24, 27).

Возникает вопрос: почему Моисей «отпустил» своего тестя — отца Сепфоры, столь нужного и полезного ему советника? Может, Иофор, несмотря на всю свою готовность помочь евреям, чувствовал с их стороны недоброжелательное отношение к себе из-за своего цвета кожи? Библия дает ответ на этот вопрос: «И упрекали Мариам [сестра Моисея] и Аарон Моисея за жену Ефиоплянку, которую он взял, ибо он взял за себя Ефиоплянку... И воспламенился гнев Господа на них, и Он отошел... И облако отошло от скинии, и вот, Мариам покрылась проказою, как снегом» (Числа 12:1, 9–10). Обратим внимание на слова «как снегом», это чтобы пророчица Мариам не упрекала за черноту Сепфору. Национальное чванство, презрение к цвету кожи жены Моисея наказывается Богом, но даже в гневе Господь считается с помазанием Аарона и наказал именно таким образом **только** сестру Моисея пророчицу Мариам (стала белая, как снег), недоброжелательно относящуюся к жене Моисея, темнокожей Ефиоплянке Сепфоре.

Еще один библейский пример о значении помазанничества. После того, как евреи обобрали египтян, они часть этого золота использовали для изготовления золотого тельца — Аписа — египетского языческого божества, о чем подробно повествуется в 32 главе книги Исход: «Когда народ уви-

дел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами... И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне... Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской! Увидев сие, Аарон поставил пред ним жертвенник, и провозгласил Аарон, говоря: завтра праздник Господу... И сказал Моисей Аарону: что сделал тебе народ сей, что ты ввел его в грех великий? Но Аарон

Молитвы золотому тельцу

сказал: да не возгорается гнев господина моего; ты знаешь этот народ, что он буйный. Они сказали мне: «сделай нам бога, который шел бы перед нами; ибо с Моисеем, с этим человеком, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось». И я сказал им: «у кого есть золото, снимите с себя». И отдали мне; я бросил его в огонь, и вышел этот телец». Лукавство помазанного первосвященника Аарона налицо: он обделал золотого тельца резцом, а в оправдание Моисею говорит, что из золота в огне вышел этот телец *сам*... Народ же был сурово наказан левитами: «И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исход 32:28). Вот что значит Помазанник. Помазанному Аарону простилось это лукавство, а непомазанный народ, соучаствовавший в этом же религиозном преступлении, был наказан. Вот неподсудные возможности помазанника, которые не даются обычному человеку. А царь Николай II был благочестивее израильского царя Ахава и первосвященника Аарона, поэтому его убийство является особо тяжким преступлением.

Образно, понимая смысл и непреходящее значение общечеловеческих символов — архетипов, историю золотого тельца изобразил поэт, русский дворянин Яков Полонский (1819–1898).

*...Из злата вылили тельца;
В нем видя Бога своего,
Толты скакали вокруг него,
Взывая и рукоплещя,
И жертвенник пылал, треща,*

*И новый бог, сквозь серый дым,
Мелькал им рогом золотым.
Но вот с высот сошел пророк, —
Спустился с камня на песок
И увидал их, и разбил
Свои скрижали, и смутил
Их появлением своим.
Нетерпелив, неукротим,
Он в гневе сильною рукой
Кумир с подножья своротил
И придавил его пятой...
Завыл народ и перед ним,
Освободителем своим,
Пал ниц — покаялся, а он
Напомнил им о Боге сил, —
Едином Боге, и закон
Поруганный восстановил.
Но в оны дни и не высок,
И мал был золотой божок,
И не оставили его
Лежать в пустыне одного,
Чтоб вихри вьющимся столбом
Не замели его песком:
Тайком Израиля сыны,
Лелея золотые сны,
В обетованный край земли
Его с собою унесли.
Тысячелетия прошли...
С тех пор божок их рос, все рос
И вырос в мировой колосс.
Всевластным богом стал кумир, —
Стал золоту послушен мир...*

Исход 12 колен Израилевых из Египта, Синайское законодательство и учреждение древнееврейского священства из колена Левитова во главе с Аароном датируется примерно 1250 г. до н. э. Таким образом, Новозаветное священство по чину Мелхиседека древнее священства по чину Аарона на шесть столетий. И от этого древнего священства был помазан на Царство Николай II.

Так говорит о русской трагедии архимандрит Константин (Зайцев) (1887—1975): «Да, вся современная злодеянию Россия в какой-то мере несет на себе вину царевубийства: те, кто не были пособниками, были попустителями! Но, пожалуй, еще более устрашающим, чем признание всей России виновной в этом злодеянии, является констатирование того, каким относительно малым было впечатление, произведенное в этом именно смысле на русское общество екатеринбургским царевубийством. Все готовы обличать большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Но они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они. Задуматься же над тем, где начинается

этот жестокий и мерзостный алфавит, мало кто хочет. В частности, поразительно, как медленно и с каким трудом раскрываются глаза у даже, казалось бы, “прозревших” людей на личность Царя. С каким трудом изживается сложившееся у русского образованного общества привычка свысока смотреть на кроткого Помазанника»¹.

Врагам Божиим и врагам России необходимо было прервать силу «жизни непрестающей», десакрализовать — обесценить священный смысл Царской власти, развратить народ и навести на него пагубу и гнев Божий, очернить все высшие устои человеческого бытия, чтобы легче было «чужими руками», то есть руками «угнетенных» и якобы «волей народа» (в современных цветных революциях это прием отработан до совершенства) сокрушить монархию — незыблемый духовный бастион.

¹ *Зайцев Константин, архимандрит.* Памяти последнего Царя. Цит по: <http://www.omolenko.com/publicistic/zaitsev.htm>

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЦАРЕУБИЙСТВА

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская переключка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Столетие убийства русского Царя и всей его семьи нужно анализировать также и с исторической точки зрения, а не только с нравственной и политической. Анализ политических событий вообще невозможно отделить от истории, ибо политические события происходят в рамках истории.

Уже Геродот, отец исторической науки, указал, что исторические события необходимо описывать при одновременном **указании и анализе их причин**. Геродот назвал эту науку **история**, от греческого глагола «**исторео**», что в первую очередь значит **исследовать**, расследовать, разузнавать, допрашивать, допытываться, и лишь во вторую очередь — **повествовать**, описывать, рассказывать о разузнанном. Из греческого языка этот термин перешел в латынь, а затем и почти во все современные языки, за исключением немецкого, в котором соответствующее слово **Geschichte** принадлежит к группе слов, обозначающих «спешить, бежать, случаться, быстро уходить» (**skehan** в древнегерманском и **sceon** в древнеанглийском). Оно родственно ряду балто-славянских слов, к которым принадлежат и русские «**скок**», «**скакать**».

История должна отвечать требованиям, недвусмысленно установленным Аристотелем: «**Утверждать, что есть то, что есть, и что нет того, чего нет... Высшая степень знания, это созерцание причин... мы думаем, что знаем полностью лишь когда думаем, что знаем причину... Нет науки случайностей, так как всякая наука является наукой постоянного (общего)**». Аристотель перечисляет четыре вида причин: **материальные, формальные, действующие или производящие и целевые или конечные.**

Значит история — это **правдивое повествование о действительно происшедших последовательно во времени событиях, на основании объективных исследований этих событий и их причин**. Основным условием истории, как «повести о событиях», является **критерий правды**, т. е. **истины**. Причем, требуется правда вдвойне: повествование должно быть правдивым, и сами события должны быть действительно «событиями», то есть должны *«были быть»*. Выражаясь иначе, описываемые историей события должны быть действительными, а не выдуманными, фиктивными или иллюзорными, а само повествование и их описание и обсуждение должны им строго соответствовать, а не являться идеологической конструкцией, искажением или просто обманом. В этом смысле и надо понимать известное определение **истины**, как **соответствие между действительностью (реальностью) и разумом** (aedequatio rei et intellectus).

В связи с этим, небезынтересно отметить, что в русском языке **понятие истины связано с понятием права**. Например, греческий термин «*дикаион*» соответствующий латинскому «*юс*», в четвертой заповеди блаженства переводится как **«правда»**. Поэтому «Русская правда» — это скорее **«русское право»**, чем «русская истина», зато русское слово **«вера»** этимологически родственно латинским *veritas, verus* и немецкому *Wahrheit*. Поэтому известное изречение святого Александра Невского **«не в силе Бог, а в правде!»** имеет не только политический, но и гораздо более глубокий философский и историософский смысл.

Исторические события, а тем более исторические процессы, являются результатом многих причин. Поэтому для оценки исторических событий и процессов необходимо исследовать и определить их отдельные элементы, из которых они образовались, а также и оценить их в отдельности. Значит, нельзя огульно оценивать сложные события, являющиеся результатом многих причин. Необходимо разобраться в этих причинах, если не во всех, — что на практике часто весьма трудно — то, по крайней мере, в их основных группах, а затем попытаться установить соотношение и связь между ними и их относительное влияние на исследуемое событие. Все исторические события так или иначе складываются в некоторую цепь, в которой причины одного события в свою очередь являются последствием других предыдущих событий и т. д. Таким образом, нельзя ограничиваться непосредственными причинами, а необходимо не упускать из виду также и причины более отдаленные во времени, но входящие в общую причинную цепь, ведущую к исследуемым результатам. Однако было бы ошибкой понимать такую причинную связь, как известный детерминизм. В истории человек может практически делать почти все, что угодно, кроме одной вещи: **он не может избежать последствий своего делания**. Если совершение исторических событий зависит от самого человека, то есть является **субъективным**, то их результаты зависят от **объективного содержания** этих его актов, в том смысле, соответствуют ли они природе человека и природе вообще. Не соответствующие природе человека и общества действия в конечном итоге обернутся отрицательными результатами для человека и для общества. **«По плодам их узнаете их»**, — учит нас Евангелие. Другими словами, если этика (нравственность, мораль) учит заранее, а priori, что лучше делать человеку в истории, а что нет, то, в случае пренебрежения этикой, сама история учит нас тому же, только задним числом, а posteriori.

Все вышесказанное можно применить и к **центральному событию русской истории** до сих пор: **свержению тысячелетней русской монархии в России и последующему зверскому убийству Царской Семьи**. Это злодеяние явилось центральным водоразделом нашей истории, а также и центральным примером временно кажущегося триумфа идеологии над историей. Идеология бесцеремонно лепит ярлыки на исторические процессы и события, в частности утверждая, что исторический государственный строй России, просуществовавший десять с половиной веков, кончился в момент *«отречения Царя»*. Однако, с исторической точки зрения, это не так. Ни *«конец»* не был *«моментальным»*, ни сам момент провозглашенного отречения не был моментом кажущегося *«конца»*. *«Конец»*, о котором идет речь, начал подготавливаться и осуществляться гораздо раньше, когда, одновременно с необходимыми технологическими, экономическими и административными реформами, на Руси совершились *«де факто»* также и существенные политические и конституционные реформы. **Русская традиционная и историческая соборная монархия была трижды повреждена: больше не выбирался Патриарх всея Руси, больше не созывался Совет всея Земли (Земский Собор), больше не созывалась Боярская Дума.**

Государственные структуры являются своего рода кристаллизацией общественных верований. Когда в этих верованиях происходит раскол, или когда их частично вытесняют идеологии, наступают кризисы. **Когда в России ее традиционный соборный строй был частично подменен западной системой привилегированного бюрократизма, прикрывающегося абсолютизмом верховной власти, это было возможно только лишь благодаря частичному расколу в русском обществе.** Мы продолжаем находиться в этом расколе, когда продолжаем прибегать к таким ярлыкам, как *«безвольный государь»*. Если бы Русский Царь морально и конституционно был таким же абсолютным властелином, как *«просвещенные»* западные монархи, то, конечно, наряду с многими из них он мог бы казаться мягким и даже *«безвольным»*. Однако Русский Царь не должен был по замыслу быть подобным французским, английским или иным абсолютным королям, ни тем паче европейским диктаторам. Что касается ярлыка о *«кровавом царе»*, то последующая история досконально, драматически, экспериментально, путем **статистического** сравнения, показала, что русская монархия, и в первую очередь царствование Императора Николая II, было самым бескровным, самым гуманным, самым правовым государственным строем.

Верховная власть на Руси, со времен святого Владимира действовавшая всегда в конечном итоге в соборном согласии с церковной властью, с представителями народа и с думой лучших государственных мужей, после политических реформ XVIII века была частично лишена этих политических подпор. Эти институции были не только политическими подпорами, но также и **конституционными органами самого государства**, абсолютно необходимыми для осуществления любых конституционных дополнений, поправок или изменений. Без них можно было временно управлять, с помощью военной и гражданской бюрократии, но **без них нельзя было менять государственные структуры и формы**. Именно поэтому подымается такой идеологический шум о том, было ли *«отречение»* вынужденным или нет. **Любое единоличное отречение, даже действительно имевшее место, без предварительного волеизъявления Правительствующим Синодом и Сенатом на эту тему, согласно**

Конституции России, было недействительным. Царь оставался Помазанником и Царем и после «отречения», и посему он и был убит.

Конец тысячелетней русской монархии в России, таким образом, не произошел вдруг в момент «отречения», а постепенно нарастал в течение двух веков, а затем кроваво проявился в момент убийства Царя, Наследника Цесаревича и всей Царской Семьи и их слуг. До этого убийства в России продолжал быть Царь, несмотря ни на какие самозванные «советы российской республики». Но, если это убийство и было предвестником дальнейших массовых убийств, жертвами которых стали народы России и, в первую очередь, их ведущая элита, оно само по себе еще не было достаточным для окончательного конца России. **Конец России был главной целью и главной конечной причиной цареубийства, но это злодеяние не достигло и не могло достичь этой своей главной цели.** Ибо конец России зависит не только от устремлений тех, кто желал и кто желает этого конца, но также и от русских людей, которые в настоящем и в будущем могут его предотвратить.

Встает неизбежный вопрос о причинах такой маниакальной русофобской одержимости, а также и об ее исторической эволюции. Ее характерным сопровождающим элементом всегда была **черная легенда**, в данном случае двойная: против России и против убитого русского Царя в частности. Испанский философ Юлиан Марияс утверждает, что любой черной легенде присуща **религиозная нетерпимость**. Религиозная нетерпимость, в данном случае, имеет своим отдаленным началом нетерпимость еще с самого начала Христианства, отмеченную уже апостолом Павлом, указавшим, что «тайна беззакония» уже тогда действовала. Через гностические секты и ереси древности она дошла до Средних Веков, а затем заразила и некоторые современные явные и тайные корпорации и их идеологии.

Кроме того, Православная Византия, а затем и Православная Россия стали объектами **каинова комплекса** отколовшегося от Православия **Запада, который захотел включить в себя Восток**. После падения Византии, **Запад возомнил себя исключительным, уникальным и монопольным центром Человечества**. Другие цивилизации Запад всегда считал периферийными, **внесистемными**, и лишь Россия стала и стоит на пути этого маниакального комплекса. Поэтому нужно убрать Россию, к чему уже веками Запад и стремится, начиная с агрессивий монашеско-рыцарских тевтонских орденов, шведских вторжений, польских интервенций до самой Москвы, французских великих походов, англо-французских вторжений в русский Крым полтора века тому назад, двух германских «устремлений на восток» в XX веке, и кончая современной возней НАТО у границ России.

Конечно, кроме этой **главной конечной причины** цареубийства, также были и многие второстепенные причины, некоторые из которых были частично достигнуты. Они были открыто указаны уже тогда лидерами союзников и врагов России в Первой мировой войне. Можно отметить: заключение сепаратного мира с Германией, с последующей немецкой оккупацией некоторых территорий Государства Российского; установление немецкими оккупантами первого «квислингового» правительства в Киеве, с последующей явкой первого главы этого новосозданного лжегосударства самому кайзеру; потеря Россией обещанных ей ее лжесоюзниками позиций на Босфоре и на Ближнем Востоке, включая передачу России Царьграда (Константи-

нополя). Самым же главным результатом уничтожения русского государственного строя было **расчленение Всероссийской Империи**. Тогда об этом наши союзники и враги открыто говорили. Например, кайзер Вильгельм II откровенно признавал, что *«желает иметь соседкой Россию, раздробленную примерно на пять-шесть групп: центральную Россию, Украину, юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь»*¹. Эта программа сегодня уже частично достигнута, так что миллионы золотых марок кайзера, затраченные на это дело, не совсем пропали. Однако, сам кайзер все же сомневался в окончательном достижении расчленения России: он говорил, что «мы их будем расчленять, но они будут снова соединяться». Чрезвычайно важным результатом Катастрофы и царевубийства было сильное сокращение не только государственной территории России, но также и ее населения. Наш великий ученый Менделеев высчитал уже в 1905 году, на основании имперской переписи 1897 года, что к 2000-му году Россия статистически должна была бы иметь около 600 миллионов человек населения.

В заключение необходимо отметить, что одной из существенных исторических причин царевубийства были также и некоторые серьезные упущения в доктрине и в системе безопасности в нашем государстве и, в первую очередь, систематическое отсутствие бдительности по отношению к иностранным агентам и террористам. Ведь до царевубийства 17 июля 1917 года у нас в России уже произошло еще два царевубийства, а также и две не совсем ясные царские кончины. Была попытка и третьего царевубийства, которая тогда, в декабре 1825 года, не удалась, но погубила тысячи невинных русских солдат. Тогда, из приблизительно 120-ти членов конспиративных лож и менее сотни их сторонников, организовавших это массовое убийство тысяч русских солдат, были казнены лишь пять человек. Такое отношение к покушениям иностранных агентов и террористов на верховных правителей Государства Российского было одной из существенных причин возможности царевубийства во время Катастрофы 1917 года. На месте самого царевубийства были найдены следы и улики (на иностранных языках) участия иностранных агентов в этом преступлении.

Наше государство кичилось своей силой, но не решалось ее в нужные моменты решительно применять, в согласии с моральной и юридической обязанностью его тогдашних руководителей. Это урок и на будущее. Россию трудно поставить на колени военным, политическим или экономическим путями, но ее можно обезглавить путем устранения государственной верховной власти, для подмены единоначалия безначалием, с последующими очередными разграблением и расчленением. Особенно без **перманентного регентского совета**, каким в течение семи веков в России была Боярская Дума.

¹ История Дипломатии. Т. II. М., 1945. С. 358.

Михаил СМОЛИН

РУССКИЕ: МОНАРХИСТЫ ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ?

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Заместитель директора Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

Народная душа и государственная форма

У большинства людей нет четких политических убеждений, и они руководствуются в политических вопросах больше не логикой, а интуицией и психологическими поведенческими установками, которые зачастую восходят к значительно более глубоким пластам национального типа, чем любые интеллектуальные выкладки. Давайте попробуем разобраться, какая форма власти, исходя из реалий нашей жизни, подходит для современной России. И кто мы такие, по своему психологическому восприятию власти — монархисты или республиканцы?

Прежде чем отправиться в это психолого-социологическое путешествие в наше бессознательное коллективное «я», надо указать на один миф, который часто связан в нашем сознании с монархией.

Большинству кажется, что главная разница между монархией и республикой — это временное или пожизненное нахождение у власти. На практике же это не является главным и даже существенным различием.

История знает и избираемых императоров, и чередующихся через определенный срок между собой монархов в одном государстве, и пожизненных генсеков (Сталин, Брежнев), и президентов, которые правили десятилетиями, вплоть до своей смерти. Есть даже пример династий республиканских правителей (Алиевы в Азербайджане, Ли в Сингапуре, Буши в США, что-то подобное задумывается в Белоруссии).

Да, по идее, монарх правит бессрочно, он пожизненно государь.

Но ведь в реальной жизни эта идея «пожизненности» имеет существенные «ограничения» в воле его врагов. Иностранные правительства могут организовывать заговоры, революционеры — осуществлять революции, а «тираноборцы» — устраивать цареубийства. Более существенные различия между монархией и республикой — не в сроках пребывания у власти, а в глубоких различиях самих монархических и республиканских мировоззренческих и психологических предпочтениях, которые в свою очередь соединяются или не соединяются с тем народным психологическим типом, формируемым у народов их национальной историей.

Об этом образно сумел сказать Иван Ильин: *«У всякого народа своя особая “душа”, и помимо нее его государственная форма непостижима. Потому так нелепо навязывать всем народам одну и ту же штампованную государственную форму».*

Действительно, здесь значительно более важными являются, с одной стороны, историческая действительность, сложившаяся в той или иной стране, а с другой стороны — те религиозно-психологические особенности народного менталитета, которые сформировались в этих исторических реалиях. Именно эти народные взгляды первичны в вопросе выбора политического идеала властвования в том или ином государстве.

Олицетворение власти. Свойственно ли нам иметь во главе государства человека, а не систему учреждений?

Монархическому сознанию необходимо, свойственно, в отличие от республиканского, олицетворять власть и государство. Христианство, давшее миру Откровение о Личном Боге, значительно усилило необходимость олицетворения, персонификации государства и власти. Но поэтому кризисные явления в европейском христианстве параллельно развили и кризис в монархической государственности. Как писал Иван Ильин: *«Процесс олицетворения (персонификации) состоит в том, что нечто неличное (в данном случае — государственная власть), или сверхличное (родина-отечество), или многоличное (народ, объединенный в государство) переживается как личное существо».*

Итак, монархическое сознание ищет для олицетворения нации и государства образы героев, подвижников из прошлого и хочет и в настоящем видеть реальных людей, которые во власти персонифицировали бы собою власть и народ.

Для республиканского сознания личность в истории и личность во власти всегда находятся под подозрением. Республиканец доверяет значительно более учреждениям, коллективу и старается личность во власти обставить законодательными ограничениями так, чтобы свободы ее проявления было как можно меньше. Чтобы сама личность была максимально растворена в бюрократическом учреждении, и ее предпочтения не играли бы никакой роли.

Здесь, как кажется, мы значительно более монархисты, чем республиканцы. Наше доверие к личности и желание видеть перед собою человека во власти, а не бездушную бюрократическую машину, безликое учреждение достаточно явственно.

Особая связь с Небом. Свойственно ли нам думать об особом предназначении власти?

Чувствуем ли мы сегодня священность власти и особость личности Правителя?

Для монархического восприятия власти свойственен особый, религиозный взгляд на власть в государстве.

Республиканец прагматически сух и рассудочно бесчувственен к власти и уж тем более к личности во власти. Смотреть на власть как на начало священное, а на личность во власти — как на «помазанника», предназначенного свыше, человека особого совершенно не характерно для республиканского сознания.

Христианская традиция сообщения особой благодати для управления государством в акте священного миропомазания, идущая еще из Ветхого Завета, глубоко религиозно соединена с монархическим отношением к власти. Идея власти Божией Милостью, царское величие, «*сердце Царево в руке Божией*» — все это характерное монархическое осмысление власти.

Понятно, что этот пункт связан напрямую с религиозностью нашего общества.

Здесь уместно вспомнить опрос ВЦИОМа «*О каком начальнике мы мечтаем?*» 2010 года. В нем на вопрос о религиозности начальника только 8 % твердо высказали свое желание иметь своим начальником нерелигиозного и неверующего человека. Тогда как 30 % так же твердо заявили, что хотели бы иметь религиозного, верующего человека своим начальником. Остальные высказались неопределенно.

Я бы трактовал эти цифры следующим образом. Люди, желающие видеть своим начальником неверующего человека, — это в политическом плане люди республиканского сознания, а желающие иметь верующего начальника, — склонные к монархическому менталитету.

Конечно, с проведения опроса прошло уже достаточно много времени, но, думаю, цифры если и меняются, то, скорее всего, вторая растет, а уменьшается цифра не определившихся в этом вопросе.

Интересно, что в нашей стране и Пасху считают наиболее важным праздником от 31 до 35 % опрошиваемых (ВЦИОМ: «Пасха — третий по значению среди российских праздников»). А для 9–12 % — это не праздник. Праздники, занимающие места выше, — это 9 Мая и Новый год.

Так что взгляд на начальство земное и на начальство Небесное (и Его Праздники) вполне сходятся по процентам.

Воспринимаем мы власть рассудочно или чувственно? Патриархальное доверие или принципиальное недоверие

Подходим мы в наших решениях по вопросам, имеющим отношение к нашей власти, интуитивно-чувственно или рационально-рассудочно?

Для монархического восприятия власти характерен подход в стиле «*сердцем чую*», часто носящий иррациональное, не поддающееся разуму, сверхразумное восприятие. Власть для монархиста — сложная земная институция, земное подобие Божьего Небесного Величия, испытывающее особое влияние свыше, связанное с предками. Для республиканца все это

слишком сложно, власть для него — система земных учреждений, дело рук человеческих, как правило, сомнительных, а часто и обвиняемых во всевозможных преступлениях республиканской логикой.

Для монархического чувства власть глубоко связана с патриархальностью, семейственностью и даже патримониальностью, то есть когда власть является «хозяином», «собственником» государства. Государство осмысливается как семья, в которой властитель является «отцом нации». И эти понятия, в свою очередь, переносятся и в семейные отношения. *«Пока люди будут жить семьями, — утверждал Иван Ильин, — и притом единобрачными (моногамия!) и особенно едино-отеческими (моноандрия!), до тех пор в человеческой душе будут вновь и вновь оживать от самой природы вложенные в нее монархические тяготения».*

Для большинства современных граждан России семейные ценности остаются органическими, примерно 78 % из них считают обязательным вступление в брак, причем официально оформленный (ВЦИОМ: *«Не хочу учиться, хочу жениться, или о возрасте вступления в брак»*).

Эта цифра разделяющих семейные ценности неплохо параллелится с цифрами, набранными Путиным (почти 77 %), которого некоторые небезосновательно называют *«отцом нации»*, *«хозяином»* государства. Люди семейные голосуют за патриархальное доверие власти, остальные же высказывают типично республиканское принципиальное недоверие.

Идея ранга или идея равенства? Люди разнокачественны или равноценны

В этом пункте мы, пожалуй, сталкиваемся с самыми сложными, требующими определенной осмысленной убежденности понятиями. Здесь мы как общество более всего потеряли со времен Монархии.

Дело в том, что большевики, кроме национального геноцида, провели в нашем обществе еще и классовый стратоцид, то есть сознательно уничтожили верхние слои (страты) русского общества. Стремление к декларируемому на словах равенству в коммунистической практике привело к кровавой зачистке всей русской элиты, сформированной многовековым историческим отбором, на основе службы Государю, Родине и нации.

Эта идея службы, идея отбора лучших для этой службы и называется Иваном Ильиным идеей ранга. *«Ранг есть прежде всего вопрос качества, — пишет Ильин, — и притом подлинного качества; признание ранга есть потребность искать и находить качественное преимущество, придавать ему полное значение, уступить ему жизненную дорогу и осуществлять это не только в повседневной, но и в государственной жизни».*

Республиканское сознание, особенно радикально левые его направления, культивируют идею равенства как идею равноценности всех людей, то есть их одинаковость.

Это примерно такая же странная позиция, как утверждать, что справедливость сводится только к тому, чтобы у каждого в кармане было одинаковое количество рублей.

Люди по своей природе не рождаются равноценными по своим талантам, не бывают одинаковыми по своим духовным и волевым качествам. При этом человек ко всему прочему еще и не имеет возможности выбирать ни страну,

ни социальную группу, ни семью, ни религиозно-культурный мир, в котором он появляется на свет. Все органическое бесконечное разнообразие его внутреннего мира (его задатков) и не менее сложное многообразие внешнего мира, в который он попадает не по своей воле, — все это никак не может создавать инкубаторские, искусственные состояния равенства и равноценности.

И это не значит, что такое положение дел в монархии создает закрытые «касты» с отсутствием социальных лифтов, без какого бы то ни было «дступа» к высшим слоям общества. В основном это является лишь республиканской пропагандой. История говорит об обратном. Монархи, наиболее развитые и склонные к активной созидательной деятельности, организуют наилучшие системы выявления наиболее одаренных, талантливых людей и приобщают к государственной деятельности, возводя их из низших слоев общества в высшие государственные ранги.

Как утверждал Иван Ильин: *«Уже Апостол Павел предупреждал верующих против эгалитаризма: “Звезда от звезды разнится в славе” (1 Кор 15:39–44): именно “равенство” людей перед лицом Божиим обнаруживает их неравенство в деле подлинного христианского качества. Возможно, что влияние христианства укрепило бы эгалитарное тяготение массы, если бы Апостолы и отцы Церкви не выдвинули новое учение о новом неравенстве и не установили необходимости земного ранга, а также учения о нарочитой призванности и помазанности царей».*

Монархическое восприятие склонно культивировать идею ранга, иерархии, предметно обосновывая привилегии в зависимости от тех обязанностей, которые следуют из положения того или иного человека в обществе, увязывая его права с теми обязанностями, которыми он «повинен» Государю и стране.

«Справедливо, — говорит Иван Ильин, — чтобы люди, совершившие однородные преступления, одинаково привлекались к суду, чтобы люди с одинаковым доходом платили одинаковый подоходный налог. И в то же время справедливо, чтобы беременные женщины имели известные привилегии; чтобы преступники и душевнобольные были лишены права голоса; чтобы государственные должности давались талантливым, умным и честным людям и т. д. Привилегии должны быть предметно обоснованы».

В этом пункте о ранге и о людской разнокачественности надо констатировать, что именно его туманность для большинства наших граждан и порождает большинство наших социальных болезней. Болезней, которые рождаются в республиках легче, чем в монархиях именно из-за формально демократического взгляда на формирование властных слоев. При демократии в политическом и финансовом высших классах немыслимо культивирование христианской честности, служебной чести, внимания к качеству, рангу, отбору лучших. При безрелигиозности республиканского мировосприятия эти понятия не имеют признанной метафизической укорененности в демократических обществах. Нет веры — нет и культивирования требуемых ею качеств человека.

Доверяем мы власти или считаем такое доверие опасным? Любовь или недоверие

В этом пункте «царистская» сущность граждан России выглядит наиболее выпукло.

Для республиканского менталитета «*доверие к главе государства*», доверие к власти, властным институтам является не только неуместной, противоестественной, но даже и опасной вещью. Республиканец принципиально с подозрением относится к власти и обставляет ее всевозможными законодательными и учрежденческими противовесами. Все эти идеи «*разделения властей*», всевозможные «*политические противовесы*» — все это находится в арсенале республиканского недоверия к власти.

Недаром идеально республиканским государством считается Швейцария — федерация, которая продолжает называться конфедерацией, где нет де-юре ни столицы государства, ни самого главы государства. А управление осуществляет Федеральный Совет из семи советников, двое из которых поочередно исполняют обязанности президента и вице-президента Швейцарской конфедерации. При этом «президент» является лишь «первым среди равных» из этих семи советников и имеет лишь представительские функции.

В этой «идеально» республиканской системе ставить вопрос о доверии к власти просто бессмысленно, так как ее как бы нет. Ее даже не с кем персонифицировать, там одни учреждения, советы, законы, гарантии, ограничения, договоры. Люди во власти находятся лишь формально, поскольку без людей вовсе обходиться еще не научились.

Республиканское сознание само повиновение власти считает «унизительным» и хочет максимально его микшировать, свести на нет.

Республика строится на принципиальном недоверии к власти

Есть ли что-либо похожее в нашем русском менталитете? Мне кажется, что русская история не смогла бы длиться на протяжении вот уже второго тысячелетия на евразийском пространстве, если бы не колоссальное доверие русских людей к своим Государям. Та русская готовность к самопожертвованию, которая многократно засвидетельствована в русской истории, и национальный талант «подчинения» или, по-другому говоря, «дисциплины» просто не могли бы сформироваться в русском народе, если бы в нем не было глубокого доверия к своим державным вождям.

По сути, Монархия, и в особенности Русская Монархия, всегда держалась любовью подданных к Своему Государю.

«Иметь Государя, — как писал Иван Ильин, — возможно любовью, сердцем, чувством. Кто любит своего Государя, тот имеет его действительно, по-настоящему; и тем строит свое государство... Монархическая верность есть такое состояние души и такой образ действия, при котором человек соединяет свою волю с волею своего Государя, его достоинство — со своим достоинством, его судьбу — со своей судьбою. Верность монархиста есть прямое последствие его доверия к монарху и прямое проявление его любви к Государю».

В современной России деятельность института президента поддерживают 83–84 % населения (ВЦИОМ: «*Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий*»). Большого доверия к власти сложно представить.

Мы центростремительны или центробежны в своих политических устремлениях?

Наше современное неприятие разделения Большой России в 1991 г., идеи Русского мира, идеи собирания русских земель характеризуют большинство наших граждан как людей с центростремительной государственной ориентацией.

По опросу ВЦИОМа, 63 % респондентов считают, что «Русский мир» существует, а 66 % считают, что в «Русский мир» входят все территории, на которых живут русские, в том числе и за границами России (ВЦИОМ: «“Русский мир” и как его понимать?» 2014 г.). Вне России большинство опрошенных назвало следующие территории, входящие в понятие «Русский мир»: Донбасс, Приднестровье, русские общины в Германии, Великобритании, Франции, США, Израиле. Отдельно были названы территории Северного Казахстана, Абхазии и Южной Осетии.

Центростремительность монархизма в данном случае характеризуется лояльностью и ответственностью перед главою государства, в умении ценить дисциплину и субординацию.

Республиканцы готовы, как показала русская история, рисковать самим государством ради достижения своих партийных целей. И в 1917-м, и в 1991-м они ради власти раскалывали наше государство. Республиканское стремление вмешиваться в государственные дела, часто гипертрофированное ложное самоощущение важности своих инициатив нередко приводили в нашей истории к безответственным республиканским решениям, подрывавшим основы государственности.

Государство-корпорация или государство-учреждение?

Как писал Иван Ильин: *«Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты учреждения с чертами корпорации: оно строится и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу выборного самоуправления. Ибо есть такие государственные дела, в которых необходимо властное распоряжение; и есть такие дела, в которых уместно и полезно самоуправление».*

Монархическая идея культивирует в истории *«государство-учреждение»*, строившееся через законы и указы Верховной власти. Для республиканского сознания характерна идея *«государства-корпорации»*, формирующего свою жизненную парадигму через договоры и голосования. Излишняя свобода в республиканском государстве сразу же порождает коррупцию, анархию и произвол.

Сама история создала предпосылки для определения органичного сочетания идей учреждения и корпорации при строительстве русского государства.

Громадные размеры территории, малая плотность населения, заглавные мировые роли на международной арене, разнородный национальный состав страны — все это предпосылки для совершенствования государственности в форме учреждения, администрирования.

И для всего этого сложнейшего историко-культурного и административно-территориального организма под названием Российская Федерация логично было бы культивировать монархическое правосознание. Правосознание, которое, как показано в этой статье, и в демократических одеждах носит глубокие психологические монархические установки.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

Александр СТРАХОВ

ТРАДИЦИИ НАРОДОВЛАСТИЯ В РОССИИ В X—XVII ВЕКАХ

Сергей Вячеславович Перевезентцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Александр Борисович Страхов — бакалавр политологии, магистрант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Идея демократии в современном российском политическом дискурсе является одной из основополагающих. Однако для очень многих российских граждан эта идея кажется какой-то внешней, заимствованной, привнесенной извне, более того, нередко само слово «демократия» ассоциируется преимущественно с негативными явлениями. Конечно, свою роль в наполнении понятия «демократия» отрицательными коннотациями сыграли тяжелейшие для России 1990-е годы, когда в результате «либерально-демократических» реформ произошло откровенное разграбление страны, обнищание большей части российских граждан, наконец, началось вымирание населения со скоростью до 1 млн человек в год. Не добавили идее демократии положительных черт трагические войны в Югославии, натовские бомбежки Сербии, а также последовавшие в начале XXI в. многообразные «цветные революции» в республиках бывшего СССР, в странах Магриба и Ближнего Востока. Не случайно именно в то время в российском фольклоре появилась горькая шутка: «Демократия — это власть демократов».

Критическое отношение в России к идее демократии вовсе не означает, что эта идея плоха сама по себе, или никак не соответствует российским политическим традициям, или же совершенно не принимается российским обществом. Проблема заключается не в самой идее демократии, а, во-первых, в какой-то даже фанатичной убежденности западных интеллектуалов и политических деятелей в абсолютном преимуществе демократического устройства общества, и, во-вторых, в господствующей теоретической модели демократии, которая не учитывает множество особенностей и нюансов

исторического, политического, социального, экономического, культурного и даже природно-географического бытия других народов. А еще больший протест вызывает настойчивое стремление ведущих западных государств использовать идею демократии как средство для насильственного уничтожения традиционных социально-политических устоев иных народов и цивилизаций с целью установления собственной политической, экономической и культурной гегемонии. Ведь, если западные интеллектуалы и политики и в самом деле заинтересованы в благодатном развитии того или иного народа, то они обязаны учитывать специфические особенности исторического существования этих народов. Впрочем, даже в этом случае любые попытки извне изменить социально-политический строй государства могут и должны рассматриваться как откровенное вмешательство во внутренние дела того или иного народа.

В итоге все эти и многие другие события, связанные с распространением идеи и практики демократии в разных странах, позволяют сделать несколько важных выводов. *Во-первых*, если **теоретическая модель демократии** является неким идеальным представлением о наиболее справедливом политическом устройстве общества, в котором власть принадлежит народу и одновременно предоставляет возможность для реализации прав личности, то любая **реальная модель демократии** — это конкретно-историческое явление, в котором выражаются и отражаются специфические черты исторического существования того или иного народа, при этом достаточно далекая от идеального понятия «демократия». *Во-вторых*, господствующая сегодня **теоретическая модель демократии** является **обобщением конкретно-исторического опыта западноевропейской цивилизации**, и потому не может считаться общепотребительной для любых конкретно-исторических условий. *В-третьих*, каждый народ, каждое государство, каждая цивилизация имеют право самостоятельно решать вопрос о собственном политическом устройстве, **исходя из собственного конкретно-исторического опыта, а не из навязанных извне абстрактных схем и моделей.**

Свой исторический опыт имеет и Россия, ведь история России как страны-цивилизации насчитывает более тысячи лет. Вполне естественно, что накопленный за столь длительное время опыт был весьма многообразен. Был ли в российской политической традиции опыт демократического общественного устройства? Ответ на этот вопрос требует отдельного большого исследования. В данном случае речь пойдет о традициях народовластия в России в X—XVII веках.

Как известно, само слово «демократия» восходит к древнегреческому понятию δῆμοκρατία — «власть народа» или «народовластие» (от δῆμος — «народ» и κράτος — «власть»). Парадоксальной кажется попытка описать и реконструировать, а тем более отыскать в русской истории корни термина, который сам по себе привнесен из другого языка. В этом случае очень заманчиво обратиться к расхожей идее «язык — зеркало народа» и объявить о том, что, не сумев дать название, русский народ не выработал понимание этого феномена, демократия ему чужда. Однако в свете исторических источников и трудов русских мыслителей такой подход кажется необоснованным, особенно, если обратиться к русской истории X—XVII вв. Конечно, в русской духовно-политической мысли X—XVII вв. мы не найдем теоретического осмысления понятия «демократия», как нет в сочинениях

русских мыслителей этого периода и подробного анализа истории демократических институтов на Руси. Но это вовсе не означает, что в истории русского народа не существовало самих демократических институтов или не было практики народовластия. Наоборот, летописные и другие источники предлагают исследователю обширный фактический материал для анализа славяно-русской традиции народовластия и, как следствие, реконструкции демократических представлений наших предков на основе этого фактического материала.

* * *

Согласно современному российскому исследователю А. Ю. Мельвилю, через состояние демократии на самых ранних этапах развития проходили все человеческие сообщества, затем примитивная всеобщая демократия сменялась военной, после чего наступало правление одного лица или группы лиц¹. Однако история свидетельствует, что процессы развития народовластия были намного сложнее, чем представляет себе названный российский автор, и у ряда народов традиции народовластия сохранялись очень долго, более того, развились до столь высокого уровня, что вполне конкурировали с единоличной властью различных правителей. В частности, подобные процессы характерны для политического развития восточнославянских племен.

Еще В. О. Ключевский, известный русский историк рубежа XIX—XX вв., заметил, что в VI — начале VII в. «славяне управлялись... племенными князьками и родовыми старейшинами и имели обычай собираться на совещания об общих делах. По-видимому, речь идет о родовых сходах и племенных вечах»². Современные исследования показывают, что уже в этот период славянское народовластие постепенно переходило от замкнутого родового управления, зачастую единоличного, к более масштабным вечевым формам, так как с разрушением родового строя требовалось находить компромиссы.

Стоит отметить, что в сознании восточных славян, у которых достаточно рано установилась территориальная община, вообще не существовало разницы между такими понятиями, как «общество», «община» и «народовластие»: **общество понималось как естественный носитель власти и институт принятия решений всей общиной**. Интересен в этом отношении известный рассказ о «дани хазарской», приведенный в Повести временных лет: «И наидоша я козаре, сеядшая в лесехъ на горах, и ркоша козаре: “Платите намъ дань”. Здумавше же поляне и вдаша от дыма мечь. И несоша козаре къ князю своему и къ старейшинамъ своим»³. Примечательно противопоставление полян, которые «здумавше» без какого-либо внешнего принуждения, сходом (О. В. Творогов, автор перевода летописи для «Библиотеки литературы древней Руси», перевел это слово как «посоветавшись»), и хазар, которые отправляются к князю-единодержцу. Видимо, носители этой древней устной легенды и более поздний летописец, зафиксировавший данную легенду в Повести временных лет, хотели особо подчеркнуть традицию общего решения и управления среди славянских племен (конкретно полян).

¹ См.: Мельвиль А. Ю. Категории политической науки. М., 2002. С. 197–199.

² Ключевский В. О. Русская история. М., 2006. С. 16.

³ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 72.

Традиции народовластия в России имеют самую древнюю историю и восходят к принципам социально-политического устройства славянских племен. Важной особенностью славян стало то, что у них довольно рано кровнородственная община, в которой живут только родственники по крови, сменилась соседской (территориальной) общиной. Еще многочисленные византийские авторы не без удивления отмечали специфику славянского общественного устройства, определенную именно соседской общиной. В соседской общине кровное родство не играло главной роли, более того, члены соседской общины могли даже происходить из разных этносов, но пользовались одинаковыми экономическими, политическими и социальными правами. Например, в славянскую соседскую общину, по общему решению жителей, могли принимать выходцев из других племен и народов. Поэтому уже в древности представители иных племен спокойно поселялись среди славян. Даже рабы, захваченные славянами в войнах, со временем имели возможность или уйти, или стать полноправными членами общины. Значимой особенностью славянской общины была общая собственность на землю — земля принадлежала общине, а не отдельной семье.

Существование территориальной общины определило многое в характере славян. Так, освоение новых земель происходило в основном мирным путем. Славяне не обкладывали никого данью, не устанавливали своего господства. Более того, занимая чьи-то территории, они соглашались платить дань их властителям (например, византийским императорам на Балканском полуострове). В немалой степени соседская община повлияла и на восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию, спокойному заимствованию чужих традиций и обычаев. В свою очередь, многие народы, жившие по соседству со славянами, постепенно ими ассимилировались: начинали говорить на славянском языке, принимали славянские обычаи. Так, в VI в. славяне в короткое время ассимилировали многочисленные фракийские племена на Балканском полуострове. В VIII—IX вв. балканские славяне ассимилировали уже своих завоевателей-болгар (тюркское племя). При этом сами славяне стали именоваться болгарами.

На протяжении веков у славян сложилась традиционная социально-политическая организация: отдельные общины объединялись в племена, а племена — в союзы племен. На востоке Европы центрами славянских племенных союзов были города. Территория восточнославянских союзов племен складывалась вокруг городов и обычно называлась «землей». Таким образом, еще до призвания варягов возникли мощные союзы восточнославянских племен, которые занимали огромные территории, превышавшие по площади многие государства Западной Европы, — поляне-русь, древляне, ильменские словене, кривичи, полочане, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, дулебы, бужане, волыняне, тиверцы, уличи (угличи). Впрочем, для решения насущных вопросов славянские союзы племен могли объединяться с иными народами, неславянского происхождения, как это произошло в Приильменье и Приладожье, где образовался союз двух славянских и трех финно-угорских племен¹.

¹ *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 76–77.

Высшей властью в каждом племенном союзе обладало вече¹. На вече славяне выбирали себе князей и старейшин, решали вопросы о войне и мире, устанавливали порядки в своих землях. В свою очередь, князья проживали вместе с воинской дружиной в главном городе племенной территории. В обязанность князей входило обеспечение порядка на занимаемой территории, сбор дани, а также защита своего народа от завоевателей. Население городов делилось на десятки, сотни и тысячи. Вершиной городской и племенной вечевого административного управления был тысяцкий, также избираемый на вече. Исследователи именуют социально-политическую организацию славян, построенную на принципе выборности «снизу вверх», земской властью².

Но земская власть не могла простираться на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточнославянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, внешняя власть. Такими объединителями в IX–X вв. оказались русы-варяги. Но даже встретившись с иными принципами организации власти у русов-варягов, которые не были славянами, славянское вече сохранило свою роль в общественно-политической жизни русских земель. Специфику восточнославянского вечевого общественно-по-

¹ Дискуссия о сущности и специфике вечевого управления в Древней Руси продолжается долгое время и пока не окончена. См.: *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103; *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1908; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; *Лукин П. В.* «300 золотых поясов» и вече. Немецкий документ 1331 года о политическом строе Великого Новгорода // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2010. Вып. 71 (3–4); *Лукин П. В.* «Народные собрания» у восточных и западных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (14); *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014; *Мартышин О. В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992; *Миникес И. В.* Основания и порядок избрания князя в русском государстве X–XIV вв. // Академический юридический журнал. 2001. № 4 (6); *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; Новгородика-2008. Вечева республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Новгород, 2009; *Паушто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003; *Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003; *Севастьянова О. В.* Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в. М.; СПб., 2011; *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867; *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Фроянов И. Я.* Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

² О значении «земской власти» у славян и в истории России см.: *Кузьмин А. Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2004.

литического уклада демонстрируют события 945 г., под которым «Повесть временных лет» помещает рассказ о разыгравшейся войне между древлянами и киевскими русами¹. Началось все с того, что дружинники киевского князя Игоря потребовали пойти за данью на древлян. При этом дружинники указывали на воеводу Игоря Свенельда, который смог обеспечить богатое содержание собственной дружины, а вот Игоревы дружинники пребывают в бедности. Послушавшись дружинников, Игорь отправляется к древлянам и силой берет с них двойную дань. Однако этого Игорю показалось мало, и он с небольшим отрядом вернулся к древлянам за новой данью. Возмущенные древляне убили Игоря и его «малую дружину». Убив Игоря, древляне решили, что теперь они свободны от обязательств перед киевской династией. Более того, древляне стали претендовать на киевский стол — они потребовали, чтобы княгиня Ольга вышла замуж за древлянского князя Мала.

В данном случае «Повесть временных лет» свидетельствует: **субъектом политического действия у древлян выступает именно вече**: инициативу взять княгиню Ольгу замуж за князя Мала проявляет вовсе не сам князь, а древлянское вече, иначе говоря, это решение всего племенного союза: «Ркоша же деревляне: “Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ”». Именно древлянское вече отправляет в Киев послов, а послы подчеркивают в разговоре с Ольгой собственный статус представителей всего племенного союза: «И ркоша деревляни: “Посла ны Деревьская земля”». В этом же разговоре послы, сравнивая древлянских князей и князя Игоря, который вел себя «яко волкъ», занимаясь грабежом собственных подданных, раскрывают суть славянского идеала правителя: древлянские князья *берегут и спасают родную землю* («наши князи добри суть, иже роспали суть Деревьскую землю»)². Следовательно, в славянских землях-княжениях сохраняются и собственные князья, и собственное самоуправление — все главные вопросы решаются на вече, которое избирает и князей, и других «лучших людей».

С конца X в. земли восточнославянских племенных союзов становятся основой формирования русских княжеств, а племенные городские центры постепенно начинают выполнять роль стольных городов. В результате, сформировавшееся на базе восточнославянских племен Древнерусское государство оказалось цивилизацией преимущественно городской: к XIII в. — более 300 городов и еще большее число укрепленных поселений. При этом значительная часть древнерусских городов была коллективной собственностью городских жителей («города-корпорации»), которые самостоятельно принимали политические решения на вече, то есть городских собраниях. Именно городские вече, как выразители воли городских общин, становятся важными участниками всех политических процессов: на вече выбирались, принимались или изгонялись князья, избирались старейшины и «лучшие люди» («десятские» и «сотские»), как представители и управители городскими общинами³.

Позднее, на протяжении всего времени существования Древней Руси в X–XIII вв., вече действовали во всех городах Руси, постоянно взаимо-

¹ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 104–106.

² Там же. С. 104

³ Кузьмин А. Г. Истории России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2004. С. 204–205.

действуя с княжеской властью, которая оказывалась ограниченной как волей горожан, выражаемой на вече, так и волей местной знати — боярства. Так возникли **три главные политические силы** Киевской Руси: *княжеская власть, боярство и вече, как орган земского (городского) самоуправления* (четвертой общерусской политической силой была Церковь). Борьба городских вече за самостоятельность своих городов и земель была одной из причин наступившей в начале XII в. политической раздробленности русских земель.

Различные условия существования разных русских земель определили разнообразные формы взаимодействия всех этих трех ветвей власти. В южных регионах, где было много богатых крупных городов с сильными городскими общинами (Киев, Переяслав, Чернигов и др.), вече играли заметную роль, однако постоянные войны с соседями-кочевниками заставляли вече мириться с достаточно сильной княжеской властью, осуществлявшей функцию защиты этих земель. На северо-западе, в Новгороде Великом, где не было подобной внешнеполитической опасности, наоборот, намного сильнее княжеской оказалась власть вече и местного боярства. Но в этом регионе возникает иерархия городских общин, когда «старейший» город подчиняет себе «молодые», то есть позднее возникшие города (так, Псков до XIV в. подчинялся Новгороду). На северо-востоке (Владимир, Суздаль, Ростов) княжеская власть обладала большей свободой и силой, но по той причине, что большинство городов в этой лесной, малосвоенной части Руси были основаны князьями или боярами, городские общины довольно долго зависели от княжеской или боярской милости. Наконец, в юго-западных землях (Галич, Волынь) особенно сильным было местное боярство, и здесь вече выступало союзником княжеской власти в борьбе с боярством. Иначе говоря, механизмы вечевой власти были очень разнообразны и не похожи друг на друга. Неверным было бы полагать, что народовластие выражалось лишь на уровнях городских общин. Большую роль оно играло на низовом уровне — в селах и в отдельных районах городов (концах). Сельский мир был не только простым собранием всех жителей, но и автором решений, которым были вынуждены подчиняться все его члены.

К сожалению, мы не знаем всех особенностей вечевого устройства русских городских общин X—XIII вв. — слишком мало источников сохранилось. Кроме того, права и обязанности городских вече не были зафиксированы в письменных памятниках, и, скорее всего, вече действовали на основе обычного права. Даже для обозначения вечевых органов самоуправления в летописях и других документах используются самые общие термины: в древности это название союзов племен (например, «древляне»), позже — именование жителей городов («киевляне», «новгородцы», «галичане», «суздальцы» и т. д.). И даже наиболее известное сегодня нам новгородское вече — это еще огромная загадка. Мы не можем сказать ничего определенного о социальном составе новгородского вече (все ли жители участвовали? выборные лица от районов? только бояре?). Нет у нас точных знаний о взаимоотношениях вече и боярства. Мы даже не знаем точно, где могло собираться вече в Новгороде Великом. Нам далеко неполно известны механизмы принятия решений на вече.

Первым, кому из русских князей удалось преодолеть силу вечевого устройства, стал Андрей Юрьевич Боголюбский (сер. 1120-х годов — 1174), но для этого ему пришлось сначала покинуть «мать городов русских»

Киев, а затем перенести центр своего княжества из «старейшей» Суздала в «молодший» Владимир, где вечевые традиции были самыми слабыми на северо-востоке Руси. В результате, к концу жизни Андрей Боголюбский стал обладать столь значительной полнотой власти, что его уже именовали «великим князем» и даже «царем»¹. Столь же внушительных результатов несколько позже достиг в Юго-Западной Руси князь Роман Мстиславич Галицкий (ок. 1150—1205), недаром его единственного из всех древнерусских правителей летописец впервые назвал «самодержцем»². Впрочем, после гибели Романа Мстиславича (1205 г.) княжеская власть в Галицко-Волынской земле надолго ослабла, зато резко возросло значение боярства.

Таким образом, можно утверждать, что народовластие, как традиция политической организации общества, было присуще русскому народу с древнейших времен; соответственно, народовластные начала прочно вошли в древнерусское сознание и воспринимались как естественное право народа на участие в принятии политических решений. И, вполне возможно, история политических институтов на Руси пошла бы по пути, очень похожему на европейский путь, тем более что до середины XIII в. русская история была частью общеевропейской истории, а русские политические процессы были тесно переплетены с общеевропейскими, если бы не страшное монгольское нашествие XIII в. и последовавшее за ним длительное ордынское иго, кардинально изменившие весь ход русской истории.

* * *

Но в XIII в. Русь и вся остальная Европа двинулись дальше по разным историческим дорогам. Моментом подобного «развода» стало монгольское нашествие 1237—1242 гг. и последующий за ним «ордынский плен», который продолжался почти 250 лет, то есть четверть тысячелетия. Последствия «ордынского плена» были многообразны, стоит назвать лишь те, которые относятся к теме политического устройства русских земель.

Во-первых, центр восстановления Русского государства оказался перенесен на северо-восток Руси, где вечевые традиции изначально были слабы.

Во-вторых, монголы разрушили большинство городов, и восстанавливаемое в XIV—XV вв. Русское государство с центром в Москве принадлежало уже не к городской, а к аграрной цивилизации: города были редки, даже в XVI в., когда Россия превратилась в самое крупное государство в Европе, на этой огромной территории находилось всего 200 городов, а расстояния между ними даже в XVI в. составляли до 50—100 и более километров (в Западной Европе расстояния от одного города до другого составляли всего 15—20 км). Таким образом, городские общины-корпорации стали редки и маловлиятельны. Кроме того, наиболее богатые черноземные земли, на которых в период Киевской Руси было устроено множество городов, до конца XVII в. именовались Диким полем, где ничего не было. Фактическое уничтожение городской культуры послужило причиной массового оттока выживших горожан в сельскую местность, «в леса». В результате этого «го-

¹ Карпов А. Ю. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 281—284.

² Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 184.

родская» традиция народовластия сливалась с традиционной «сельской», чем подпитала ее и сохранила народовластие на низовом уровне.

В-третьих, на территории России была очень низкая плотность населения: в XVI—XVII вв. на 1 кв. км в России проживали 1–5 человек, в то время как в Европе — 10–30 человек).

В-четвертых, 250 лет русские земли вынуждены были отдавать в Орду от 50 до 100 % своего годового дохода, что требовало жесточайшей организации общества.

В-пятых, с XIII и до конца XVIII века русские земли находились под постоянной угрозой разорения, а то и уничтожения со стороны сначала Орды, а потом разных татарских государств.

Наконец, и это *в-шестых*, ордынские ханы не собирались иметь никаких дел с «капризными», по их мнению, городскими вечевыми собраниями, поэтому всячески поддерживали властные устремления русских князей по подавлению вечевого вольничества. Все это привело к тому, что со второй половины XIII в. городские вечевые традиции самоуправления постепенно затухают, и хотя не исчезают совсем, но теряют свое решающее значение в политической жизни вновь создаваемого Русского государства с центром в Москве.

На фоне этих трансформаций изменялся и взгляд русского народа на народовластие: **теперь оно мыслилось как механизм низового, на уровне общины, управления, от которого «Бог высоко, а князь далеко»**. Управление же всей державой становилось полностью делом Богом данного князя (позднее — царя). Иными словами, с вытеснением демократии на низовой уровень, на уровень сельской общины, вытеснялось и понимание ее как способа осуществления верховной власти. Кроме того, в ожидании «конца миру» (XV—XVII вв.) народовластие, да и вообще всякая политическая деятельность, виделась неактуальной, — гораздо больше заботила проблема спасения души.

К тому же, длительное господство Орды поставило перед русским народом новые важнейшие задачи, перед которыми на второй план отступали все прежние политические проблемы. На протяжении XIII—XV вв. вся деятельность Московского государства была подчинена двум задачам: объединению русских земель и освобождению от «ордынского плена». Для этого требовалась максимальная концентрация материальных, людских и властных ресурсов сначала для элементарного выживания в условиях ордынского владычества, а позже и для борьбы с Ордой. Одним из следствий стало заметное усиление власти московских государей, что привело к постепенному, но довольно быстрому формированию так называемого «самодержавия», как специфической формы политического устройства Русского государства.

Но здесь исследователи встречаются с одним парадоксом. Обычно самодержавие трактуется как неограниченная и деспотическая форма правления, однако это далеко не так, вернее — совсем не так. Стоит сказать, к примеру, что термин «самодержавие» в реалиях XVI в. означал, прежде всего, независимость русского государя, возглавляющего независимое Русское государство, иначе говоря, *самодержавие — это понятие, обозначающее суверенитет власти и независимость Русского государства*. Вот и в организации внутривластной жизни российского общества самодержавие оказывается не таким уж «деспотичным» и «тираническим». К примеру, согласно 98-й статье Судебника 1550 г., всякое важное решение царь мог принимать только

с одобрения Боярской думы¹. Более того, именно самодержавие в XVI—XVII веках нередко выступало инициатором развития различных народовластных традиций, но теперь не в пределах только городских общин, а, прежде всего, в сельской общине, ибо основное население страны составляли земледельцы-крестьяне (более 95 %). Иначе говоря, русские самодержцы XVI—XVII веков прекрасно понимали значение институтов земского самоуправления в становлении молодого тогда Российского государства.

Так, еще в Судебнике Ивана III (1497) вся судебная система строилась на тесном взаимодействии княжеского суда с «лучшими» людьми того или иного региона, при этом эти «лучшие люди» были выборными и имели право контролировать действия княжеских судей-наместников. Еще большее значение имела земская реформа Ивана IV Грозного середины XVI в., узаконившая полновесную систему местного земского самоуправления в городах, а также уездах и волостях со свободным крестьянским населением². Теперь горожане и свободные крестьяне сами избирали из своей среды руководителей — земских старост и земских судей. Земские старосты ведали сбором налогов, поддержанием порядка на территории волости или города, а земские судьи занимались разбором различных судебных дел. В землях, принадлежащих боярам и дворянам, власть передавалась в руки губных старост. В подчинении губных старост находились гѣбы — территории, совпадавшие с территорией волости или города. Губные старосты избирались из числа местных дворян и были обязаны следить за соблюдением порядка. Эта система с небольшими изменениями просуществовала до конца XVII в., то есть на протяжении всей первоначальной истории Российского царства.

Кроме того, в России стали созываться Земские соборы, тоже специфически русская форма взаимоотношений царя и структур земского самоуправления. Участниками Земских соборов были представители различных сословий российского общества: боярства, дворянства, духовенства, купечества, горожан. Изредка на соборах присутствовали представители свободного крестьянства. Интересы зависимых крестьян на соборах представляли их владельцы. На Земских соборах царь и правительство советовались с представителями сословий о самых важных вопросах: о начале или завершении войн, о введении новых налогов, об устройстве государства и т. д. Земские

¹ См. Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 120.

² Дискуссия о содержании земской реформы и деятельности Земских соборов продолжается уже долгое время, см.: *Аксаков К. С.* Государство и народ. М., 2009; *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М., 2008; *Андреев И. Л.* Словно-представительные институты власти в XVI—XVII вв. М., 2004; *Андрушевич И. Н.* Русская правда. М., 2011; *Беляев И. Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004; *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 2008; *Бовыкин В. В.* Местное самоуправление в русском государстве XVI в. СПб., 2012; *Гермогенов К.* Земские соборы. М., 2004; *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001; *Ключевский В. О.* Лекции по русской истории. СПб., 1902; *Кузьмин А. Г.* История России с древнейших времен до 1618 г.: в 2 кн. Кн. 2. М., 2004; *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Перевезенцев С. В.* Истоки русской души: Обретение веры. М., 2015; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999; *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2011; *Черетин Л. В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978; *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866.

соборы утверждали решения царя и правительства и, таким образом, эти решения получали поддержку населения России. С тех пор **Земские соборы стали органами сословного представительства при центральной власти в Российском государстве и продолжали ими оставаться до конца XVII в.** Земские соборы не были постоянно действующими, а созывались царем и правительством по мере необходимости, не существовало и никакой правовой регламентации деятельности соборов, во всяком случае не сохранилось никаких документов, содержащих такую регламентацию. Однако в понимании русского народа того времени институт Земских соборов полностью соответствовал идее и практике народного представительства во власти и обладал всеми полномочиями, вплоть до утверждения или избрания нового царя. Так, на двух Земских соборах были подтверждены права наследников на царский престол (в 1584 г. — Федора Ивановича, сына царя Ивана IV Васильевича; в 1645 г. — Алексея Михайловича, сына царя Михаила Федоровича); на четырех соборах происходило избрание новых государей (в 1598 г. был избран Б. Ф. Годунов; в 1610 г. — польский королевич Владислав (не царствовал); в 1613 г. — М. Ф. Романов; в 1682 г. — Иван и Петр Алексеевичи).

В работе Земских соборов принимали участие члены «Освященного собора» (высшее духовенство), члены Боярской думы и представители сословий, состав которых менялся в зависимости от характера разбиравшихся на соборе вопросов. Самым полным и многочисленным по составу был Земский собор 1613 г. — на нем в числе прочих были и выборные от черносошных и дворцовых крестьянских волостей, число выборных людей достигало 800 человек, они представляли 58 городов России.

Земские соборы и местное земское самоуправление сыграли решающую роль в начале XVII в. в спасении России от Смуты. На примере деятельности земского самоуправления и Земских соборов в этот период можно увидеть некоторые важнейшие черты русской традиции народовластия, истоки которого уходят в славянскую древность.

Во-первых, земские органы самоуправления готовы взять на себя властные полномочия в том случае, когда в стране разрушается централизованная государственная власть; структуры земского самоуправления считают возможным создавать собственные вооруженные силы, руководство вооруженными силами доверяется коллективным органам. Так, начиная с 1608 г., во многих русских городах стали создаваться общесословные городские советы, в которые, наряду с представителями разных городских социальных групп, входили местные церковные иерархи с освященными соборами (часто именно местные церковные владыки возглавляли созданные советы). Решения городских советов были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Со второй половины 1610 г. земские власти в городах стали формировать *земские рати*. Руководство земскими отрядами постепенно сосредотачивается в руках вновь созданных «Советов всей Земли», первый из которых возник в Рязанском земском ополчении.

Во-вторых, земские власти проявляют стремление к созданию общерусских органов власти; субъектом политической власти выступает «Земля», то есть народ, выразитель воли «Земли» — «Совет всей Земли», центральное народное правительство. К началу 1611 г. по всей стране между русскими городскими общинами возникает активная переписи-

ска, которая обеспечивала налаживание взаимодействия между отдельными земскими ратями. В феврале-марте 1611 г. земские рати подошли к Москве и объединились в так называемое Первое ополчение. 30 июня 1611 г. по требованию ратных людей и казаков в Первом ополчении был выработан Приговор, оформивший единый «Совет всей Земли» — центральное народное правительство, которому было передано право решать земельные вопросы, назначать воевод в города, создавать приказы по разным отраслям управления. Этот Приговор подписали представители 25 городов, в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др. Наверное, «Совет всей земли» Первого ополчения мог сыграть серьезную роль в истории, но вскоре после убийства одного из вождей Первого ополчения П. П. Ляпунова (22 июля 1611 г.) Первое ополчение начало распадаться.

Весной 1612 г. на основе Нижегородского ополчения в Ярославле формируется Второе ополчение русских городов, во главе которого, наряду с «выборным человеком» К. Мининым, встали князь и воевода Д. М. Пожарский, воевода И. И. Биркин и дьяк В. Юдин. В Ярославле формируется новый «Совет всей земли», в который нижегородцы призывают русские города прислать «изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками». При «Совете всей земли» создаются свои органы центрального административного управления — приказы. Одновременно из Ярославля были назначены воеводы во многие города Московского государства.

В октябре 1612 г. под Москвой произошло объединение войск Первого и Второго ополчений. В объединившемся ополчении вновь были воссозданы общеземские (фактически общегосударственные) органы власти и центральное приказное управление: было образовано коалиционное Земское правительство с участием «начальников» обоих лагерей. Именно эти структуры руководили освобождением Москвы и восстановлением российской государственности.

В-третьих, Советы всей Земли и Земское правительство рассматривали свои общегосударственные властные полномочия, как чрезвычайные, то есть сохраняли их за собой до созыва Земского собора, который должен был избрать нового царя и восстановить традиционную форму политического устройства России.

Как можно видеть, в Смутное время благодаря политической активности русского народа очень быстро возродилась древняя вечевая традиция, которая приняла новые формы: возникли Советы всей Земли, сначала как местные, а затем и как общегосударственные выборные органы власти.

В 1613–1618 гг. решающую роль в жизни России начинают играть вновь созываемые Земские соборы, которые фактически превращаются в постоянно действующие органы сословно-представительной власти. Земский собор в 1613 г. избрал нового царя — Михаила Федоровича Романова. Затем Земские соборы своим авторитетом поддерживали власть нового царя и московского правительства. В 1614 г. Земский собор посылает посольство из духовных и светских лиц уговаривать казаков отказаться от своего «воровства». В 1614–1617 гг. Земский собор занимается организацией финансового обеспечения государства: его представители ведают сбором в стране дополнительных налогов («пятой деньги», «пятины»). С 1616 г. этот сбор взимался уже не представителями центральной власти, а земской властью на местах.

Немалое значение имели и другие направления деятельности Земского собора. Так, в сентябре 1616 г. собор рассматривал вопрос о заключении мира со Швецией. В 1619 г. Земский собор был посвящен «устроению» и «исправлению земли» (приговор Земского собора сохранился в окружной грамоте царя Михаила Федоровича воеводам в Новгород от 5 июля 1619 г.).

В XVII в. Земские соборы и органы местного земского самоуправления продолжали сохранять большое значение в жизни Русского государства и общества. В этот период следует отметить несколько Земских соборов: в 1642 г. на соборе была рассмотрена и отвергнута просьба донских казаков о помощи захваченному ими Азову; собор 1653 г. принял Малороссию в состав России; собор 1682 г. отменил местничество; соборы 1683–1684 гг. были посвящены нормализации русско-польских отношений.

* * *

Как можно видеть, казалось бы, «неограниченное и бесконтрольное» русское самодержавие на деле имело заметно ограниченные полномочия и в немалой степени зависело от народного мнения. Впрочем, можно и нужно сказать совсем по-другому: **в XVI–XVII вв. сильная центральная власть вполне плодотворно сотрудничала с созданными ею институтами земского самоуправления.**

Конечно, далеко не все русские цари хотели мириться со значительными ограничениями пределов их личной власти. Наверное, первым из них был Иван IV Васильевич Грозный, сначала создавший земское самоуправление, а позднее сильно потеснивший любых «ограничителей» его властных полномочий. Однако он не стал ликвидировать институты земской власти, а Земские соборы собирались даже в самые, казалось бы, «яростные» годы его правления. Другим борцом с институтами земского самоуправления был второй царь из рода Романовых Алексей Михайлович, при котором во второй половине XVII в. Земские соборы постепенно утратили свое политическое значение.

Но окончательно уничтожил существовавшую общегосударственную систему земского самоуправления его сын, Петр I Алексеевич. Причем это уничтожение произошло в ходе так называемой «европеизации» — в процессе введения новой структуры государственного управления, созданной по европейскому образцу¹. Окончательно ликвидировав структуры земского самоуправления, Петр I превратил вполне естественное для русских политических традиций «самодержавие» в «европейскую абсолютную монархию». А созданные в Петровскую эпоху различные органы местного самоуправления, к примеру, городские магистраты, на деле оказывались лишь очередной ветвью чиновно-бюрократического аппарата, подчиненного лично царю. Таким образом, именно реформирование политического устройства России на европейский лад привело к ликвидации традиционных, насчитывающих не одну сотню лет институтов народного самоуправления, а предложенные взамен них новые институты, опирающиеся на западноевропейский опыт, были частью единого бюрократического аппарата.

¹ См. об этом: *Талина Г. В.* Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Елена ЧАВЧАВАДЗЕ
«ПОЕЗД ИСТОРИИ
РОССИИ ИДЁТ,
САДИТЕСЬ В ЛЮБОЙ
ВАГОН, И ОН ВЫНЕСЕТ
ВАС К РОДИНЕ»

Княгиня Елена Николаевна Чавчавадзе — журналист, режиссер, сценарист, автор фильмов «Кто заплатил Ленину», «Лев Троцкий — тайны мировой революции», «Штурм Зимнего. Опровержение», более 20 фильмов сериала «Русские без России», вице-президент Российского Фонда культуры. Ее попечением Россия обрела прах великого русского писателя И. Шмелева и его архива. Возвращенные с ее помощью останки А. Деникина и И. Ильина, волею судьбы окончивших свою жизнь в эмиграции, перезахоронены в Москве. Награждена орденом Святой равноапостольной княгини Ольги, орденом Преподобного Сергия II степени. **Живет в Москве.**

Историко-публицистический телесериал Елены Чавчавадзе перевернул сознание россиян. За сагу из более чем 30 фильмов документального авторского проекта вице-президента Российского фонда культуры Елены Чавчавадзе «Русские без России» создатели получили Госпремию РФ, а автор стала заслуженным деятелем искусств России.

Девяносто процентов наших бед порождены так называемыми «революциями» — Февральским и Октябрьским переворотом. Большевики, придя к власти, расплачивались со своими спонсорами и заказчиками эшелонами хлеба, музейными ценностями и картинами. Мы и сейчас пожинаем плоды унижения и разграбления России. И когда мы приехали в Краснодар (бывший Екатеринодар) снимать один из эпизодов для фильма «Лев Троцкий», не без помощи которого город, дольше всех державшийся, был взят и переименован, мы и разговорились с Виктором Гавриловичем Захарченко, руководителем Кубанского казачьего хора. И когда он начал рассказывать про хор, стало очевидно, что кроме юбилейного проекта, о Захарченко следует делать отдельный фильм. И сделали фильм «Виктор Захарченко. Портрет на фоне хора». Финансирование проекта взял на себя благотворительный фонд «Вольное дело», но часть финансовой поддержки легла на Фонд святителя Василия Великого, с которым мы несколько лет успешно работаем.

200-летний юбилей Кубанского казачьего хора, отмеченный в 2012 г., уникален тем, что в нем отразилась не только история самого хора, который был подразделением Кубанского казачьего войска, но и история

казачества и страны. Революция и по хору прошла катком — 27 человек вместе с Белой армией ушло в изгнание, а Кубанский хор был кузницей кадров в Черноморье, и каждый голос в нем был выдающимся. Вот у нас есть хор Александра, а раньше в каждом полку были свои хоры и запевалы. Материал мы собирали по крупицам, потому что в годы гонения на казачество все документы были уничтожены. Послабление казакам вышло только перед Второй мировой войной, когда стали понимать, что необходимо возрождать этот национальный феномен. Сейчас коллектив Кубанского казачьего хора является научным творческим объединением, собирает материалы по станицам, по семьям. Мы включили в фильм сюжет про войскового запевалу Авдеева, с именем которого связано исполнение гимна «Ты, Кубань, ты наша Родина!», написанного войсковым священником Образцовым во время Первой мировой войны. Это был гимн Кубанского казачества, а после революции песню считало своим гимном Белое казачество, вот как все переплетено.

Главным для нас было рассказать историю хора через песни, и режиссер Галина Огурная справилась с задачей блестяще. У нас всё, включая фоновые материалы, исполнено Кубанским казачьим хором. А Виктор Захарченко, этот скромный человек небольшого роста, в процессе работы вырос в наших глазах в грандиозную фигуру российской культуры, это настоящий богатырь духа. Придя в 1974 г. из Сибирского народного хора, он совершил прорыв, создав на обломках типично советского коллектива настоящий казачий хор. Заслуга Захарченко в том, что благодаря его творчеству, правильно подобранному репертуару и талантам исполнителей был воссоздан образ казачества и утверждена модель, на которую может равняться любой человек, который хочет считать себя казаком. Поэтому когда я слышу, мол, правильно, что Хрущев их упразднил, в Америке государство не содержит хоры, я отвечаю: «Ну, если у нас есть что-то хорошее, чего нет на Западе, давайте это лелеять и холить, подобно Херсонскому и Одесскому губернатору Дюку де Ришелье, в ведении которого находилось Черноморское войско». Хор кубанских казаков поддерживали Александр II и Александр III с наследником, будущим Николаем II.

Сейчас уже даже политики говорят о том, что русские — разделенный народ, это мы остро прочувствовали, начав работать над проектом. Причем понятие «русский народ» для меня очень широкое — это те, кто любят Россию, берегут русский мир. Я ношу фамилию своего мужа Зураба Чавчавадзе, его семья была в эмиграции, он родился в Париже и вернулся вместе с семьей еще в советское время. В его жилах, кроме грузинской, течет персидская, немецкая, русская кровь, при этом он глубоко русский человек, русского воспитания, православный. В Российской империи русскими называли своих подданных за границей, и сегодня всех, кто приезжает отсюда, называют русскими. Один народ, живущий в одной стране и дважды в XX веке искусственно расчлененный — в 1917 и в 1991 годах. Так что мы по крохам собираем собственную идентичность, и когда я начала ездить с оператором за границу и снимать многочасовые интервью, то, конечно, увидела блестящих представителей русского народа. Таких, как Анна Юрьевна Марли — образец русского патриотизма. Отец ее был из малороссийских дворян Битулинских, а мать — Алфераки, из семьи греков, разбогатевших

в Таганроге. Когда-то одной из первых она стала сочинять авторские песни, исполняла их, сопровождая себя на гитаре, на этом сделала имя во Франции, известна там как автор Марша партизан. Андрей Дмитриевич Шмеман, из прибалтийских немцев, — более русского человека трудно себе представить. Кадеты Версаля, распевавшие в микроавтобусе, едущем по Парижу: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?..» А они родились уже вне России и крайне остро переживают ее невзгоды и то, что имя страны потускнело.

Начиная работать над проектом, я с самого начала понимала, что надо объяснить, кем были эти люди в Белом движении, потому что тема военной эмиграции очень долго была запретной. Мой муж тоже из эмигрантов, хотя слово не очень точное, оно не отражает сути. Эмигранты уезжают добровольно, а эти люди по своей воле никогда не покинули бы Россию, не загорись под их ногами земля. Сколько было уничтожено офицерства и духовенства — а покидали Россию пассионарии, как называл их Лев Гумилев, самая активная часть, способная к сопротивлению. Большевики их первых приговорили к поголовному уничтожению. В семи первых фильмах цикла под общим названием «Русский выбор» («Пролог», «Колчак», «Деникин», «Врангель», «Казачьи», «Моряки», «Кадеты») ведущим был Никита Михалков. В фильм вошли материалы из личных архивов этих людей, и я благодарна им за то, что они поверили мне. Так мы ввели в общественный оборот фотографии и документы, которых никто никогда не видел. А снимали по всему миру — в Югославии, Франции, в Америке, в Крыму.

Ответ на вопрос о причине беспрецедентного исхода русских людей из России нужно искать в категориях, которые доступны только религиозному сознанию. У церковных людей есть такое понятие — кому много дается, с того много и спросится. Русскому народу и вообще России очень многое было дано, вот и попущено было это испытание. За отступление от норм жизни, за разболтанность элиты. Бунин прекрасно написал в «Окаянных днях»: «Это все наша интеллигенция, все ей было не так, всем она была недовольна». Прах Ивана Сергеевича Шмелева мы перезахоронили в России, вернули его архив, а бунинский архив фактически для России потерян, он попал в руки Ричарда Дэвиса, пожирателя архивов, и находится в Англии. И случилось это во многом из-за характера Ивана Алексеевича, из-за его личной злобы на большевиков: «Не вернусь ни живым, ни мертвым», — хотя у Шмелева для этого было больше оснований из-за расстрелянного в Крыму сына.

Могу сказать, что Шмелевым я зачитывалась. Это теперь его преподают в школах и университетах, а тогда он дольше всех был запрещен в России, и лишь к 90-м его стала активно переиздавать Церковь, а «Русская книга» выпустила собрание сочинений. Но эмигрантские книги Шмелева, и прежде всего «Солнце мертвых», и сегодня малодоступны. Все это и объясняет, почему мы не оставляем тему. А моим первым авторским проектом стал фильм «Пути небесные Ивана Шмелева». Как-то на творческом вечере мы узнали, что архив писателя находится во Франции. Нашли наследника, издали его воспоминания, установили памятник Ивану Сергеевичу в центре Москвы, по завещанию, перенесли прах — и получили архив. То есть право на владение архивом нужно было доказывать. И когда фильм был снят, я поня-

ла, что надо делать большой проект об эмигрантах. И вместе с оператором стала ездить и снимать зубров эмиграции — дочерей Деникина и Врангеля, внука Колчака, который поначалу не шел ни на какие контакты с людьми отсюда. Удалось сломить это неверие, и он у нас в кадре плакал и говорил: «То, что случилось с Россией, случилось со мной».

Потом сделали фильм «Деникин. Шмелев. Ильин. Долгий путь домой». И когда снимали Марину Антоновну Деникину в Версале, я спросила, не думала ли она перенести прах отца из Америки в Россию. Она ответила, что «папа всегда мечтал», и мы начали продвигать идею перенесения праха двоих — философа Ильина и белого офицера Деникина. Нас поддержали в Кремле, и у нас все получилось. Потом Владимир Путин принял дочь Деникина у себя в резиденции.

Стал сенсацией фильм про Ленина, Троцкого и «штурм» Зимнего. Мы работали в западных архивах. Фильм о Троцком снимали в Канаде — работали в госархиве в Оттаве, в архивах Галифакса, где он был снят с корабля, нашли американского историка Ричарда Спенса, который занимался этой темой. Документы позволили нам утверждать, что Троцкий работал на английскую и американскую разведку, на финансовые круги этих стран. Для России это была чрезвычайно зловещая фигура, а именно он должен был стать главой государства. Но Ленин привел в Петросовет финский спецназ, который и помог ему взять власть. Их принимали за латышей и называли «балтийскими матросами», а это были финны в матросской форме. В архивах Хельсинки мы узнали много интересного о так называемой бескровной Февральской революции. Она началась с уничтожения морского офицерского корпуса в Гельсингфорсе. На самом деле Февральская и Октябрьская революции были двумя актами одной трагедии, просто большевики не могли сразу прийти к власти, потребовались два этапа.

Фильм «Кто заплатил Ленину?» собирал сумасшедшие рейтинги, его называют бестселлером и, словно книжку, растащили на цитаты. «Вы сделали то, чего не смог сделать целый институт», — сказал нам один историк. Понимаю, что кто-то недоволен таким «открытием», но против документов не попрешь. Знаменитый план Парвуса о выведении России из войны и финансировании Октябрьской революции мы нашли в архиве МИДа Германии, а расписку Парвуса в получении денег — в Гуверовском архиве. В Президентском архиве обнаружили перехваченные шифровки, которые приходили Троцкому в Алма-Ату из Америки.

Из английских архивов пришел документ о том, что Ленин дал Хаммеру, представителю американских финансовых кругов, пропуск № 1, а Троцкий точно такой же дал Локарту, главе резидентуры английской разведки. Это означало, что с сопровождающими этих агентов можно было пускаться везде. ЧК в России, главной задачей которого, ко всему прочему, была экспроприация золота, создавала английская разведка, так что цель формулировалась четко — сделать Россию нищей, истощить в военном, продовольственном и человеческом ресурсах. Нельзя сказать, что в Англии все были так настроены в отношении России, но определенные люди с Уолл-стрит, «мировая закулиса», как называл их Ильин, действовали именно так. В Америке до сих пор есть частные музеи, в которых хранится огромное количество предметов русского искусства, которые якобы продавались в

комиссионке. В одном таком музее мы с Галиной Огурной видели сервизы кавалеров Георгиевского креста, которыми сервировались обеденные столы в Зимнем дворце только по праздникам Георгия Победоносца. И оказаться в комиссионке они никак не могли. Все это, включая даниловские колокола, оформлялось за копейки и вывозилось из России.

Кроме того, 23 февраля никакая Красная армия не создавалась. Во французских военных архивах мы нашли телеграмму, подписанную военным диктатором Троцким, где он предлагал французскому маршалу приехать и создать новую армию. И когда тот отказался, стали собирать интернациональные полки — из китайцев, латышей, венгров. Эти полки заходили в уездные города — а Троцкий только что распустил старую армию в Бресте, подписав Брест-Литовский договор, — выводили народ на площади и требовали записываться в Красную армию. При отказе расстреливали каждого десятого, и тогда люди записывались. Вот так создавалась Красная армия.

Русские эмигранты — особенные люди. Хотя им присущи те же человеческие слабости, что и нам, но их жизнь в большей степени освещена светом истории дореволюционной России. Они прошли через искушение Западом, но в большинстве своем сохранили язык. Чего не скажешь о детях нынешних эмигрантов из России. А жены нефтяников — те из кожи вон лезут, чтобы стать «своими» на Западе. Я им как-то сказала: «Вы хотя бы заставьте себя уважать за то, что вы богаты, на Западе перед деньгами преклоняются, а англичанами вы никогда не будете».

Но радует то, что страшный русский раскол хотя бы внешне залечен воссоединением Русской и Зарубежной Православных Церквей. Поэтому своими фильмами мы как бы говорим, обращаясь к потомкам первых эмигрантов: «Поезд истории России идет, садитесь в любой вагон, и он вынесет вас к Родине. Не хотите — останетесь средними французами или бельгийцами навсегда — вот в этом и есть суть русского выбора».

ПРОЗА

Сергей ШАРГУНОВ

ПОПОВИЧИ

Сергей Александрович Шаргунов — писатель. Окончил МГУ им. Ломоносова. С октября 2016 г. депутат Государственной Думы РФ VII созыва. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», госпремии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Книги переведены на итальянский, английский и французский языки. Главный редактор сайта «Свободная пресса». Член Общества русской словесности и Патриаршего совета по культуре. **Живет в Москве.**

Автор фото: MollySTUDIO

Когда буду умирать, что мне придет в голову? Что увижу, пропадая? Какую картину ускользающей жизни? Какая фраза подмигнет строкой рекламного неона и затрепещет на губах за миг до безоговорочной ночи? Можно ли заранее, загодя, за годы подготовиться к этим секундам и отрепетировать? Хотя зачем? Ну, чтобы не вообразить какую-нибудь ерунду вроде неоплаченного счета за воду или натюрморта из сосисок и соленых огурцов и не сболтнуть что-то скучное и пустое...

А что не пустое?

Или правильнее молитва?

Вот этот человек, которого сейчас в третий раз несут вокруг храма в лакированном гробу, отделанном белыми кружевами, похожем на кремный торт, — открытый гроб, но под отдельной тряпицей лицо и под простыней остальное тело, — этот человек умер после возгласа в самом начале вечерней.

Обойдя храм с кадиллом и обдав терпким дымом ладана каждого из прихожан, включая жену и деток, он взошел на солею, откуда всегда проповедовал, и, повернувшись к открытым Царским вратам, повел ектенью своим высоким голосом: «Миром Господу помолимся!» — и сквозь жалобное звучание хора: «Господи, помилуй!» качнулся, упал и застыл, накрытый тяжелым и складчатым золотым облачением. Служба остановилась, пытались привести в себя, вызвали скорую, но все напрасно и мгновенно: сердце.

В тот вечер он служил один. А на отпевание собралось пятеро священников: в белоснежных ризах, они бредут за хоругвями, под медленный колокольный перезвон, морщась от тяжести, иногда спотыкаясь и не прекращая пение. У тех, кто следует за ними, преобладает траур.

Солнце сверкает и, кажется, сходит с ума, возбужденное этой бело-черной, притягивающей и отталкивающей игрой цвета.

Северное небо сине-стеклянное, неживое. Сочная зелень между неровными зубцами камней.

Опускают гроб около ямы на деревянные табуреты.

Белобородый протоиерей, дрожа морщинистой рукой и блестя серебряной ложечкой, крестообразно посыпает ткани рыжеватой землей.

Бледные кисти покойника выпростаны. Кроме них — ничего. Как будто замело человека. И лицо ему замело. Хочется приподнять этот воздух, этот хлопковый плат и заглянуть напоследок: как ты там? А нельзя. Считается, священник во время отпевания предстоит Богу, и поэтому не положено видеть лицо.

Медный крест вложен в заиндевелые пальцы, медное Евангелие на груди. Сугроб посреди лета.

Мне не повезло, один-одинешенек, а у Сретенских, как обычно бывает в семье священника, ребят хватает: два попovichа и две поповны, все погодки, родились друг за дружкой.

Мне двенадцать. На зимние каникулы отправили сюда, в вологодскую деревню, где их отец — настоятель храма, возле которого стоит большой деревянный дом, а вокруг темнеет ельник.

Сюда же приехали Охажкины из Ярославля: батюшка, матушка, двое сыновей и дочка.

Днем мы бьемся и возимся возле снежной крепости на берегу замерзшей реки Шарженка.

Эту чудо-крепость построил глыба к глыбе, ловко вытесав вход и бойницы, старший из детей Сретенских, подросток-великан Никита, о котором говорили: «золотые руки». Он был в любую погоду напоказ без варежек, с пухлыми пугающими пятернями, из-за цыпок похожими на сырники в румяной корочке, иногда в брусничной кровке.

Помогали ему мы все вместе: катали снежные шары, сгребали и приминали снег и тоже ходили к польньке, откуда носили дымящуюся воду. Из ведер ее переливали в лейки и ровно орошали широкие поверхности.

Никита стал скульптором (в основном кладбищенским) и краснодеревщиком, любит крепко выпить и не знает отбоя в заказах, потому что хорош в своем деле.

Он же поставил поодаль трех богатырей, голыми пальцами мастера вылепив из снега, и закрепил водой. Эти ладные одинаковые фигуры, похожие чем-то на него, расцвела гуашью его сестра Дуся. Витязи стояли уверенно, карауля покой речного льда, золотясь кольчугой, щитами, мечами, шлемами, одинаково румяные и синеглазые, с тремя бородами: черной, желтой и снежно-седой.

Дуся-Евдокия, с детства рисовавшая, стала послушницей в далеком бурятском монастыре, где она пишет и реставрирует иконы. Она раскрасила и крепость, не жалея краски, в багряные и лазурные тона, позолотив два шара, намертво приклеенные к стенному валу, как бы с намеком на купола (кресты ставить не стали, был бы перебор).

Вот внутри этой крепости и держали оборону Сретенские, отпрыски старого духовного рода.

А Охапкины и я, чьи отцы — священники в первом поколении, пытались крепостью овладеть.

— В бой! За Русь! — возглашал истошный Петюня, младший Охапкин, норовивший вырваться вперед и сквозь обстрел кубарем броситься в ворота, под ноги к противнику, весь побелевший.

Его отшвыривали.

— С нами бой! — кричал он хрипловато.

— Бог! — сурово поправляла сестра Маша, отряхивая сахарную вату его шарфа и смешную розовую шапочку, похожую на кулич в глазури, но спустя недолгое время он снова увлеченно выпаливал свой ошибочный клич.

Впрочем, он же размашисто крестился перед каждой битвой, помахивая голый веткой, как кадиллом, которое минуту спустя превращалось в орудие, и возглашал грозно: «Миром Господу помолимся», сам себе отвечая неким мохнатым многоголосьем, изображающим хор.

Это происходило под одобрительный общий смех, пока не заложила ехидная Лида Сретенская (в будущем суперактивный волонтер; она усердно ищет и, по счастью, часто находит пропавших людей). Тогда взрослые отругали Петюню и нас всех.

«Молитва не игра, глупыш, разве ты не знал?» — допытывалась его матушка, стараясь быть мягкой и всматриваясь в глаза с острой тоской, он обреченно и согласно кивал, и отныне перед боем сипел и булькал что-то под нос, видимо, в голове все же проигрывая молебен о победе.

Можно было бы ждать от Петюни служения в церкви, но пошел вразнос, ушел из дома, играл в переходе на гитаре, которую однажды в порыве гнева сломал случайный прохожий, его отец. Петюня стал фотографом, безостановочно перемещается по всему миру, словно не находя приюта, наполняя соцсети то нежными, то резкими кадрами природы-дикарки.

Зато Митрофан из стана Сретенских мог без всякой опаски играть в духовное лицо. Само лицо его я успел подзабыть, и в памяти осталось какое-то светлое восковое пятно внутри суконной ушанки.

Он выделялся особенной торжественной дикцией и трагичным голосом, которому помогал красивыми плавными жестами. Митрофан вообще любил проповедовать, что никем не возбранялось.

— Дорогие братья и сестры! — с ледяного вала, поддерживаемый за ноги родными, начинал он горестно. — Давайте помнить, чему учат нас святые. Вы мы — ближние, и никого не надо бить сильно, нельзя душить, нельзя в лицо снежком...

Не успевал он закончить перечисление своих страхов, как мимо, туда-обратно, принимались летать увесистые снаряды.

У него сложилось: стал священником, настоятелем храма в самой Волгодге, большая семья.

Мне думалось, священником, а может, и монахом, станет и другой мальчик, бледный и хрупкий Тимоша Охапкин, игравший в войнушку нехотя и неумело. Он комкал снег так нежно, а кидал так робко, что пульки не достигали цели или рассыпались, а иногда в самый разгар сражения просто замирал, очарованно засматриваясь на что-то внутреннее. Очевидно, так он изучал анатомию человека, потому что, отслужив в армии, стал хирургом.

Круто воевали поповны. Дуся и Лида лепили со скоростью заправских стряпух, от них же я получал снайперски точные удары, болезненные, но обычно по ногам, в колени, отчего снег быстро забивал валенки.

В нашем слабом воинстве мне подспорьем была Маша, метавшая сосредоточенно, даже хищно, с тайным жаром возбуждения. Я норовил подбить великана Никиту, маячившего перед воротами своей цитадели, и, когда попадал, поджатые Машины губы розовели, размякали и расступались, давая волю радости. Из нее аж выпархивало: «Ой!» или «Ох!» при всякой удаче, а вот получая, она отмалчивалась и еще решительнее нагибалась за ответкой.

Маша отделилась от семьи и храма, снимала комнату в Москве, работала официанткой в хипстерском баре, там однажды нацедила мне кружку крафтового пива (приветливо-напряженная), вроде у нее случилась несчастная любовь, потом она уехала на остров Валаам, где стала учительницей начальных классов.

Если было слишком морозно, чтобы лепить, мы, сближаясь, армия на армию, швыряли горсти снега в глаза и за шиворот, свирепо ослепляя друг друга молочным паром.

Русская зима, обманчиво миролюбивая голубица Пикассо, несла нас в жестяном клюве и пышно обвевала воинственными крылами...

Мы заметно отличались от всех. Даже облик поповичей был вызовом. Родители обрекли нас не только на необычные судьбы, но и на странноватые одежды.

Ребята из соседней деревни, приходившие с другого берега играть, были одеты бедно, но иначе, наряднее в своей пестрой синтетике. Наши одежды выглядели старообразно, подчеркнута несовременно. Строгая аккуратность сочеталась с неряшливостью, которую можно назвать небрежением к мирскому. Все казалось немного мешковатым, шире и длиннее, чем положено, как бы стремясь вырасти до облачений. В обеих семьях дети донашивали одежды друг друга, которые перелатывались, невзирая на пол. Голорукий Никита был в тулупе и сапогах. У девочек под куртками и полушубками прятались вязаные домашние кофточки. У Петюни черный свитер был заштопан на рукавах шерстяными нитями другого цвета, как сейчас помню, синего. И никакого шмотья с надписями или картинками! Лида, изображавшая примерницу, и вовсе не расставалась с юбкой, изрядно мешавшей ей в снежном побоище.

Я носил потертый, с неудобными заклепками шлем, подаренный пожилой папиной прихожанкой, оставшийся от ее покойного мужа. «Натуральная кожа! На любые холода!» — восхищалась моя мама.

— Че это? — присвистнув, спросил один из деревенских мальчишек. — Седло кобылье?

— Шапка летчика! — отрапортовал я, стараясь произвести впечатление на милую Машу в ее пуховом платке.

Она жалостливо расспрашивала ребят про их житье, те хорохорились, но отвечали, как на исповеди, без утайки и лукавства, может быть, чуя наше непритворное участие: «Отец помер», «А мой ушел», «Мои работу ищут, трудно приходится...», «Хочу быть музыкантом, хожу в кружок после школы, у нас своя группа, я клавишник, а дома говорят: в слесаря иди, оно вернее»...

— Лучше музыка! — одобрял боевой Петюня.

Возможно, тогда в Маше созревало желание отдать себя простонародью.

— Вы только сами не пейте, не курите, — убеждала она ласково, — вычитесь хорошо, пожалуйста...

Ее перебивала Лида, наставительно, как хозяйка этих мест:

— Скоро тут воскресную школу откроют. Молитвы какие-нибудь знаете, нет? Надо вам в воскресенье в церковь прийти, мой папа — батюшка, он вам правильные книжки даст.

Сретенские были на домашнем обучении, Охапкины посещали гимназию.

Как-то, отстояв литургию, поприслуживав, попев и причастившись, мы, догрызая каменевшие на морозных зубах просфорки, примчались к крепости, где нас уже поджидали ребята.

— Вы че это жуετε? — подозрительно спросил кто-то из них. — Дай куснуть!

— Вам нельзя, — хмуро сообщил могучий Никита.

Деревенские перемигнулись и глянули на нас завистливо и уважительно, будто мы едим нечто волшебное, дети магов...

Но в чем-то кто-то из нас точно им завидовал или чувствовал себя отставшим от них и вообще сверстников. Они смотрели, сколько влезет, телевизор, включая неприличные передачи, выходявшие за полночь, знали всю попсу и матерные песенки групп вроде «Сектор Газа», которые слушали на кассетах.

Матерок деревенских мы, по безмолвному уговору, пропускали мимо ушей, сами не выражаясь. Ушибленный снежком или кулаком мог выдохнуть что-нибудь вроде «Елки зеленые!» или даже «Господи, твоя власть!». Эти ангельские всхлипы звучали на особенном контрасте с тем, как в то же время беззаботно бранились наши мирские знакомцы. Их не одергивали...

Зато одергивали друг дружку резким и трогательным паролем, принятым в том нашем зимнем вологодском обществе: «Не пошли!»

Раз, когда Никита рассказал анекдот про мужа, который успел вернуться, когда женщина с любовником только сели пить чай, я, чувствуя какую-то неполноценность сюжета, вдруг радостно вспомнил другой, слышанный в школе анекдот.

— Возвращается муж из командировки, — начал я, — а жена с любовником лежат такие...

Меня оглушили и заткнули общие возмущенные визги.

Поповичи (это я видел и в разных других поповичах, и, наверное, это присутствовало и во мне) были сразу дикими и деревянными. Тормознутыми и расторможенными. То необузданные, наглые, даже распущенные, вероятно, потому, что ощущали себя не такими, как прочие дети, и много времени проводили среди необычных взрослых, то скованные и робкие из-за постоянного благочестивого надзора.

Возможно, они компенсировали запретное тем, что увлеченно обсуждали всякий ад. Как сейчас помню, Петя вдохновенно рассказывает про аварию со сгоревшими людьми, которые скрючились в машине: «пряма муравейчики», а Дуся — о том, как сопровождала отца, соборовавшего умиравших: «У одной бабушки вся щека сгнила, и видны зубы золотые». В этом жутковатом трепе был средневековый гротеск.

Однако с очевидным удовольствием поповичи излагали и что-нибудь умилительное, например, про зверей, рыбок, птичек.

— Мы одни дома были, без взрослых... Живем под самой крышей, — торопилась Маша, звякая смешком, вкладывая в свою историю учащенный пульс. — У нас в ванной труба вытяжная. Петя туда пошел и вдруг кричит:

«Птицы!» Впустил нас, и, правда, как в лесу, птицы поют. И красиво так щебечут: тирили-тирили... Сняли мы решетку, смотрим — птенец в трубе бьется, а его мама сверху заглядывает и утешает. Я Тимоше сказала: рукой достань, а он только перья из хвоста выдрал. Я тогда коробку принесла, и птенец в нее свалился. Пушистый, с желтым клювом. Мы его на балкон отнесли, и сразу его мама прилетела, спустилась к нему в коробку, о чем-то они еще пощебетали и улетели. Я потом в энциклопедии нашла — это белые трясогузки. Ну, как белые? Они на самом деле многоцветки — серо-черно-белые, а пишут почему-то просто «белые».

Обычный случай, рассказанный этой статной девочкой с песочно-русой, полной золотистого блеска косой, казался чудесным и удивительным, как иллюстрация Густава Доре из Библии.

— Я слышал, она к смерти, — рассеянно заметил Тимоша.

— Кто? — спросили мы.

— Птица, — сказал он мягко и неуверенно. — Если она влетела — это разве не к смерти?

— Суя! — гулко прервал его Митрофан-проповедник и выдержал обличительную паузу: — Ты зачем сую несешь?

Оказалось, он имел в виду слово «суеверие», которое сократил до этого неологизма.

— Птицы — добрые вестницы, — важно поддержала Лида. — Разве вы забыли: после потопа к Ною голубь прилетел?

— Потоп у нас тоже бывает, — согласилась Маша. — Крыша ржавая...

Мы вдумчиво замолчали тесным кружком, доверчиво принимая и ожидая необыкновенное.

Магушки, щекастая Сретенская и суховато-изящная Охапкина, много судачили о родах, детских болезнях, прозорливых старцах и секретах вкусной и здоровой пищи. Батюшки любили пропустить по бокальчику или стопке, степенно рассуждая о разных церковных течениях, достойных и менее достойных иерархах, далеком Ватикане, вездесущих сектантах, а еще о бандитах, повадившихся в храмы.

— Пришли ко мне, все такие одержимые. «Ты поп? Отпеть надо пацана!», — повествовал отец Василий Охапкин, порывистый, полуседой, с широкой, соль и перец, раздвоенной бородой. — Я им прямо сказал: «Кто такой? Причащался, исповедался? Разбойник, как и вы? Нет, не могу». Они меня схватили, на кладбище привезли. «Грохнем и закопаем. Будешь отпевать?» Я головой мотаю. Там и бросили...

— А я вот, может, и не прав, по-твоему, — весь лучась, возражал отец Иоанн Сретенский, лысоватый и рыжеватый, похожий на открыточного цыпленка, только что вылупившегося из пасхального яйца, — бывает, и джип какой свящу. Но всегда вначале слово говорю. О милосердии. Может, кому-то это словечко в сердечко и западет.

Вечерами мы пили чай с пирогами, то грибными, то капустными, пока кто-нибудь читал вслух «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, «Очарованного странника» Лескова, «Лето Господне» Шмелева. Чаше других с охотой сама вызывалась Лида, получалось у нее старательно и назидательно, так, будто это Псалтырь или Жития.

Коренастый Митрофан, по настоянию матери, отчетливо декламировал, сладко задыхаясь и помогая себе ритмическими жестами:

*И жало мудрая змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой...*

Он так и произносил «замерзшие» вместо «замершие», как будто речь шла о стоматологе, колдовавшем над распахнутым ртом после укола заморозки.

Иногда после чая Дуся, нарядившись в темно-синее с белыми кружевами платье, играла на электропианино — Чайковского или Свиридова, но обычно тренировалась одна. Чтобы никому не мешать, она надевала наушники, и из ее комнаты долго доносился костяной страстный перестук.

Маша пела. Выпрямившись до тонкого хруста, вздымая малые, невесо-мые груди — чисто и пронзительно. С увлажненными, потрясенными глазами. Русые брови пушинкой смыкались на переносице.

Она пела за те каникулы лишь дважды. Эту «духовную народную песнь», просто и отрадно ложившуюся на подготовленный слух, как снежные хлопья на мерзлый наст, первый раз вразнобой затащили ее родные, а во второй раз пособили и мы все:

*Ой блаженный этот путь,
Куда страннички идут...
В Русалим они идут,
А их ангелы ведут.
Аллилуйя, аллилуйя,
А их ангелы ведут...*

Выдалась оттепель, и заодно с деревенскими целый день мы весело катали огромные сахарные шары, а потом утрамбовывали горку ногами, лопатами и даже бревном.

Назавтра, когда вернулся мороз, понесли из проруби воду в ведрах. Она расплскивалась, и подступы к черной дыре становились серыми и скользкими, заставляя опасно танцевать.

Никита с расторопностью палача всходил на высокий эшафот по ко-мьям, уложенным и отесанным под ступени, бережно наклонял ведро и мед-ленно лил по гладкому крутому спуску. И так ведро за ведром, покрывая снег все более прочной коркой. Быстро темнело, мы одурело гомонили в великом предвкушении и, взбалтывая кулаками — «камень-ножницы-бума-га», — разыгрывали будущие полеты (санок было меньше, чем нас), поэто-му не сразу слышали крик.

Протяжный вопль смертельного отчаяния...

Первым ринулся на подмогу деревенский паренек, тот самый, который не хотел в слесаря.

Сбегаю по тропке берега, я увидел сквозь синие сумерки, придававшие всему потешную невсамделишность, как он подлетел к проруби, нагнулся и с силой потянул что-то темное, а сзади его рванул подоспевший Никита, которого обхватил неожиданно проворный Митрофан.

Сказка про репку была разыграна в три счета, а темное оказалось спасенной из проруби Лидой, стонущей и подвывающей. Ее теперь несли до-мой. Длинная сырая юбка оплела ноги и замерзала скользкой чешуей, по-хожая на хвост русалки.

Это происшествие испортило весь остаток отдыха, и даже гонки по горке лишились волшебства и задора.

Лида ожидаемо слегла — с кашлем и жаром, в храме отслужили смешанный молебен с разными тропарями — благодарственным и об исцелении, мы ходили по дому на цыпочках, чуткие и тихие, словно принявшие епитимью за тот шумный восторг, из-за которого едва ее не потеряли.

Двадцать пять лет спустя один из нас умер, и вышло так, что, созвонившись, а в основном списавшись, мы решили ехать на отпевание.

Я сел в автобус возле метро «Медведково» и ехал всю ночь. Не спалось — то ли потому, что трясло, то ли из-за мыслей, которые роились в голове все гуще, обжигая щеки. Почему я ехал? Я не знал той близкой дружбы, которая была между Сретенскими и Охупкиными, и, в сущности, ненароком попал в их компанию, после видел изредка некоторых из них, обычно отцов семейств, сослуживших моему папе в Москве. С этими поповичами и поповнами меня соединяла пуповина коротких каникул одной давней зимы. Но что-то заставило бросить все и устремиться на прощание к человеку, хотя никогда с ним толком-то и не говорил. Я смотрел в черноту неизвестности сквозь стекло, где смутно отражалось мое чужое, встревоженное лицо, словно бы некий фоторобот, пока оно не растворилось в проступавших полях и лесах, над которыми вновь рождалось розовое светило. Может быть, я ехал, как блудный сын, чтобы припасть к таким же или не таким же, малознакомым и непередаваемо своим, и попытаться утолить сиротство, годами гнавшее меня все дальше и дальше улицами и переулками за теплым порогом церковного детства? Ведь мы же другие, иные, особые, а значит, сколько бы ни встречались нам на путях наших лет, в этих людях ни за что не будет чего-то того, что мы опознаём друг в друге с полувзгляда. Это наше благословение и проклятие — наверное, есть какая-то смешная и страшная правда в том, что мы одинаково притягиваем бесов-искусителей и ангелов-хранителей. Наверное, есть в нас несмыслимая театральность манер и, может быть, жизненная игра — и одновременно настоящая, диковинная, древняя, пылкая жертвенность и жажда служения...

И все эти обильные слова, дребезжавшие и жалившие изнутри, вдруг рассеялись, и ум мой опустел под траурный звон, среди плачущих женщин и испуганных детей, и тех, кто бодрился верой в бессмертие и светом славной кончины, потому что покойный был призван на небо перед алтарем.

Каждый колокол звучал раскатисто по одному разу — от самого маленького до самого большого, — напоминая о возрастающей жизни, а затем звонарь ударял одновременно во все колокола, что означало конец, обрыв, крушение. И опять сначала...

Я бред, спокойный, чему-то немного удивленный, несколько раз споткнувшись о старые плиты, обмениваясь с кем-то тихими кивками и пожатиями (смогли приехать не все), вслед за тремя молодыми священниками и двумя немолодыми, один из которых был несчастным отцом.

На белых веревках они опустили гроб.

Зарыли быстро и сверху ловко воткнули крест с черной металлической табличкой, где золотилось на солнцепеке: «О. Митрофан Сретенский, 1981–2017».

Ко мне осторожно подошла Маша, в темном платье и темном платке, из-под которого торчала все та же русая прядь.

Обнявшись, мы молчали.

Владимир СКИФ

«НЕ МЕРЯЙ ИСТИНУ СОБОЙ...»

Владимир Петрович Скиф — родился в 1945 г. на ст. Куйтун Иркутской области. Служил в морской авиации, окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 27 книг, вышедших в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области. Лауреат Большой литературной премии России. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Советник губернатора Иркутской области по культуре. **Живет в Иркутске.**

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Сиянье дня вошло в меня,
И вся душа зазолотилась.
И, вдохновением звеня,
Ко мне слетела Божья милость.

Я смог по воздуху летать
И червяка, и птицу слушать.
Вселилась Божья благодать
В мою немеющую душу.

Душа в себе — открыла стать
И обрела движенье жизни.
Стихами стала мир латать,
И нужной сделалась — Отчизне.

Вернула Божья благодать
Мне зренье острое, как саблю,
Чтоб мог я близко увидеть
Былинку и тумана каплю,

И сострадать земле большой,
Кровинке малой, старцу, лесу,
Чтоб смог радеющей душой
Приникнуть к каждому порезу.

СУМРАК

Ухожу, проваливаясь в сумрак,
Будто в бездну века ухожу,
Небеса, окрашенные в сурик,
В слякотную осень уношу.

Сумрак тучный, вязкий, как болото,
Чавкает прожорливой мглой.
Унести мне в прошлое охота
Тайны века под своей полой.

Унести разломы и расколы
Общества, России, бытия...
С помощью Угодника Николы
Возродить убитые края.

Чтобы сумрак, ослепивший души
Грешного народа моего,
До конца Россию не порушил,
Не затмил Отчизны торжество.

Под сырой осенней позолотой
Оживаю от душевных ран...
Из меня уходит сумрак плотный,
Как с Байкала-озера туман.

НА ЛУГУ

Наконец, в деревню соберусь,
Оторву от пыли башмаки,
Перейду через печаль и грусть
И отмою сердце от тоски.

В рощи, в сенокосные луга
Я сто лет пытался завернуть.
Мне судьбы зацепя-острога
Не давала с крючьев соскользнуть.

Обниму полмира, полземли,
Рассеку ладонью небеса,
Чтобы ливни Божии сошли
И омыли святостью глаза.

На лугу ромашки зацветут,
И пойдут влюбленные вдвоем.
Станет сердцем мира старый пруд,
А ворона станет соловьем.

КРЕСТ

Николаю Ряполову

В поле Вечный Крест вознесся
От земли и до небес,
Мировую ставший осью,
Освятивший дол и лес.

Что он значит в чистом поле:
Божью силу? Божью стать?
Средоточье русской боли
Или неба благодать?

Что он зрит? Веков гуденье?
Битвы сгинувших племен?
Золотой Орды паденье
Посреди седых времен?

Кто под ним лежать достоин?
Кто презрел и смерть, и страх?
Просветитель или воин?
Предводитель иль монах?

Крест — России постоянство,
Он и в дождик, и в метель
На себе несет пространство,
Словно серую шинель.

Он живых и мертвых слышит,
Поднимается окрест
И святым дыханьем дышит
Православный Русский Крест.

СИНИЦА

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...*

А. С. Пушкин

Неизбынно детство длится,
Не сгоревшее дотла,
Там — у Пушкина — синица
Тихо за морем жила.

А в лачужке пела няня...
— Няня, пой! Твой голос мил. —
Пушкин слушал со вниманьем,
Душу песнями томил.

— Для чего, скажи, синица,
Ты летала за моря?
Что тебе ночами снится
В зыбкой дреме сентября?

Почему тебе, синица,
Не жилось в моем саду?

Ты, быть может, царь-девица?
И другой я не найду?!

И синица отвечала:
— Я летала за моря,
Лучшей доли я искала,
Да искала, видно, зря...

Доли лучшей, воли вечной
Не нашла среди тепла,
И в печали бесконечной
Море синее сожгла.

И упала я без силы
На родимом берегу...
Поняла, что без России
Жить на свете не могу.

ТОСКА

Во мне засеялась тоска,
Как мелкий дождь
сквозь Божье сито.
Боль не проходит у виска,
И для любви душа закрыта.

Нет места свету, только тень
Сама в себе стенает гулко,
В осколки разбивает день
На дне ночного закоулка.

А с неба сыплется тоска,
Как град, большими семенами.
И вот уже течет река
Непониманья между нами.

Куда себя от мира деть?
Быть может, крытые печалью
Поляны на себя надеть
И стать туманной
русской далью.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Не меряй истину собой.
Соизмеряй себя — с собою.
Не проходи, как дождь слепой,
Мелькнувший влагою скупою.

Сумей подняться над собой,
В Библейском Слове будь уверен,
И станет истина — судьбой,
Которой ты служить намерен.

Она созиждится в тебе,
Благих высот не покидая,

В Господней пастве и в толпе
Пребудет истина святая.

И дождь, и Храмы на Крови,
И свет и радуга на небе —
Всё преисполнено любви
По высочайшей Божьей требе.

Творец сойдет в разломы дней,
И ты промолвишь: — Святый Боже!
Вот Небо Истины твоей!
А истина — всего дороже.

* * *

Занемела душа — в ней такая печаль
и пустыня.
Я — Отечества сын, у которого сердце болит,
Оттого что в стране, до озноба родной
и постылой,
Прокатился, как смерч по земле,
чужеземный болид.

Космос хоть и велик, он к убийству земли
равнодушен,
Он — темница души, кладовая безглазых планет.
Только строгий Господь собирает
светлейшие души,
А к неверным и злым у него снисхождения нет.

ПОЭЗИЯ

Валентин ГОЛУБЕВ

«МЫ ЛИШЬ СОЗДАНИЯ ТВАРНОЙ ПЛОТИ И ЗАМЫСЛА ГОРНЕГО»

К юбилею поэта

Валентин Павлович Голубев — родился 25 ноября 1948 г. в пос. Сосновая Поляна под Ленинградом. Учился в Ленинградском государственном университете. Автор многих книг стихотворений. Лауреат первых премий: «Ладога» им. А. Прокофьева, им. св. князя Александра Невского, им. А. К. Толстого. Имеет награды: медаль князя Александра Невского, «За заслуги перед отечественной культурой» и другие. Член СП России с 1990 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Хлебный мякиш деревень,
нафталин известики, силос...
В колокольчикову звень —
дребедень сенокосилок.

Праздник выцвел, толку — пшик...
Сгнил остаток по сусекам.
Нынче дружбу я вершить
буду с дятлом-дровосеком.

Врать соседским старикам
о своих, мол, только вышли...
И звонить по пустякам
в колокол пожарной вышки.

Ступа в доме — дни толочь,
да иконка старой меди.
За окошком, что ни ночь,
колобродят Буки, Веди...

В сутемь — ни звезды, ни зги...
Мотылек в пустом стакане.
В степь — закашивать круги,
что оставят марсиане.

* * *

Моей маме Серафиме

От Фонтанки декабрем блокадным
вдоль разрух к Никольскому Собору
мать идет (а я еще «за кадром»)
и несет подарочек с собою.

Семенит, ведь еле держат ноги,
по Сенной, над нею снега зерна,
с хлебушком, чтоб дать потом убогим,
бережно в кармане припасенным.

Между артобстрелами затишь
от врага, мол, малость пожируйте...
А в коморке дворницкой детишки
ждут у остывающей «буржуйки».

Батюшка крестится с аналоя
на прореху в стенке: — Помогите нам,
Господи... Осталось только трое
певчих, остальные — по могилам...

А меня здесь нет еще в помине,
нет еще в записочках заздравных,

это уж потом дадут мне имя
здесь, в купели, и признают равным.

Я в конце сороковых явлюсь здесь
сорванцом, хотя еще младенцем,
матерью гордясь, мол, полюбуйтесь
на сие молитвенное действо!

Выживут и брат мой, и сестренка,
тешась кипяточком с сухарями,
и отец живым вернется с фронта.
Знать, Любовь какая-то над нами.

ПАРК ПОБЕДЫ

Нынче парк, где когда-то кирпичный завод
исходил сладковатым дымком похоронным.
Слышу голос, как будто бы кто-то зовет:
— Помяни нас...
Вокруг лишь скворцы да вороны.

Может, встречу своих, по дорожке бреду,
пусть не сразу узнают и спросят: — А кто ты?
Вон часовня за прудом на том берегу,
прах развеян под сенью креста и ротонды.

Той блокадной зимой лишь присниться мог хлеб,
и не в силах принять были мертвых могилы,
и вдоль улиц лежали без спроса и треб
их тела до весны на морозе нагими.

Торопились полуторки-грузовики
с той поклажей — для мертвых шлагбаум был поднят,
вагонетки летали там, как челноки,
в раскаленное жерло печной преисподни.

Ни прощаний, ни слез, и никто не поет...
Помянуть по-людски — перед мертвыми откуп,
потому кочегарам усилен паек —
по сто граммов на брата наркомовской водки.

Это было давно. Не осталось почти
тех, кто выжил случайно и был очевидцем.
Дети потчуют птичек зерном из горсти,
и дымок непонятный над парком клубится.

РУССКАЯ ДУША

Не пытайтесь! Нельзя объяснить!
Что к чему здесь.

Напрасно стараться
ухватить эту красную нить,
что связала страну —
не пространство.

Здесь от скуки кричи не кричи,
даже птицы не станут пугаться.

Лишь мужик на секретной печи,
вдруг проснувшись, поедет кататься.

Мудрый Дизель придумал мотор,
сила есть посильнее моторов!
То, что русскому — самое то,
немцу — смерть на морозных
просторах.

Даже в пору нелегких годин
к нам ни с плетью нельзя, ни с елеем.
Здесь Лжедмитрий уже не один
и развенчан, и прахом развеян.

Пусть заботы у нас и умы
в обрусевшей картошке и в жите,
Запрягать не торопимся мы,
ну а если поедем — держитесь!

Немец капнет, где русский плеснет,
чтобы душу живьем вынимало.
Здесь на праздник Чернобыль рванет
так, что всем не покажется мало.

Аввакум! В свой костер позови!
Мелковаты и Данте, и Ницше.
Если храм у нас — Спас-на-Крови,
а поэт — так на паперти нищий.

В этой жутко-прекрасной судьбе
дни — столетья, не то чтобы годы,
как магнит, притянули к себе
и, вобрав, растворили народы.

Не прельстить, не распять на щите,
в нищете и гордыне истаем...
Ну а вера: ударь по щеке,
мы другую в смиренье подставим.

Почему так?
Да Богом дано!
Пусть концы в неувязке
с концами...

Как все глубже байкальское дно,
так и звезды все выше над нами.

ИЗ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ТЕТРАДИ

Татьяне

1. ПОЛЕТ

Мы летели в ночи преисподней,
высоко, где ни тучки, ни птицы,
чтоб склониться пред Гробом Господним,
чтоб покаяться и причаститься.

Как птенцы мы прижались друг к другу,
пребывая в надежде, в терпенье...
Мы глухи к самолетному гулу,
нам хотелось бы птичьего пенья.

Нам пора в Иордане омыться,
у Голгофы оглохнуть от плача,
на ладошке судьбы без Провидца,
беззащитные, мало что значим...

Мы лишь дети Эдемского сада,
в безысходном блуждая сиротстве,
вдруг очнулись: в истоках услада
тех, откуда пошло первородство!

Совершится все то, что мы ждали,
и расступятся ангелы: пусть их...
Самолет из небесных блужданий,
чуть встряхнув, нас на землю опустит.

2. КУПАНИЕ В ИОРДАНЕ

На ветке трамвайной газетным листком шелестеть,
овсянку в «хрущевке» принять за подарок, как данность...

Затюканный жизнью представить не мог и хотеть
омыться под старость в блаженных волнах Иордана.

Здесь был Иоанном когда-то крещен Иисус,
и в белых одеждах представший потом на Фаворе.
Мы в воду заходим в рубахах... И сладок искус:
не быть со щепой унесенными в Мертвое море.

Рубашка на вырост! Бог даст, так еще подрастем!
Замолим грехи, проживая сторожко, тихонько...
Две горлицы в Храм побыстрее проведут под дождем
и в небе исчезнут над кручею иерихонской.

Темнеет. Дороги библейское веретено
закружит в тумане, что древними пряжами соткан.

Ты молча поставишь на столик и сыр, и вино,
я в небо смотрю из окошка отельной высотки.

3. В СТАРОМ ГОРОДЕ

В узких улочках Старого города,
где вели на Голгофу Спасителя,
ищем то, что судьбою расколото,
потерялось, иль просто похитили.

Здесь в лавчонках развалы щербетные,
и халвы, и хурмы изобилие.
Разбазарили денежки медные,
но и здесь для чего — не забыли мы.

У торговцев и выговор шелковый,
и ладони, и взгляд — маслянистые.
Здесь паломники бродят с кошелками
и пииты с лавровыми листьями.

Заплутали. А улочка — к Молоху,
да к оврагу с гееновым жжением.
Знать бы это все было нам смолоду,
обошли б стороной искушения!

Выбираться пора нам с окраины
от видений недобрых и морока.
Катят бочку какие-то каины,
неизвестно — с вином или порохом.

Что мы сможем?
Дорога-то дальняя
привела нас ко Гробу Господнему
исповедаться.
Мы лишь создания
тварной плоти и замысла горнего.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Иржи ОПРШАЛ

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: 100 ЛЕТ ОТ СОЗДАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув-Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

ВВЕДЕНИЕ

28 октября 1918 г. в центре Европы появилось новое государство — Чехословакия. О влиянии русских революций — февральской и октябрьской — на ее возникновение в журнале «Родная Ладога» была недавно опубликована моя статья. Сейчас я хотел бы коротко пройти по 100-летней истории этого государства, одного из наследников Австро-Венгерской империи, созданного после 1-ой мировой войны по решению Версальской конференции. Два небольших славянских народов — чехи и словаки — после столетий освободились от ига Габсбургов и создали свое независимое, демократическое государство. Жизнеспособное или умелое сотворенное 14-ю миллионами жителей — чехов, словаков, немцев, венгров, поляков и русинов? Напомню про и против этого населения, находящегося в центре меняющейся Европы.

СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Общепризнанными вождями возрождения чехов и словаков были профессор Томаш Масарик, депутат австрийского парламента; Эдуард Бенеш, юрист, воспитанный и проживающий во Франции и словацкий астроном, затем генерал Милан Штефанек. Во время войны они действовали за границей с целью разрушить Австрийскую империю и создать независимое, славянское государство. Это было нелегкое дело, раз в создаваемой стране находились и влиятельные меньшинства — более 2 млн немцев вдоль чешско-немецкой границы, полмиллиона венгров в южной Словакии.

Кроме лидеров, действующих за границей, были и влиятельные

местные политики во главе с Карелом Крамаржом, прорусским консерваторм, мечтающим о создании Всеславянской империи во главе с Царем всея России. Он стал и первым премьер-министром Чехословакии в 1918 году. Убежденный антибольшевик, он в начале 20-х годов занимался идеей создания царской армии в Чехословакии, которая выступила бы вместе с чехословацкими легионерами против советской власти. Профессор Масарик, более реалист, так же внимательно смотрел в сторону России, видя в ней оплот для всех славян. После февральской революции он искал более демократическое решение, связанное с правительством Керенского и движением левых эсеров. Однако, гражданская война в России и революции, вспыхнувшие в ряде стран, повлияли существенным образом на политическую ориентацию вождей Чехословакии. Масарик очень активно действовал в США, чтобы убедить президента Вильсона о жизнеспособности нового государства. Великобритания вплоть до конца войны стремилась удержать монархию Габсбургов. Бенеш и Штефаник вели активную борьбу во Франции: Бенеш политическую и Штефаник военную, организуя чехословацкие легионы, которые действовали во Франции, Италии и в России. К сожалению, этот смелый человек погиб в самолете близи Братиславы, возвращаясь после войны из Италии на родину.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЖИЗНИ

Двадцатые годы оказались сложными по всем направлениям. Экономически позитивную роль сыграли чешские земли, которые уже в рамках австро-венгерской монархии были индустриально наиболее развитыми. Словакия, наоборот, являлась отсталой аграрной страной. А Закарпатская Русь, присоединенная к Чехословакии, еще более отсталой. Политические сложности заключались в том, что чешская буржуазия хотела руководить всей страной, и остальные смотрели на ее «экспансию» с недоверием. Это проявилось особенно в Словакии, куда приехали тысячи чешских чиновников, учителей, жандармов и других, чтобы здесь создать местные государственные структуры. Чешская помощь была нужна потому, что в годы монархии мадьяризация словацкого населения была намного сильнее, чем германизация чехов. Известно, что до начала Первой мировой войны словаки как нация почти не существовали. Страна тогда называлась горной Венгрией.

Особым случаем стала Закарпатская Русь, восточная территория Австро-Венгрии, которая после крушения монархии осталась без управления. Так как в этом вопросе играла выдающуюся роль Франция, версальская конференция присоединила эту землю к Чехословакии. Военным резидентом был установлен французский генерал, поскольку эта территория играла важную роль во французских планах подавления большевизма между Балтийским и Черным морями.

Мой отец в конце 20-х годов проходил военную службу в Мукачево. Он мне рассказывал, что хотя чешские солдаты находились здесь в основном как милиция с целью поддержать порядок, русинское население их любило и пригласило в семьи. Все вместе готовили светлое будущее.

Касательно внутренней политики, демократические правила соблюдались. Левые и правые партии чередовались у власти. Права национальных

меньшинств соблюдались тоже, хотя по отношению к немцам и венграм с осторожностью.

Конструктивную роль в Чехословакии, как и других странах, например Франции, играла эмиграция из России. В основном это были офицеры-белогвардейцы, царские чиновники и их семьи. Образованные люди и специалисты в многих сферах жизни. Инженеры помогали модернизировать промышленность, научные работники активно включались в правительственные учреждения, военные участвовали в создании сильной чехословацкой армии. Ярким примером был генерал Сергей Николаевич Войцеховский. Он сыграл крупную роль в организации чехословацкой армии, генералом которой стал в декабре 1929 года. Он был уже в тесных контактах с легионерами чехословацкого корпуса вдоль сибирской магистрали, которые после сложного путешествия на родину стали костяком новой армии. Об этом очень интересно рассказывает русский писатель и друг нашего клуба Святослав Рыбас в своей исторической работе «Мюнхен-пророчество Бенеша».

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В 30-х ГОДАХ

Экономический кризис, который начался крахом биржи в Нью-Йорке в 1929 г. осложнил положение в Европе и во всем мире. Политическое лицо Европы изменилось существенным образом. Очень ярко об этом пишет чешский историк и дипломат Ярослав Шедивы в своей интересной книге «Роковой союз — отношения между Прагой и Москвой, 1920—1948»: «Появились два очага возможных конфликтов — первым Япония, и затем Германия. К ним присоединилась Италия военной интервенцией в Абиссинии. Разгорелась гражданская война в Испании. Международное положение Чехословакии серьезно ухудшилось».

Эдуард Бенеш, министр иностранных дел с 1918 по 1935 гг. и затем президент Чехословакии, большой друг и союзник Франции, собирался строить вместе с ней послевоенную Европу на основе версальских мирных договоров. В Женеве возникло «Общество наций», которому он очень активно посвятил 20 лет своей дипломатической работы. Прекрасно приближает этот период его деятельности американский писатель Эдвард В. Гичкок, большой друг и поклонник Бенеша, в книге «Я посвятил всю жизнь миру», изданной в Лондоне в 1943 году. В женевском Обществе наций Бенеш играл долгие годы ведущую организаторскую роль, думая о том, что оно станет костяком безопасности. Кроме того, он мечтал о создании системы безопасности в северной Европе под руководством Франции, т. к. был убежден, что она самая надежная для малых стран этого региона.

Особенно 1934 г. принес первое важное ослабление международного положения Чехословакии. В соседней Австрии был разбит социал-демократический Штубунд и к власти пришел клерофашистский режим Дольфуса. Большим ударом для Бенеша было заключение польско-германского договора 1934 г. и развертывание античехословацкой политики профашистского польского правительства Бэка. Влияние нацистов усилилось в Венгрии. На Балканах сильно ангажировалась фашистская Италия, которая однозначно потребовала ревизии версальской системы. Бенеш тогда в письме француз-

скому премьер-министру заметил: «Состояние демократии в средней Европе жалостное. Наша “сплендайзойейн” в окружении фашистских диктатур стала полной. Мало спокойная ситуация для нас».

Немногие их остающихся демократий в Европе искали выход из положения и вновь посмотрели на Восток в сторону СССР. Он ими больше не казался опасным неприятелем, а может быть, наоборот — союзником и оплотом. Впервые в своей истории СССР мог стать гарантом европейской безопасности. Э. Бенеш приветствовал эту новую обстановку. В циркулярном письме своим послам он написал: «Россия окончательно входит в европейскую политику и становится членом Общества наций. Возникает новое равновесие в Европе. Франция в спорах с Германией уже не будет при любом конфликте стоять между Англией и Италией, которые толкают ее всегда к компромиссам».

После покушения на югославского короля Александра и французского министра Барту, все взоры во Франции и Чехословакии устремились на СССР. Даже Лавал должен был согласиться и подписать францужско-советский договор о сотрудничестве и взаимной помощи. Вслед за ним такой же шаг сделал и Бенеш в надежде спасти безопасность Чехословакии.

МЮНХЕН

История зачастую толкает политиков действовать «на добро» своих наций. В сложной обстановке перед 1938 г. казалось, что все блага для доминирующих европейских держав находятся на востоке. Идея Мюнхена возникла у «гениального» Муссолини. Он уже сумел справиться с Балканами и завоевал Абиссинию. Сейчас «поможет» средней Европе. Какой же чудесный план он приготовил? Мюнхен!!! Чтобы предотвратить «геноцид» немцев в Судетской области Чехословакии, надо установить контроль, чтобы узнать, что там творится. Генлейн, помощник Гитлера, это уже знал. Из Карлсбада кричал: «Геймс ин рейх» — «Домой в рейх», и действовал в этом плане.

О сговоре и предательстве в Мюнхене было написано много книг-свидетельств. Я ограничусь тем, чтобы напомнить мнение и чувства президента Бенеша, который не только горько переживал предательство западных держав, но и предвидел — один из немногих — куда это осуждение небольшой демократической страны в центре Европы приведет: ко второй мировой войне.

21 сентября 1938 г. английский и французский послы в Праге потребовали немедленный прием у президента Бенеша. Он их принял в два часа ночи и был поражен их заявлением, что западные правительства считают чехословацкое правительство ответственным за события в Судетах и, в случае нападения на Чехословакию Германией, не может ожидать помощи ни от Франции, ни от Англии. Последовал мюнхенский диктат и бешенные атаки Гитлера, Геринга и других нацистов на Бенеша. С момента, когда Бенеш узнал, что Франция ему не поможет, понял, что система безопасности, которую он активно строил в течение двадцати лет, рухнула. Единственный, кто был готов в военном плане помочь, был СССР при условии, что поможет Франция и этого попросит чехословацкое правительство. Ни одно, ни другое не случилось.

Президент Бенеш знал, что в демократическом государстве за такую трагедию должен кто-то отвечать, взял со всей горечью эту беду на себя. 5 октября 1938 г. подал в отставку. Поскольку угрозы со стороны гитлеровцев продолжались, Бенеш, по настоянию семьи и друзей, 23 октября 1938 г. улетел в Лондон. Там под тяжестью физической и душевной напряженности некоторое время сокрушался, однако, морально оставаясь сильным, стал думать, как ему действовать в ожидании военных действий. Его прогноз оказался правильным: Мюнхен непосредственно привел ко второй мировой войне.

Первые пять месяцев в Лондоне Бенеш промолчал, хотя журналисты добивались его взглядов и комментариев. Затем Бенеш получил приглашение из университета в Чикаго — читать лекции о демократии. Поехать туда в качестве профессора ему понравилось, и он согласился. До этого он в США никогда не бывал.

В Нью-Йорке и в Чикаго он приобрел много друзей. 7 000 студентов университета его избрали «самым выдающимся мыслителем» 1939 года. Существенным образом ему помог и сын первого президента Ян Масарик, который пользовался в США большой популярностью.

15 марта 1939 г. гитлеровская армия оккупировала Чехию, Моравию и Силезию, а Словакия еще 14 марта провозгласила самостоятельность и стала клерофашистским вассалом. В тот же день Бенеш принял решение возглавить сопротивление чехов и словаков против фашизма. Большой моральной поддержкой для Бенеша был тот факт, что правительство США отвергло гитлеровскую оккупацию Чехословакии. Великобритания, Франция и Советский Союз сделали то же самое. Еще в Америке Бенеш и Ян Масарик активно работали, чтобы сплотить чехов и словаков в борьбе против оккупантов. В больших американских городах собирались десятки тысяч жителей, чтобы поддержать их стремление. 28 мая 1939 г. Бенеш встретился в Гайд-парке с Ф. Д. Рузвельтом, это была частная встреча двух президентов, которая их сильно сблизила.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Когда Бенеш и Масарик, как частные лица, вернулись в Лондон, им было нелегко. Британское правительство не соглашалось ни с созданием в Лондоне чехословацкого правительства в изгнании, ни с аннулированием мюнхенских соглашений, с самого начала. И здесь чехам помогли друзья.

Известно, что Ян Масарик давно дружил в Лондоне с советским послом Иваном Майским. Они встретились 3 июля 1941 г., два дня спустя обращения И. В. Сталина к советским народам. Масарик уже тогда работал министром иностранных дел чехословацкого правительства в изгнании. Майский ему заявил, что получил инструкцию из Москвы, чтобы с ним подготовил договор о совместной борьбе с Германией. Ян Масарик, известный своей непосредственностью, ему ответил: «Отличное предложение, давайте сядем, сочиним и подпишем этот текст немедленно». После этого посол Майский прислал президенту Бенешу письмо, содержащее основные пункты советского предложения:

- признание полной независимости Чехословакии;
- невмешательство во внутренние дела Чехословакии;

- немедленное возобновление дипломатических отношений;
- согласие с созданием чехословацких военных сил в СССР.

18 июня 1941 г. посол Майский и министр Масарик подписали чехословацко-советский договор о сотрудничестве в войне против Германии.

Для президента Бенеша самым главным было добиться аннулирования мюнхенских соглашений с самого начала и подтверждение чехословацких границ до 1938 года. СССР и США готовы были сделать это немедленно, но британское правительство возражало. Помочь должны были военные действия.

В Великобританию стали перемещаться из Франции тысячи чехословацких солдат, сотни опытных летчиков, что было большой поддержкой этой стране во время германских воздушных налетов. В СССР под руководством Людвика Свободы начались формироваться чехословацкие военные отряды. В Праге парашютистам удалось совершить покушение на Гейдриха, одного из виднейших гитлеровских палачей. Престиж президента Бенеша и его правительства возрастал. Британское правительство вынуждено было изменить свою позицию и заявило о полном признании Чехословакии в домюнхенских границах.

В течение 1942 г., после однозначной позиции СССР, последовало признание чехословацкого правительства почти всеми странами антигитлеровской коалиции. В этой связи напомним два довольно важных последствия:

Во первых, судьба Словакии; клерофашист Тиссо настолько дрожал перед Гитлером, что даже выслал ему на помощь восточному фронту одну дивизию. Словакия могла очутиться среди побежденных стран и после войны могла ожидать трудные мирные переговоры, как Венгрия и Болгария. После энергичных шагов Бенеша и включения чехословацких военных подразделений в борьбу против фашизма, Чехословакия твердо стала членом антигитлеровской коалиции, включая Словакию. Это затем ярко подтвердилось в 1944 г. в ходе Словацкого национального восстания.

Второе осложнение создало польское правительство Миколайчика в эмиграции. Оно выступило с несогласием аннулировать Мюнхен в надежде на сохранение для Польши оккупированной чешской части Тешина. В игре польской эмиграции в Лондоне немаловажную роль играли и ее планы на послевоенное устройство средней Европы. Полякам в Лондоне вновь захотелось играть ведущую роль в этой части Европы. К их сожалению, польский антисоветизм, дающий о себе знать и в ходе войны, перевесил антифашизм. Они предложили Бенешу создать после войны польско-чехословацкую конфедерацию, к чему их толкал и У. Черчилль, думая о том, как создать после войны антисоветский санитарный кордон. Реалист Бенеш соображал, кто будет выгонять немцев из этой части Европы, и отклонил это предложение. Совместно с советскими дипломатами предложил создание советско-польско-чехословацкой унии, к которой могут присоединиться и другие освобожденные страны. Так в конце концов и получилось, но не с правительством Миколайчика.

Опытный стратег Бенеш знал, что послевоенная судьба Чехословакии будет связана с СССР. Поэтому он не только согласился с идеей чехословацко-советского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном со-

трудничестве, но даже сформулировал его первый вариант. С ним, в июне 1943 г., отправился в Вашингтон, где получил полное согласие президента Рузвельта. Немедленно хотел поехать в Москву и подписать договор. Однако, этому воспрепятствовал Черчилль, который в таком шаге увидел конец своих конфедеративных планов, и поездку Бенеша в Москву запретил. Пришлось ее отложить на полгода. Британское правительство дало свое согласие только после возвращения министра Идена из совещания в Москве в октябре 1943 года. И так, 12 декабря 1943 г. произошло историческое событие — подписание в Москве при участии Э. Бенеша и И. В. Сталина чехословацко-советского договора. Кровавая война длилась еще полтора года, но президент Бенеш уже знал, что он через Москву вернется на свою позицию.

1945 ГОД — ПОБЕДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Вторая мировая война закончилась 9 мая в Праге. Все чехи и словаки помнят, с каким восторгом они встречали освободителей, в основном Красную Армию. Часть западной Чехии освободила американская армия. И там ее встречали сердечно. Молодым либералам, которые сегодня обожают американцев, как будто они освободили всю страну, надо напомнить следующие данные: 92 % страны освободила Красная Армия. При освобождении Чехословакии погибло 144 000 красноармейцев, 33 000 румын, поляков, французов, голландцев и только 200 американцев.

После войны весь народ был готов к возобновлению страны, к творческой, созидательной работе. Молодежь, конечно, шла в первых рядах. Народ мирно трудился, а политики готовили новую эру — эру «холодной войны». В этом плане на Западе показался самым выдающимся стратегом У. Черчилль. Он изобрел не только «железный занавес», но рекомендовал, даже после Японии, свергнуть атомные бомбы на СССР, пока их у Советов нет. Президенту Трумэну не хотелось пойти столь далеко, но тем не менее прислушивался к советам Черчилля. Например, он потребовал отложить Потсдамскую конференцию в верхах на несколько дней. Он знал о том, что произойдет взрыв американской бомбы над Хиросимой, а это несомненно повлияет на Сталина в Потсдаме.

В Чехословакии состав населения изменился. По решению Потсдамской конференции почти три миллиона немцев были переселены в Германию. Позже, на востоке, Закарпатская часть была воссоединена с Украиной. Вольские чехи и словаки из других регионов, всего около одного миллиона человек, вернулись на родину. Страна стала в национальном плане более гомогенной. Однако, распри начались, как и в других европейских странах, во внутривластном плане. Сферы влияния распределились, в основном, соответственно результатам войны. Восточная Европа попала под влияние СССР, западная под домен США.

В мае 1946 г. в Чехословакии состоялись первые послевоенные выборы. Ярко в них победила КПЧ, получив 38 % голосов, в Чехии и Моравии даже более 40 %. В Словакии победила демократическая партия, которая получила 62 % голосов, компартия только 30,4 %. Президент Бенеш именовал правительство Национального фронта во главе с председателем КПЧ К. Готтвальдом. В состав этого правительства входили председатели четырех чешских и двух словацких партий. На годы

1946–1948 был принят 2-летний план возобновления национальной экономики. Казалось, что он успешно выполняется и страна стабилизируется. Левые политики стали говорить о строительстве Народной демократии. Активную поддержку находили у профсоюзов и молодежи. Всем молодым понравился Всемирный фестиваль демократической молодежи, который состоялся в Праге с 25 июля по 17 августа 1947 года. В его завершении прошло улицами Праги свыше 100 тысяч участников.

К сожалению, разделение Европы на два блока стало уже очевидным, особенно после провозглашения доктрины Трумэна и после атомных взрывов на Бикини. Во Франции коммунисты были исключены из правительства, в Италии создали правое правительство без коммунистов и социалистов.

Важную роль сыграл «план Маршала», предлагающий экономическую помощь США разрушенным странам Европы. Чехословацкие представители его вначале приветствовали. Министр Масарик во время своего визита в Норвегию 22 июня заявил: «Мы за этот план, преследует ли он единство Европы, но мы против, если целью ее разделение». Чехословацкое правительство приняло в предварительном порядке приглашение к участию в парижской конференции, но советское руководство выразило с этим несогласие и пригласило Готтвальда в Москву. Сталин ему сказал, что план Маршала — это орудие, направленное против СССР, и он не может согласиться с участием Чехословакии в парижской конференции. Чехословацкое правительство поэтому немедленно отказалось от участия. Еще до этого то же самое сделали Албания, Болгария, Югославия, Венгрия и Финляндия.

ФЕВРАЛЬ 1948 ГОДА

Для Чехословакии наступил последующий, роковой 1948 год. В стратегически чувствительном пространстве средней Европы возник кардинальный вопрос: пойти с СССР или с США; третий путь исчезал. Борьба за выбор упорно проходила и в правительстве К. Готтвальда. Коммунисты и социал-демократы активно проводили политику социализации и национализации во всех областях и, естественно, были за углубление сотрудничества с СССР. Правые партии, наоборот, продвигали частные капиталистические инициативы и смотрели на Запад. Свержение правительства Готтвальда активно готовили, прежде всего вожди национально-социалистической партии, Зинкель и Рипка, которые искали поддержку у президента Бенеша. Однако, они свой замысел: принудить правительство подать в отставку и затем создать новое под своим руководством, подготовили плохо. Им не удалось уговорить двух беспартийных министров — Яна Масарика и Людвика Свободу — подать в отставку вместе с ними. Оба заявили, что «останутся вместе с народом». Президент Бенеш, чтобы не допустить насильственные столкновения, решил принять отставку правых министров, а формированием нового правительства уполномочил заниматься опять-таки К. Готтвальда. Этим самым открылся путь к полной власти КПЧ. К сожалению, президент Бенеш, который мог своим авторитетом уравновешивать ситуацию в стране, скончался в сентябре 1948 года.

Антикоммунисты и правые либералы после смерти Бенеша нашли самый легкий путь, как избавиться своей вины в поражении: свалили ее на

ушедшего президента. Объективные аналитики, однако, оценивают историческую роль Э. Бенеша взвешенно и в целом позитивно.

Первая половина 50-х годов была очень напряженной в международном и внутреннеполитическом плане. Тысячи чехословацких эмигрантов ждали начала горячей войны и активно к ней готовились. Незаконно помогали запускать в страну сотни диверсантов из Западной Германии, не говоря о яркой антикоммунистической пропаганде вещания «Свободной Европы» и других радиовещаний.

Коммунистическое правительство в Чехословакии, да и в других странах отвечали твердо: репрессиями и расправами. Были организованы судебные процессы и казнены зачастую невинные люди. Такие крайние меры принимались вплоть до 20-го съезда КПСС. Разумные люди, включая и некоторых политиков, позже приносили извинения, осуждали крайние шаги и стремились к демократизации жизни. В международном плане видные политики, как на пример французский президент Де Голль, искали смягчение напряженности и пути перехода к мирному сосуществованию.

В Чехословакии с самого начала 60-х годов проходила демократизация жизни во всех сферах. В области культуры были очевидны сдвиги, которые оценивались как местной публикой, так и международными экспертами. Литература, кинофильм, театральные пьесы того времени ценятся до сих пор. Они, зачастую, далеко превосходят продукцию настоящего времени.

Экономика также укреплялась. Промышленность росла, благодаря поставкам в страны СЭВ, сельскохозяйственные кооперативы консолидировались. Страна стала, хотя в скромных размерах, самостоятельной в продукции продовольствия. Сегодня положение с этой точки зрения резко изменилось к худшему. Демократизация жизни одновременно приводила к поляризации мнений и стремлений политиков и общественности. Подобные процессы проходили и в других странах, например в Венгрии, Польше, или во Франции.

РОКОВОЙ 1968 ГОД

В Чехословакии поляризация мнений и политические конфликты между либералами и догматиками внутри КПЧ и в общественности усиливались. Пришла «пражская весна». Уже в начале года был отстранен от власти президент А. Новотны. Главой КПЧ был избран словак Александр Дубчек, который почти всем понравился своей сердечностью и лозунгом «строить социализм с человеческим лицом». Президентом республики единодушно парламент избрал генерала Свободу, уважаемого всем народом. Оппозиционные тенденции, однако, возрастали, вплоть до крайних требований выхода Чехословакии из Варшавского договора и статуса нейтралитета. Неудивительно, что подобные действия встревожили не только советское руководство, но и в ГДР, Польше и Болгарии. Союзники пришли к заключению, что социализм в Чехословакии находится в опасности. Разъяснения из чехословацкой стороны, что здесь проходит только демократизация социализма, не принимались. Известные переговоры в верхах вождей СССР, Чехословакии и других социалистических стран в г. Черна над Тисой и в Братиславе не удовлетворили. Внезапно, 21 августа в 1968 г.,

произошла военная интервенция в Чехословакию. С советской стороны это называлось «помощью», с чехословацкой — «оккупацией». Войска вторглись в Чехословакию без всякого предупреждения. Интервенция так встретила полное несогласие президента, правительства и руководства КПЧ, кроме нескольких человек, которые затем скрылись. Общественность почти полностью выступала с протестами. К счастью, президент Свобода, являющийся главнокомандующим армией, запретил ее частям любое вооруженное сопротивление. Этим мудрым решением он спас страну от неизбежного кровопролития.

К смелому шагу решился тогдашний министр иностранных дел Иржи Гайек, который поехал в Нью-Йорк и с трибуны ООН резко осудил интервенцию. Профессор Гайек, историк и политик, был одним из блестящих чехословацких дипломатов послевоенного времени. В начале 60-х годов в ранге замминистра курировал и нас, первых выпускников МГИМО. Он нас часто принимал и давал, против воли догматиков, необходимые задания. Так, по его предложению, я стал в 1960 г. одним из первых чехословацких дипломатов, занимающихся «общим рынком», т. е. интеграцией в западной Европе. В 1977 г. Гайек стал одним из первых руководителей оппозиционной Хартии 77.

В 1969 г. в Москве был подписан протокол «о временном пребывании советских войск» в Чехословакии, которое затем продлилось на 20 лет. В 90-х годах правые идеологи назвали Свободу и Дубчека трусами и предателями. Промолчали о том, что другого выхода для них тогда не было. Президент Свобода сыграл в Москве нелегкую, но позитивную роль, потребовав вернуть на родину всех членов делегации, включая и интернированных. В Чехословакии началась «эра нормализации». Конечно, в международном плане это был диктат, но внутри страны существовала возможность действовать помягче. Догматики, однако, взяли дела в свои руки и решили расправиться с «врагами социализма». Во главе с Василем Билагом, русином из восточной Словакии, они придумали «метод проверок», что означало: исключить из партии самых вредных, исправить ошибающихся, и пусть остальные работают. В результате из КПЧ было исключено около 300 тысяч самых активных членов. Все они, и многие другие, потеряли работу, включая членов их семей. К счастью, все обошлось без жертв и судов.

(Личное свидетельство: В Париж для проверок работников посольства приехал сам Билак. Его комиссия предложила исключить из КПЧ почти всех сотрудников, во главе с послом В. Питхартом, включая заочно и меня. Я вернулся на родину после шестилетней службы перед Рождеством 1968 года. Комиссия в Праге и в моем случае смягчила результат: дала выговор и перевела на невыездную работу — подготовку хельсинского совещания. На этой работе я остался в течение последующих 20-ти лет.)

ХЕЛЬСИНКИ, 1975 ГОД

«Родная Ладога» уже раньше опубликовала мои воспоминания на КБСЕ. В Вене также вышла книга свидетельств прямых участников. Ограничусь только констатацией о том, что чехословацкая дипломатия в хельсинском процессе действовала весьма активно и оставила конкретные следы, видные

появились: в Хельсинки помогла обеспечить дальнейшие шаги после исторического совещания; в Вене выдвинула идею экономического форума, который регулярно собирается до сих пор. Не могу не заметить, что в этой важной работе по обеспечению безопасности и сотрудничества в Европе на разных этапах участвовали многие чехословацкие выпускники МГИМО (Балцар, Чебиш, Каднар, Долежел, Кубиш, Бухловский, Матейка и другие). Некоторые из них затем заняли ведущие посты в аппарате ЦК КПЧ (Клайн) или в МИДе. Яромир Йоганес стал в конце 80-х годов даже министром иностранных дел.

ПЕРЕСТРОЙКА

Известно, что во второй половине 80-х годов международная обстановка в Европе вновь обострилась в связи с размещением ракет средней дальности на Западе и Востоке. Ракеты СС-20 должны были появиться и в Чехословакии. Одновременно экономическое положение в восточных странах, особенно в СССР, резко ухудшилось. Неудивительно, что перемены произошли именно в СССР, где к власти пришел М. С. Горбачев. Его идеи перестройки и нового мышления волновали буквально весь мир. В Чехословакии, подобно как в переломных моментах истории, мнения расходились: прогрессисты с ним немедленно согласились, консерваторы и догматики побоялись. Самым важным для социалистических стран было заверение Горбачева, что СССР не будет больше вмешиваться в их дела, отныне все в их собственных руках. Какой поворот! В Чехословакии и в других странах возникла опасность гражданских войн. У нас начались демонстрации протеста, полицейские отряды их разогнали. К счастью, убитых не было. Самая большая тревога появилась со стороны вооруженной армии. Но ее держал твердо в своих руках министр обороны Мирослав Вацек. Он не позволял армии вмешиваться до переменных событий.

БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В конце 1989 года, как многие обозреватели говорили, государственная власть у нас «валялась на улице». Все как-то смотрели в будущее. Власть с подавляющей поддержкой народа взяла в свои руки оппозиция — Хартия 77 — во главе с Вацлавом Гавелом. С сильной финансовой и моральной поддержкой из Запада драматург Гавел стал действовать, как в театре. Создал «Гражданский форум», в котором его сторонники готовили политическое будущее. Их целью, конечно, был поворот в сторону капитализма. Но пока надо было поступать осторожно. Гавел проявил себя как настоящий мастер, так как вел себя целеустремленно, но «нежно». Президентом республики, сменив Г. Гусака, он был избран в т. ч. и коммунистическими депутатами. Главой нового правительства еще Г. Гусак назначил словацкого коммуниста Чальфу, министром обороны продолжал работать генерал Вацек. Здесь хочу отдать должное и нынешнему председателю нашего клуба МГИМО Йосефу Крейчи. Он тогда, закончив свою миссию в Чехословацком комитете защиты мира и во Всемирном совете мира в Хельсинки, де-факто возглавлял Национальный фронт, который в конце ноября 1989 г. стал инициатором и организатором первых «круглых

политических столов» при участии представителей Национального фронта, и двух новых политических движений — Гражданского форума, который действовал на территории Чехии, и Общественности против насилия, которая действовала в Словакии. Оба эти движения затем победили в первых свободных выборах, организованных в июне 1990 года.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К КАПИТАЛИЗМУ

В рамках Гражданского форума и Общественности против насилия, которыми руководили хартисты и сторонники Гавела, проходила дифференциация. Некоторым представителям не нравилась широкая неполитическая платформа движений, завоевавшим победу в выборах, которая, как они считали, не позволяла проталкивать быстрые решения перехода к реставрации капитализма. Эту группу в Чешской Республике возглавил Вацлав Клаус, он создал Гражданскую демократическую партию, которая стала выступать самостоятельно и победила на выборах 1992 года. Аналогичный процесс произошел и в Словакии во главе с Владимиром Мечаром. Созданное им Движение за демократическую Словакию победило на выборах в Словакии. Эти два лидера затем стали премьер-министрами и взяли судьбу Чехословакии в свои руки. Разделение страны приготовили грамотным образом. Как пишет известный политолог Оскар Крейчи в своей книге «Геополитика центральной Европы», они добились, что «разграничения территорий новых государств или деление федерального имущества были в принципе бесконфликтными, без заминок, без проявления неуважения к другой стороне». Чехи и словаки разошлись культурно и остаются близкими до сих пор. 1 января 1993 г. возникли самостоятельная Чешская Республика и самостоятельная Словацкая Республика.

Разделение республики помогло чешским правящим политикам сделать и другой важный шаг: провести приватизацию значительного государственного имущества. Это дело опять-таки взял в свои руки экономист Клаус и его друзья. Купонная приватизация, в которой участвовал весь народ, прошла более-менее нормально. Но приватизация больших предприятий и банков — это был зачастую настоящий «грабеж столетия». Из США и западной Европы вернулись в страну тысячи эмигрантов — ныне специалистов по приватизации, которые взялись за дело. Достаточно припомнить хоть таких «чемпионов приватизации», как Кожены, Крейчирж или Бакала, чтобы знать, кто больше всех нажился на приватизации крупных предприятий. Чешские суды занимаются многими их делами до сих пор.

ЕВРОСОЮЗ

После геополитических изменений в Европе, в начале 90-х годов происходила значительная экономизация международных отношений, что было позитивным для Чехии и Словакии. Их политики и экономисты, как и большинство жителей, стали смотреть в сторону Евросоюза (ЕС) в надежде, что он защитит их интересы и приведет к их интеграции с относительно сильным ядром унии.

Чехия и Словакия стали членами ЕС в мае 2004 года. В референдумах в 2003 г. проголосовало свыше 77 % чехов и почти 93 % словаков за вступление в ЕС. Интеграция двух небольших стран в ЕС принесла для них существенные выгоды, особенно в экономическом плане. Высокие субвенции и дотации из бюджета ЕС им помогли улучшить инфраструктуру многих регионов. Резко возросла их торговля со странами ЕС, в первую очередь с Германией. Словакия объединялась с ЕС быстрее, чем Чехия. Свидетельством этого может служить принятие в Словакии евро и их вступление в монетарную Европу. Чехия в этом плане ведет себя более консервативно и сохраняет до сих пор свою крону. Со временем чехи стали более критичными по отношению к брюссельской комиссии, упрекая ту в излишнем бюрократизме. Самый большой критик В. Клаус часто заявляет, что комиссия ЕС ведет себя вредительно, как и СЭВ в годы социализма. Это, конечно, крайний взгляд, над которым многие смеются.

Я убежден, что большинство чехов и словаков довольны своей принадлежностью к ЕС и готовы в его рамках активно действовать. Они, конечно, видят, что ЕС полон противоречий и разных тенденций, но история их приучила с этим жить. В компромиссных решениях многие видят слабость. Однако, в жизни 27 наций без них не обойтись. Они более приемлемы, чем резкие конфликты, от которых ЕС с самого начала своего существования отказалась.

НАТО

Несмотря на устные заверения представителей США, НАТО продвинулось далеко на Восток. Чехия была принята в НАТО в апреле 1999 г., Словакия в 2004 году. Усилилась этим решением их безопасность? Политолог Оскар Крейчи пишет: «В НАТО не существует никакого автоматизма при запуске механизма коллективной безопасности... Те, кто во вступлении видят защиту от России... должны себе ответить на вопрос, будут ли западные державы НАТО из-за небольшой республики в центральной Европе рисковать ядерной конфронтацией?». Руководители НАТО, и они находятся прежде всего в США, заставляют своих союзников рисковать и в других направлениях. В апреле 1999 г. в Вашингтоне совет НАТО принял новую «стратегическую концепцию», которая де-факто дает НАТО право вмешиваться во внутренние дела государств и проводит военные акции без мандата Совета безопасности, то есть вне рамок международного права. Пражский саммит НАТО в ноябре 2002 г. уточнил: «В мире будет больше нестабильности, и она будет все больше расплываться; возрастает международный терроризм, и распадается все больше государств». Последующие годы это подтвердили. Достаточно вспомнить Ирак, Ливию, Афганистан, Мали, Сирию и другие страны.

Борьба с терроризмом — непростое дело. В Лондоне, Париже, или в Ираке и Афганистане. Одно НАТО, очевидно, с этой угрозой не справляется. Последний, печальный случай из Афганистана постиг и Чешскую Республику. В ловушку талибанов попали трое чешских солдат. Чехи поклоняются их памяти, но многие ставят вопрос «почему?». Не являлась ли их смерть излишней?

СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ

В заключение хочется сказать, что Чехия и Словакия нашли свое место в Евросоюзе и в НАТО, живут в мире и процветают. Тем не менее некоторые тревожные явления остаются. Чехи и словаки явно не среди тех, кто толкает развитие в направлении к конфронтации. Например, экономические санкции против России уже долгие годы не по душе людям и многим политикам в наших странах. Они об этом открыто заявляют. Равно как и создание военных баз НАТО, направленных против России, не по их вкусу. Люди не понимают, какой смысл имеют маневры НАТО в Прибалтике, в Польше, и даже на Украине и в Грузии. Конфронтация вредна, опасна и не нужна.

Наоборот, мирное, экономическое и культурное сотрудничество, политические контакты являются тем, к чему надо стремиться. Я убежден в том, что чешский президент М. Земан и его словацкий коллега А. Киска в этом направлении активно действуют. Вместе с ними и правительства наших стран: в Чехии во главе с А. Бабишом и в Словакии во главе с П. Пеллегрини. Помогают в этом деле и другие наши МГИМОВские товарищи, например, наш коллега по учебе министр иностранных дел Словакии М. Лайчак и другие наши товарищи по учебе, находящиеся на дипломатических, правительственных или партийных постах.

Уверен, что мы всё успеем, и Чехия и Словакия проживут последующее столетие в мире, сотрудничестве и процветании.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Митрополит
ХРИСТОФОР (ПУЛЕЦ)**

100-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Митрополит Христофор (Пулец — Христофор Радим) родился в 1953 г. в Праге — епископ Православной церкви Чешских земель и Словакии на покое, почетный Архиепископ Пражский, Митрополит Чешских земель и Словакии, профессор, доктор теологии, доктор (PhD), почетный доктор (dr.h.c. — *lat. doctor honoris causa*), академик, профессор, член Европейской академии безопасности и конфликтологии; обладатель высших церковных наград в нашей стране и за рубежом, как напр. Финляндия, Грузия, Греция, Россия, Украина, США, Иерусалим, Румыния и другие.

Введение

Чехословацкая Республика была основана на духовных основах Кирилло-Мефодиевского наследия, которое формировали как чешский, так и славянский народы. Совместные Кирилло-Мефодиевские основы давали статусное значение при реминисценции на Великую Моравию — одно из первых славянских самостоятельных государств, которое имело влияние на европейскую историю в IX—X веках. Кирилло-Мефодиевское наследие имело всегда идеал духовного единства христианства — Востока и Запада. Церковная схизма в 1054 г. разделила христиан, и это болезненное разделение существует и до сегодняшнего дня. Хотя политическая карта Чехии была включена в систему Западного Христианства, но ни чехи, ни словаки вместе с русинами никогда не забывали, что им свет Евангелия пришел из Востока, из Православного Константинопольского Патриархата, благодаря святым просветителям Кириллу и Мефодию.

Благодаря созданию Чехословацкой Республики в 1918 г., стало возможным создать и организационную структуру Православной Церкви. Давайте вспомним исторические события, которые этому предшествовали.

Христианство на территории современных Чехии и Словакии зародилось в первой половине IX в. Масовое же крещение началось в 863 г., когда по приглашению моравского князя Ростислава сюда прибыли святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Их миссионерская деятельность проходила в весьма неблагоприятный период. Великая Моравия, считавшаяся уже христианской, но церковно не организован-

ной, была охвачена светскими спорами с баварско-немецкими епископами. В то же время Моравия боролась за свою независимость от Людовика Немецкого. Кирилл и Мефодий несли свою миссию в Моравии более трех лет. Они не применяли силовые способы евангелизации, как это делали латинские проповедники, а использовали свой Божий дар убеждения. Учителя славян, помимо Евангелия, принесли на эту территорию славянскую письменность. На славянский язык святыми братьями были переведены Священное Писание и часть богослужебных книг. Церковь Христова, основанная святыми братьями, укрепляла национальное самосознание народа, несла образование и культуру. Отсюда православная вера распространялась среди других славянских племен и народов.

В середине 869 г. по просьбе славянских князей святой Мефодий вернулся в Моравию, чтобы продолжить начатое дело. Здесь в 885 г. он и скончался. Приемником его стал Горазд, родом из Моравии. В 885 г. папские легаты изгнали из Моравии учеников Кирилла и Мефодия, но они с Гораздом продолжили начатую миссию среди южных и восточных славян. Образ православных миссионеров навсегда остался в памяти христиан Великой Моравии и Чехии. Они сохранили верность православию даже после того, как в результате политических перемен оказывались под усиленным давлением Римской Католической Церкви, и даже после церковного раскола 1054 г., принесшего много горя жителям этой территории. Так, при святом Прокопии Сазавском в духовном центре при монастыре, который управлялся западным бенедиктинским орденом, старославянские и латинские труды переводились на чешский язык. Здесь не боялись принимать все то, что принесли первые совместные века христианства, не боялись открывать и брать все полезное и чистое из святоотеческого наследия. Там, где латинские богословы не могли дать ответы на многие вопросы, приходила на помощь святоотеческая литература, часто византийского происхождения. Это говорит о связи приверженцев святого Прокопия с Афоном и Киево-Печерской лаврой.

БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ВЕРЫ. ГУСИТЫ И ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Документы свидетельствуют о том, что на территории Чешских земель остались представители православного вероисповедания. Возможно, именно этот факт спустя три века подтолкнул короля Карла IV к основанию Эммаусского монастыря славянского обряда на Словянах. С этим монастырем связаны многие исторические события местной Церкви. При Карле IV начался период очищения Церкви от нежелательного латинского влияния.

Среди приверженцев очищения Церкви были Конрад Валдгаузер, Иоанн Милич, Томаш из Штитного. Однако их усилия, направленные на возвращение к первоистокам христианства, не принесли большого успеха. Они обращали внимание на необходимость исправления перекосов в Латинской Церкви. Ярким проявлением новых тенденций стало движение Яна Гуса (1371–1415), боровшегося против засилья Католической церкви, за отмену индульгенций, проповедь и богослужение на понятном языке, введение в церковную практику переводов литургических текстов и богослужебных книг, ограничение светского влияния на церковное управление и т. д.

Следует заметить, что гуситы, черпавшие идеи церковного обновления из западной Реформации, не осуждались их учителем Джоном Виклифом, предшественником Реформации. Попытки чешской церковной реформы не происходили непосредственно из православия, но реформаторы ясно понимали исторические истоки предлагаемых перемен, происходивших из Восточной Церкви. Иероним Пражский, приверженец Яна Гуса (заживо сожженного в Констанце в 1415 г.), во время своих поездок на Восток в 1413 г. защищал единство с восточным христианством, и это закончилось для него трагически. Позицию христианского Востока при проведении реформ в Церкви поддерживали и другие реформаторы: гуситский предводитель Якуб из Стребра, доктор Кристиан и др. Символом реформаторского движения стала святая Чаша.

Историческая связь чешских реформаторов с исконными духовными истоками проявилась и в судьбе Эммаусского монастыря, не выполнившего возложенную на него задачу привести «восточных схизматиков» в лоно римской монархии. Попытки пражских гуситов получили отпор, и именно отсюда поступило предложение, чтобы «чашники» обратились в Константинополь с просьбой о рукоположении священников, а затем и об объединении с константинопольской патриархией. В Константинополе духовенство и православное население не испытывало большой симпатии к западному христианству. Несмотря на это, Константинопольская патриархия с братской любовью и добросердечностью отнеслась к Гуситскому движению и к «новой реформированной христианской Церкви». В 1451 г. Константинопольский патриарх предложил чехам присоединиться к православию, но переговоры были прерваны по причине завоевания Константинополя турками. В это тяжелое время Константинопольская Церковь была вынуждена бороться за свое существование. В то время, когда гуситы просили помощи и поддержки у Константинополя, в Эммаусском монастыре жил брат Грегор, принимавший участие в организации при епископе Яне Рокицане «Братства закона Христова», которое стало основой «Братского Единства». Даже влияние западного протестантизма не поколебало единства чехов с восточным православным вероисповеданием. Об этом свидетельствует не только работы епископа общины «Чешские братья» Яна Коменского, но и усилия моравского епископа Зинзендорфа. После обновления изгнанного «Братского Единства» представители Зинзендорфа обратились с подтверждением о единстве веры к Константинополю. Современный историк Ян Небауер в своих статьях указывал, что Константинопольский патриарх Неофит признал «Братское Единство» православным и предложил прислать православного епископа. Отзывы на это заявление Вселенского патриарха можно найти в спевнике «Братского Единства», содержащем несколько православных литургических гимнов.

После «толерантного патента» 1780 г. Православная Церковь в Австрии носила название «Греческая необъединенная». Она старалась установить контакты с Русской, Греческой и Сербской Православными Церквями. В лоно Православной Церкви вошли известные личности: Ригер, Грегор, Сладковский и доктор Браунер. Это движение не было массовым. В это время многие Восточные Церкви переживали не самые благоприятные периоды своей истории. Например, Русская Православная Церковь была деформирована синодальной системой церковного управления и поэтому не

могла служить примером и поддержкой для реформатской Гуситской Церкви. Чешские мыслители Карел Гавличек-Боровский и другие обратились к идеям славянофильства.

С 70-х гг. XIX в. в Праге сформировался чешский православный приход, который возглавил архиепископ Савватий (Врабец). Это церковное сообщество получило название «Греко-Восточная Православно-Католическая Церковь в Чехии и Мораве», оно находилось в юрисдикции Вселенского патриарха.

Восточная Словакия имела смешанное население — вместе со словаками здесь проживала большая группа закарпатских украинцев. Со времен Киевской Руси на этой территории были православные приходы, они существовали до XVII в. и входили в состав Мукачевской епархии. Под давлением венгерской государственной власти часть духовенства Мукачевской епархии вступила в унию (церковный союз с Римом), что привело к латинизации православного богослужения. Лишь малое число христиан осталось верными православию. После Второй мировой войны Чешские земли и Словакия объединились в рамках Чехословакии, что принесло долгожданные перемены и в жизнь православных христиан Чехии и Словакии.

Православие в Чехословацкой республике

В Чешских землях, после возникновения независимого государства в результате реформаторского движения в Католической Церкви, образовалась Церковь Чехословацкая. Главной задачей этой Церкви стала модернизация богослужения. Первоначальная формулировка вероучения Церкви не была ясной и определенной. Вопреки первоначальным симпатиям реформаторского движения к православию, епископскую хиротонию в Белграде принял только священник Горазд (в миру Матвей Павлик). Большая группа христиан под руководством доктора Карла Фарского образовала Чехословацкую Гуситскую Церковь, объединившую католиков и православных. Приходы епископа Горазда были вынуждены присоединиться к Чешской религиозной православной общине. Несмотря на то, что епископ Савватий исходил из местных традиций, его методы миссионерской работы были неприемлемы. Епископ Горазд искал подходящие формы церковной жизни для православных христиан, живущих на этой территории. Различия в концепциях обоих руководителей (епископов Горазда и Савватия) усложнялись спором о юрисдикции.

С утверждением чешского православия в XIX в. обе православные группы относились к Австрийской Православной Церкви с центром в Сербии. Вселенский патриарх признавал автокефалию Австрийской Православной Церкви. Сербскую юрисдикцию признала и местная Церковь. Епископ Горазд, избранный главой местной Церкви, ввел восточнославянский богослужебный обряд. Он перевел на чешский язык некоторые богослужебные книги, что было новшеством для славянских Православных Церквей, упростил внешние формы богослужения, ввел местные нелитургические богослужебные песнопения и некоторые праздники. Владыка Горазд обращал особое внимание на местные традиции. Верным соратником в его нелегком служении был представитель Сербской Церкви, высокообразованный и открытый епископ Досифей. Молодая Церковь искала простое и понятное проявление церковной культуры.

В годы Второй мировой войны местная Православная Церковь встала на сторону движения Сопrotивления. В 1942 г. епископ Горазд предоставил укрытие группе партизан, которые совершили покушение на германского протектора, палача чешского народа Р. Гайдриха в кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия в Праге. Однако, из-за предательства партизаны были расстреляны, епископ Горазд и его сотрудники казнены нацистами, а священники отправлены в Германию на принудительные работы. Православная Церковь была объявлена вне закона. Но это не остановило сторонников православия. Последовав примеру христиан первых веков, они создали катакомбную Церковь. В частных квартирах свяную литургию служил архимандрит Андрей (Коломацкий), соратник епископа Горазда. Он пришел на помощь православным братьям из Прикарпатской Руси в строительстве храмов в Северной Мораве. Долгие годы архимандрит Андрей служил в Румбурке и Чешской Липе, где затем и был похоронен.

Церковная организация окончательно сформировалась после освобождения страны. Раздробленные православные группы во время войны объединились. Сербская Православная Церковь понесла большие потери и не могла оказывать значительную поддержку, потому представители местной Православной Церкви обратились к Московской патриархии с просьбой о принятии их в церковный союз. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I дал свое согласие. Так, в 1946 г., на всей территории Чехословакии установилась единая юрисдикция Русской Православной Церкви.

Греко-католики Восточной Словакии не смогли реализовать объединение с Матерью Церковью, т. к. уния была поставлена вне закона. О присоединении униатов к Православной Церкви решил Прешовский Собор 1950 г. Следует заметить, что в 1968 г. бывшие греко-католики (униаты), не согласные с решением Прешовского Собора 1950 г., смогли вновь образовать Греко-Католическую Церковь, что принесло немалые проблемы в отношениях с православными христианами Восточной Словакии. Это особенно остро проявлялось в Прешовской епархии, оставшейся верной православию. В 1951 г. Русская Православная Церковь предоставила Православной Церкви Чешских земель и Словакии автокефалию. В 1997 г. автокефалия была подтверждена томосом Константинопольской Патриархии. Но и после этого акта не закончилось формирование местной Православной Церкви. Новые изменения внесло переселение из Украины воыльских чехов, предки которых приняли православие еще в XIX веке. Их было несколько десятков тысяч, и они образовали в Чехословакии новые православные приходы. Они принесли с собой русские традиции, например, их богослужения велись на церковно-славянском языке. Возвращение воыльских чехов помогло процессу приобретения автокефалии Православной Церкви в Чешских землях и Словакии.

Формированию Чехословацкой Православной Церкви способствовало национальное разнообразие традиций, направлений и движений внутри Церкви. Этот сложный процесс вместе с тем являлся наглядным проявлением разнообразия и единства православия.

С 1951 г. Чехословацкая Православная Церковь имела четыре епархии:

- Пражскую (во главе с архиепископом Пражским и Митрополитом всей Чехословакии);
- Пряшевскую (во главе с архиепископом Пряшевским);

- Оломоуцко-Брненскую (во главе с епископом);
- Михайловскую (во главе с епископом Михайловским).

Священный Синод Чехословацкой Православной Церкви состоял из четырех епархиальных архиереев, главой его являлся митрополит Пражский. Этот высший церковный орган решал канонические, дисциплинарные, миссионерские, образовательно-катехизические и административные вопросы.

Следующим исполнительным органом стал Митрополичий совет, состоящий из архиереев, духовенства и прихожан, руководимый митрополитом Пражским. Митрополичий совет занимается решением экономических вопросов (управление имуществом Церкви), образованием духовенства (организация семинаров и лекций), изданием журналов и богословских сборников, миссионерской деятельностью.

Один из законодательных церковных органов местной Церкви — Всеобщий Собор — состоит из епархиальных архиереев, духовенства и прихожан.

Каждая епархия имеет епархиальный совет, состоящий из духовенства и прихожан. Его возглавляет епархиальный архиерей. Совет занимается решением церковных, судебных и административных вопросов в рамках данной епархии.

Аналогичным образом в приходах действуют приходские советы, возглавляемые настоятелями приходов. Приходской совет решает те же вопросы, но в рамках своего прихода. Приходы одного района объединены в церковно-приходской округ, возглавляемый протопресвитером.

После краха коммунистического режима в Чехословакии начался новый исторический этап развития государства. В конце 1992 г. (11–12 декабря) в Прешове состоялся Поместный Собор, делегаты которого приняли исторические решения. Несмотря на разделение Чехословакии на два самостоятельных государства (Республику Чехию и Словакию), было принято решение о сохранении административного единства местной Церкви, в том числе канонического и евхаристического единства. Собор принял новый Устав Церкви, сохранявший церковное единство и прежнюю административную структуру местной Церкви. Было принято новое название Церкви: Православная Церковь в Чешских землях и Словакии. Были созданы два Митрополичьих совета: один в Праге (для управления Пражской и Оломоуцко-Брненской епархиями), другой в Прешове (для управления Пряшевской и Михайловской епархиями). Главой Церкви остался архиепископ Пражский и митрополит Чешских земель и Словакии. Он возглавил Митрополичий совет Православной Церкви в Чешских землях и Моравии и Священный Синод, который по-прежнему состоял из четырех епархиальных архиереев. Архиепископ Пряшевский стал представителем митрополита в Словакии и возглавил Митрополичий совет Православной Церкви в Чешских землях и Словакии в Прешове.

Делегаты Собора выступили с обращением к духовенству и прихожанам, в котором говорилось: «С этого момента чешские и словацкие православные христиане будут самостоятельно решать свои внутренние вопросы. Вместе с тем останется догматическое, каноническое и евхаристическое единство христиан обоих самостоятельных государств как проявление взаимной братской любви во Христе».

Согласно новому Уставу, Православная Церковь в Чешских землях и Словакии наделена правом иметь ранее запрещенные церковные организа-

ции: монастыри, церковно-приходские школы, благотворительные заведения, церковные объединения православной молодежи и т. д.

Важным решением Поместного Собора стало причисление к лику святых Ростислава, князя Моравского, инициатора Кирилло-Мефодиевской миссии. Он стал широко известен в Чехии и Словакии, подобно тому, как известны святой князь Владимир или святая княгиня Ольга на Руси.

С 15 по 17 октября 1999 г. в монастыре Успения Пресвятой Богородицы в Вилемове состоялся IX Поместный Собор Православной Церкви Чешских земель и Словакии. Он подвел итоги деятельности местной Церкви за 10 лет. Были приняты поправки в Устав Церкви и внесены предписания, отражающие актуальные проблемы жизни Церкви. Также был принят томос установления автокефалии со стороны Константинопольского Патриархата от 1998 года.

В настоящее время Православная Церковь в Чешских землях и Словакии располагает четырьмя епархиями: две (Пражская и Оломоуцко-Брненская) в Республике Чехия и две (Пряшевская и Михайловская) в Республике Словакия. Согласно последней переписи населения, с 2001 г. в Республике Чехия проживает 25 тыс. православных христиан и 55 тыс. в Республике Словакия. Следует заметить, что эти статистические данные не отражают реальное количество православных христиан в храмах Православной Церкви Чешских земель и Словакии. По собственным церковным подсчетам, местная Церковь окормляет 150 тыс. верующих, в основном выходцев из стран СНГ. Церковь имеет 98 приходов в Словацкой Республике и 67 приходов в Чешской Республике. В это число не входят многочисленные филиальные приходы на территории обоих государств. Духовное служение несут около 200 священников и диаконов. Православная Церковь является одной из Поместных Православных Церквей, в которой постоянно растет количество прихожан, что связано с переселением выходцев из СНГ в страны ближнего зарубежья, а также с активной миссионерской деятельностью. В последние годы ведется строительство новых храмов, аренда пустующих; открываются новые монастыри.

Решением Священного Синода созданы благотворительные организации, помогающие людям, попавшим в трудную ситуацию. Организован приют для социально незащищенных граждан, предлагающий временное проживание и питание, приют оказывает им моральную и психологическую поддержку. Существует «Линия доверия», которая помогает многим справиться с тяжелыми условиями жизни. Православная Церковь в Чешских землях и Словакии оказывает материальную поддержку пострадавшим. Так, после Чернобыльской трагедии были организованы оздоровительные поездки для детей с Украины.

Православная молодежь Чехии и Словакии принимает активное участие во Всемирном союзе молодежи «Синдесмос». Делегаты местных организаций «Синдесмос» ежегодно организуют лагеря, встречи и поездки. Выпускается журнал «Истина», который информирует читателей о жизни православной молодежи Чехии и Словакии.

Издательский отдел Митрополичьего совета Словакии каждый месяц выпускает журнал «Наследие святых Кирилла и Мефодия», а Чешский митрополичий совет — журнал «Голос Православия».

В 1950 г. в Праге был основан Православный богословский факультет, который готовил православных богословов и священников. В 1951 г. фа-

культет был перенесен в Прешов. В настоящее время факультет проводит университетское обучение на двух уровнях: бакалавр и магистр, готовит специалистов по следующим специальностям: православное богословие, преподавание основ религии и этического воспитания, социальное служение. После окончания обучения выпускники трудятся в школах, приютах, домах престарелых, тюрьмах, больницах и других организациях. Выпускники, получившие специальность «Православное богословие», могут стать священнослужителями. При Православном богословском факультете существует семинария, которая также формирует и воспитывает будущих священников. Богословский факультет имеет филиал в Оломоуце, где готовят специалистов по тем же специальностям. Он ежегодно выпускает Православный богословский ежегодник. Преподаватели и студенты богословского факультета принимают участие в международных научных и культурных проектах, в том числе конференциях. Ежегодно проводится обмен студентами и профессорами с зарубежными вузами. На Православном богословском факультете Прешовского университета учатся студенты из России, Украины, Белоруссии, Румынии, Польши, Греции и других стран.

Литература

- Алеш П.* Православная Церковь у нас. Оломоуц, 1996.
- Алеш П.* Церковная история. Т. 1, Тремов, 1992. Т. 2, 1995. Т. 3, 1993.
- Меендорф Дж.* Православие в современном мире. Нью-Йорк, 1981.
- Скурат К.* История Поместных Православных Церквей, Т. 2, М., 1994.
- Vladyka Kryštof.* Historicky vyvoj autokefality naší církve. Hlas pravoslavi 53, 1997, N 5, str. 139–140.
- Vladyka Kryštof.* История русских православных храмов в Праге. Юбилейный сборник, Карловы Вары.
- Vladyka Kryštof.* Kanonicka problematika autokefality naší církve. Hlas pravoslavi 53, 1997, N 5, str. 139–140.
- Vladyka Kryštof.* Úvod a přehledné dějiny byzantského státu. Byzantologie I. Prav. bohosl. fak. UPJS, Presov, 1995.
- Roberson R. G. (CSP).* Východní křesťanské církve. Olomouc, 1997.
- Hammerle E., Ohme H., Schwarc K.* Zugangezur Orthodoxe. Guttengen, 1988.

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА
МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ
О ИЕРАРХАХ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

*К десятилетию объединения
Русских Церквей*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию окончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). В 1957 г. вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию. **Живет в Мельбурне.**

Этот материал я готовила к печати в год столетия со дня страшной революции, изменившей судьбы стольких русских людей, сделавших их изгнанниками любимой Родины. Но это также год торжества Православия — десятилетняя годовщина объединения церквей: Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за рубежом. Наконец, десять лет назад, после долгого формирования идеи объединения, настал в Храме Христа Спасителя этот долгожданный для нас, мирян, день.

Так сложилось, что поначалу жизнь моя с родителями протекала под омофором Московской Патриархии в китайском Харбине, потом около 50 лет под водительством Русской Зарубежной Церкви в Австралии, и вот, десять лет назад, этот раскол в наших душах закончился. И сегодня мы, русские люди, живущие за рубежом, можем просто сказать, что находимся под омофоном Русской Православной Церкви.

На рубеже своего девяностолетия вглядываюсь я в судьбы и лица любимых людей, и хочу хоть чуть-чуть отдать им должное, с особенным благоговением вспоминая свои встречи с иерархами Православной Церкви. Почти все люди в моем личном калейдоскопе времен и судеб были захвачены вихрем революций и войн. Такое было время.

Так хочется заглянуть вперед, в будущее, и убедиться, что с Божьей помощью удастся избежать раскола между нами всеми, русскими людьми. Хотя сегодня зачастую мы живем в разных странах, наше Православие было, есть и будет нашей объединяющей силой.

Мои воспоминания о церковной жизни в Китае

Родилась я в скромной патриархальной семье. Мой отец — бывший офицер Белой армии, патриот, воевавший против большевиков, прошел «Ледяной поход» и оказался с остатками армии в Маньчжурии. Мама из купеческой семьи, которая выехала из России из г. Миасса Челябинской области. Выехали они, по их представлению, временно, оставив в доме все содержимое. Они не представляли, что уже никогда не вернутся в свой дом, в свою горячо любимую Родину. Пережив все ужасы гражданской войны, страшнейший исход через Байкал, тиф, голод и морозы, при которых летящий воробей замерзал на лету, многие выжили. Выжили и мои родители.

После всего ужаса гражданской войны вынужденный исход в неизвестность не отнял у моих родителей жажду жизни, а наоборот, придал силы бороться со всеми трудностями, представшими перед ними после нормальной, зажиточной жизни в России. Родилась я в пограничном городе Маньчжурии. Именно в Маньчжурии войска Белой Армии и русские беженцы ступили на китайскую землю. Историю своей жизни я описывать не буду, потому что уже много написано и издано на эту тему материала [1–3].

Я хочу только остановиться на церковной жизни в Китае, к которой моя семья была очень близка.

Пришло время, когда люди вернулись к нормальной жизни. Дети выросли, каждый нашел путь в своей жизни, и мой папа тоже встретил свою половинку в лице моей мамы. Они нежно полюбили друг друга, поженились, и милостью Божией появилась на свет я. Я была единственным ребенком. Меня очень любили родители, но не баловали. Жили мы очень близко от семьи моей мамы, а там самым любимым человечком для меня была бабушка, с бабушкой жила тетя Лиза и три дядюшки. Дедушку я не знала, он умер до моего рождения. У бабушки было четыре дочери и три сына. Моя мама, тетя Шура и тетя Маруся, она же моя крестная, — замужем, а тетя Лиза никогда не вышла замуж. Все время ютилась около бабушки и сестер, была тихая, любящая, кроткая. В Харбине она получила образование фармацевта, так и умерла, не испытав замужества и радости материнства.

Папа мой, после всех мытарств и всяких работ, вплоть до работы в пекарне, чистки свинарников и прочего, выучился обработке и покраске кожи и укрепился на работе кожевенного завода, владельцем которого были русские купцы с Урала. Вот в это то время и родилась я. Проработав на заводе, приобретя навык, папа решил переехать в Хайлар. Мне было три года к моменту переезда, и в Хайларе протекала моя жизнь вплоть до 1945 года. Хайлар был историческим городом. Именно там был торжественно подписан договор между китайским и российским правительством об открытии работ по строительству КВЖД.

Г. В. Мелихов в своей книге «Маньчжурия далекая и близкая» подробно описывает события освоения русскими Приамурского края. Он пишет, что связи русского и китайского народов идут в глубину веков. 21 октября 1727 г. между Маньчжурией и Приамурьем был заключен Кяхтинский договор, определивший линию государственной границы между Маньчжурией и русским Забайкальем по реке Аргуни до сопки

Абагайту и от нее на запад. Договор узаконил постоянное пребывание в Пекине Русской духовной миссии. Уже в XVIII веке шло активное освоение русскими Приамурского края, затем была основана в Пекине Российская духовная миссия, а 16 августа 1897 г. была проведена торжественная церемония официального открытия работ по строительству Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Согласно договору с китайским правительством, для строительства, охраны и дальнейшего обслуживания был прислан из России персонал, строились храмы, больницы, школы, жилые дома для железнодорожников.

Хайларские священники Федор Боголюбов и Ростислав Ган

В Хайларе было два храма. Мы всегда ходили в храм в честь Казанской иконы Божией матери. В железнодорожную церковь ходили реже. Казанская церковь была ближе и к дому, и к школе. Настоятелем храма в то время был о. Федор Боголюбов, а после его ареста японцами к нам был назначен о. Ростислав Ган. Насколько я помню, жизнь нашей семьи постоянно была связана с церковью и духовенством. Я хорошо помню о. Федора Боголюбова. Батюшка невысокого роста, очень живой и подвижный. Все его проповеди заканчивались громкими словами: «Россия воспрянет, и снова взвоется трехцветный флаг и т. д.». Мне, маленькой девочке, было не совсем понятно, почему мы это слышим каждое воскресенье в храме, но, вероятно, он был монархист по своим убеждениям и не старался этого скрывать даже во время японской оккупации Маньчжурии, а впоследствии и советского режима. Несчастный о. Федор погиб в китайской тюрьме. После того, как войска Красной Армии в 1945 г. буквально за считанные дни разбили Японию и очистили Китай от японского ига, мой близкий друг Саша Исакин стал, окончив Медицинский институт, главным врачом в Хайларе и по долгу своего положения навещал тюрьмы. Там он оказывал помощь заключенным и видел о. Федора. Но какую помощь можно было оказать о. Федору, когда его тело было сплошным синяком от пыток и избиений. Погиб о. Федор мученической смертью, и о месте его упокоения я не знаю. Царство ему небесное!

После о. Федора нам прислали замечательного священника о. Ростислава Гана. Ростислав Адольфович Ган родился в 1911 г. в Китае на станции Чжалантунь (КВЖД). В 1928 г. он окончил гимназию в Харбине. В 1933 г. поступил в Харбинский политехнический институт, а затем принял сан.

Я увидела нового священника, когда мне было уже лет 15–16. Приятному удивлению не было конца. Молодой, как я помню, ему было года 33 тогда. Худой, в белом подряснике и в белой пробковой шляпе. По-видимому, это было жаркое лето. Пробковая шляпа не удивила, мой папа тоже носил в жару пробковую шляпу, но белый подрясник на нас произвел неизгладимое впечатление. Как я уже сказала выше, наша семья была всегда близка к духовенству. Очень скоро о. Ростислав с матушкой Софьей Константиновной стали частыми гостями у нас в доме. Два их сына, Адриан и Серафим, два очаровательных мальчика, были моложе меня, не помню, сколько им было лет, но разница в возрасте не мешала нам дружить и играть вместе. Помню, что мы часто играли в приходском дворе в прятки и разные детские игры.

Матушка — милейшая женщина. Она была фармацевтом и училась вместе с моей тетей Лизой, маминой младшей сестрой, на фармацевтических курсах. Как с отцом Ростиславом, так и с матушкой я общалась много-много лет в Харбине до самой их смерти.

В 1945 г. к нам пришла Красная Армия и буквально в несколько дней покончила с японцами. Япония капитулировала! Но, уходя из Хайлара, японцы сжигали дома, в результате чего по всему городу торчали трубы. Были воронки от снарядов, но больше город пострадал от пожаров. Ужасный урон Красной Армии нанесли японцы, оставив отравленный спирт. Снова вернусь к своему другу врачу А. Исакину, которому приходилось постоянно проводить вскрытие трупов солдат, отравленных спиртом, а ведь некоторые из них дошли до Берлина. И было им суждено погибнуть в Китае от отравленного спирта — какая жестокая гримаса судьбы!

В это переломное время архиепископ Камчатский Нестор (Анисимов) в сослужении викариев Харбинской епархии архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина) совершали торжественный благодарственный молебен по случаю освобождения от японского ига. После молебна на Соборной площади Владыка Нестор встречал со всеми харбинцами Красную Армию с цветами и радостными криками «Ура!»

После всей эйфории радости и счастья пришел СМЕРШ и унес несметное количество невинных людей, оставив несчастных женщин с малолетними детьми или беременных, дети которых не знали своих отцов. А отцы много лет спустя были реабилитированы за неимением состава преступлений. Вернулись больные, перенесшие цингу и все ужасы лагерной жизни, вернулись в «никуда»!

Мой школьный друг из Казахстана писал мне: «Мы узнали, что освобожден Степан Виноградов. Поехали (не помню куда), нашли его. В лесу срубили ему избушку и поселили его там. В последствии он встретил Тамару Жидкову, или она его встретила, и они стали жить вместе до самой его смерти. А ведь как беззаветно он любил Россию! Сколько раз он, как и многие другие, подавал заявления во все органы с просьбой уехать в Советский Союз, всегда получал отказ, в конце концов пошел «под проволоку», как тогда говорили, а оттуда — в лагерь. Да, жестокости тирана пределов не было!

Но после этого страшного периода, когда поутихли грабежи и насилия (на этом я не хочу останавливаться, потому что это был очень болезненный период и для молодых девушек тоже), жизнь вошла в нормальное русло. Какая-то часть Красной Армии осталась в Китае, мы знакомились, приглашали их в гости, вечерами в клубе танцевали. Меня родители на танцы старались не отпускать, но у нас был знакомый молодой человек, студент ХПИ, который был в это время на каникулах в Хайларе, играл с моим папой каждый вечер в шахматы, и он сказал моим родителям, что он с удовольствием будет меня сопровождать на танцы и приводить домой. И действительно, только я появлялась в танцевальном зале, Саша моментально исчезал, я танцевала до одурения, но при звуках последнего вальса он появлялся и вел меня домой. Его жертвенность я высоко оценила, хотя не поняла, почему он это делал.

И вот в это время матушка Софья Константиновна ждет ребенка. Отец Ростислав говорит мне, что я буду ему крестной матерью. Я ждала появ-

ления младенца с нетерпением, но случилось несчастье. Ребенок родился с врожденным пороком сердца, о. Ростислав его окрестил с именем Алексей и записал меня крестной. Утром о. Ростислав шел по улице, изрытой воронками и разбросанными камнями, в храм с гробиком под мышкой, чтобы похоронить младенца в прицерковном дворе. Я, услышав об этом, тоже иду по улице и плачу. Встречаю теперь уже нашего общего друга, младшего лейтенанта Красной Армии, молодого красавца Володю. Он, увидев меня в слезах, спрашивает: «Галя, ты почему плачешь?», и я рассказываю ему грустную историю о смерти младенца. Выслушав меня, вот что он сказал: «Нужно благодарить Господа Бога за то, что Он взял его сейчас». И это я слышала от молодого, красивого лейтенанта Советской Армии!

Так мы жили в Хайларе. Отец Ростислав был слаб здоровьем, очень страдал астмой, вел аскетический образ жизни. Он был высоко эрудированным во многих областях знаний, человеком большой культуры. Будучи строгим пастырем, справедливым и честным, очень скоро он завоевал любовь и уважение в хайларском приходе, особенно у детей. Его проповеди в храме были исключительно интересными, а во время Великого поста настолько строгими, что, выходя из храма, обдумывая свое поведение, становилось страшно от совершенных грехов. Уже позже, живя и учась в Харбине, я ездила к ним. В это время их двое сыновей уже уехали в Америку в Джорданвилл, учились там в семинарии. В Харбине родился их третий сын Николай, который впоследствии стал священником. К сожалению, его легкомысленная жена бросила его, не справившись с ролью жены священника, и этим поступком разрушила его духовную карьеру, а он, как я слышала, был очень хорошим священником и был любим своим приходом.

Когда мне подошло время уезжать в Харбин для продолжения образования, о. Ростислава тоже перевели в Харбин, служить в Корпусном городке в Спасо-Преображенском храме. Позже он был переведен в Кабрамат, где на пожертвования прихожан он начал строительство большого храма, который до сих пор служит верующим и является украшением города. В этом храме его отпевали, и я волею providения оказалась в Сиднее в те дни со своим театральным кружком и сподобилась быть на отпевании моего любимого духовного отца.

Позже я встретилась с внуком Софьи Константиновны и о. Ростислава, о. Серафимом, в этом храме Кабрамата, где уже он служил литургию. После целования креста я представилась священнику, рассказала о моем знакомстве и дружбе с семьей и, в частности, с его отцом, о том, что я наречена была крестной покойного младенца; он, как оказалось, прекрасно знает эту историю, поведал мне, где был похоронен младенец Алеша, и мы расстались. Должна сказать, что у него потрясающий голос. Служил он благолепно. После этого я видела его только в СМИ и слушала его доклады, потому что он активно выступал в подготовке к Объединению церквей, а это моя наболевшая тема. Я с 1974 г., впервые посетив Россию (СССР), пришла к твердому убеждению, что мы должны быть вместе с матерью Церковью.

Владыка Димитрий

В церковь мы, т. е. мама, папа и я, ходили регулярно. Венощное бдение в субботу и литургия в воскресенье были нормой в нашей семье и семьях

наших близких знакомых и родственников. Владыка Димитрий (Вознесенский) был нашим правящим епископом (викарный). Будучи девочкой, еще до десятилетнего возраста, все, что я знала о Владыке Димитрии, так это то, что он приезжал из Харбина в Хайлар на храмовые праздники, говорил проповеди тихо и непонятно, потому что уже в то время он страдал болезнью горла. И только по прошествии многих лет я узнала историю его жизни, его духовно-просветительской деятельности.

Биографическая справка.

Священническое служение в Китае Владыки Димитрия началось с 1920 года. В 1922 г. скончалась его супруга, и на него легли все тяжести воспитания двух сыновей и трех дочерей. Один из его сыновей, Филарет, впоследствии стал митрополитом Русской Зарубежной Церкви за границей.

Владыкой были составлены лучшие учебники Закона Божия, по которым училась русская молодежь всего Дальнего Востока, а в 1923 г. он был назначен настоятелем Иверской церкви Харбина. Преподавал Закон Божий в Коммерческом училище КВЖД, издавал церковный журнал «Вера и жизнь».

В 1933 г. он был пострижен в монашество с именем Димитрий и возведен во звание архимандрита, в 1934 г. стал председателем правления Богословского факультета при Харбинском институте Святого Владимира. Епископ Димитрий, как представитель Дальневосточных епархий, принимал участие в Совещании по вопросу об установлении мира и единства в Русской Православной Церкви за границей, занимался издательской деятельностью книг и брошюр религиозно-нравственного содержания. В 1944 г. Владыка Димитрий был возведен в сан архиепископа.

В июле 1945 г. состоялось Епископское совещание в Харбине по вопросу о принятии новой юрисдикции. Решено было просить Патриарха Алексия о переходе в Московский Патриархат. В эти годы епископ Димитрий уже тяжело болел.

29 сентября 1946 г., ввиду тяжелой болезни, требовавшей незамедлительного лечения, епископ Димитрий выехал в Москву. После успешной операции на горле его здоровье заметно улучшилось. Владыка Димитрий направил на имя Сталина привезенные с собой списки схваченных сотрудниками НКВД русских жителей зоны КВЖД, настаивая на их немедленном освобождении. По-видимому, это обращение послужило поводом к устранению архиепископа Димитрия от церковной деятельности. Он был определен на покой в Псково-Печерский монастырь, но сильно простудился и скончался 31 января 1947 г. в больнице в Ленинграде...

Вот такая особенная биография нашего Харбинского епископа Димитрия — маленького, слабого, с большим горлом епископа, каким я помню его. Чувствовалось даже мне, маленькой девочке, что каждое произнесенное слово его проповеди были мучительны для него, но какая же внутренняя сила до последних дней его жизни!!!

Август 1945 г. резко изменил жизнь русского населения в Китае. Мы жили под постоянным страхом во время японской оккупации, и вдруг все резко меняется. Японцы побеждены, капитуляция. Советские войска вошли в Маньчжурию!

9 августа 1945 г. харбинцы узнали, о чем предвещала вдруг появившаяся радиостанция «Отчизна». Уже 4 сентября харбинцы встретили первых

бойцов Советской армии, которые появились у Свято-Николаевского собора, где на площади проходил митинг по случаю победы над Японией.

Вот что пишут в журнале «Родные источники» А. К. Караулов и В. В. Коростелев: «Последние годы японской оккупации были для русских в Китае настолько тяжелы и невыносимы, что приход в Маньчжурию советских войск был воспринят подавляющим большинством жителей положительно: оптимистами — с восторгом, пессимистами — с облегчением. Однако вскоре эти чувства для одних сменились удивлением и разочарованием, для других — отчаянием и страхом. Вслед за армейскими частями в город зашли подразделения НКВД СМЕРШ. Еще продолжались торжественные митинги, приемы, встречи, концерты и другие официальные мероприятия, а в городе уже начались массовые аресты. Шла “охота” за активными участниками Белого движения, а также за лицами, которых праведно или неправедно обвиняли в сотрудничестве с японцами. Часто “хватали почем зря”. У очевидцев этих событий складывалось впечатление, что у чекистов была пресловутая советская “разнарядка”, надо было арестовать определенное количество людей, все равно кого. К концу 1945 г. кампания арестов стала стихать, а затем они вовсе прекратились».

Светская жизнь в Харбине опять забила ключом. Кинотеатры, концерты, оперетта, драматические постановки — все ожило. Песни войны слышались во всех уголках города.

Не было на свете города с населением в 40–50 тысяч жителей, который из своей среды мог бы выделить кадры профессуры для четырех высших учебных заведений, преподавателей для восьми средних школ, для двух зубоортопедических школ, для медицинского техникума, для строительного техникума, для богословских курсов, для высшей музыкальной школы, кадры медицинских работников для трех больниц, кадры музыкантов для симфонического оркестра, артистов для оперного, опереточного и драматического театров со своим кордебалетом, костюмерной и декорациями. Город, который содержит 20 храмов, с причтом в каждом из них и с хором. Город, который издает 2–3 ежедневных газеты и два еженедельных журнала, причем все это без всякой помощи со стороны государства и муниципалитет (хочу отметить, что в этом обзоре были использованы материалы Елены Таскиной и Г. В. Мелихова, свидетелей и участников событий тех лет в Харбине).

Меня же война застала у родственников в Хаке — это первая станция от Хайлара. Я оказалась оторванной от семьи и Хайлара на целый месяц, не знала ничего о своих родителях из-за отсутствия связи. Это были самые тяжелые дни моей жизни.

Поезда не ходили, не было горячего, о телефонной связи можно было только мечтать. И, о чудо! Первый поезд через месяц после окончания войны, и я еду в Хайлар. Мои родственники боялись меня отпустить одну в такое беспокойное время, но все уговоры не ехать домой были бессмысленными — удержать меня в неведении было невозможно. Я, маленькая, беззащитная, с трепетом и смешанным чувством радости и страха, сажусь в поезд. Что меня ждет в Хайларе? Живы ли мои родители? Есть ли дом, в который я надеюсь вернуться? Что и кто меня ждет там?

Поезд останавливается, выхожу из вагона, и перед моими глазами открывается картина полной разрухи: вокзал разрушен до неузнаваемости, среди

разрушенных и сторевших домов торчат трубы, улицы изрыты воронками, всюду обломки камней, кирпичей и прочий хлам. Преодолевая все препятствия, обходя воронки, перепрыгивая через груды камней, я приближаюсь к нашей улице в полном неведении и страхе. Живы ли мама с папой? Издали вижу наш дом. Он грустно стоит на безлюдной улице. Открываю калитку, и, Боже, какое счастье! — меня встречают мама с папой. Живы... о моем приезде они не могли знать из-за отсутствия какой бы то ни было информации. Слезы радости, вопросы сменялись жуткими рассказами о причине нашей разлуки. Полной картины отступления людей из Хайлара я так и не поняла. Мои родители покидали Хайлар на одной телеге с одной лошадьё в упряжке с семьёй компаньона завода и магазина и, оказавшись в сравнительно безопасном месте, они решили, что я в Хакэ в окружении маминых братьев и сестры в безопасности. Но оказалось не совсем так. Опасно было везде. В Хайларе горели дома, японцы, отступая, поджигали их, и город пострадал не столько от бомб, но больше от пожаров, а в Хакэ тоже было страшно. Были грабежи, насилия, аресты. На моих глазах в селе по указке местного жителя посадили в грузовик соседа моих дядюшек. Я даже видела руку, указующую на невинного человека, простого полуграмотного жителя этой деревни. Мне вспомнилось предательство Иуды, как в ту ночь он указал на Христа. А тут просто захлопнулись двери грузовика, и никто не слышал раскаяния подлеца, так легко указавшего на отца детей, жены, близких.

Дом наш был полностью опустошен. Все разворовано, серо, печально. Но это нас уже не волновало. Счастье, что все живы. Исчез страх японского ига, открывались возможности новой жизни — свободной, счастливой, безоблачной, как казалось молодой 16-летней девушке. Новая жизнь. Я в Харбине!!! Новые друзья, выбор учебного заведения. Это вызвало кое-какие трудности. Ввиду того, что я всегда хотела быть врачом, эта мечта оказалась неосуществимой, потому что медицинского факультета в Харбине не было, только несколько лет спустя открылся медицинский институт на японском языке. Мне пришлось выбрать Медицинский техникум, который я окончила, и знания от этого скромного учебного заведения помогли мне прожить долгую, интересную и продуктивную жизнь как в Китае, так и в Австралии.

Ввиду того, что темой данного описания является ЦЕРКОВЬ, я не буду останавливаться далее на своих личных воспоминаниях, а перейду к периоду возрождения русской церковной жизни в Китае. Колокольный звон из 20-ти или, по некоторым данным, 26-ти храмов опять наполнял русский Харбин. На стадионе постоянно происходили спортивные игры или соревнования, на футбол собирался весь Харбин — и молодежь, и весь харбинский бомонд, причем все одеты празднично, дамы и даже мы, молоденькие студентки — в шляпах, наряжались как на праздник. Во всех углах города слышны песни войны. Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Ладынина, Крючков и многие другие вошли в нашу жизнь прочно и бесповоротно. Мы, молодежь, были захвачены духом русской культуры. Театральная жизнь кипела. Три драматические студии — Томского, Паниной и КРС — готовили по несколько спектаклей в сезон. Ставили пьесы Островского, Чехова и современные, вкрапывая их в классический репертуар. Опера, балет, оперетта и концерты были постоянно. О кино даже излишне говорить. На экранах кино шли фильмы «Сказания о Земле Сибирской», «Свинарка и

пастух», «Иван Грозный», «Петр Первый», «Каменный цветок», «Сорок первый», «Веселые ребята», «Волга-Волга» и многие, многие другие. Вполне понятно, что нас потянуло на историческую родину. Я не могу отвечать за всех, но я не вникала в политику, я воспринимала СССР как Россию. Только молодость может быть так безрассудна и наивна. В этот период моей жизни создалась нерушимая пятерка друзей, студентов ХПИ (Харбинского Политехнического института). Все они учились на строительном факультете ХПИ: Валентин Коростелев, Николай Воронцов, Валерий Годорожа, Виктор Голобоков и Владимир Сухов. Эта нерушимая пятерка назвала себя «Канителью». Изучая архитектуру, им понравилось слово «Капитель» — это какая-то деталь колонны, и они, переименовав это слово на «канитель», остались канительщиками на долгие годы. Описала я все это с тем, чтобы было понятно, как пересеклись наши судьбы с последним архипастырем Маньчжурии архиепископом Никандром.

Архиепископ Никандр, последний архипастырь Маньчжурии

Наши друзья Коростелевы были очень близки к архиепископу Никандру. Отец Валентина — Семен Никитич Коростелев был протодиаконем храма Святителя Николая. У него был великолепный голос — тенор, и его служение всегда придавало особенную торжественность и благолепие. Его имя нередко попадает в СМИ как современника Лемешева, и их пути пересекались на сцене в Харбине, когда Лемешев гастролировал там.

К этому времени наша «Канитель» превратилась в еще более крепкую дружбу, потому что Валентин Коростелев женился на Евгении Крупко, Николай Воронцов женился на Рите Гриценко, Валерий Годорожа женился на Ольге Х., и мы с Владимиром Суховым завершили семейный лист «Канительщиков». Дружили крепко, искренне, с любовью и пониманием, и с этим чувством крепкой дружбы прошли через всю жизнь. И сейчас продолжаем связь с теми, кто остался жив, но, к сожалению, в наших рядах осталось немного, большинство уже в лучшем мире.

Коростелевы — первая канительная пара, вступившая в брак. Свадьба, мы, девушки — все шаферицы, ребята — шафера. Свадьба в Свято-Николаевском соборе. Торжественное и благолепное венчание. Хор, паникадила, замечательный тенор о. Семена украшает чин венчания, все священнослужители во главе с Владыкой Никандром совершают венчание.

После этой свадьбы последовала свадьба наша, а затем Воронцовых, и это было повторением торжества Коростелевых, в этом же соборе и в том же составе близких людей. В общем, что я хочу отметить? Что мы жили и дружили, и это была одна большая семья, несмотря на то, что потом судьба нас разбросала по всему свету — Австралия, Россия (быв. СССР), Канада. Держали связь духовную и физическую.

Вот все мы постоянно встречались за столом у Коростелевых, где всегда во голове стола присутствовал Владыка Никандр. Он жил в этой семье, его покои были на втором этаже, а завтракал, обедал и ужинал Владыка вместе со всеми. Он никогда не стеснял нас своим присутствием, беседовал с нами «на равных», а мы даже не подозревали какой тяжелый период в церковной жизни Харбина он переживал в то время.

Интересно отметить один случай. Мои родители жили в Хайларе, а мы с Вовой в Харбине. Когда Владыка с о. Семеном по церковным делам приезжали в Хайлар, то они останавливались у моих родителей, и вот в один из таких визитов Владыка увидел наш с Вовой свадебный портрет. Он только тут узнал кто я, и что он в гостях у моих родителей.

Могу представить, какие интересные разговоры велись у них за столом, потому что мой папа и Владыка вместе участвовали в Ледовом походе¹. Уже будучи епископом, приезжая в Хайлар, они с папой вели нескончаемые разговоры о войне, Ледяном походе, России.

В. В. Коростелев и А. К. Караулов, собирающие материалы о духовенстве Харбина, пишут о переломном моменте в жизни Владыки, когда Харбинская епархия перешла под юрисдикцию Московского патриархата: «В год хиротонии епископа Никандра никто в Харбине не мог предугадать, что летом 1948 года с митрополитом Нестором случится беда — внезапный арест и неправый суд, по приговору которого он проведет около 8 лет в застенках ГУЛАГа. Временное управление Харбинской епархией и руководство Экзархатом сосредоточились в руках Владыки Никандра, тем не менее формально ее главой продолжал оставаться находившийся в заключении митрополит Нестор.

Затем в заседании Священного Синода под председательством патриарха 18 августа 1950 г. постановили: Преосвященного Епископа Никандра (Викторова) назначить Заместителем Начальника Миссии и Заместителем Патриаршего Экзарха Восточно-Азиатского Экзархата, с утверждением за ним титула Епископа Харбинского и Маньчжурского. Таким образом, с 18 августа 1950 г. епископ Никандр официально вступил на Харбинскую кафедру».

Биографическая справка.

Родился Леонид Викторов в 1891 г. в семье протоиерея Ярославской епархии. Закончил Киевскую духовную академию в 1915 г. и рукоположен в сан священника при в Пермском Преображенском кафедральном соборе. После революции поступает военным священником в войска, подчиненные адмиралу А. В. Колчаку, в 1920 г. участвовал в Ледовом (Сибирском) походе, во время которого отморозил себе пальцы рук и ног. С 1923 г. священник Градо-Харбинского кафедрального собора, с 1925 по 1927 гг. был настоятелем Александро-Невской церкви в городе Ханькоу Пекинской Епархии. Затем настоятелем Кафедрального собора в Харбине и членом Епархиального совета.

С 1927 г. — лектор Богословско-пастырских курсов в Харбине.

В 1945 г. в связи с переходом Харбинской епархии в Московский патриархат начал на службах возносить имя Патриарха Московского. В 1946 г. пострижен в монашество с именем Никандр и возведен в сан архимандрита.

С 1950 г. — епископ Харбинский и Маньчжурский и управляющий Восточно-Азиатским Экзархатом Московской Патриархии.

В 1956 г. был назначен епископом Архангельским и Холмогорским. В 1957 г. возведен в сан архиепископа, с 1961 г. — архиепископ Ростовский и Новочеркасский.

Скончался в 1961 г. в Ростове-на-Дону после продолжительной болезни.

¹ *Игнатий Волегов. Воспоминания о Ледяном походе. Изд-во А. Волеговой. Данденонг. 1988. С. 273.*

Владыка Иона

О Владыке Ионе у уже писала в своей книге [2] ранее. В ограде Иннокентьевского собора в г. Маньчжурия помещались приют и богадельня, основателем и опекуном которых был Владыка Иона, приехавший в Маньчжурию в 1922 году. Воспитанник оптинских старцев, высокоодаренный проповедник и прекрасный администратор, он за три года своего служения в Маньчжурии создал Детский приют, Низшее начальное училище, Высшее начальное училище, бесплатную столовую, бесплатную амбулаторию, аптеку с бесплатным отпуском лекарств для бедных, ремесленные классы при училищах, библиотеку. Умер Владыка в октябре 1925 г. и похоронен в ограде Иннокентьевского собора. Русской Православной Церковью за границей он был канонизирован и причислен к лику святых. Я очень много слышала об этом замечательном Владыке от современников. Детский приют и богадельню помню ясно, потому что часто приезжала в Маньчжурию к бабушке. И в это время всегда бывала в церкви и заходила в приют. Помню длинную комнату, в которой стояли коечки, отгороженные белыми занавесками. Слышала от старших, что Владыка поддерживал хорошие отношения с советским консульством, которое находилось через дорогу от территории храма. Отношения он поддерживал из-за того, что консульство снабжало приют углем, которым в зимнее морозное время согревали детей и стариков.

В ограде храма находилось много квартир, в которых жили семьи, в какой-то степени связанные с храмом, например, регент церковного хора, певчие и другие. В одной из этих семей был сын, мальчик, никогда не ходивший. Историю его болезни я не знаю, но знаю только то, что он никогда не вставал с постели. После преждевременной, трагической смерти Владыки Ионы (он умер от ангины), этот мальчик увидел сон, что Владыка пришел к нему и сказал: «Возьми мои ноги, они мне больше не нужны».

Мальчик встал и рассказал своей ошеломленной и счастливой маме о сне. Этот случай был официально расследован и зарегистрирован как чудо.

Могила Владыки Ионы находилась в церковной ограде, но после «культурной революции» собор был снесен, площадь залита цементом, и, таким образом, след могилы исчез. После канонизации Владыки, правящий епископ Австралийский и Новозеландский ездил в Маньчжурию с целью обретения мощей, но найти могилу не удалось.

Моя тетя Лидия Ивановна Антонова (урожденная Злобина) рассказывала мне, что Владыка приходил к ним в воскресенье после службы. Отец Лидии Ивановны был старостой храма. Владыка очень любил чай, и чайная чашка осталась в семье по сей день. Она бережно хранится ее сыном Владимиром Антоновым. У Лидии Ивановны сохранились фотографии могилы Владыки Ионы и план собора, которые я дала Владыке Илариону перед его поездкой в Маньчжурию. К великому сожалению, могилу и даже место разрушенного собора найти не удалось. Китайское правительство сказала, что если указать место могилы, они разобьют цемент.

Как жаль! Ведь Владыка Иона еще при жизни своей был признанным праведником, настоящим миссионером, оказывающим благотворное влияние на всех, кто с ним соприкасался. Сам сирота, натерпевшийся много горя, по окончании семинарии и Казанской духовной академии, он был преследуем

безбожной властью, арестован, освобожден белыми войсками — и в Китае, во время своего недолго епископского служения, сумел завоевать добрую память и делами своими, и проповедями. Вот что постановил Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей в 1996 г. о новом святом эмиграции, о Святом Ионе Ханькоуском: «На последнем Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей в сентябре с. г. постановили совершить его церковное прославление 7–20 сентября 1996 г.». Завершая Собор, митрополит Харбинский Мелетий сказал: «Преосвященный Иона выполнил самую главную заповедь Христову: голодного накормил, жаждущего напоил, странствующего принял, нагого одел, больного посетил, делая все это нуждающимся братьям, он через них делал угодное Господу Иисусу Христу, от которого да услышит сладчайший глас: “Благий и верный рабе, прииди и наследуй уготованную тебе обитель у Отца моего”!»

Епископ Ювеналий Цицикарский. Обновление икон

Решаюсь написать еще об одном нашем харбинском священнослужителе, епископе Ювеналии Цицикарском (Иоанне Килине), с которым я лично не была знакома, только потому что служению его сопутствовало массовое обновление икон в Харбине в 1946 году.

Мне очень хотелось найти живых свидетелей того времени. Все мои поиски не увенчались успехом, потому что люди разъехались, многие ушли в лучший мир, и только одна дама знала Владыку с детства. Она рассказала мне о епископе Ювеналии и о чуде обновления икон, которому сама была свидетелем. И я с радостью спешу поделиться этим с вами. Эта дама Кира Константиновна Жировска, урожденная Зиновьева.

В тяжелый период жизни русской общины в Харбине, когда в Китае появилась Советская Армия, свирепствовал СМЕРШ, и наши русские православные люди были в смятении, не зная радоваться ли им приходу русской армии или печалиться, именно в это время маленькая девочка Кира переживала тяжелое для ребенка время. Кира жила у своего дедушки Георгия Никифоровича Сливского, который жил около Казанского мужского монастыря и постоянно работал при храме. Родители Киры разводились, и детское сердце разрывалось на части. Она любила и маму, и папу. Ей был дан выбор с кем жить, и Владыка Ювеналий, настоятель Казанско-Богородицкого монастыря, видел и чувствовал страдания этого ребенка. Он окружал ее заботой, любовью, как и всех детей, но она всегда чувствовала особую теплоту и сочувствие к ней. Кира и сегодня, со слезами на глазах, рассказывает, как она, маленькая девочка, стояла около свечного ящика, держа посох Владыки, пока ее дедушка тушил свечи паникадила после службы, а Владыка выходил из алтаря. Для нее это была особая миссия, которую возложил на нее Владыка из-за того, что он видел терзания ребенка и хотел оказать ей свою любовь и сочувствие. Она пыталась мне объяснить, какое чувство она и, по-видимому, все дети испытывали от общения с Владыкой. Говорила, что от него исходила чудесная теплота, мир и покой.

Далее она рассказала мне, как проходили школьные занятия. Школьный день начинался с молитвы. Потом Владыка обращался к детям и каждого просил рассказать о своих радостях и печалях. Просил рассказать искренно,

чтобы все вместе поняли и разделили все переживания, таким образом он объединял детей, создавая между ними доверие и дружбу. И наставлял детей молиться Пресвятой Богородице: «Она наставит вас и поможет вам».

В декабре 1946 г. Владыка Ювеналий подарил Кире карточку с надписью: «На память маленькой Кирочке. Спаси и сохрани!».

В тот период времени в Харбине стали обновляться иконы. Весь Харбин буквально гудел. Первая весть пришла из Казанского мужского монастыря. Там просто на глазах у молящихся обновлялись иконы, шли моления, нескончаемой вереницей шел народ на ночные бдения.

Затем было обновление икон иконостаса в уже недействующей, закрытой Благовещенской церкви. Закрытой, потому что был построен новый храм. В старом был огорожен алтарь, а площадь храма была приспособлена для убежища китайцев, потерявших свои фанзы в наводнении. И вот, ночью, этот уже недействующий храм вдруг осветился ярким светом. Китайцы, спавшие на нарах, увидели яркий свет и сияющие иконы иконостаса, побежали к священнику. Начались моления, на одном ночном молении была и Кира. Китайцы массово крестились после этого чуда. И это чудо невозможно забыть!

Кира рассказывает, что когда пришло время прощаться с Владыкой Ювеналием, народ рыдал. Он уезжал в Россию в декабре 1947 года.

Чудо массового обновления икон вызвало большой резонанс, приехала научная комиссия из Советского Союза, но заключения не последовало. Пытались сказать, что климатические условия подействовали на краски, но ни одна картина в частных домах и учреждениях, написанная маслом, не обновилась ни в то время, ни потом. Делайте выводы сами.

Биографическая справка.

Иван Кельсиевич Килин родился в 1875 г. в селе Арзамасцево, Сарapulьского уезда в крестьянской семье.

Закончив Сарapulьское уездное училище, в 1896 г. поступил послушником в Белогорский мужской монастырь Пермской епархии. Был там пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха.

В 1903 г. назначен заведующим Белогорского подворья в Перми и был участником открытия мощей преп. Серафима Саровского. В 1912 г. возведен в сан игумена, в 1916 г. — в сан архимандрита и назначен благочинным мужских и женских монастырей Пермской епархии.

После революции едет в Читу, затем в Харбин, где становится строителем и настоятелем новостроящегося Казанско-Богородицкого монастыря.

В 1935 г. хиротонисан в Харбине во епископа Синьцзянского, а с 1937 по 1938 гг. заменял миссийского vicария, Иоанна Шанхайского.

В мае 1941 г. был вновь назначен настоятелем Казанско-Богородицкой обители в Харбине и присвоением ему титула епископа Цицикарского, второго vicария Харбинской епархии.

В октябре 1945 г. принят в лоно Русской Православной Церкви. С 15 июня 1946 г. — епископ Шанхайский.

С 12 мая 1947 г. назначен епископом Челябинским и Златоустовским. С 3 июня 1948 г. — архиепископ Иркутский и Читинский. С 21 февраля 1949 г. — архиепископ Омский и Тюменский.

С 31 июля 1952 г. — архиепископ Ижевский и Удмуртский.

Скончался 28 декабря 1958 г. в городе Ижевске.

Служение его сопровождалось не только чудесами обновления икон в 1946 г. в далеком Харбине, но есть свидетельства и более поздних преданий, уже из России:

— Однажды, когда Владыка проезжал через Екатеринбург, он оказался рядом с пожаром — горела церковь. Владыка сошел, поднялся к горящему куполу, накрыл огонь подолом рясы, и пожар вокруг тут же прекратился.

— Перед смертью Владыка послал телеграммы двенадцати знакомым епископам с просьбой навестить его. Все двенадцать ехали, не зная, что кроме одного его приглашены еще одиннадцать архиереев. Когда же все одновременно собрались, выяснилось, что Владыка пригласил их для прощания. Двенадцать архиереев его и отпевали.

Сегодня почивший архипастырь пользуется весьма широким почитанием со стороны верующих в России, многие стекаются к его гробнице и обращаются с верой к его молитвенному предстательству, чувствуя благодатную помощь.

Владыка Нестор

Владыка Нестор — какая великая, яркая личность, и настолько простой, доступный милый человек в обращении. Он не вызывал трепета страха, неудобства, раболепства, но чувство глубочайшего уважения, внимания вырабатывались естественно и непроизвольно при встрече с ним.

Знакомство с митрополитом Экзархом Московской Патриархии произошло у нас дома. Ситуация была такова. В Трехречье строился, вернее, закладывался мужской монастырь, и Владыка приезжал на это событие. Дорога в Трехречье идет через Хайлар. Случилось так, что я, учась и живя в Харбине, приехала на пасхальные каникулы в Хайлар, где жили мои родители, а также жили наши близкие друзья Исакины. Сын Исакиных, Саша, молодой человек, только что окончившим медицинский курс, был назначен старшим врачом Хайларской больницы. В бытность свою студентом в Харбине он был одним из молодых людей, близким к Владыке, принимал участие в его благотворительной работе и прочее. Короче говоря, когда Владыке пришло время возвращаться из Трехречья, он остановился у Исакиных. Саша спросил мою маму, может ли она пригласить Владыку на обед в нашу семью, на что мама с радостью согласилась. Это была Страстная неделя. Единственно, что волновало маму, как правильно по всем канонам накормить Владыку в эти святые дни.

Саша произвел «разведку», сказал, что в пути сущих строгие каноны могут быть нарушены. И вот стол накрыт, но вина на столе нет. Дом празднично украшен, привозят Владыку. С милой улыбкой Владыка знакомится, здоровается, благословляет каждого, читает молитву, садится за стол. Мама в смущении спрашивает Сашу, можно ли поставить вино. Он в свою очередь спрашивает Владыку, который отвечает: «Можно, ставьте вино. Я в пути сущих. В Трехречье меня замучили тем, что боялись отойти от строгости поста, поэтому сегодня будем есть все, что приготовила милая хозяйка». Естественно, мама не подавала мяса, но рыба, зелень и доступные в том сезоне фрукты были в изобилии, и белое вино из длинных бутылок полилось по бокалам и искрилось, ожидая тоста. За этим дело не стало. Тост и за Владыку, и за закладку монастыря. И за

завершение постройки монастыря, и за всех нас. День был забываемо радостным

Я сделала небольшое отступление от визита митрополита Нестора для того, что чтобы объяснить читателю, почему такие встречи были доступны для нас. Почему иерархи вели себя так просто. Всегда можно было найти возможность поговорить с правящим Владыкой, чтобы получить совет административного характера или личного. Это была норма, поэтому всем было легко и просто находиться в обществе такого яркого человека, как Владыка Нестор.

На следующий день мы пошли к Исакиным навестить Владыку. Помню, как будто это было вчера. Он полулежал на тахте. Полулежал, чтобы поднять ноги. Это до предела отечные ноги, как два больших бревна. Но он с улыбкой рассказывает, что это не так страшно, это его хроническое состояние, но ему очень жаль, что подбежала собачонка и порвала ему подрысник. Я попросила посмотреть подрысник, ознакомилась с уроном, нанесенным собакой. Обдумала, что я смогу сделать, попросила взять подрысник, чтобы починить. Из подола левой стороны подрысника я вытянула нужное количество ниток и по рисунку ткани починила дырку, отгладила, и Владыка не мог даже найти, где была дырка. Стоит ли говорить, что я была довольна тем, что был доволен Владыка.

К сожалению, этот период закладки монастыря и жизни в Хайларе был омрачен какой-то мистической историей с мисс Бридди. По некоторым заметкам СМИ, это была монахиня женского монастыря, англичанка, по другим сведениям — это был переодетый мужчина, но какая-то никому не известная тайна окружала эту фигуру, и самое страшное, что произошло убийство. Учительница Русской хайларской школы убила топором свою свекровь! Произошло это ночью. После войны школа была напротив дома Павловых, где жила учительница со своей свекровью. У нее была дочка, маленькая девочка, муж ее, как и многие молодые мужчины, был арестован СМЕРШ. В этот вечер в школе был вечер. Ставили чеховский спектакль «Дуэль». Учительница играла вдову. Спектакль закончился, она ушла домой. И вскоре вернулась с вымытой головой и обычной прической и сообщила, что ее свекровь убита. Однако она вымыла полы и убрала все следы преступления, чтобы ее маленькая дочка не увидела этого ужаса. Полиция приехала, покойную увезли, и началось длительное расследование, и кончилось это тем, что все следы преступления были найдены, и топор, который она заняла у соседей, был им возвращен без следов крови, но осталось доказательство. Помню, как гудел Хайлар, когда из Харбина приехал следователь и сделал эксгумацию тела. В результате чего в горле убитой обнаружили носовой платок учительницы с ее инициалами. Последовал арест. Она просидела 10 лет. Будучи образованной, утонченной женщиной, она и в тюрьме устроилась благополучно, вошла в доверие к начальству, изучила китайский язык и вернулась в хайларскую жизнь. Много-много лет спустя я встретила ее дочь в Русском клубе, где демонстрировался фильм «Потемкин», дочь показала мне свою мать. «Вон она сидит, первая слева». И добавила, что убитая мисс Бридди была мужчиной-шпионом. Можно сделать вывод, что учительница была в курсе и подозревала свекровь,

что она слышала какие-то разговоры и поэтому постаралась избавиться от нее. Как это было страшно. Эти события волновали меня всегда, и продолжают волновать сейчас, если я вспоминаю о них.

Как интересно рассказывал митрополит Нестор, сидя за столом напротив, о сборе средства на приют и богадельню «Дом Милосердия», которые он открыл и содержал. Ведь в Харбине, на фоне эмигрантской бедноты, было очень много богатейших людей. Были два миллионера — Воронцов Димитрий Матвеевич и два брата Лопато, Михаил и Владимир. У них была табачная фабрика, а у Воронцова — лесные концессии на станции Якеши, которыми руководил брат Димитрия Матвеевича, Михаил Матвеевич. Мой папа с ним был хорошо знаком, он, кажется, был акционером завода, директором которого был мой папа, знаю, что они играли в преферанс, когда он приезжал в Хайлар, а потом уже среди бумаг папы я обнаружила купчую, в которой сказано, что дом, в котором мы жили после войны, был куплен у Воронцова. Этот документ был написан на ужасной бумаге послевоенного времени, но со всеми печатями и подписями. Из него же мы узнали, что этот дом строился для атамана Семенова. Фотография у меня этого бревенчатого дома сохранилась. Вот в этом доме мы и принимали Владыку и слушали его рассказы.

Д. М. Воронцов имел целый квартал домов, которые сдавал своим служащим, и их семейный дом находились против Дома Милосердия. Естественно, Воронцовы помогали Владыке, и, как он рассказывал, ни русские, ни богатые евреи не отказывали в помощи. Я помню, например, фамилию еврея, Скидельский. Он слыл жертвенником, был председателем Красного Креста. Ни один благотворительный бал не проходил без его присутствия.

В храме на торжественных богослужениях в кафедральном соборе при присутствии митрополита Нестора было окружено ореолом благолепия. Помню пасхальную заутреню в Свято-Николаевском соборе. Это было незадолго до страшных событий. Храм освящен, все паникадила горят, великолепный хор с клироса, который находится наверху, наполняет храм своим божественным пением. Митрополит Нестор, архиепископ Никандр и целый ряд священников в пасхальных облачениях служат в переполненном храме. Изумительный тенор протодиакона о. Семена Коростелева и бас протодиакона Н. Овчинкина украшают богослужение. При возгласе: «Христос Воскресе!» Митрополит поднимает крест, и в его руках хрустальные четки переливаются всеми цветами радуги. Боже, как это торжественно! Ехали или шли домой в духовно-возвышенном настроении к праздничному столу. Разговлялись, а наутро готовились к приему визитеров. Колокольный звон раздавался по всему городу. С колоколен храмов разрешалось мальчишкам звонить, и в этом русском городе на китайской земле мы имели свободу вероисповедания, обучения на своем языке и бурно развивали свою великую русскую культуру.

То, что я написала о Владыке Несторе — это истина, и я без зазрения совести написала все, что знала о нем, искренне и правдиво. Но только сейчас, через интернет, ознакомившись с историей его жизни, его миссионерской работы, его участия в годы Первой мировой войны, в годы революции и гражданской войны, осознала я все величие этой яркой, сильной натуры. Мне стало трудно сочетать личность этого великого человека с добрым,

простым, пожилым священнослужителем, с которым было так уютно сидеть за семейным столом и беседовать на все житейские темы. Боже, какой контраст! Как я, ничтожное существо, дерзнула писать о нем как о простом, доступном человеке. Но, видимо, это необходимо, чтобы люди больше узнали о нем.

Вкратце привожу биографическую справку.

Родился Николай Анисимов в 1885 г. в Вятке в семье военного чиновника, статского советника Александра Александровича Анисимова и Антонины Евлампиевны, дочери протоиерея. Очень тяжело пережив тяжелую болезнь матери, а затем радость полного ее излечения по молитвам отца Иоанна Кронштадтского, юноша укрепился в плодотворной силе веры и молитвы. Это ускорило процесс духовного роста, укрепило стремление посвящать свою жизнь Богу и служению на пользу страдающим.

Николай окончил Казанское реальное училище (1905) и миссионерские курсы при Казанской духовной академии по калмыцко-монгольскому отделению.

Будущий камчатский миссионер был послушником Казанского Спасского монастыря. 17 апреля 1907 г. пострижен в монашество с именем Нестор, 7 мая во иеродиакон, 9 мая в иеромонаха. В 1907–1909 гг. проповедовал христианство камчадалам. Кроме того, лечил и обучал грамоте, призывал их навыки гигиены. Написал молитву на лов рыбы, на освящение рыбы, утвержденную Святейшим Синодом. Ранее в этом регионе миссионерской деятельности практически не велось, школ для коренного населения не было, а само это население подвергалось эксплуатации со стороны русских и зарубежных торговцев.

В начале 1910 г. иеромонах Нестор выдвинул проект Камчатского православного братства, и оно под официальным покровительством Цесаревича Алексея Николаевича было открыто уже в сентябре 1910 г. с центром во Владивостоке и отделениями в Петербурге, Москве, Киеве и других городах.

В 1910–1917 гг. на средства братства на Камчатке были построены десятки учреждений: церкви, часовни, школы, приюты, больницы, лепрозорий и амбулатории. Деревянные здания строились во Владивостоке, а затем в разобранном виде сплавлялись на пароходах на Камчатку, где собирались.

Изучил корякский и, отчасти, тунгусский языки, перевел на корякский язык Божественную литургию, частично Евангелие, составил словарь и разговорные вопросы и ответы. На тунгусский язык перевел молитву Господню «Отче Наш», Заповеди Моисея и Заповеди блаженства. Многие называли его «Апостолом Камчатки»

В 1913 г. возведен в сан игумена.

В 1914–1915 гг. находился на фронте Первой мировой войны в качестве священника лейб-гвардии Драгунского полка, организовал санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага». Руководил отрядом на передовых позициях, сам вместе с отрядом оказывал помощь раненым, выносил их из огня, перевязывал, напутствовал и направлял в госпитали и лазареты. Во время одного из боев участвовал в наступлении с крестом в руке под сильным огнем противника. Был награжден наперстным крестом на Георгиевской ленте, орденами Святого Владимира III степени с мечами, св. Анны II и III степени с мечами. С 1915 г. архимандрит был отозван с фронта и продолжил свою деятельность на Камчатке.

В августе 1916 г. Император Николай II утвердил доклад Святейшего Синода об учреждении кафедры викарного епископа в Камчатской области и

назначении архимандрита Нестора епископом Петропавловским, викарием Владивосточной епархии. 16 октября (29 октября) архимандрит Нестор был рукоположен во Владивостоке во епископа Камчатского и Петропавловского.

В годы революции и гражданской войны в 1917–1918 гг. участвовал в работе Поместного собора Русской Православной Церкви. Во время боев в Москве между большевиками и юнкерами оказывал помощь раненым на московских улицах. Написал брошюру «Расстрел Московского Кремля», содержащую оценку размера ущерба, нанесенного Кремлю вооруженными красногвардейцами во время революционных событий 1917 года.

В ночь на 16 февраля 1918 г. был арестован отрядом красноармейцев в Москве без предъявления обвинений и помещен в Таганскую тюрьму, однако начальник тюрьмы отказался принять архиерея.

В 1918 г. покинул Москву, выехал в Петроград, а оттуда в Киев и Омск, где активно поддерживал белое движение, призывая к «крестовому походу» против большевизма. Подготавливал операцию по спасению Царской Семьи.

В 1920 г. эмигрировал в Китай, стал одним из видных деятелей русской эмиграции в Маньчжурии. В Харбине встречал тела алапаевских мучеников, вывозимых из России в Пекин. В 1921 г. создал Камчатское подворье в Харбине, где организовал Дом милосердия и трудолюбия. Основал приюты для детей сирот русской и китайской национальностей, приют для старцев-хроников, слепых и больных калек, приют для юношей-наркоманов, приют для глухонемых, дом для душевнобольных, школы, в которых учили различным прикладным искусствам: живописи-иконописи, рукоделия, шитья и кройки, ремесел: столярных, ткацких, сапожной мастерской, бесплатные столовые для бедноты, бесплатную амбулаторию, зубоврачебный кабинет в доме милосердия.

В 1933 г. возведен в сан архиепископа. Несколько раз совершал паломничества в Святую Землю. В 1945 г. приветствовал в Харбине на Соборной площади Красную Армию. Именно в это время в соборе Святого Николая служили благодарственный молебен за избавление от японского ига.

27 декабря 1945 г. Святейший Синод постановил образовать в пределах Китая и Кореи митрополичий округ с присвоением его главе титула митрополита Харбинского и Восточно-Азиатского, временно управлять митрополичьим округом назначался митрополит Нестор. Затем этот округ был преобразован в Восточно-Азиатский экзархат. Архиепископ Нестор был назначен Патриаршим Экзархом с возведением в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Но уже рано утром 14 июня он был задержан китайскими властями и депортирован в СССР.

В Хабаровске митрополит Нестор на суде был обвинен в антисоветской деятельности, она заключалась в написании книги «Расстрел Московского Кремля» и в совершении панихид по убиенным в Алапаевске родственникам семьи Императора Николая II. Осужден на 10 лет и помещен в лагерь в Мордовии, где отбывал наказание в период с 1948–1956 гг. После освобождения назначен митрополитом Новосибирским и Барнаульским. Выступал против закрытия храмов, несмотря на болезнь, много ездил по епархии, посещал отдаленные приходы, принимал в епархию бывших узников лагерей, а также монашествующих, тайно постриженных в «катакомбной церкви». В сане митрополита Кировоградского и Николаевского проявлял стойкость в отстаивании храмов, защите прав верующих.

17 октября 1962 г. престарелый архипастырь приехал в Москву для операции, но в день приезда у него произошло кровоизлияние в мозг, в ре-

зультате чего последовала тихая и мирная кончина. Погребен в подворье Троицко-Сергиевой Лавры в Переделкино в день празднования иконы Всех Скорбящих Радость.

В ограде переделкинского храма в честь Преображения Господня, прямо за алтарем, — она, скромная могила святителя Нестора. На кресте из белого мрамора выбито: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!». Будучи в Переделкино не раз, с благоговением посещаю я эту скромную могилу великого старца. Воспоминания о жизни Владыки Нестора до сих пор объединяют нас, знавших его по Харбину, и к ним теперь прибавились новые моменты, связанные с Переделкино. Я уже писала о нашей дружбе с семьей Коростелевых, и хочу сказать, что после отъезда духовенства из Китая у нас возникла переписка и продолжается до сегодняшних дней. Вот какое письмо прислала мне недавно Женья (Евгения Карловна Коростелева), невестка протодиакона Симеона Коростелева.

...Вот еще один год ушел в историю. Пролетел, промелькнул, как один миг, как сон, — как и наша лучшая часть жизни тоже уже в прошлом. Жаль, конечно, что жизнь проходит и что она уносит с собой кусочек и нашего бытия, но жить еще очень хочется. Интересно, что будет дальше, что ждет нас в Новом году? Несмотря на то, что почти ежедневно поступает информация со всего света о всяких катастрофах, терактах, катаклизмах и прочих бедствиях. Порой даже страшно становится, чем все это закончится. Небезопасно стало жить, и, несмотря ни на что, живем, пока живется.

Твое последнее (пасхальное) письмо, Галя, с вложениями статей и твоими «Путевыми заметками по России» я давно получила. Большое спасибо! Очень интересно! Я горжусь тобой. Радуюсь твоим успехам и твоим достижениям в сфере организации всяких культурных, творческих мероприятий. Молодец! Ты даришь людям радость общения, ты любишь людей, как истинная христианка, хочешь делать для них только приятное и сеешь в их душах доброе, светлое, разумное, вечное. Просветительская деятельность человека всегда вызывает ответную реакцию от людей — чувство благодарности за проделанную работу и наполнение души духовной пищей, в которой так нуждается каждый человек. Восхищаюсь твоим энтузиазмом, энергией и творческим вдохновением. Ты, Галя, действительно «канительский гений». Я вспоминаю наши дружеские встречи, всю замечательную компанию... и мальчиков, и девочек — все были как на подбор. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что участие в «Канители» (так называлась наша тесная компания) послужило для тебя толчком, прообразом того, чем ты сейчас успешно занимаешься. Тебе многое дано от природы, и ты должна весь свой талант, весь свой потенциал отдать сполна людям, и они этого никогда не забудут.

О себе писать нечего. Нет ничего нового, интересного. Главная новость и радость: к праздникам приедут мои дорогие гости из Киева. Будем вместе за семейным столом встречать и мои именины, и все праздники. Будем ожидать от Нового года какого-то таинственного чуда, и хотя бы один раз в году почувствовать себя в какой-то волшебной сказке... Желаю и вам всем чудесной сказки.

Лера и Тамара оба трудятся. Работой довольны. Лера — профессор, декан факультета в Национальной музыкальной академии. Тамара работает в библиотеке в Институте рукописей при Академии наук. Коля тоже при деле по своей специальности, но за последнее время что-то приболел: позвоночник, лежал даже в больнице, за это время остался без работы (у нас безработица, много лишних людей). Лера сейчас сотрудничает с редакцией альманаха «Русская Атлантида», которая базируется в Челябинске. Читала-ли ты эти издания? Уже вышли десять номеров. Лера вместе с Аликом Карауловым пишут свои статьи, тем самым отдают свой долг памяти, описывая жизнь замечательных людей нашего времени — китайско-русско-японского эмигрантского зарубежья. Очень печально, что со временем писатели, да и читатели уходят в небытие. Земляков становится все меньше... грустно. Но ведь известно, что со временем «мы все сойдем под вечны своды — и чей-нибудь уж близок час».

Дорогая Галя, я с удовольствием вновь перечитала твои путевые записки о России. Я очень рада, что тебе так дороги родные края, что ты так любишь Россию, ее культуру, литературу, историю. Судьбу, говорят, не выбирают, но в нашей жизни был момент — момент истины, когда нужно было сделать выбор. Я имею в виду пятидесятые годы прошлого столетия, когда и мы, и вы, и многие другие должны были заглянуть себе в душу и определиться: куда ехать. На родину, или мимо нее, за тридевять земель, за моря и океаны, как тогда говорили «за бугор». Выбор был нелегкий, непростой, но судьбоносный. Я вспоминаю настроение в нашей семье, как и в каждой другой: к какому берегу плыть? Надо было опуститься с неба на землю, чтобы понять, что в Харбине оставаться нереально. У нас были попытки сорваться с места и уносить ноги куда подальше. Но вот судьба вмешалась в нашу долю и распорядилась по-своему. Нежданно-негаданно пришла весть в наш дом из Москвы телеграмма — Указ Патриарха Алексия I, приглашение потрудиться и послужить Церкви Христовой на Родине нашему Владыке Никандру (Викторову) и о. Симеону (Коростелеву). Тут уж, действительно, выбрать было не из чего. И от судьбы не уйдешь никуда. Дальнейшая наша жизнь определилась: сразу стало ясно, куда лежит наш жизненный путь, как сказал тогда Владыка: «Домой, ближе к святительскому омофору!». Вот и впрямь, пути Господа неисповедимы.

Вот ты, Галя, пишешь, будучи в Переделкино:

«В Переделкино есть очень старая церковь. Мы попали как раз в канун престольного праздника. Храм мыли, все медные подсвечники, ковры и дорожки были вынесены в сад, откуда можно было видеть скрытую деревьями и кустами летнюю резиденцию Патриарха».

Удивительное совпадение! Но как раз, приехав в Москву 5 марта 1956 г., Владыку Никандра (Викторова), о. Симеона (Коростелева) и всю нашу семью встретили на перроне представители патриархии и увезли нас на эту самую патриаршую дачу в Переделкино, о которой ты пишешь, где мы прожили недели две, пользуясь искренним русским гостеприимством, хлебосольством и радушием. За это время святейший Патриарх приглашал нас в свою домовую церковь, где мы получили его святительское благословение на жизнь на родной земле. Особенно ему

понравился наш мальчик (Лерочке тогда было шесть лет), и святейший тогда подарил ему бюст А. С. Пушкина в назидание любви к русскому языку, к русской земле и к вере православной.

Ты пишешь далее: «На церковном кладбище находится могила митрополита Нестора (Анисимова), известного всем харбинцам». Да, именно тут, на патриаршей даче, поздней ночью, добравшись до Переделкино — чудо! — нас встречал на пороге дома старец митрополит Нестор, только что освободившийся из мест исполнения наказаний (ГУЛАГа), и оба старца — наш Владыка Никандр (Викторов) и Владыка Нестор (Анисимов) — обнялись и не скрывали своих слез, а мы все, глядя на них, рыдали. Владыка Нестор был близок нашей семье. Он рукополагал в сан диакона о. Симеона, чин хиротонии во епископа Владыки Никандра совершал тоже Владыка Нестор.

В 1948 г. он был необоснованно обвинен, осужден и увезен, пробыл в заключении более восьми лет, после чего оправдан, освобожден, реабилитирован за неимением состава преступления. Святейший патриарх Алексий I пригласил его на свою дачу для отдыха после тюрьмы и всего пережитого.

А я, Галя, прочитав твои «Заметки» перенеслась в то историческое для нас время, и нахлынули воспоминанья. Как сейчас перед глазами эта дача-терем, бывшее имение бояр Колчиных. Вспоминаю, как было особенно снежно в ту пору года в Москве. Помню, сугробы на дачном дворе были такие огромные, такие высокие, что нижняя часть окон была заметена снегом. И я, стоя у окна, отрешенно всматривалась вдаль, хотела что-то увидеть из своего будущего. Но мыслить я не могла, душа разрывалась на части, сердце сильно билось, слезы застилали глаза от одной лишь мысли: «Куда приехали, зачем, почему, к кому?» И все эти вопросы без ответов не давали мне покоя и наводили на меня страх и ужас за Лерочку — что с ним будет? И мне было так грустно, когда я глянула из своей комнаты в окно, так захотелось вслух пропеть эмигрантскую песню:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запустило седую пургой,
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой!

Почему-то в Харбине было ощущение радости, что едем домой, а главное — неважно куда, лишь бы из Харбина вон, а когда ступили на родную землю, то эта неизвестность и оторванность от чего-то привычного за много лет жизни в Китае пугала. Неизвестность лишала возможности многое увидеть и воспринять в Москве, как стоящее огромного внимания, несмотря на то, что наши многочисленные родственники опекали, развлекали нас. Как-то ничто тогда не радовало, не веселило нас. Все было немило. Пока Владыка Нестор и о. Симеон не получили назначения на службу в Архангельскую епархию, в состав которой входили Мурманская область, Кольский полуостров, Коми АССР и Архангельская область — огромная территория, равная Франции, а может быть, больше. И вот, прожив в Архангельске более пяти лет, изучили

нашу великую родину вдоль и поперек, с севера на юг, с запада на восток. И вот сейчас, оглядываясь назад, я ни о чем не сожалею. Мы прожили свою жизнь как в сказке. Сам Господь определил наш путь, и нашу судьбу, и нашу жизнь, за что только нужно благодарить Бога. За это время объехали всю нашу страну. Много увидели, узнали, восхищались так же, как и ты теперь.

А вот у вашей семьи, у тебя — своя судьба. Это даже не выбор наш, а перст Божий, указующий нам наше будущее. Его святая воля! Ну вот и все. Жду новостей, пиши! Ты же знаешь, как я люблю твои интересные, содержательные письма.

Целую и обнимаю, Женя.

Встреча с духовными лицами Мельбурна. Отец Андрей Катков и отец Георгий Брянчанинов

Мое знакомство с Австралией началось с встречи со священниками русской католической церкви. Да, это были не привычные нам, иммигрантам, жившим до этого в Китае, православные священники, но именно они имели возможность помочь в те трудные годы переселенцам из Харбина. 1 августа 1957 г. мы приплываем к берегам Австралии. Все ново, все необычно. Встречает нас католический священник о. Андрей Катков. Тут сразу необходимо объяснить читателю, кто такой о. Андрей, и почему возложена на него и о. Георгия Брянчанинова миссия помощи русским эмигрантам из Китая.

Дело в том, что когда после революции хлынула в Китай волна эмиграции из России, жизнь их, особенно в Харбине, была невыносимо трудной. Народ нуждался, Белая армия, боровшаяся с большевиками, тоже осела в Китае вместе с мирным населением, пройдя все ужасы гражданской войны, перенеся Ледяной поход. Русские люди оказались там без средств к существованию, потеряв все: многие военные Белой армии потеряли своих жен, детей. Многие погибли при отступлении от тифа и других обстоятельств, материальных средств не было, для того, чтобы начать жизнь в изгнании. Многие мужчины, не зная других специальностей, кроме военной, будучи морально сломленными поражением, просто не вынесли падения России, как они понимали. Они сломались, стали пить, находить утешение в наркотиках и прочем.

Нищета расцвела бурным цветом, и вот в этот период времени Ватикан оказал помощь детям. Миссия заключалась в том, чтобы открыть приют для бедных детей — мальчиков. В Харбин были присланы священники Русской католической церкви Византийского обряда ордена Marian Brothers из Рима, и приют был открыт. Таким образом было спасено огромное количество мальчиков. Следом за этим был открыт конвент урсулинок и конвент францисканок для девочек, но это уже не входит в мое повествование.

Мой муж, Владимир Сухов, как раз был одним из таких спасенных мальчиков, который наряду с сотнями других молодых людей окончил Лицей Святого Николая, переросший из приюта в престижное учебное заведение, дававшее гимназическое образование.

С чувством глубокого сострадания приходится сказать о том, что отец моего мужа, офицер Белой Армии, выросший в зажиточной и талантливой

семье (это я узнала позже, собирая материалы Семейного древа), не выдержал драмы эмиграции и трагически погиб в Харбине, оставив 12-летнего сына и жену.

Следует заметить, что приверженцы данного ордена считают, что начало образования в рамках Русской Католической Церкви положило учение Соловьева, столь популярное среди русской интеллигенции конца XIX века. Они ни в коем случае не причисляют себя к униатам. Так вот, когда возникла необходимость перемещения русской диаспоры из Харбина после Второй мировой войны, на священников о. Андрея Каткова и о. Георгия Брянчанинова была возложена Ватиканом миссия помощи русским, живущим в Харбине, в переезде в Австралию. В то время слово РОССИЯНЕ не существовало. Не только русским, но и евреям, и татарам, с которыми мы жили очень дружно в Китае, эти два священника помогали найти спонсоров и делали визы, а по приезде семей они находили квартиры или комнаты, находили работу и продолжали помогать во всех трудных ситуациях. Необходимо отметить, что в то время, как мы приехали в 1957 г., государственной помощи не было вообще. Свое путешествие из Китая в Австралию мы оплачивали сами, поэтому работа была необходима. Слав Богу, работа была, хотя, зачастую, унижительная, но оплачиваемая. Были случаи парадоксальные. Например, врача, бывшего профессора с мировым именем, издавшего несколько книг, по которым учатся студенты медицинского факультета в Мельбурне, не принимали на медицинскую работу в госпиталь. Он работал как портье, т. е. возил больных из палаты в операционную и обратно. Но это было вначале. Постепенно разными путями люди находили себя, пробивались в свою специальность, развивались и входили в нормальное русло австралийской жизни.

Владыка Антоний, Митрополит Филарет, отец Владимир

Эмигранты всегда стремились селиться вокруг своей церкви, а на первых парах, если не было церкви, служили на дому или в гараже, а потом строили церковь. Вот так и мы. Устроившись на работу, в первое воскресенье едем в церковь. Это была Русская Православная Церковь за рубежом (РПЦЗ). Так мы окунулись в Зарубежную Православную Церковь на долгие годы, на 50 лет — до момента ее соединения с Русской Православной Церковью Московского Патриархата (РПЦ).

Становление в новой стране, изучение языка, желание как можно скорее приобрести крышу над головой занимало все наше время, поэтому о политике, истории церкви думать не приходилось. Жизнь текла своим чередом. Ходили в церковь, люди венчались, крестили детей, отмечали все праздники и жили в привычной для нас атмосфере русского христианского быта, но когда насущные проблемы в какой-то степени отошли от нас, заметили, что церковь очень недружелюбна к Московской Патриархии, которой мы принадлежали, живя в Китае. Там это было нормой, мы даже не задумывались о том, что мы находимся под омофором Русской Церкви. Когда после окончания войны 1945 года Патриарх Алексий I призвал епископат Китая вернуться на родину, то первым уехал в Россию (уже в СССР) архиепископ Димитрий. В то же время его сын, архимандрит Филарет, впоследствии ставший митрополи-

том и главой Зарубежной церкви, стал ярким противником РПЦ. Я никогда не смогла понять, почему отец и сын оказались в разных лагерях церковной жизни. Вероятно, очень слабое здоровье Владыки Димитрия повлекло его ранний отъезд в Советский Союз из Китая. Ему нужна была срочная медицинская помощь, и он ее получил. Там же он передал Сталину список репрессированных людей с просьбой освободить их, но люди освобождены не были, а сам Владыка Димитрий получил освобождение от служения и был отправлен на покой в Псково-Печерский монастырь.

Первый православный Владыка, с которым мы познакомились в Мельбурне, был Владыка Антоний, епископ Мельбурнский, викарий Австралийско-Новозеландской епархии (с 1956 по 1968 г.). Оказалось, что он приехал годом раньше нашего приезда в Австралию. Церковь находилась в районе Collingwood, очень близко к центру города, что было удобно. Поскольку только некоторые русские, первой волны эмиграции из Европы уже имели машины, другие же пользовались государственным транспортом. В маленькой комнатке прицерковного зала по воскресеньям принимала русская дама врач. Это было большим облегчением новоприбывшим: они знали, куда можно обратиться за медицинской помощью. В зале проходили встречи, доклады по разным поводам, например, отмечали как День скорби дату убийства Царской Семьи, проводили детские концерты и ежегодные Дни русской культуры.

В церковь ходили как на праздник. Единственное место встреч с друзьями и знакомыми, политикой в церкви не занимались и не интересовались, пока не почувствовали какой-то элемент холода к нам. Ведь мы приехали из коммунистического к тому времени Китая, а первая волна эмиграции была европейской. Сам Владыка Антоний приехал из Югославии.

Из биографической справки узнаю о его сложной судьбе.

Архиепископ Антоний (1908 г., Вильно — 2000 г., Сан-Франциско) учился в Петровском Полтавском кадетском корпусе. С отступлением Белой Армии оказался в Крыму и затем в Югославии. Принял монашеский постриг, и в 1934 г. был рукоположен в сан иеромонаха. С 1941 по 1944 гг. служил полевым священником при походной церкви Русской освободительной армии генерала Власова. После прихода в Баварию американских войск переехал в США, где в 1950 г. назначен Синодом РПЦЗ окормлять русские общины в штате Огайо и возведен в сан архимандрита. В октябре 1956 г. решением Архиерейского Собора РПЦЗ избран епископом Мельбурнским, викарием Австралийско-Новозеландской епархии. 23 марта 1968 г. назначен епископом Западно-Американским и Сан-Францисским. С 1978 г. архиепископ Антоний являлся членом Архиерейского синода Русской Зарубежной Церкви, участвуя в подготовке Архиерейских соборов. По воспоминаниям митрополита Лавра: «Он был очень сердечным и искренним и никогда не делал ничего на пользу себе, только на пользу Церкви и во славу Божию. У него не было личной жизни, а только жизнь в Церкви, со Христом. Случалось, что архиепископ Антоний видел какие-то смущающие события в Синоде. В таких случаях он обычно делился, писал письма, но всегда в мягкой форме и искренно с болью в сердце. Когда обсуждался вопрос прославления Новомучеников Российских, особенно Царской Семьи, среди епископата не было единогласия. Владыка Антоний был миротворцем и всегда старался добиться мирного решения вопросов».

Именно таким я знала и помню Владыку Антония. Во время нашего пребывания в Джилонге, короткое время я преподавала по субботам в церковно-приходской школе литературу. Владыка иногда приезжал в Джилонг помимо храмовых праздников. Теперь, ознакомившись с его биографией, я поняла, что его интересовала православная молодежь. Он ознакомился с программой, по которой я преподавала, а потом, когда у меня возникли какие-то вопросы, я поехала Мельбурн, встретиться с Владыкой. Без всякого предупреждения, просто приехала в тот день, который мне позволял мой рабочий график. Я работала в госпитале, и свободного времени у меня, можно сказать, не было.

С неизменной улыбкой Владыка пригласил меня в келью, очень скромную, и стал угощать меня чаем. Помню, что это был пост. Два маленьких кресла, столик перед нами с чашками чая и лимоном. Угощал он меня как добрый хозяин. После того, как мы закончили школьную тему, не помню, кто из нас заговорил о дружбе нашей семьи со священниками Русской католической церкви Византийского обряда — с о. Андреем Катковым и о. Георгием Брянчаниновым. Я ему рассказала историю нашей жизни в Китае, рассказала о том, что мой муж, как и многие-многие бедные мальчишки учились в Лицее Святого Николая, закончили его и стали полноценными гражданами общества. Это был интернат. Они там жили, день начинался с литургии, затем завтрак и занятия. Великим постом вели учеников в строю в наш православный Свято-Николаевский собор. Всю неделю они готовились к исповеди и причастию в православном соборе. По словам моего мужа и его многочисленных соучеников и друзей, никогда не было давления и стремления перетянуть молодых людей в католицизм. Из всего лицея приняли католичество только два ученика — это вышеупомянутые Катков и Брянчанинов. Они уехали в Рим для получения образования. Благодаря этим двум священникам, наша семья и многие другие приехали в Австралию. Мы приехали в составе: мой муж, я, наша пятилетняя дочь, мать мужа, мои родители и моя тетья, она же крестная с мужем. Мы привезли с собой пять потенциальных стариков из коммунистического Китая, где оставаться жить было уже невозможно. Я Владыке сказала, что благодарность к ним мы будем хранить всю оставшуюся жизнь. Несмотря на дружбу нашей семьи с двумя бывшими лицеистами, ставшими теперь католическими священниками, мы не испытываем католического давления или влияния ни на нас, ни на нашу дочь. И мне показалось, что я успокоила Владыку. Он с доброй улыбкой проводил меня, и потом мы уже встречались у нас дома.

Аналогичная тема обсуждалась в далекие годы в Джилонге с будущим митрополитом Филаретом (Вознесенским). Мне помнится, что во время его приезда в Австралию он был в сане архимандрита. Я знала о Филарета еще в Харбине, помню, что в какой-то период он служил в Софийской церкви, за ним всегда была слава добродетели, но слышала я от людей, что его проповеди всегда были направлены против Русской Церкви Московского Патриархата, самой же мне не довелось бывать на его службах потому что мы ходили в Свято-Николаевский собор.

Приехал о. Филарет в Джилонг вечером, отслужил вечерню и сказал проповедь. Ясно помню, как он начал ее: «...В Китае приходилось бороться с коммунизмом, безбожной властью, а здесь, в Австралии, появилась другая опасность — это католическая церковь восточного обряда». Я только в

нескольких словах попыталась передать смысл его проповеди. Он объяснял разницу между православной церковью и католической восточного обряда, приводя пример монеты — на одной стороне монеты православие, на другой католицизм и т. д.

Я, конечно, будучи эмоциональной, разволновалась, и после вечерни за накрытым столом села рядом с о. Филаретом и сразу сказала ему следующее: «Отец Филарет, нетрудно было понять, что Ваша проповедь была обращена к нашей семье, потому что все, кому помогали эти два католических священника приехать в Австралию, живут в Мельбурне и Сиднее. Хочу Вас заверить в том, что нам католичество не грозит. Да, мой муж закончил Лицей Святого Николая, там жил и учился, как и остальные ребята, и не стал католиком. В нашей семье крепкое влияние православия, которое мы получили от родителей и прародителей. Давления или стремления привести нас или нашу дочь мы никогда не испытывали и не испытываем, но чувство благодарности за то, что они спасли нашу семью с пятью стариками — безгранично. Мы никогда это не забудем, и дружба наша останется нерушимой. Я уверена, что тоже самое чувствуют другие люди, приехавшие из Китая с их помощью. Представьте, если бы они не нашли нам спонсоров и не сделали визу, нас бы всех захлестнула Культурная революция». Разговор наш продолжался, о. Филарет предупреждал, говорил, чтобы мы были осторожны, обещал прислать книги, чтобы меня вразумить, но, видимо, решил, что дальше говорить со мной на эту тему бесполезно. Книг я никаких не получила, а теперь, когда вспоминаю эту беседу, испытываю неловкость — ведь это был будущий Митрополит РПЦЗ! Но в то время он был для всех нас просто отец Филарет.

В Джилонге мы очень дружили с настоятелем храма Всех Скорбящих Радость, о. Владимиром Евсюковым. Это молодой харизматичный священник, энергичный и темпераментный. Мы дружили семьями. Матушка родила двойню девочек, я присутствовала при родах в госпитале, в котором тогда работала, девочки росли на наших глазах, мужья наши и я с матушкой Варей дружили крепко. В этот период времени о. Владимир привозил к нам епископов Феодосия, епископа Павла, и в один прекрасный день совершенно неожиданно для нас приезжает о. Владимир с Владыкой Антонием. Это был воскресный день, под вечер. Муж мой был на тренировке по волейболу, мама быстро начала готовить ужин, а я решила развлечь Владыку музыкой. Спросила его, что бы он хотел послушать, а сама перебирала в памяти, какую классику предложить ему. И, вдруг, совершенно неожиданно для меня он спрашивает: «А у вас есть пластинки Райкина?» Я страшно удивилась и в то же время обрадовалась, потому что у нас был полный набор Райкина, мы им тоже увлекались, и я поставила Райкина... Это нужно было видеть Владыку! Как он реагировал, как он смеялся, с каким удовольствием он воспринимал исполнение Райкина! — это было незабываемо. Плюс к этому событию приезжает мой муж с тренировки в красной футболке с белым изображением Сирены на груди. Это вызвало во мне смущение, но Владыка быстро успокоил меня, заверив в том, что он сам любит спорт, и, насмеявшись досыта от творчества Райкина, мы перешли в столовую за стол. Мама, как всегда, с радостью накормила всех вкусным ужином.

Мне хочется сказать, что в поведении Владыки Антония, в его взгляде, движениях есть что-то детское — чистое, светлое, доброе. Вот таким

он мне запомнился навсегда. Потом я видела его в Сан-Франциско, когда мы были на литургии, моя дочь ходила на встречу молодежи с Владыкой. Затем мне посчастливилось прочитать отзыв регента Архидиаконского хора в Сан-Франциско В. В. Красовского. Он пишет: «...Владыка очень много говорил о единстве и соборности церкви. Владыкино любвеобильное сердце было открыто для всего вселенского православия. Его служение, как и служение нашего святителя Иоанна, свидетельствовало об его “вселенском духе” участия в жизни всей Православной Церкви и ее народов».

По воспоминаниям протоиерея Серафима Гана, «...перед своей смертью обратился к истокам церковного разделения, как к трудам пострадавших священномучеников, так и к высказываниям основоположников Русской Зарубежной Церкви, дабы найти правильные церковные пути решения вопросов, создавшим преграды между нами. На заседаниях Архидиаконских Синодов этот благостный старец, от юности возлюбивший Русскую Церковь, всегда подчеркивал необходимость обращать внимание на положительные явления в жизни возрождающейся на Родине Церкви и отмечать их как в посланиях, так и в определениях священноначалия». А это происходило в годы первоиераршества митрополита Виталия (Устинова), когда некоторые влиятельные лица внутри Русской Зарубежной Церкви всячески добивались того, чтобы она потеряла свойственное ей трезвомыслие. Так что некоторые, «ревностные не по разуму», даже принимали на себя смелость называть Владыку Антония, этого «монаха старой Антониевской школы», аскета и молитвенника — «экуменистом», «сергиянином», «еретиком» и т. д.

Свою последнюю литургию Владыка Антоний на этой земле совершил в день Преображения Господня 2000 года. После службы он обратился к пастве с архиерейским словом, в котором приветствовал прославление Московским Патриархатом Царственных Мучеников и прочих новомучеников и исповедников Российских. Во многом способствовал он будущему объединению наших Церквей.

Благодаря дружбе с семьей о. Владимира Евсюкова, нам приходилось встречаться с владыками Феодосием и Павлом. Когда Архиепископ Феодосий (Путилин) приезжал в Джилонг на храмовые праздники или церковные собрания, он останавливался в доме о. Владимира. В свободное время, чаще вечером, мы мило и долго беседовали. Он был очень доступный, любил поговорить, и все чувствовали себя с ним очень свободно и уютно. Церковные собрания он проводил блестяще. В приходе иногда возникали какие-то несогласия, споры, эти разногласия выносились на обсуждения. И он, Владыка Феодосий, умело, мягко, иногда одной фразой мог разрешить все проблемы. Он создавал мир вокруг себя. Это мои наблюдения, но когда я познакомилась с книгой о. Михаила Протопопова о Владыке Феодосии, я нашла им подтверждение. Протоиерей Михаил Протопопов написал и издал замечательные книги о архиереях русской Зарубежной Церкви, сегодня каждый желающий может с ними ознакомиться. Это:

Архиепископ Феодор Рафальский, 1895—1955;
Архиепископ Савва Раевский, 1892—1976;
Архиепископ Феодосий (Путилин), 1897—1980;
Архиепископ Павел (Павлов), 1927—1995.

Не раз мы принимали Владыку Феодосия у себя дома, подтверждением чему есть замечательные фотографии.

Архиепископ Павел был у нас только один раз на обеде, но я встречалась с ним несколько раз в Сиднее. Архиепископ Павел оставил впечатление эстета, любителя красоты и изящества. Это было ярко выражено во всем его облике. Облачение, панагия, кресты, посох, церковная утварь — все было изыскано и красиво. Он как бы в свое оправдание говорил: «Бог дал мне хороший вкус, и все красивое я приобретаю с удовольствием, все это останется в церкви».

Я вспомнила такой случай. Приехала я в Сидней, и после литургии, которую служил Владыка Павел, я со своей подругой задержалась в храме, чтобы поговорить с Владыкой. Он, выйдя из алтаря, с улыбкой направился к нам. Я подошла под благословение и в смятении порвала длинную нитку жемчуга. Мои жемчужины покатались по паркетному полу. Я вижу, что Владыка наклоняется, чтобы начать подбирать их, но я вовремя остановила его, сама подняла только ближайшие рассыпанные и сказала, что соберу остальные сама. Владыка успокоился.

Общение с Владыкой всегда было приятным, я бы сказала светским, с ним было легко. Мой большой вопрос об объединении Церквей с ним я не поднимала, зная его отрицательное отношение, и вообще, в то время атмосфера и в церкви, и среди прихожан была не очень приятная. Помню, когда в основанном мною Литературно-театральном обществе имени В. Солоухина о. Игорь Филяновский выбрал тему лекции «История Русской Церкви XX века», я очень волновалась, как воспримет эту лекцию враждебно настроенная аудитория зарубежных. К моей великой радости, талант, ум и такт о. Игоря сотворили чудеса. Полный зал слушателей, не шелухнувшись, слушал историю Русской Церкви в течение почти трех часов. Никто не вышел из зала, никто не вступил в дискуссию против Московской Патриархии.

Я продолжала упорствовать в необходимости объединения, с духовенством разговаривала вежливо, как мне казалось. С друзьями откровенно спорила, и помню, как наш зарубежный митрополит Иларион терпеливо выслушивал мои взгляды на существующую ситуацию. В 1988 г. мы ездили во Святую Землю, Владыка Иларион был с нами. Ехали в монастырь св. Екатерины. В Илате была остановка, и Красное море предстало перед нами. Владыка, подняв полы подрясника, пошел в воду и позвал меня «побродить». Вот мы и побродили. Конечно, мой первый вопрос был: «Владыка, когда же произойдет объединение?» Он говорит, что оно должно произойти, и произойдет, но паства, народ не готов. И я наивно и глупо заявляю Владыке, что это роль высшей иерархии подготовить паству, а он спокойно и терпеливо выслушивает мой бред.

Прошло несколько лет, проходили соборы за соборами, обсуждения и решения, и ДЕНЬ НАСТАЛ! В Мельбурне в соборе Св. Павла мы слушаем ораторию «Страсти по Матвею», гениальное произведение молодого епископа Московской Патриархии Илариона (Алфеева). Три хора, симфонический оркестр, солисты и два ИЛАРИОНА сидят рядом и слушают эту великолепную ораторию: автор, будущий митрополит Московской Патриархии Иларион Алфеев, и с ним рядом — митрополит Зарубежной Церкви Иларион. Они уже вместе. В антракте, пока автор оратории беседует с прессой, я разговариваю с Владыкой Иларионом (Капралом) и говорю,

как приятно видеть двух Иларионов вместе. Он говорит: «Вы знаете, меня по ошибке люди из средств массовой информации поздравляют с успехом, думая, что я автор». В это же время я вижу, как Владыка Иларион Алфеев подписывает свою книгу моему мужу.

После объединения Церквей зарубежный Владыка Иларион много раз бывал в нашем храме Святой Троицы Московского Патриархата в праздничные дни. После службы или молебна всегда были длинные застолья, за которыми мы пели. Он очень любит застольное пение и все русские народные песни. Мы их тут же находили за столом через мобильный телефон и пели всем застольем. А сколько у нас в православных мельбурнских приходах уже прошло свадеб: невеста из России, жених мельбурнский или наоборот. А сколько потом народилось ребятишек от этих браков. Причащаемся из одной чаши, молимся вместе. Радость!

Вот какие интересные явления жизни происходят тогда, когда они должны произойти. Все это и есть для меня Торжество Православия.

Библиография

1. *Кучина Г. И.* Минувшее разворачивает свиток: Рассказ о жизни русской австралийки из Китая. Книга // «Нестор-История». СПб. 2007. С. 480.

2. *Кучина Г. И.* Люди и судьбы в письмах. СПб., Нестор-История, 2014. С. 208.

3. *Kuchina G. I.* Memoirs of Galina: The story of a Russian Australian from China: book // «Brolga Publishing Pty Ltd». Australia. 2016. С. 240.

Зоя ДЕСЯТОВА

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РАЗВЕДЧИКА

*К 110-летию Героя
Советского Союза
Виктора Лягина*

Зоя Николаевна Десятова — родилась 12 октября 1947 г. на Алтае. Окончила Технологический институт. Более двадцати лет работала в АНИИХТе. В разных изданиях вышли ее книги прозы. Является редактором-составителем нескольких сборников: «Невский публицист», «Свидетельства времени», «Невская перспектива». Руководит женским литературным клубом «В гостях у Власты» при СП России (Санкт-Петербургское отделение). Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

14 июля 1941 года. «Мои дорогие мама, Аня и Татка! С большой горечью я осознаю невозможность нашей встречи после долгой разлуки, тем более что нас ждет новая, столь же продолжительная... Знаю, как вам хотелось увидеть меня, поверьте, и у меня болит душа. Но сейчас, когда советскую землю оскверняют фашистские варвары, я не могу быть в стороне от великой войны, на которую поднялся весь народ. Сегодня я выезжаю на фронт. Бесконечно счастлив, что буду лично участвовать в священной борьбе за честь и свободу нашей Советской Родины...» Это слова из письма советского разведчика Виктора Лягина, которое он написал матери, сестре и дочери, когда уже шла война, когда стало ясно, что долгожданная встреча с родными не состоится, хотя они очень долго не видели сына — брата — отца. Виктор Лягин с семьей вернулся из США после успешного выполнения специального задания по линии научно-технической разведки 15 июня 1941 г., за неделю до начала войны. Он хотел снять дачу под Ленинградом и провести лето с женой Зинаидой, их сыном Виктором, любимой сестрой и дочерью от первого брака Таней. Но, к сожалению, встрече состояться было не суждено. Они не встретятся уже никогда...

Виктору Александровичу Лягину было предложено возглавить отдел научно-технической разведки и англо-американского направления, но в трудный час для Родины, вступившей в самую жесткую войну в истории человечества, он не представлял свою дальнейшую судьбу вне передовой. В. Лягин был убежден сам и убедил своего наставника Лаврентия Берия, члена Государственного Комитета Обороны (ГКО), долгие годы возглавлявшего

советскую внешнюю разведку, в необходимости своей отправки в тыл врага руководителем разведывательно-диверсионной группы. Виктор Александрович, предчувствуя трудные времена, убедил своих родных уехать из Ленинграда, на который нацелились нацистские полчища. Сестра Анна с его дочерью Татьяной уехали в Алма-Ату и вернулись в Ленинград уже после войны. Так Виктор Лягин спас их от неминуемой смерти в блокадном городе. Сын Татьяны, внук Виктора Александровича Лягина, Алексей Викторович Есипов сегодня спасает память о подвиге деда и его героических помощников по работе в подполье.

Виктор Александрович Лягин

В Санкт-Петербургском отделении Союза писателей России в женском литературном клубе «В гостях у Власты» состоялась заседание, посвященное Герою Советского Союза, разведчику — Виктору Александровичу Лягину. Был показан документальный фильм о разведчике; о жизни и судьбе Героя рассказал его внук Алексей Викторович Есипов.

Я, как ведущая вечера, представила гостя, кандидата экономических наук, доцента кафедры банковского бизнеса и инновационных финансовых технологий Международного банковского института. Он очень ярко, подробно, взволнованно, как о недавних временах, рассказывал о войне, о героях невидимого фронта, о своем деде, совершившем бессмертный, достойный вечной памяти подвиг.

Алексей Есипов начал издавека, с рассказа об истории своей славной семьи, с размышлений о нравственных истоках подвига.

...Виктор Александрович Лягин родился 31 декабря 1908 г. в семье железнодорожного служащего. Семья проживала на станции Сельцо (сейчас город) Брянской области. Родители Виктора, который был шестым их ребенком) Брянской области. Родители Виктора, который был шестым их ребенком) личности незаурядные. Отец — Александр Ильич — по происхождению сын православного мещанина г. Витебска, рано потерял он родителей, с двенадцати лет вынужден был сам зарабатывать на хлеб. От чернорабочего дослужился до помощника начальника станции. В конце трудовой жизни работал в типографии «Ленинградская правда» до 1927 года.

Это был очень красивый, надежный человек. Так что понятен был выбор матери Виктора Лягина, Марии Александровны Смирновой, имевшей дворянское происхождение (родственные связи по линии Льва Толстого). Мать Лягина была обаятельной, благородно воспитанной женщиной, владела несколькими иностранными языками, знала искусство, литературу, поэзию, хорошо музицировала на фортепиано, пела. Много о Марии Александровне я узнал из воспоминаний моей двоюродной бабушки — Анны Александровны, старшей сестры Виктора Александровича.

В семье родителей Марии Александровны воспитывался вместе с ее старшим братом Сашей крестьянский мальчик Сережа Коненков, ставший впоследствии известным скульптором. Судьбы Виктора Александровича и

Сергея Тимофеевича «косвенно» пересеклись в США. Жена С. Т. Коненкова Маргарита, будучи советской разведчицей, убедила через Альберта Эйнштейна ученых-физиков Запада в необходимости передавать информацию резидентам советской разведки по созданию ядерного оружия во имя спасения мира.

Благодаря матери, в детские годы Виктор Александрович получил прекрасное образование, в совершенстве владел немецким, английским и французским языками.

В 1929 г. Виктор Лягин поступил в Индустриальный, впоследствии — Политехнический институт на специальность «Авиастроение» кораблестроительного факультета. В том же году он женился на Ольге Афоной. Со своей первой женой, моей бабушкой, они вместе учились в одной школе, и были, как вспоминали друзья, очень красивой парой. Через год у них родилась дочь Татка, Татьяна, моя мама.

В 1930 г., в связи с реформированием Политехнического института, авиастроительный факультет перевели в Москву. Виктор Александрович вынужден был отказаться от дальнейшего обучения на этом факультете. 14 июня 1930 г. Лягин перевелся на механико-машиностроительный факультет (преобразованный затем в Машиностроительный институт) остававшийся в Ленинграде (ныне Санкт-Петербургский государственный Политехнический университет им. Петра Великого). Поступление именно в этот институт говорит об инженерном складе его мышления, о тяге к техническим наукам, формирующим выдержанный, склонный к точному анализу характер. С тех времен сохранилась такая характеристика Виктора Александровича: «Дисциплинирован и выдержан. Академически подготовлен выше среднего».

На этом факультете он изучал, в частности такие сложные науки, как аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление, теоретическая и прикладная механика, физические измерения, методы изображения и черчение, производство металлов и сплавы, литейное дело, обработка давлением, станки, политическая экономия, немецкий язык. Проходил Лягин и военную подготовку. Им были изучены стрелковое дело, военная администрация, военная тактика, военная топография. По окончании института В. Лягину была присвоена квалификация инженера-механика. Впоследствии он работал старшим инженером в проектно-институте, потом инженером строительно-квартирного отдела Ленинградского военного округа, а с ноября того же года перешел инженером-технологом на станкостроительный завод им. Ильича, занимавшийся производством приборов точного судостроения.

В 1935 г. его жена Ольга заболела брюшным тифом и скоропостижно умерла. Страшное горе помогла пережить Виктору Александровичу большая и дружная семья. Заботу по воспитанию его дочери — Татьяны взяла на себя сестра Анна, что позволило Виктору работать и дальше учиться. Моя мама Татьяна, повзрослев, окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета, аспирантуру, работала директором средней школы в г. Пушкине.

Анна Александровна, старшая сестра Виктора Александровича, была личностью незаурядной. Участница Гражданской войны, с мужем — красным командиром бронепоезда «Имени III Интернационала» Георгием Александровичем Александровым — воевала, была знакома с Котовским, по-муж-

ски курила махорку, была комиссаром бронепоезда, позже участвовала в организации филиала Центрального музея им. В. И. Ленина. В 1957 г., через полгода после моего рождения, она организовала мое «тайное» крещение по православному обряду в старинной петербургской церкви Кулича и Пасхи.

Отмечу романтический факт биографии моего деда — дружба и любовь с Эдит Утесовой. На письмо ей Геннадия Лисова — биографа Виктора Лягина, работавшего над книгой о нем «Право на бессмертие», Эдит Леонидовна откликнулась подробным письмом. В нем она подтвердила обоюдную симпатию с Виктором, вспоминала их прогулки по заснеженному Ленинграду, разговоры об искусстве, отмечала яркую красоту Виктора Александровича. Ее отъезд в Москву и неодобрение этой дружбы родными сестрами, как вспоминала Татьяна Викторовна, помешало их возможному семейному счастью.

Действительно, от природы Виктор Лягин был очень красивым человеком. Как вспоминали его друзья, он «знал и умел все»: играл на рояле, водил машину, ездил на мотоцикле и на лошади, умел и любил фотографировать, страстно увлекался парусным спортом, владел несколькими языками, модно одевался. Жизненный опыт, хорошее образование, личное обаяние, яркие наклонности лидера — все эти качества определили дальнейшую судьбу Виктора Лягина, связанную с деятельностью органов государственной безопасности.

В 1938 г. В. А. Лягину исполнилось тридцать лет, он вступил в ряды ВКПб. С учетом блестящих качеств личности В. А. Лягина и безупречной биографии чекисты Ленинграда направили его в 1938 г. в Москву на учебу в ШОН (Школу особого назначения) НКВД СССР. В сентябре 1938 г. он был направлен в отдел внешней разведки ГУГБ НКВД. В декабре 1938 г. возглавил отделение научно-технической разведки. В мае 1939 г. назначен заместителем начальника внешней разведки — 5 отдела ГУГБ НКВД СССР. Быстрому карьерному росту, несомненно, способствовал «кадровый голод», ощущавшийся в органах НКВД после репрессий, обрушившихся на руководство этого ведомства в связи с осуждением бывшего наркома Н. Ежова. Нельзя сбрасывать со счетов энергию и знания молодого сотрудника. О нем, как о специалисте, очень высоко отзывались Л. Берия и П. Судоплатов.

Опираясь на воспоминания П. А. Судоплатова, могу сказать, что в декабре 1938 г. Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД, а Деканозов стал новым начальником Иностранного отдела. Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Центральный комитет направил в ряды НКВД большое число партийных активистов и выпускников Военной академии им. М. В. Фрунзе. Л. П. Берия высоко ценил В. А. Лягина и доверял ему. Поэтому в мае 1939 г., после назначения В. Г. Деканозова послом в Германию, В. А. Лягин был назначен заместителем руководителя Иностранного отдела НКВД (внешней разведки). С этой должности В. А. Лягин был направлен в США для выполнения специальных заданий. Перед заграничной командировкой вся семья Лягиных была собрана на специальной даче НКВД под Владимиром. Лаврентий Павлович подчеркнул важность выполняемого В. А. Лягиным задания и обещал полностью заботиться о его родных и близких.

Свое слово он сдержал.

Когда однажды Виктор Александрович сказал родным, что хочет воевать за Родину, родственники подумали, что он едет в Испанию. Но его ждал другой фронт и, как теперь выясняется, женитьба на москвичке Зинаиде Тимофеевне Мурашко, являвшейся сотрудницей внешней разведки и помогавшей Виктору Александровичу в выполнении им специальных заданий, была и частью «его войны», и следствием сердечной привязанности к этой женщине. Вместе с ней в июле 1939 г. Лягин был направлен в командировку в США — заместителем вице-консула генерального консульства США, где разведчик работал под фамилией Корнев. В Нью-Йорке под этой же фамилией в январе 1941 года родился его сын Виктор. Зинаида Тимофеевна оказалась добросердечным, милым человеком. Вместе с ней Виктор Александрович работал в длительной заграничной командировке, вместе с ней незадолго до начала войны вернулся в Москву.

Мой рассказ о заграничной командировке Лягина основан на сведениях, изложенных в «Энциклопедии секретных служб России» (М., 2003) и в других современных изданиях. В июле 1939 г. Лягин был направлен в США в качестве помощника резидента в Сан-Франциско Г. М. Хейфеца. Работая на западном побережье США, он занимался сбором информации об американских военно-морских судостроительных программах, особенно связанных со строительством авианосцев, то есть научно-технической разведкой. По свидетельству П. А. Судоплатова, Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин. Виктор Лягин предоставил и информацию о заинтересованности США техническими вопросами строительства наших авианосцев.

Затем Лягина перевели на восточное побережье США, где он стал сотрудником резидентуры в Нью-Йорке, работая под прикрытием в должности служащего советской внешнеторговой организации «Амторг». О том, что руководство НКВД осталось довольно его деятельностью, свидетельствуют отзывы, сохранившиеся в архивах, и то, что ему было разрешено привезти для личного пользования дорогой американский автомобиль марки «Бьюик».

* * *

Рассказ Алексея Викторовича заинтересовал участников встречи, они задавали внуку Героя вопросы. В частности, их интересовало, почему Виктор Лягин отказался от престижной работы в Америке и выбрал фронт в тылу противнику. Алексей Есипов рассказывал дальше.

Следует сказать, что в тыл противника Виктор Лягин отправился ведомый собственным желанием отличиться на войне, его вело бесстрашие и сознание своей необходимости именно на этом поприще. Он оставил семью и все свои привилегии руководящего работника. Несмотря на возражения непосредственного начальства, он, ценнейший работник научно-технической разведки, добился приема у Берии и лично у него подписал свой рапорт о направлении резидентом в Николаев накануне оккупации города. По воспоминаниям племянницы В. А. Лягина Ирины Николаевны Лягиной, работавшей в особом отделе НКВД, Л. П. Берия первоначально категори-

чески возражал против его отправки в Николаев: «Это не твоя война. Ты специалист по США и научно-технической разведке. Справимся с Германией без тебя. Для тебя есть достойная должность». Но В. А. Лягин настоял на своем, обосновав это решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была.

В начале августа 1941 г. В. А. Лягин был направлен резидентом НКВД в г. Николаев для ведения разведывательной и диверсионной работы, а также организации подпольного антифашистского центра на случай оккупации города немецкими войсками. А в том, что немцы предпримут все возможное для захвата города и области, стратегическая важность которых была означена в личных планах Гитлера, разведчик не сомневался. Лягин понимал, что это «его особый фронт», где каждый шаг может быть последним, где нельзя дать себе расслабиться ни на минуту, где при провале ждут не ранение, не мгновенная смерть, но нечеловеческие муки в фашистском застенке.

Прямота Виктора Лягина, открытое исповедание своих взглядов, своих убеждений, заключавшихся, коротко говоря, в бескомпромиссном служении Советской Родине, в ненависти к ее врагам, как внешним, так и внутренним, являлись основой воинских добродетелей героя, делали все поступки его осмысленными, выверенными. Он придавал большое значение личной закалке и дисциплине, а также дисциплине внешней, обеспечивающей слаженную работу его диверсионной группы. О правильности этого решения можно судить по результатам действия подготовленной разведчиком группы для работы тылу врага. Виктор Лягин лично возглавил разведывательно-диверсионную работу в крупнейшем судостроительном центре Причерноморья.

Лягин приехал в Николаев еще в августе под псевдонимом Корнев, как инженер-кораблестроитель, приехал за несколько дней до прихода немцев. И его резидентура «Маршрутники» прибыла буквально за несколько дней до падения города. Она состояла из выпускников Ленинградской школы НКВД, офицеров госбезопасности, коренных жителей Украины: А. П. Сидорчука, А. В. Соколова, П. П. Луценко, Г. Т. Гавриленко, Н. В. Улезко, Д. А. Свицерского, И. Н. Коваленко, А. В. Николаева, Б. И. Молчанова. Легализовавшись, они буквально растворились в городе. По легенде это были студенты судостроительного института, прибывшие на практику и вынужденные остаться в Николаеве. До ноября группа вживалась, многие ее члены устроились на работу, решали проблемы собственного обеспечения...

* * *

Зрительный ряд, скомпонованный кинодокументалистами из частей военной хроники и элементов игрового кино в новом телевизионном фильме «Виктор Лягин. Последний бой разведчика», много способствовал пониманию героики и важности задания, выполняемого подпольщиками. Фильм до этого был показан на телеканале «Звезда» в рубрике «Легенды госбезопасности». По окончании кинорассказа А. В. Есипов многое пояснил, дополнил.

Документальная лента начиналась с того, как молодая приветливая женщина Адель — русская немка Галина Адольфовна Келем, служившая

А. В. Есинов рассказывает о В. А. Лягине на встрече в Санкт-Петербургском Доме писателя

официанткой в офицерской столовой аэродрома, помогала своему мужу — разведчику Александру Петровичу Сидорчуку, работавшему на аэродроме в котельной, провести одну из самых дерзких операций — взрыв Ингульского военного аэродрома 10 марта 1942 года. Женщина под кастрюлями с супом, на дне корзины с продуктами проносила мины на аэродром и передавала их своему мужу. Накопление мин заняло две недели. Остальные участники группы доставляли к аэродрому взрывчатку (толовые шашки, динамит), переплывая реку Ингул. Помогал подпольщикам и один русский немец, состоявший

на военной службе у немцев — Геннадий Кречет. Он беспрепятственно впустил на аэродром в назначенный час Сидорчука, сбежавшего на ночь из больницы, в которую подпольщик заблаговременно лег для обеспечения себе алиби. Быстро доставал смелый и ловкий разведчик из своей котельной припрятанные мины и, раскладывая под самолетами, соединял электропроводкой. Это была виртуозная работа, в которой ему пригодилась выучка чекиста-разведчика. Заложив более 200 килограммов динамита, Сидорчук подключил часовой механизм, установив его на 12 часов дня. После чего вернулся в больницу. Горели ангары с 27-ю самолетами и 25-ю авиадвигателями, авиамастерские, взрывались цистерны с горючим, рвались снаряды. Погибли фашистские летчики и часть аэродромной охраны. Вражеский аэродром, где базировались самолеты, летавшие бомбить Севастополь, был уничтожен.

Через некоторое время группа Лягина организует новые диверсии — на этот раз были взорваны резервный аэродром с двумя самолетами, нефтебаза в торговом порту, потоплены судоремонтный док, отремонтированное судно; сорваны ремонтные работы на судостроительном заводе, пущены по откос железнодорожные составы в Николаевском депо. Как выяснилось, руководимая В. А. Лягиным группа нанесла немцам ущерб в 45 млн марок.

Впоследствии Сидорчук погиб случайно при исполнении диверсии на нефтебазе, подорвавшись на собственном взрывном устройстве, но все получилось так естественно, что даже здесь фашисты не заподозрили героического советского разведчика. Геннадий Кречет оказался под подозрением и был отправлен в концлагерь Бухенвальд, где и погиб.

Символична история фотографии¹, на которой мы видим оккупантов на берегу Ингула, взирающих на огромный, взметнувшийся в небо столб дыма. Так горели цистерны с горючим и ангары аэродрома. Снимок сделан немецким солдатом, отправившим его своей жене в Марцдорф с многозначительной надписью: «Эльза, это самое страшное — партизаны! Курт. Николаев. Март 1942 г.» Но это не были партизаны — это были «Маршрутники», а возглавлял их группу Кэн, такими были позывные В. Лягина. В 1945 г. в поверженной Германии символичную фотографию случайно нашли советские солдаты и передали по назначению.

Сам Лягин в диверсионных операциях, в целях конспирации не участвовал, но без его разработок и помощи они вряд ли бы состоялись. Еще до оккупации Николаева для Виктора Лягина была подготовлена специальная квартира, где жили мать и дочь происхождения из русских немцев, Эмилия и Магда Дуккарты. В задачу Лягина входило стать «своим» человеком для немцев и попасть инженером на верфь. Очень большую помощь в этом ему оказали Дуккарты, в частности мать Эмилия Иосифовна, они пользовались покровительством николаевских чекистов еще со времен Гражданской войны, когда ее муж, известный в городе врач-невропатолог, укрывал в своем доме руководителей одесского ВЧК от контрразведки деникинского генерала-карателя Я. Слащева.

Эмилия Иосифовна знала о целях приезда Корнева (Лягина), но ее дочь, ученица Ленинградской консерватории, красавица Магды Дуккарт, собиравшаяся идти добровольцем на фронт, о подоплеках дела ничего не знала. Она считала Корнева человеком, помешавшим ее героическим планам. Впоследствии молодая женщина, очарованная этим умным обаятельным мужчиной, стала его помощницей, а потом и женой, но до конца, вероятно, не знала, кто он на самом деле.

* * *

В фильме участники встречи, писатели, бывшие работники спецслужб увидели редчайшие кадры военной кинохроники. Победоносно фашистские войска входили в Николаев. Офицеры Третьего Рейха въезжали в город на черных «Мерседесах», охраняемые мотоциклистами. Об одной из самых ярких, элегантных операций Лягина (Корнева), проведенной с помощью Дуккартов, а именно, о запланированном и тщательно подготовленном «случайном знакомстве» разведчика с немецким начальством в первые часы оккупации, повествуется в книге Г. Лисова «Право на бессмертие».

А. В. Есипов так рассказал о первых успехах легендарного разведчика и процитировал строки из популярной книги:

...18 августа 1941 года немцы входили в Николаев, генерал и несколько офицеров гордо проезжали в открытой машине. Неожиданно их внимание привлекли музыка — из распахнутых окон одной из квартир доносились звуки произведения Вагнера, самого почитаемого в Германии композитора. Кортёж остановился. Шесть гитлеровских офицеров поднялись в квартиру.

¹ Эта фотография и многие другие из архива семьи разведчика приведены в статье А. В. Есипова «Высшая степень отличия или Особый фронт Виктора Лягина», опубликованной в журнале «Родная Ладога» № 2 2014 г.

Любезно их встретили инженер с Балтийского завода Ленинграда Виктор Корнев, отлично говоривший по-немецки, Эмилия и Магда Дуккерт (мать и дочь), его теща и жена, потомки немецких колонистов.

— Кто вы такие? — спросил один из вошедших.

— Я — инженер Корнев, с Балтийского завода, из Ленинграда. Прибыл сюда в командировку, да не успел выехать.

— О! Вы говорите по-немецки?

— Да, мне приходилось бывать в Германии по делам службы. А это мои родственники — потомки немецких колонистов. Мать и дочь.

— Какая приятная неожиданность! Здесь, в Николаеве, — наши соотечественники! Это замечательно. А вы не жалеете, что не успели уехать. Вы нам нравитесь. И эта милая фройлен тоже — ха-ха! Мы, немцы, ценим деловых людей. Хотите быть бургомистром? Впрочем, об этом позже... Мы погостим у вас!

Так В. А. Лягин стал «членом семьи», уважаемой оккупантами. В «немецком доме» госпожи Эмилии Дуккарт в первые недели оккупации жил комендант города Гофман. Там же находился майор фон Призен — сотрудник комендатуры. В гости к ним заезжал адмирал фон Бодеккер. Обстановка складывалась для В. А. Лягина благоприятно. Хотя бургомистром Лягина так и не сделали, с точки зрения разведки место ему досталось еще более выгодное. После блестяще выдержанного им экзамена по судостроению Виктор Александрович в качестве наблюдающего за ремонтом боевых кораблей вошел в ближайшее окружение адмирала фон Бодеккера — шефа всего германского судостроения в Причерноморье. Магда работала у того же Бодеккера секретаршей. Так В. А. Лягин стал своим в административной верхушке немцев в г. Николаеве и принял предложение шефа судостроительных заводов адмирала Бодеккера стать его советником.

Виктор Лягин имел возможность беспрепятственно посещать все предприятия города в любое время суток. Это значительно облегчало диверсионно-разведывательную деятельность группы. В 1942 г. лично В. А. Лягиным было обеспечено потопление плавучего крана, что сделало невозможным проведение ремонтных работ крупных судов германского флота. Это, так же как осуществление мелких, незаметных диверсий, состоящих, например, в искажении чертежей, нарушений в изготовлении деталей для ремонта кораблей, затягивало сроки сдачи объектов.

Заметной удачей Лягина была вербовка радиста-шифровальщика штаба 4-й воздушной армии Ганса Лиштвана, который, будучи антифашистом, регулярно снабжал подпольщиков важной информацией. В июле 1943 г. он был казнен гитлеровцами. Злодеяния фашистов в этом городе были впоследствии зафиксированы в акте Николаевской областной комиссии, где говорилось о том, что немцы поставили своей целью истребление местных жителей. За два с лишним года оккупации они расстреляли и замучили более ста тысяч мирных граждан и военнопленных. Над советскими людьми изощренно издевались, устраивали облавы на молодежь, которую угоняли в рабство. Вот таким при фашистах был «тихий» Николаев.

Виктор Александрович действовал очень умело и расчетливо. Через своих сотрудников ему фактически удалось контролировать все Николаевское подполье — не только чекистское, но и партийное. И при этом сами

подпольщики даже не догадывались, кто ими руководит. Ведь и для них, и для портовых рабочих, и для всех жителей Николаева Лягин виделся «прислужником фашистов», которые, казалось, навечно оккупировали Николаев.

Но действовать в городе становилось все опасней — гестаповцы пытались выявить организаторов диверсий. Под подозрением находился каждый, в том числе и русский инженер Виктор Корнев — Лягин. 5 февраля 1943 г. в результате предательства В. Лягин был арестован немцами. Его предала перевербованная гестаповцами — «подпольщица» врач Мария Любченко. На ее счету много расстрелянных и оказавшихся в заключении товарищей из других подпольных групп. Но группа Лягина — самая удачная операция немцев с использованием кровавой предательницы.

На допросе в НКВД она признавалась:

«Очередной жертвой в результате предательства с моей стороны явился Корнев Виктор Александрович, работавший в период оккупации в качестве инженера на заводе “Марти”...

На одной из явок с официальным сотрудником “СД” Релингом мне было заявлено о том, что в гор. Николаеве проживает на нелегальном положении оставленный со специальным заданием для ведения подпольной работы против немцев некий майор Хент или Кент. Тогда же было пояснено Релингом, что этот майор ранее проживал в Ленинграде. Судя по названным внешним приметам этого майора, я сделала вывод, что с ним имеет сходство знакомый мне инженер Корнев, и с этого момента, т. е. примерно с ноября 1942 г. приступила к активной разработке последнего. На одной из последующих встреч с Корневым я сообщила о том, что до войны являлась членом ВКП(б) и с целью расположения его к себе высказала ему, вернее создала видимость, своей враждебности к немцам и “желание” выполнить свой долг в этом вопросе как советского гражданина и члена ВКП(б). Мои предположения в результате такого поведения оправдались, Корнев, ранее присматривавшийся и изучавший меня, в разговорах стал более свободен, чаще стал заходить ко мне на квартиру и в процессе встреч заводил разговоры на политические темы...

...Мое поведение окончательно убедило Корнева в моей “благонадежности”, и он сообщил, что оставлен партией в тылу у немцев для выполнения специальных заданий, что настоящая его фамилия не Корнев, а Хент или Кент (точно не помню), что он имеет специальное звание советского офицера в ранге майора.

На поставленный мною вопрос, чем он занимается в своей практической подпольной деятельности и имеет ли конкретных лиц в качестве его помощников, Корнев ответил одним словом: “Да” и, заручившись от меня согласием помогать ему в подпольной деятельности, дал мне задания»...

...По воспоминаниям Э. И. Дуккарт, Лягин не доверял Любченко и не привлекал ее к подпольной работе. Но он вынужден был к ней обратиться с просьбой выдать справку о болезни своему основному связному Г. Гавриленко, которому грозил угон в Германию...

В фашистском застенке разведчик подвергался длительным допросам и чудовищным пыткам, но не выдал оккупантам ни одного из своих товарищей. Один из его соратников, находившийся с героем в одной камере, вспоминал, что Виктор Александрович возвращался с допросов окровавленный,

еле держась на ногах. Его жестоко избивали нагайками, запускали иголки под ногти, ставили на горячую плиту. Ему выкручивали руки, кололи шилом в бедра, вырывали щипцами волосы на голове. Тело от шеи до пяток покрылось коркой запекшейся крови, кожа местами полопалась.

Если бы он сказал три слова: «Я — Виктор Лягин», его тут же увезли бы в Германию, но он ни в чем не признался и был расстрелян вместе с некоторыми своими товарищами 17 июля 1943 года. Но и Любченко поплатилась за свои злодеяния: 9 августа 1945 г. Военным трибуналом войск НКВД по Николаевской области она была приговорена к высшей мере наказания.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм, указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. капитану государственной безопасности Лягину Виктору Александровичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

В исторический фильм о разведчике Великой Отечественной войны включены воспоминания и свидетельства внука В. А. Лягина — Алексея Есипова, историка спецслужб Олега Матвеева, историка спецслужб и писателя Александра Бондаренко, ветерана ФСБ России, полковника в отставке Владимира Груздева и других. Документальное содержание картины «Виктор Лягин. Последний бой разведчика» Алексей Есипов дополнил уникальной, малоизвестной информацией о дальнейшей судьбе главных помощниц Лягина в Николаеве:

...Это печальная, достойная отдельной книги история. Эмилия Иосифовна была верной помощницей Корневу (Лягину), без ее дома ему не удалось бы многое из того, что он совершил. Красавица Магда, профессиональная вдохновенная пианистка, дарила Виктору Александровичу так необходимую ему в то время нежность, искреннюю любовь. Но когда герой погиб, женщины остались совершенно беззащитными.

Осенью 1943 г., когда фронт уже приближался к Николаеву, мать и дочь, в значительной степени из-за того, чтобы снять с себя подозрение и не привлекать внимание гестаповцев, эвакуировались вместе со многими другими «фольксдойче».

Эмилия Иосифовна Дуккарт, которую после войны разыскала моя мать Татьяна Викторовна, вспоминала, как она с дочерью попала сначала в Польшу. Магда чувствовала себя очень плохо, у нее начался туберкулез в открытой форме. Находясь в американской зоне оккупации, Дуккарты попросились в советскую зону, где явились к коменданту города Хемнице с сохраненной ими немалой «казной» лягинской группы. И все же обеих женщин осудили. Сначала мать и дочь выслали на поселение в Томск, а потом арестовали, причем Магду ввиду ее душевной болезни поместили в Казанскую психиатрическую больницу, где она еще достаточно молодой умерла в 1952 г. Мать намного пережила дочь. В 1956 г., без реабилитации, паспорта, пенсии ей разрешили проживать в семье старшей дочери Ангелины.

В 1958 г. Татьяна Викторовна, дочь Лягина, моя мама, после публикаций в «Комсомольской правде» статей одесского журналиста Михаила Каниюке о работе николаевского подполья, впервые приехала в Николаев. Ее

хорошо приняли, познакомили с архивными документами. Стало ясно, что Дуккарты не предатели, а ближайшие соратники Виктора Александровича. О трагической смерти Магды в Николаеве знали, но о судьбе ее матери сведений не было. В дальнейшем Татьяна Викторовна в своих выступлениях, газетных статьях показывала Дуккартов не как предателей, а как верных помощников ее героического отца Виктора Лягина.

В 1965 г. известный писатель Василий Ардаматский написал художественную повесть «“Грант” вызывает Москву», посвященную Виктору Александровичу. В ней Дуккарты необоснованно названы предателями. На киностудии «Мосфильм» по данной повести должен был сниматься художественный фильм. Татьяна Викторовна написала письмо в ЦК КПСС, в котором потребовала дать правдивую оценку деятельности Дуккартов. Ее поддержали Николаевский обком и управление КГБ по Николаевской области. В результате заявка на производство кинофильма по ошибочному сценарию была снята.

В январе 1966 г. в «Ленинградской правде» вышла статья Г. А. Почебута «Разведчик не вернулся с задания», в которой Дуккарты показаны как ближайшие соратники Виктора Александровича. Статью прочитали проживавшие в Ленинграде родственники Эмилии Иосифовны и переслали газету ей в Караганду. Эмилия Иосифовна нашла Татьяну Викторовну, дочь Лягина, а мама слетала к ней в Караганду, позже добилась полной реабилитации Магды и Эмилии Иосифовны, несмотря на протесты В. Ардаматского. Таков был драматический рассказ внука Героя.

В заключение вечера «В гостях у Власть» Алексей Викторович сказал, что, несмотря на ошибки, он благодарен Василию Ардаматскому за повесть о Викторе Лягине «“Грант” вызывает Москву», потому что остальные события из повести достоверны. И зачитал отрывок из книги о В. А. Лягине.

«...О том, что Шрагин (В. Лягин. — *прим. автора ст.*) назначен руководителем разведывательно-диверсионной группы, ему сказали за две недели перед его отъездом. Неделя ушла на разработку легенды, по которой он должен был появиться и жить в том южном городе. Легенда получилась очень сложной, для ее подтверждения нужно было изготовить более десятка документов. И кончилось тем, что ему оставили его настоящую биографию, заменив только имя и выбросив из нее, что он коммунист и последние годы работал в органах государственной безопасности. Уже можно было выехать, но возникло осложнение. Люди его группы отправились на место прямо из Ленинграда, где все они учились в спецшколе, и целую неделю о них не было никаких сведений. В южном направлении транспорт работал с перебоями, станции часто подвергались бомбардировкам, и можно было предполагать что угодно. Но выезжать без подтверждения, что группа добралась до места работы, было бессмысленно. В ожидании известий прошло еще четыре дня. Одно хорошо, что В. Лягин получил возможность побыть с женой и полугодовалым сыном, и сам отправил их к родственникам на Урал. Только вчера с ними расстался, а сегодня он тоже в пути...»

«И сегодня Герой Советского Союза, легендарный разведчик, достойный всероссийской памяти и почитания, тоже в пути — в историческом пути к новым поколениям», — так сказала ведущая вечера Зоя Десятова.

Взволнованные причастностью к великой истории Отечества, многие участники встречи высказали свою признательность героическому Подвигу

Участники встречи у мемориальной доски Виктору Лягину

Виктора Лягина. Сергей Васильевич Рац, член Союза писателей России, исследователь истории органов государственной безопасности России, рассказал о книге, состоящей из двух томов, «Незримый фронт Отечества», посвященной 100-летию ВЧК—КБГ—ФСБ, где он увековечил память разведчика статьей: «Виктор Лягин — советский разведчик».

На следующий день писатели приняли участие в торжественном мероприятии, ставшем новой петербургской традицией — в возложении цветов к мемориальной доске разведчику, установленной на доме, где жил В. А. Лягин — на улице Пестеля, дом № 7. На ней написано: «В этом доме с 1934 по 1939 годы жил Герой Советского Союза, чекист-разведчик Виктор Александрович Лягин, руководитель подпольного центра в городе Николаеве в годы Великой Отечественной войны».

Возлагают цветы к этому скромному памятнику герою во дни воинских праздников чаще всего молодые офицеры и заслуженные сотрудники ФСБ, работающие на Литейном, 4. На этот раз пришли отдать дань памяти писатели, члены Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Виктор Лягин — герой Советского Союза, стал героем их творчества, примером в жизни, его подвиг — залогом несокрушимости нашего великого Отечества.

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«СВЕТ НЕ ВОДА, НЕ МОЖЕТ ИСПАРИТЬСЯ...»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 г. в сплавном поселке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

РОДНОЙ ПОСЕЛОК

В родной поселок уезжаю,
Друзей забросив и тракторы.
Вот классиков я уважаю,
Что застолбили полквартыры.

Бровь опалю огнем из печки,
Печь неумело разжигая.
Ведь человек Христа овечка,
А не волчара никакая...

Куда б, когда б ты ни уехал,
Всегда обратно мысли рвутся.
Расстаться можно с человеком,
А с Родиной не расстанутся.

Под осень всюду позолота!
Весной в округе цвет и зелень!
А в небе — белый след пилота
Покуда нами не потерян...

РУССКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Бей, звонарь, в колокола,
Так, чтоб черепа трещали
У ненаших — здесь их тьма!
Просто мы не замечали.

Бей, звонарь, в латунь и медь,
Завязав кушак потуже.
Всем врагам в аду гореть!
А страну сдадим — нам тоже...

Церковь — белый пароход —
На холмах-волнах взмывает.
Там звонарь, как в рынду, бьет —
Ополченцев собирает.

НЕБО СИНЕ

Небо сине над Россией!
Над Европой — «голубое»?
Европейский вождь-разиня
Позволяет им такое...

Наш орел, сгибая небо,
Расшвырял ворон и галок.
Бить врагов — его потреба!
Бьет! Ну, а ему все мало?

Мы ж, в тени осенней рощи,
Станем слушать край родимый.
Соловей здесь, между прочим,
Чувствует в нас дух орлиный!

Нас он узнает по лицам
Добродушным и курносым.
И поет на солнце птица
Восхищенно о хорошем.

МЕДВЕЖЬЕ

В углу медвежьем спрятана берлога.
А в ней живет нестриженный мужик...
Но кто бы там ни жил, ведь все от Бога.
И морда зверя, и святого лик.

Царапнет небеса медвежья лапа.
Сквозь раненую твердь прольется свет.
Кто он такой, чтоб лапой небо хапать?
Не знаю кто, наверное, поэт?..

Медвежий угол и страна медвежья.
А мы в берлоге, словно пестуны,
За младшими присматриваем нежно,
Баюкая их сказочные сны.

МОЛИТВА В ХРАМЕ

Свет не вода, не может испариться
Или с девичьих плеч шелками стечь...
Живая, а не мертвая водица,
В устах молитва — истинная речь!

Русь молится, упавши на колени.
Ей не нужны на окнах витражи.
Иконы — окна! За стеной метели.
При входе в храм — макушку обнажи!

Воск падает, не обжигая пальцы,
Целуют лоб голодные персты!
Коленопреклоненные уральцы
Сомкнулись, как червленые щиты!

СОЛДАТСКИЙ ХРАМ

Здесь камень в кладке каждый важен,
Стоит в крестьянской чистоте,
Не выкрашен, не напомажен —
Он как поэт в карантинé.

На сводах храмовых в табличках
Солдат погибших имена,

Щебечут с Богом, словно птички,
Хотя повсюду тишина.

Молчат в округе — лес и поле,
И рощиц теплые ряды...

А по-над храмом Божья воля
Кольшет райские сады.

ОМУЛЕВОЕ СОЛНЦЕ

Священное море в уключинах звезд.
Что слышно: в краю мясоед или пост?
По льду пробегают китайцы...
Неужто, уже захватили страну?
А может, бегут поднимать Колыму!
Согласен, конечно, данайцы...

Байкал подо льдом, как на плахе, лежал.
Пешня била в лоб, как рыбацкий кинжал,
Чтоб не задохнулась природа!
С ладоней рыбацких стекал кислород,
А рыбы хватали, разинувши рот,
Чиркнув плавником с поворота.

А где омулевая бочка моя?
На всех эта песня твоя и моя!
Взгляни в слюдяное оконце.
Ты думаешь, это плывет рыба-кит?
А это с бездонного дна заблестит
В лицо Омудевое Солнце!

ФОТО С РОДИТЕЛЯМИ

Еще я не пишу стихи,
Читаю по слогам...
От речки запах от ухи
С весной напополам!

Мы на припеке-бугорке
Сидим большой семьей.

Шумит народ невдалеке,
Дождь ходит стороной!

Мы все избранные небес!
У каждого свой час...
Но вы нужны мне позарез,
И присно, и сейчас!

ДУМЫ ВЕЛИКОРОССА

Лишь спросонья вывалюсь
из горницы —
Слышу, как из «Слова о полку»
Киевские каркают усобицы...
Снова внук Троянов начеку!

Храбрые Мстиславы поразвели —
Не хотят быть Лондону щитом.
Ведь не зря Радедю-то зарезали
Пред полком касожским вечерком!

Факельные шествия и прочая...
Символы коричневой страны.
Песня пролетарская, рабочая
Гонит сонм свидомой саранчи!

В небе старорусская поэзия!
В стрелах грозные облака!
Вот о чем душа мальчишки грезила —
Если бить, так бить наверняка!

Не уступит Русь Тмутаракани
И Тавриды больше не отдаст.
Крымский ли, казанский ли татарин,
Он теперь, как Чингисхан, за нас!

Вот с такими возвращаюсь думками
И не знаю, правда где, где ложь?
Если перекалишь — станут хрупкими
Боевые души и штык-нож.

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Тракт Сибирский пронизан лучами
И гудит золотою стеной!
Бог-свидетель прильнул небесами
К тайным знакам тропы вековой!

Казачи, конокрады, цыгане
Пролетели по тракту в дыму!
Растворившись лесными царьками,
Принимая суму и тюрьму!

Где железом гремел Достоевский
Или Чехов пылил колесом,
Там проехал колхозник советский,
Раскатав эти дали катком.

За Урал завалилась Россия,
Как сапог за гранитный сундук.
Вот, где русская воля и сила,
И до моря Держава вокруг!

* * *

И. Смолькину-Изборцеву

Собраний наших русские ряды
Сомкнулись и закрыли все пространство!
Мелькнут дома, растения, дымы,
Мелькнут и превратятся в постоянство.

Ушли в народ — воспитывать стихом,
Забрались вглубь и ввысь,
и вширь забрались.
Косили травы, пили с мужиком.
От Бога в мутный век не отказались!

А бой как был в душе, так и идет.
Там небеса есть, птицы там летают.
Хранимый Богом там живет народ,
Где беды, как весной сосульки, тают.

Ведь наш народ, назло всем, будет жив
В ладу с природой! На дуде играет,
Пьет самогон, а не аперитив,
И, может быть, о нас с тобою знает...

ПОЭЗИЯ

Алла ЛИНЁВА

«В ДОМЕ МОЕМ НЕ ГИРЛЯНДЫ ЗАЖГЛИСЬ, А ЛАМПАДЫ...»

Алла Валентиновна Линёва — родилась в Липецке. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор 13 книг, в том числе и детских. Член Товарищества детских писателей. Лауреат Областной премии им. И. А. Бунина, Всероссийского конкурса им. Сергея Есенина, Московского Международного конкурса «Золотое перо». Стихи переведены на украинский, белорусский и болгарский языки. **Живет в Липецке.**

* * *

Может быть, я еще поживу...
Посмотрю на родные просторы,
На зарю, на цветы, на листву,
На моря, океаны и горы.
Может быть, я еще оплачу́
И оплачу́ недолгое счастье,
И пошью и шифон, и парчу,
Что готовила дочке на платье.
Может быть, еще праздник земной
Постучится в закрытые двери,
И заплачет дитя за спиной, —
Я заботой его обогрею...
Тихо в сердце войдет благодать,
Все приму, что со мной ни случится,
Буду верить, надеяться, ждать
И молиться, молиться, молиться...

* * *

Все пустое, все сгорит.
Но, горя, душа рыдает
И за все благодарит,
Просит: «Господи, воздай мне!..»
Все земное пыль и прах,
Все пригрезилось, приснилось,
Но веселье малых птах
Долго по небу носилось.
Все кружило над жнивьем,
Где колосья шелестели...
Но сгорело все живьем,
Все закуталось в метели.
И теперь белым-бело,
Где ступать мне было колко.
Все взросло и отцвело,
Все затихло, все умолкло...

* * *

В этом свете между строчек,
Пусть не солнечном — людском...
В этом трепете листочков
На березке за окном,
В этом шелесте и свисте
Резвых ласточек в окне,
В ветре тёплом и игристом,
Что гуляет в вышине...
Даже в холод, даже в морось,
В ливень-дождь и ветра вой —
Всюду вижу я твой образ,
Всюду слышу голос твой.

* * *

У Бога я любви просила,
И, Божью заповедь храня,

Под сердцем я тебя носила, —
Теперь ты в сердце у меня...

* * *

Память рассыпана
Остро осколками...
Птичьими вскриками,
Ветками голыми,

Смехом мальчишечьим,
Зовами: «Ма!»
В душу незыблемо
Входит зима.

* * *

Чужое слово в душу не идет...
Сколь я себя надеждой ни манежу,
Чужой руки касание, как лед...
Хотя бы и тепло оно, и нежно...

Колышет воду майский ветерок,
И стайками кружат речные птицы...
Сынок, сынок, сынок, сынок, сынок...
Теперь мне до тебя не дозвониться...

* * *

Где вы, мои тополя,
В шелестах и блестях?..
Все кругом поля, поля,
Да одна березка
Затаилась за прудом,
Над водой застывшей,
У нее давно здесь дом
Под глубокой крышей.

Буду я соседка ей,
Под закатной кромкой
Буду шелесту ветвей
Подпевать негромко...
Где вы, мои тополя,
Тополя-топóлки,
Радость прежняя моя
Вперемешку с болью...

* * *

От сердца отлегли
И боль моя, и скорби,
Я в царство дивных трав
Ступаю босиком,
Шаги мои легки,
Не медленны, не скоры,
И с самого утра
Мне дышится легко.

Ласкают нежно слух
Немыслимые звуки,
То вскрикнет в гуще трав
Встревоженный чирик,
Чужому не отдам
Ни сотой доли муки,
А слезы по щекам
Мне вытрет ветерок.

* * *

Ах, осень, ты всему исток.
Дожди и ветры у стекла.
И кружит, кружит лепесток
Любви, которая цвела.

Любви, которая могла
Еще цвести, цвести, цвести...
Но я ее оборвала —
Прости...

* * *

Быть может, это не поэзия,
И, может, даже не стихи,

И я искусством только грезила,
И все таланты истекли.

Быть может, слабая метафора
И тема больно уж проста,
Но усложнять ее не стану я,
Все будет ложь и суета.

Пусть будет так, как сердцу дышится,
Не многословен, не речист,
Пусть сходит свет на эту книжицу,
Как белый снег на чистый лист.

* * *

Вот так, живая — не живу...
Надежды зряшной не лелею,
Былую сказку не зову...
Болею, скажете, — болею...

Неизлечимо, до конца.
Несу свои рубцы и язвы
К ногам любимого Отца,
К сыновней милости неясной...

* * *

Тусклый пугливый огонь одиночество лижет,
Значит, душе моей это безмолвие надо.
Вот оно стало пророчество осени ближе —
В доме моем не гирлянды зажглись, а лампы.
В доме моем не веселые песни до звона,
И на столах не фужеры игристых напитков,
Здесь поселились навеки лишь вздохи и стоны —
Длится и длится души нестерпимая пытка.
Где-то встает и плывет удивленное солнце:
Не обогреть ему странную тень у окошка.
Ветер с присвистом порывисто мимо несется:
Пламени сердца ему остудить невозможно.

* * *

Этот снег еще сойдет,
Этот лед еще растает,
Солнце щедро распахнет
Золотого неба ставни.
Зажурчит в реке вода,
Заискрится в темном устье —
Этот сон не навсегда,
Эта боль еще отпустит.

Хоть и верится с трудом —
Боже, помоги неверью!
Обогрей мой стылый дом,
Чтоб раскрыть мне настежь двери.
Чтобы свет пронзил меня,
Чтобы радость зрела в муке,
Чтоб ребенок, семена,
Протянул навстречу руки.

Виктор ЛИХОНОСОВ

ЮЖНАЯ СТОРОНА

Виктор Иванович Лихонос — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии Союза писателей СССР, Государственной премии РФ, Патриаршей премии. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре.**

Она не знала, где эта Керчь, на каком краю Тамань, и даже близкий поселок Сенной, откуда привозили осенью уголь, укрывался в каком-то тумане. Позже она побывает в Керчи с татаркой, часто заходившей к ней с базара, увидит с катера хмурый берег, под горой Митридат накупит масла, гречки, еще чего-то и к вечеру вернется. Матушка моя была малограмотная, в школе в селе Елизаветино проучилась она всего ничего: три года. Знала, где всходит и где заходит солнце, и это была вся ее география. Вслепую ехала она и ко мне в южную сторону. Ехала четыре дня, смотрела на просторы, деревни и реки и дивилась, какая длинная выстилается земля, сколько возникает откуда-то непохожих станций, на полосе между рельсами снуют и торгуют какие-то несибирские люди, иногда поезд надолго застревает и чего-то ждет, в больших городах подсаживаются новые пассажиры, она с опаской разглядывает их: городов проехали много, она слышала или читала названия (Омск, Златоуст, Курган, Уфа) и тайно желала, чтобы провезли ее через Воронеж, потом через Россошь (от Россоши не так далеко до Бутурлиновки и ее деревни). В Россоши поезд задержался на полчаса, она осмелилась выйти из вагона, оглянулась по сторонам, присмотрелась к торгующим белорыбицей, подошла, спросила почем, разжала кулачок с деньгами, купила «ради такого случая» и, словно породнившись, наклонилась к торопливой торговке и робко сказала: «Деточка, подскажи, а до Бутурлиновки далековатое? Чем можно доехать?». Та все расписала подробно. Когда поезд медленно потянулся вперед и вскоре застучал чаще, она как-то сиротски не расста-

валась с очерченным вдаль горизонтом, за которым еще целой жила ее деревня Елизаветино. Матушка не показывалась там с тридцатых годов.

Она уезжала из Сибири навсегда, и — я думаю — и день, и другой не терялся покинутый Новосибирск с его Обью, левобережным Кривощеково, улицей Озерной и первыми станциями на западе: Толмачево, Коченево, Чик. Еще всего было жалко: не до конца убранного огорода, кустов смородины с густой, крупной ягодой, курочек с петухом, срочно погубленных топором или отданных соседям, зеркала, в которое смотрелась утром и перед выходом в магазин, на базар, крашенных полов с дорожками, даже ведер и граблей, то есть всего, что миг осталось без хозяйки. Я не спрашивал ее, как она прощалась с соседями, кто сидел за столом и кто поехал провожать через Обь на вокзал, что говорили, как последний раз прогремели колеса на мосту, миновали вагоны Горскую, нашу станцию Кривощеково.

Я теперь ругаю себя, что напоследок, в середине сентября, когда мать с отчимом продавала дом и отбирала в контейнер самое необходимое и памятное (подушки, тяжелый шкаф с зеркалом на дверце, бабушкин елизаветинский утюг, буфет красного дерева), не заявился пережить с ней дни прощания с Озерной.

Был на земле день, когда не стало ее там, где она впервые затевала с моим отцом новую жизнь, переехала со мной двухмесячным из Топок, облюбовала дом на взгорке и потихоньку привыкала в чужом дворе. Сорок лет жить и жить на одном месте, натоптать во все концы тропинки, считать все улицы, барачные и каменные дома, станцию и болото возле нее, привычные трамваи, баню, базар и магазины своими, единственно кривощековскими и... вдруг слезно обернуться на все и уехать! Ведь думала в родительские дни, поминая у могилки озерских покойников, что и ее принесут когда-то на Клешиху или в березовый околок в Топках, а поезд повез ее в необжитый край. В Кривощекове никто больше не повстречает ее. Сперва прощально уходил от угла (с домом Шальневых) Иван Федорович, потом, через пятнадцать лет я, а еще через двадцать заплакала за воротами матушка.

Сама себе потом не верила, как быстро согласилась на такую разлуку. Раньше боязно было и подумать о каком-то селении у моря. На четвертый день тревожно въезжала она в южный город и вроде как пленная вышла из вагона, неуверенно улыбнулась сыну, сутки побыла в его просторной квартире и поехала через желтеющую степь, через какой-то Темрюк, увидела от маяка согнутую белую полосу берега, ровное море, в поселке базарные ряды, улочку, поворот к низенькой турлучной хате с тремя окошечками в палисадник. Все было в первые часы странным, чужим. В магазине, куда на другой день ходила она за хлебом, не те, что в Кривощекове, хлопотали за прилавком продавщицы, говор слышался несибирский, хаты и заборчики у всех побеленные. В большом покато огороде теснились виноградные ряды. А за сетчатым слабеньким забором скрывалась чуть поодаль прорытая протока, и на высоком валу стояла на одной ноге тонкая птица. Она так мертво держалась долго-долго, словно кого-то ждала.

То оказалась цапля.

УЛИЦА ЧАПАЕВА, 3

Как-то поздней золотистой осенью, гуляя по берегу моря от базы «Азов» до гирла, трогательно вспомнил я тот благодатный сентябрь.

Пересыпь в моей жизни появилась внезапно. Покоренный Таманью, я много лет ездил туда через Темрюк, за Голубицкой ни разу не полюбовался из тесного автобуса тем чудным лукоморьем, о котором буду писать и рассказывать дальним друзьям, проскакивал не замечая рыбацкий поселок, называвшийся Пересыпью. Потом уж страшно было подумать о том, что я по какому-то упущению мог лишиться такого счастья: обрести Пересыпь своею. «И не знал бы, — говорил я с улыбкой соседям на свой день рождения, — что есть такая песчаная даль у воды, есть улица Чапаева, а с краюшку большой огород и хатка турлучная, напротив семья (бывшие ахтанизовцы), в проулке мать почтальонши Харитоновна, туда по улице Клава (у нее будем брать молочко), Роман Акимович, Тоня с Сергеем, дальше татарка Анна (из магазина с хлебом пройдет — усядется побалакать или просто окликнет, поздоровается), на самом конце Фаина Ивановна, долго нам неизвестная, да потом она-то и будет убирать больную мою старушку и кормить».

И почему она так сразу и удачно выпала, как козырная карта, эта Пересыпь, не знаю, не догадываюсь. Помню, автобус переезжал гирло по старому, еще казачьему железному мосту, взбирался тут же на дорогу, сворачивал на Ахтанизовскую и мимо горы Бориса и Глеба, которую я тоже не поймал взглядом, бежал сбоку лимана к хутору Соленому, а там и на Сенную, вдоль Таманского залива... Ну ничто не предсказывало мне: «ты проезжаешь поселок, который станет для тебя заповедным». Так бы и мелькала табличка «Пересыпь», так бы и не подбирал перья чаек, если бы не случай.

В середине мая ехал я домой из Крыма (отдыхал с писателями в Коктебеле), и наш автобус, преодолев на пароме Керченский пролив, резво пробежав по узенькой косе Чушке, сломался как раз в Пересыпи, возле памятника летчицам. Я с досадой вылез наружу перекурить, осмотрелся и заметил то, мимо чего уже с сентября буду прохаживаться целых двадцать пять лет. «Вот еще где люди живут...» — подумалось мне. Белые каменные заборчики прикрывали дворы на той стороне, что поближе к морю, а поперек от дороги на Ахтанизовскую начинается коротенький переулок Лермонтова, по которому моя матушка будет проходить с базара к своей хате на углу улицы Чапаева. За фигурными железными воротцами будет летом сидеть на табуретке толстая болезненная казачка, а муж ее Гриша часто будет встречаться с удочками и ведром (рыбачил на протоке за нашим огородом). Для меня этот переулок станет каким-то заветным, вещим, по нему я буду приближаться к хате после долгой дороги, идти из гостей в полночи прямо на повисшую над Ахтанизовским лиманом белую легкую луну и частенько при этом радоваться, что матушка живет в удобном тихом уголку. Пассажиры заскучали, а я отлучился на поредевший рынок, узнал чуть-чуть, как пересыпцы пережили шесть лет назад морскую ураганную беду (потопило только Колобатку за гирлом) да как жили без света после войны, и даже узнал, что зимой подбрасывали в печку вместо дров сушеные судаки (так много ловилось рыбы когда-то), а икру таскали женщины на коромысле в ведрах. И вернулся я к автобусу, водитель стыдливо переживал неудачу и выходил на середину дороги просить помощи у собратьев. Тогда я подался к морю.

* * *

Все изменится через срок, исчезнет рыбацкий колхоз, растащат хозяйство до нитки, продадут народный клуб, кто-то уберет даже лавочку на

кромке кручи, где я со скрытым восторгом разглядывал берег. От кручи простиралась широкая песчаная долина с кустами зелени, в дальние стороны на восток и на запад утекала безлюдная тишина. Райский ветерок веял над водою, неохотно и тихо наползавшей к ракушкам. Азовское море разливалось к горизонту, за ним лежали украинские степи. Я позавидовал рыбакам, проживавшим в этом раю.

Господь уже приберег мне счастье, но я еще не догадывался. Все обернется как-то само собой.

На базаре жена рыбака сказала мне, что на улице Чапаева, в крайней хате, живет с девочкой женщина, у нее водится вкусное и дешевое вино. Я успел к ней зайти, легко сторговался, спускался с нею в подвал (и буду много раз спускаться потом), пахнувший кислой сыростью, помогал отливать и мигом пробовать вкус «изабеллы», потом в хате хозяйка по фамилии Родная, полная, чернявая, угостила легким обедом и бокальчиком молдавского сорта, позалетошнего, такого вкусного, что я чуть не купил еще десять литров. Тут она и призналась, что широкое свое подворье с виноградником она продает. Я с какой-то отчаянной жадностью ухватился за покупку и попросил ее подождать до осени. Она и ждала, но не ради меня, а потому что мечтала собрать последний раз виноград и продать. Нам повезло. А то поселил бы я матушку в гористой станице Ставропольской, которую я как-то присматривал зимой, и чем бы я тогда умилялся, в какую Керчь и Тамань ездил во все времена года? Я написал в Новосибирск: так и так, нашел редкое местечко близ моря и хотел бы наконец опять жить, мама, с тобою поблизости, душа моя намаялась за двадцать лет без родни. Это было в мае. Еще была жива бабушка Анастасия Степановна Бывальцева (по отцу Гайвороньская). А в июле-месяце (тридцатого) она умерла. Поехала дочь Татьяна Андреевна прощаться в Топки. В дневнике моем переписано моей рукой известие от матери. Слава Богу, не потерялось, как кое-что другое, весьма важное.

«Последнюю неделю перед смертью стали у нее отекают ноги, но она все не поддавалась, сама ступала на крылечко; посидит на вольном воздухе, помолчит, боролась. Всех ей в последние дни хотелось повидать. Вспоминала и тебя: “Что-то не стал бабушке писать”. Всех-всех перебрала, чувствовала, наверно, что не поправится. У тети Гали спрашивала: “Тышко не присылал письмо? Так и не прыхав в Топки до сестры. Жинка не пустила? Одну похоронил, а молодую взял. Я с ним часто балакаю”. Я ее попроведала, она мне сказала: “Я, наверно, не осилю, аппетита нет”. Потом я ей письмо послала, то она письмо прочитала еще раз, под этот день, как ей умирать. Говорила Гале, жалела, что не съездила за последние десять лет в Елизаветино, могилки бы проведала, попрощалась с покойниками. Ночью сама на двор уже встать не смогла, закричала: “Галько, Галько!”. И Галя помогла ей встать. Она уснула, это было в три часа ночи, и спала до девяти часов. Галя что ни подойдет — она спит. Потом стала у нее спрашивать: “Мамо, я кашу сварила, будете кушать?”. Она уже не отозвалась, речь отнялась. Тут Галя забежала: “Бабушка умирает!”. Скорей свечку зажгла, и тогда она застонала и утихла совсем. В десять часов утра. Тридцатого июля. Как хотела помереть: летом, и на своих ногах, и в своей хате. Так ей Бог отпустил. Зимы боялась. “Будут мужики могилу копать, ругаться”, — говорила. Все поприезжали. Вспоминали тебя, что ты так далеко. Могилу копали внуки.

Много с улицы Кузнечной провожало ее людей, она ж всем печки клала, да и так дружила, чувашки ее любили. Заносили в церкву, отпевали — как она наказывала. Смерть ей хорошая».

В пересыпском красном блокноте моем закрепил я в нескольких строках, как тою же осенью у нас были гости из Тамани, тоже сибиряки, я принес из подвала кувшин вина, доставшегося нам в толстом бочонке от хозяйки по фамилии Родная, долго и дружно посидели мы под орехом, повспоминали Новокузнецк и Топки, матушка вдруг попросила: «Выпейте, помяните нашу бабушку, она мне ночью снилась...» Кажется, вчера это было. Вчера испугались старики, перенервничали, когда по каким-то куркульским мотивам поселковая власть (в лице колхозного парторга) не желала пускать на казачью землю незваных и бесполезных стариков и не давала справки на покупку усадьбы. Меня они не читали и фамилию мою слышали впервые. Так бы и сидеть старикам, «припершимся к морю издалека», на чемоданах и с плачем думать, как теперь поворачивать контейнер назад по железной дороге, если бы не сочинил я четыре года назад повестушку «Осень в Тамани». Повесть по наущению темрюкского партийного идеолога разбили вдребезги в самой Тамани, но помешать купле-продаже не решились, милостиво позвонили парторгу и сказали, наверно, так: «Да ладно, не встревайте».

— А если бы тяжба затянулась, хозяйка могла бы передумать, приспели бы другие покупатели, — говорил я писателям, приезжавшим наскоро из Коктебеля взглянуть на чудный песчаный берег и отведать домашнего винца. — Накинули бы побольше, хозяйка бы дрогнула, и не в этом дворе поднимал бы я голову на Большую Медведицу. Кого бы мы ждали там вон, на низу, у камышей? Или на трассе? Никто бы и не приехал к нам. Настя с Ольгой ворчали бы: «Что вы выбрали бо-ло-ото...» Повезло. Все в жизни привязано к счастливым или несчастным случаям. Или-или. Господь Бог в какой раз пожалел меня. Страшно теперь подумать, что какой-то парторг поломал бы мне жизнь, ибо Пересыпь в чем-то спасла меня, подарила мне прелесть, загадку истории даже вокруг станицы Ахтанизовской, красоту, Меотиду (Азовское море и Тирамбе), покой матери и... и... можно говорить без конца. А если бы не случилось так, то... Не гулял бы я зачарованный с палочкой по берегу (какому-то притихшему, даже вечному), не лежал у гирла на куче мокрых ракушек (и выбирал «кувшинчики», чтобы нанизать на нитку и повесить под фотографией отца на стене), не смотрел бы каждый раз в сторону Крыма (и там за горой Митридат, за Феодосией Коктебель), чаечки не накричали бы мне в долгую певучую осень вещей мелодий, в моих блокнотах и в любимых книжках не лежали бы закладками птичьи перья, которые я подбирал на песке еще теплыми, не всходил бы с ракушками в детском ведерочке на холм после прогулок, не спускался в подвал к бочке с вином, не следил за луной над Ахтанизовской... Повезло, братцы мои! Вас бы не позвал из Коктебеля. Повезло. А то бы... прощай, широкое, чудное подворье... Сколько раз потом, гуляя по поселку, ахал, радовался: наша усадьба такая пригожая, благословенная; и от шума в стороне, и море недалеко, и цапля за огородом гостит.

В октябре мать писала сестре в похолодавшие Топки: «Хату купили маленькую, печку будем перекладывать, трамваи по утрам не звенят, а шумит где-то за дорогой море, но я не была еще там, некогда, надо топливом

запасаться и зимовать, с непривычки путаюсь в словах, не так станицу соседнюю называю, где-то Керчь какая-то, туда за мясом и маслом ездют, а Витя в Тамань или в Тумань какую наведывался, в общем, переселились, а там как Бог даст...». В январе она справила свои шестьдесят два года, отчиму грянуло семьдесят. Мне нынче больше. Хату записали на отчима, пусть не считает себя лишним, приемным, а ворочается на усадьбе как полный хозяин. В Сибири он появился на Озерной возле матери в тот год, когда я заканчивал институт; мать робко извещала меня («приняла человека, одной плохо») и тем просила моего согласия. Фамилия у него была заметная: Фарафонов. Теперь мне надо было молить Бога, чтобы старик не разочаровался и не поманил мать назад. Немножко жадный, он надеялся развернуться с урожаем винограда, даже разбогатеть: шофер из Запорожской писал стихи, я их похвалил, и он на радостях привез отчиму большую старомодную бочку.

Я теперь перебираю порою те дни далекой осени и жалею мать и отчима. Они переживали молча, на заре в дремоте им казалось, что они еще дома и скоро им идти за хлебом мимо деревянных бараков, но глаза открываются, и печально удивят низенький белый потолок, маленькие окошки. Еще грустнее было, когда с железнодорожной станции Славянская прибыли два контейнера с вещами, буфетом и шкафом. Это уже все, назад дороги нет, так нечаянно, сразу оторвались они от Сибири. Как теперь привыкать к чужим людям, к магазинам, к соседней станице Ахтанизовской и к Темрюку с его всякими заведениями?

Олег СЕЛЕДЦОВ

ПРИКАЗАНО: БЫТЬ УБИТЫМИ

*Отрывки из повести
в новеллах*

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 г. в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 г., участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Краснодаре.**

— Да бросьте вы, мужики! О чем речь, я не пойму! Господи, Боже мой, нет! Нет больше в мире страны или народа, который бы точно также нуждался бы в общении, в том, что называется «поговорить по душам». Нет! Все эти французишки, американки, немчура всякая не понимают и не поймут нас никогда, потому что воспитанные в раковинах собственного благополучия, покрытые хитиновым панцирем эгоизма, не умеют, понимаете, не умеют общаться так, как мы, чтобы душа наружу, чтобы как на исповеди. Без утайки о себе, о своих проблемах, которые, заметьте, в таком общении приобретают поистине вселенский масштаб, потому что проблемы у нас, у русских, до безобразия схожи, и каждый, кто начинает о своем, задевает душевные струнки других участников общения. Задевает, но не копаются. Нет. Копаются-то он как раз в себе. Такого наговорить о себе может! Это особенно четко видно, когда общаешься с незнакомыми или малознакомыми людьми. В поезде, на сборных тусовках вроде съездов, форумов. Под водочку, с примитивной закусочкой. И дело не в том, что водка язык развязывает. Вздор! Водка — лишь фон. Атрибут. Желательный, но не всегда обязательный. Возьмите ту же исповедь в церкви. Какая уж тут к ляхам водка? А человек идет, сознательно, с непонятным для европейца или американца мазохистским упорством, идет к священнику. И открывает о себе такое, такие мерзости, что были бы в яви инопланетяне, подслушали бы и бежали бы с нашей планеты без оглядки, осознав, какое чудовище этот самый человек — хозяин Земли. Американцам не понять. Вы хоть один фильм их вспомните, где бы

они, вот так, как мы, по душам общались. Ну? Навскидку. Слабо? Все их вечеринки вспомните. Собрались. Музыка играет. Напиток из общего чана, но половничком черпают. Каждый из своей посуды. Не дай Бог, кто из твоего бокала отхлебнет или уже пил! Скандал. Позор! Чего еще они там делают? Танцуют. Сплетни светские обсуждают. О политике беседуют. Поверхностно, не копая глубоко. Еще бы! Чуть копнешь — сразу заденешь чьи-нибудь взгляды и интересы, а это уже удар по свободе совести и прочим свободам, ах да, едва не забыл главное, святая святых — по политкорректности. Что там у них еще? Ага! В «американском пироге» молодежь ищет себе сексуальных партнеров. Потом карты у мужчин, женщины, случайно оставшиеся без партнеров на ночь, продолжают сплетничать, о мужчинах, конечно. Все. Если кто-нибудь попытается чего-нибудь там о себе высказывать и других к этому призывать или говорить на темы: как нам обустроить Америку или в чем смысл американской жизни, его, естественно, я подчеркиваю — естественно, примут за сумасшедшего. Потому что смысл американской мечты и так уже давно всем ясен, а обустраивать Америку, что-либо переделывать в существующем порядке вещей отважится, пожалуй, только психопат — герой американского боевика. Конечно, благочестивые католики ходят иногда на исповедь, но это своего рода разговор с самим собой. Лица твоего никто не видит, святой отец на той стороне темного зарешеченного окошка тебе незнаком. Валяй, говори, чего хочешь. Господь, конечно, слышит эту исповедь, да он и так все слышит и видит, и без исповеди. Это смекнули протестанты и вообще отказались от исповеди. Вот истинные америкосы, англичане и немчура. Такие замертво упадут, когда узнают, что на Руси Иоанн Кронштадтский, кажется, практиковал такую общую исповедь, когда каждый исповедующийся во весь голос всем присутствующим объявлял свои грехи, самые подлые причем. Вот тебе загадочка — пытка это или искупление? Вот это по-русски. Как у Достоевского. Выйти на перекресток всех дорог, пасть на колени и всему миру объявить о своих злодеяниях. А кто еще, какой народ мог придумать игру, ну, как у того же Достоевского? Каждый рассказывает, и это в высшем обществе, о своем самом подленьком в жизни поступке. Нет, шутишь! Французы на такое не пойдут. Наше общение вообще уникально. Это ведь не каждый день бывает. Это ведь не может в привычку войти. Это ведь и как награда, и как наказание. Выговориться. Обо всем. О политике, о литературе, о национальном вопросе, о жизни своей, бездарно загубленной в нашем государстве. Вспомните стариков в троллейбусах. Их общение не просто от скуки одинокого пенсионера. Это жалоба, крик души. Прожил жизнь, воевал, ДнепроГЭС строил, что там еще... а его на старости лет на свалку. Обидно ведь. Болит душа. Он и перемалывает косточки всем и вся: Ельцину, Чубайсу, Путину, Грефу, Зюганову, Сталину, царю-батюшке. Напротив сидит точно такой же старик и видимо соглашается, а сам о своем собственном, о наболевшем поговорить хочет. А молодежь? Хуже что ли? Да хлебом не корми русского двадцатилетнего мальчишечку, дай поговорить на тему спасения России. И все всерьез. Ничего понарошку. Уж коль он участвует в реконструкции Бородинской битвы, то, простите, это уже не инженер Уточкин, не студент Петрыкин, не бизнесмен Кочегаров, а поручик гусарского полка, полковник ставки Кутузова, казак атамана Платова. Все всерьез. Ни капли фальши. Такие игры, кстати, тоже способ общения,

но более всего мы любим общаться в узком кругу. Человек пять-шесть. Более и не надо. Но тут уж до хрипоты, тут уж до утра. Тут уж, чтобы все выпито было. Кто, что, кому доказал — не важно! В спорах наших истина не рождается. В спорах как раз проявляется то самое общение. Наше, русское. А как же Интернет, скажете вы мне? Живые журналы, конференции? Тут ведь не только и не столько Россия участвует? Не обманывайтесь, мужики. Именно, не обманывайтесь. В «живых» журналах нет ничего живого. Интернет — блажь. Это для ленивых. Тут нет главного — глаз собеседника. Живых, не электронных, не с фотографий. Дыхания собеседника нет, его тепла. Его энергетики нет. Живой. Этого ни один экран в мире не передаст. Да и на форумах в Интернете, по большому счету, и человека-то редко встретишь. Там все больше клички, прозвища какие-то. Пиши, что вздумается, воображай себя умным, никто в твой адрес пальцем у виска не покрутит. Фальшивые имена, фальшивые мысли, фальшивые жизни. Нет, мужики, старые наши письма более искренни и душевней. Я, к примеру, принципиально паутиной не пользуюсь, хотя и умею и доступ есть. Не пользуюсь. Мне нужно, чтобы рука с авторучкой по бумаге бежала, синхронно с моей мыслью. Чтобы от письма любимой женщины пахло кожей ее рук, ее лучшими духами, чтобы капельки от слез на бумаге остались, чтобы помарки были, чтобы черкать-перечеркивать. Вот это живое общение. Почти живое. Глаз-то собеседника все равно нет. А они должны быть при общении. Всегда. Даже если при свечах, даже если в крошечной тьме. Все равно должно быть. И дыхание. Что? Телефон? Ерунда. Мобильники там всякие? Чушь! Уверяю вас. Для молодежи еще допустимо. Они — бедолажки — родились и выросли с компьютерами, Интернетом и мобильниками, а нам поздно уже. Мобильник нам и тем, кто постарше, необходим не как средство общения, а как средство технического обеспечения, если хотите. Как калькулятор, часы, тот же компьютер на рабочем месте. Тут есть одна заковырка. Вы замечали, что люди военного и послевоенного поколений телефонов откровенно побаиваются? Какое уж тут пооткровенничать? Все им кажется, что аппараты наши прослушиваются. И это, кстати, не лишено оснований. Раньше, а может, где и теперь, это было почти нормой. Мы же, родившиеся в шестидесятых, на генном уровне впитали в себя этот страх, а кое-кто и успел столкнуться с особым режимом еще до начала реформ и перестройки. Помню, мы с пацанами любили ходить в театр. Хобби такое было. Тинейджерам этого не понять. И после спектакля, часов в десять — начале одиннадцатого домой через весь город шли пешком, ну, традиция такая. Как у Жени Лукашина из известного фильма была традиция ходить с друзьями в баню в Новый год, так и мы, хоть раз в месяц, до самой армии ходили в театр, а после пешком домой. И вот идем однажды. Весело. Шутим, дурачимся. Зачем? Нет, мы не хулиганы были. Комсомольцы, активисты, все, как полагается. Но вот так получилось. Настроение чудесное было. Погода шикарная. Спектакль хороший и все такое. Ну, может быть, излишне громко шумели. Может быть, может быть. Не в этом дело. У сквера «Дружбы» вдруг нас останавливают. Проверка какая или еще что. Ну, там штук пять милицейских машин и, естественно, работнички советской милиции. Кто такие? Откуда? Почему так поздно? Мы, конечно, объяснили, билеты театральные, на счастье сохранившиеся, показали. Майор внимательно, но слегка посмеиваясь, выслушал. Адреса на всякий слу-

чай переписал. И вдруг ни с того ни с сего мне лацкан пиджака поправил, а одного из моих приятелей по плечу похлопал. Просто так. И отпустил нас. Так вот, мы пятьдесят минут шли по городу молча. И в конце пути даже дружно проскандировали что-то про «Мир, труд, май», комсомол и партию — нашего рулевого. Понимаете, мы были уверены, что майор нам «жучков» пристроил. Во как! Что уж говорить про наших отцов и дедов. Нет, братцы, к телефонам у нас доверия не будет никогда. Нам прямое общение подавай. Всем нам. Русским. И фишка в том, что от потребности этой в общении не сбежишь, не спрячешься. Хоть с тараканом, но живой диалог быть должен. При чем здесь таракан? А у Достоевского, опять же, один из героев в ожидании смертной казни провел месяцы в «одиночке» и общался-таки то ли с тараканом, то ли с пауком. Что-то в этом роде. А как же. Такова наша русская харизма. Ее не обманешь. Один наш писатель, сын известного кинорежиссера, не смог вынести бремени, ну, отпрыска знаменитости и сбежал от цивилизации в сибирскую тайгу. И перестал по сути быть писателем, хотя пишет наверняка. И, наверное, много. Но не писатель он уже. Не русский, по крайней мере. И мы без общения не сможем. Мы без общения умрем. Нельзя нам, русским людям, не общаться по душам. Перестанем мы быть русскими, да и людьми тоже. Так-то... Ну, вот и мой подъезд. Пришел.

Решетников не попрощался с невидимыми собеседниками, набрал код на массивной металлической двери, шагнул в подъезд. Надо будет пожарить яичницу на ужин или сварить магазинные пельмени, погладить рубашку — эту носит уже вторую неделю. И к телевизору. Сегодня, кажется, футбол.

ПОД ПОКРОВОМ АСА, КЕСИЛЯ И ХИМЫ

«В лето шесть тысяч пятьсот семьдесят седьмого года от сотворения мира торкские и половецкие племена, безраздельно владевшие богатейшими пастбищами в Каспийских степях, гонявшие табуны до самой Тмутаракани, смеясь над бессилием русских князей, погрязших в усобицах, защитить свои южные рубежи, двинули полки на мать городов — стольный Киев-град. Победным скрипом возвестили колеса походных половецких кибиток марш новых хозяев степи. Половцы не таились, но и не уведомляли осаждаемых, как некогда Святослав-князь, первый вой среди лучших полководцев славянских, шедший по землям вятичей, аланов, касогов и хазаров, пуская впереди себя бесстрашной стрелой гордый и короткий клич: «Иду на вы!» Но беспощаден путь половецких сабель. Длинные косы половецких дружинников черны, как изуродованные останки сторевших русских деревень. Что остановит жадную лавину? Кто отважится стать на пути смерча стрел? Кто грудью примет на себя удар грозных копий? Кто усмирит бешеный храп необузданных половецких коней? Годом ранее пытались было одолеть натиск степняков Ярославичи, сыны князя, прозванного в народе Мудрым, решились выступить против злого ворога. Но на Альте — ласковом притоке Дуная — в лихом ночном бою половцы наголову разбили дружины Изяслава, Всеволода и Святослава. Оставшиеся в живых загнанными зайцами неслись к Киеву и Чернигову. Что Русь? Что оставленные на поругание веси русские? Здесь только бы успеть укрыть шкуру от кривых половецких сабелек, да злых до казней плеточек, да жадных до крови стрелочек.

Уж давно отстала по степи лютая погоня, а князя все бегут, гонимые необъятным ужасом. А степняки и не преследовали трусов особо. Было им теперь чем поживиться. Богаты русские земли. Хлебом, золотом, мехами, девками красными, мужиками семижильными. То-то пиру быть в станах половецких! Там, в Киеве, жалкие русские рабы пытались было помышлять о мести, даже князя своего — труса Изяслава к полякам выгнали, заодно вдоволь поживившись княжеской казной. Но куда им тягаться с силушкой половецкой? Пошумели для виду, побунтовали, а в поход не пошли. Кишка тонюсенька оказалась. А степняки, опьяненные хмельным вином победы, усилили натиск, участили набеги на манящие добычей владения жалкой Руси.

В Чернигове Святослав, единственный из Ярославичей не сумевший безболезненно пережить позор бегства с Альты, снарядил три тысячи отчаянных конников и выступил в безрассудный поход. Куда ты, княже? Остынь, охлади пыл неумеренный. Будь мудр и рассудителен, как великий отец твой. Войско степняков втрое, а то и вчетверо превосходит твое. Али забыл ты сводящее с ума пение звонких половецких стрел? Али стер из памяти насмешливый свист крушащих стальные шеломы половецких топоров? Не знает половецкое ухо слова «пощада». Да и нужны ли слова, когда поют половецкие копыя песню смерти? Или забыл ты, князь, как бежал безоглядно всего год назад от разящей слепоты степного клинка? Или измаялось твое сердце опозоренного воина от медленной муки, от неминуемой казни бесславием? Или исстрадалась, истоналась русская твоя душенька, наказанная справедливым судом совести и чести? Тогда иди, князь. Да хранит Господь пути твои! Да укроет спасительным Своим покровом воинов твоих — Своих детушек Царица наша Преплагая, Надежда наша Пречистая Владычица, Богородица!

А половцы уже у Сновска. Успеть бы войти в город прежде, чем его захватят степняки. Успел. Господь милостив. Ноченькой звездной, тихой укрывает тревоги князя и робость молодых дружинников. Князь с малой сторожей тайно выходит из города. Укутавшись в плащ ночной мглы, идет хоть ощупью проверить место завтрашней сечи. Встает на колени, опускает голову к земле. О, матушка, родная русская земля, прими с честью завтра тела и буйны головушки храбрых твоих витязей. Покрой себя красной скатертью славы, но не черным саваном позора. Не выдай, матушка! Не явись тайными рытвинами да яминами нежданном препятствием на пути горячих коней богатырских, не набейся камнями иудиными в копыта закаленные, не путайся травами непролазными в ногах пеших, коней потерявших. Обрати гнев твой на пришлецов незваных, несущих с собой огонь и каменных истуканов на пепелища. Подходит князь к тихим водам Снови. Как ярко горят, отражаясь в глазах твоих чистых крупные, как наливные яблочки, желтые очи звезд. Дух захватывает. Вот ковш Аса, чтобы зачерпнуть речных твоих струй русскими руками. Вот загадочно, словно ведая некую страшную тайну, мерцает Хима. А Кесиль застыл неподвижно. Что ему до гордых русичей, ищущих себе чести, а князю славы? Он сам исполнен особой звездной гордости, недоступной разуму человеческому. Спит земля. Спит река. Спят звезды. Святослав обходит поле, пересекает холмы. Место доброе. Есть, где сложить головы храбрым русичам. То-то будет завтра жарко! То-то весело!

Уже за полночь. Князь ворочается в город. Спит его дружина сном праведников. Спят, видя тревожные сны, невинные горожане. Лишь в соборе у Богородицы не спят, творя сердечную молитву, безлицые чернецы. О здравии живых, об упокоении душ, обреченных на заклятие. О, Пречистая, о, Преподобная! Яви милость Твою неисчерпаемую. Зло черной птицей распростерло крыла над белой голубицей русской души. Неисчислимым ужасом объаты мы есмь, а заступающего несть, разве Тебе, о, Богомати. Призри на нас грешных и во озлоблении сущих и покрый нас пресвятым омофором Твоим. Дабы живы нам быти и восхвалити пресвятое имя Твое во веки. Аминь.

Утро явилось тихо, но не вдруг. Окрасило землю серебром рассвета. Легким голубым туманом от реки затянуло берега, холмы и поле. Ах, Ты, Господи, Боже мой! Вот так подарочек от Заступницы. Святослав спешит, торопит путь дружинников. Словно тени движутся, не оставляя следов на свежей земле, конные дружинники, бояре, воеводы, копейщики, варяги-наемники. Спят еще пока их топоры и палаши, их стрелы еще нежатся в тепле уютных колчанов. Одетый в золото шелом князя словно молод еще для царственной игры в переливы под лучами яркого солнца. Вышли ратнички на холм. Все три тысячи к битве изготовились. А уж как туман утренний рассеялся, стали видны станы половецкие. Стяги их желтые и коричневые под цвет матери их — вольной степи. Кинулась сторожа половецкая, завидя русские полки, трубить тревогу. Но куда! Стремителен и прям путь пущенной стрелы из русского лука. Стремителен и неудержим путь конной лавины, несущейся на половецкие вежи. Кричат, смеются, поют победные песни, бодря себя и верных коней, лихие русские рубаки. Жаждут крещения кровью безусые новобранцы. То-то весело! То-то забава! Господи, не покинь... Стремительной атакой русские смяли половцев. Воевода степняков, не успевший даже в седло вскочить, вынужден был рубиться пешим. Но куда! Против такой-то силищи? Пали стяги воеводины. Люб и желанен он теперь не золотому шатру победителя, а удушливому узилищу плененных. А сеча в разгаре. Много степняков. Велик стан половецкий. Куда более двенадцати тысяч только всадников привел на Русь воевода. Силушка! Но не остановить, не поворотить храбрый натиск русичей. Сползают, все быстрее с каждой минутой, к молчаливым водам Снови половецкие сотни. Куда вы? Куда вы! Глубока Сновь, тяжелы ее струи для богатырских панцирей. Не унести с собой к другому берегу. Не лучше ли встретить смерть в честном бою? В поле, родной степи? Но кто услышит, когда пленен разум могучим и цепким страхом? А и поделом вам. Не ходи на Русь, жадный пришелец. Не кради красу и честь русских девиц. Не пугай сиротством малых детушек. Али мало тебе пиршеств степных: сырого мяса да свежей крошущки? Али захотелось попробовать горячей крови русских ратников? Довольно! Спрячь, Сновь-река, ласковая тетушка, сестрица земли родимой, в глубинах своих зависть, жадность и ненасытность чужеродцев, укрой забвением бесславный путь их, омой целебными струями раны иссеченных твоих племянников — богатырей старорусских, отрази в водах чистых небесную славу милости Господней к молодой Руси — дому Пресвятой Богородицы. А в городе, в соборе безлицые чернецы на коленях рыдали о бедовых душах убиенных воинов русских, за землю, веру и други своя на поле брани живот свой положивших. Так было. И будет так, пока под щедрым солнцем

будет течь тихая, смиренная и непокорная река с ласковым, ненавистным и таинственным названием Русь».

Шурик Ермаков поставил точку, откинул авторучку, никак не заставит себя писать на компьютере, развел во всю ширь руки и потянулся так, что захрустели суставы в плечах и на спине. Это сладкое чувство окончания работы, когда хочется вскочить, пуститься в глупый, бессмысленный танец, а потом, выбежав на улицу, смеяться беззвучно над мрачными, одурманенными житейскими заботами лицами прохожих, вовсе не подозревающих, что он, Александр Ермаков вот сейчас, всего несколько минут назад, закончил творить целый мир. Целую вселенную героев, страстей, чувств, переживаний, раздумий и судеб. Но прохожие не знают этого. Странно. Мир точно сошел с ума. Замкнутые в себе, угрюмые лица спешащих прятаться за блоkpостами железных дверей, укрепленных кодовыми замками, металлическими решетками, сигнализациями и камерами наблюдения, не людей уже почти, а теней, фантомов. Что им до валящего слабым духом с ног звона сшибающихся на лету мечей, что им до рвущего барабанные перепонки, исполненного смертной тоски треска ломающихся копий, что им до храпа коней и стопа раненых, что им до победных гимнов ликующих на каменистом берегу Снови стягов отчаянных ратников Святослава, что им до степняков, нашедших вечное упокоение не среди степного бесконечного раздолья, а под тяжестью холодных волн речного забвения? Люди бегут, люди спешат. Они есть, и их как будто и нет. Страшное время. Шурик поежился. Смахнул рукой минутное наваждение. Итак, поставлена точка. Все. Теперь полгода, год не возьмет он в руки авторучку. Тайм-аут. Надо передохнуть. Слишком много сил отнял у него последний роман. Слишком крепким канатом успел связать себя за время работы автор со своими героями, не отпускавшими его даже по ночам, во сне. Шурик чувствовал себя выжатым, как белье после стирки. Сладкая нега грядущей сушки под летним солнышком наполняет каждую складочку. Ах! Хорошо. Говорят, что Донцова пишет один роман в два месяца. Да хоть бы и так. Талант это или графомания — потомки разберутся. Как громко сказано: потомки... разберутся... Как хочется, чтобы все же были они, эти самые потомки, которые будут разбираться в твоём творчестве. Вот оно, вот оно. Его высочайшее величество Тщеславие. Шурик, конечно, не умел писать так быстро и много, как Донцова, но каждый свой роман или повесть все-таки считал гениальными, ну, или почти гениальными. А что, есть писатели, которые о своей писанине иного мнения?

Ермаков вышел на балкон, выкурил сигарету. Одну можно, для расслабухи. Вообще-то он бросил курить, но иногда, в исключительных случаях, таких как окончание романа или после очередного поединка Давида с Голиафом в кабинете шефа по месту его постоянной работы, а таковое, конечно же есть — семью-то кормить надо, или после очередного отказа в «Вагриусе», «Эксмо» и иных крутых издательствах, Ермаков позволяет себе выкурить сигарку-другую. Лучше бы, конечно, опрокинуть рюмашечку, но с этим Шурик завязал решительно. И причины на то, ой, были. Вспоминать страшно. Ладно. Бог — судья. Ермаков поставил чайник и включил телевизор. Канал «Культура». Шурик частенько баловал себя этим каналом. Во-первых, познавательный, во-вторых, люди интересные, о литературе, случается, говорят, ну, и в-третьих, вдруг скажут что-нибудь о его послед-

ней книге. Вообще-то еще ни разу не говорили, ну, а вдруг сегодня скажут. Вот, как раз новости культурной жизни. Ну-ка, ну-ка. Это интересно.

— Сегодня в подмосковном пансионате «Липки» открылся очередной форум молодых писателей России... Более ста пятидесяти участников... Мастер-классы ведут редакторы толстых литературных журналов...

И картинка. И лица. Знакомые. Ах ти! Дениска Лашин из Саранска, Василинка Орлова — красавица, умничка. Нитченко Андрей — надежда отечественной поэзии. Дима Новиков, который про муху в янтаре написал. Веселые все. Такие живые, родные. Боже, почему ж родные-то? А родные и есть. Не по крови, а так. А может, и по крови. Может, у талантливых людей в жилах одна особая кровь течет. И не в национальности дело, упаси Бог! Он, Шурик, к примеру, чистокровный русак, а когда братались они на первом форуме с москвичами, питерцами, новосибирцами, уральцами, разве спрашивали тогда, кто какой национальности? Куда там! Только талант, только особое чувство ответственности за судьбу литературы, поколения, да и страны нашей связали их в единое писательское братство. Планета Липки. Так называли они тогда свой форум. Как жаль, что невозможно вернуться в те дни, на тот первый, самый первый после гибели Союза, после продолжительной болезни российского общества форум молодых, новых писателей новой России. Вот он, ноль, точка отсчета. Старая гвардия не в счет. Диссиденты, либералы, консерваторы. Они свое дело сделали. Они расчистили путь для нас. Для Дениски, для Василинки, для Ромы Сенчина и Сереги Шаргунова, для Леры Пустовой, для Пряжникова Сашки из Новочеркасска, Олега Селедцова из Майкопа, Женечки Извариной — блистательной поэтессы и, ох, многих, многих. Да здравствует планета Липки! И как жаль, что возрастной ценз поставил прочный заслон уже многим из первопроходцев к этой планете. Шурику сорок. Он много пишет, много публикуется. Его знают, его хвалят, о нем говорят. Он вполне самостоятельная творческая личность. Но как же не хватает ему порой таинственного блеска глаз такой близкой и, увы, уже такой далекой планеты Липки.

Шурик улегся поудобней на диване, закрыл глаза. Полная расслабуха, точно одеяло, окутала его с ног до головы. Когда через четверть часа с работы вернулась супруга, была неприятно поражена видом спящего в столь раннее время мужа. Ах, ты, паразит, неужели опять наклюкался? А ведь клялся же! Ну, я тебе устрою, гад. Устрою. Проспись только!

А Ермакову снились Липки. Зимний сад. Саксофонист, наигрывающий никому, пространству, чуть печальную и доверительную мелодию чудаконной фантазии. Шурик танцует. У него на плечах нежные руки самой красивой писательницы на свете. Он что-то шепчет ей в прелестное ушко, кажется стихи, ну, а что же еще-то? Пьянящий запах ее волос кружит ему голову. Она улыбается уголками губ. Кажется, ее зовут Василина. Изумительное имя. Редкое. Особенное. Да и сама она особенная. И вечер этот. И музыка. И настроение. И где-то над головами в этот миг таинственно перемигиваются мудрые и всезнающие Ас, Кесиль и Хима.

Ермаков сладко мурлычет во сне, но не переворачивается с боку на бок, словно боясь, что неосторожным движением порвет непрочную паутину сладкого сна. А просыпаться надо бы. От раннего, затемно сна может потом разболеться голова.

РЕСНИЧКА

«Продаются овцы...» Она зачеркнула написанное, взяла другой лист бумаги, подумав, написала: «Продается стадо овец. Телефон...» Стадо или отара? Правильней, кажется, отара. Впрочем, какая разница? Пусть будет стадо, так народу привычнее. Аля дописала телефонный номер, запечатала бумагу в конверт. Ну, вот, пусть будет так. Жаль, конечно, овечек — последнее живое, что от мужа осталось. Да ведь сил больше нет их содержать. А корм? Денег еле-еле хватает, да и не хватает даже. Спасибо, вон, свекровь помогает. Золото, а не женщина. Еще когда Миша был жив, поругивались они со свекровью, ну это и понятно, со всякими бывает, на то она и свекровь, чтобы невестку уму-разуму поучать. А как погиб сын, стала Аля для свекрови дороже дочери родной. Если бы не она, как бы еще жизнь повернулась? Аля вздрогнула, боясь даже представить это. И все же овец нужно продавать. Зарплата учительская давно на исходе, вон, к Новому году и на стол купить чего-нибудь вкусенького денег нет. Э-хе-хе. Одиночество проклятое. Надменной хозяйкой в чужом доме воцарилась она в судьбе Али. Ни мужа, ни детей, ни будущего. Кому она нужна? Не молода уж, за сорок. Да и помоложе была бы? Много ли на селе нормальных мужиков, годных ей в женихи? Нет, она неприхотлива, но все же... Спилось село. Крепко спилось. Из непьющих-то, пожалуй, один отец Исакий, да и тот монах. Миша не пил, нет. В студенчестве, правда, в компаниях попивал, и как в органы устроился, было поначалу. Но очень быстро завязал. Что ты! Там такое кубло оказалось — только и держи ухо остро, чуть зазевался — по плечи уши с головой вместе отгрызут. Отгрызли... Аля вздохнула, встала, не спеша оделась, пошла бросать письмо в ящик. Почта соседствовала с сельповским магазином. Надо бы зайти, чего-нибудь к ужину подкупить, а то опять одной картошкой питаться придется. Овец Аля не трогает. Не потому, что боится губить живность, в конце концов, можно и соседей попросить, за чекушечку. И зарежут, и освежат, и шерсть чин по чину будет. Не в этом дело. Тут другое. Тут ножом по памяти мужа. Уж он-то овечек любил самозабвенно. Как из органов ушел, решил фермерством заняться, а толку? Через фермерство это самое и сгинул. Из-за овечек этих. А все же Аля их жалела, может, даже любила по-своему. А как же? Невозможно женскому сердцу без любви. Нельзя, страшно это. Аля свернула к магазину, но вспомнив, что в карманах пусто, пошла домой. Можно было бы взять в долг. Продавщица своя — Мишина двоюродная сестра. Но Аля стыдилась занимать, стыдилась укоризненных огоньков в глазах родственницы, надменных складочек над уголками ее губ. Нет уж, пусть опять картошка. В холодильнике баночка грибов оставалась. Хотела к Новому году приберечь, да теперь чего уж, теперь овечек продаст, деньжата появятся. Сырку подкупит, колбаски, холодец на куриных ножках сделает. Только бы нашелся покупатель, только бы нашелся. Овцы хорошие, тонкорунные, особой породы. Неужели же никому такие не нужны? Быть такого не может.

Аля вернулась домой, разделась, прошла на кухню. Открыла холодильник. На второй полочке банка грибов, да полпачки маргарина. Внизу пара свеколок. Да в морозильнике шматок сала — гостинец от свекрови. Все. Аля, поколебавшись, достала грибы.

Нет, раньше все было не так, все было по-другому. Когда был жив Миша, был жив Артемка. Весело было в доме, живо. Хорошо они жили, дружно, мирно. Господи, Господи, ведь было же это! И рухнуло все в одночасье. Сначала Артемка утонул, потом вот Миша... погиб. Аля всхлипнула и, чтобы не расплакаться, часто заморгала на потолок. Нельзя плакать. Что толку? Плачь — не плачь, былого не воротишь. Аля вздохнула, перевела взгляд с потолка на цветы с подоконника. Геранька распустилась. Цветочки синенькие с фиолетовым подбоем. Незатейливые, а красивые. Согревает душу такая вот незатейливая красота-то. Почему-то Але вспомнился курортный парк. Розы. Это через полгода после гибели Артемки. Она едва пришла в себя тогда. Да что говорить, единственный ребенок утонул. Так нелепо, так больно. Господи, Господи, какая бы мать не отдала бы свою жизнь, чтобы вернуть жизнь сына? Аля долго болела, и, чтобы восстановить силы, хоть чуть-чуть привести в порядок нервы, Миша купил ей путевку в Кисловодск. Она не хотела ехать, но он настоял.

— Мне нужна здоровая жена. Здоровая! Которая нарожает мне детей. Вот именно. Ну, что ты, Алечка. Ну, успокойся. Жизнь это, понимаешь. Поезжай, отдохни, подлечись. Все еще у нас будет. Все будет...

По совету лечащего врача Аля много гуляла в парке, дышала кислородом. И вот как-то раз, уже после ужина, прогуливаясь через Долину роз, увидела, нет, услышала приятный голос молодого мужчины, разговаривавшего с невидимой собеседницей по мобильному телефону:

— Заинька, ну что ты, право, ну какие женщины? Перестань, солнышко, что ты выдумываешь? Я в парке сижу, воздухом дышу. Ну, честное слово, котик мой, ну как ты могла такое подумать? Незабудочка моя, ты же знаешь, что кроме тебя для меня в мире никого нет и быть не может. Ромашка моя, ресничка моя...

Ишь ты, ресничка... Миша не баловал Алю ласковыми словами. Не умел. Или стеснялся. Жили они и без того хорошо. Он жену не обижал. Ни-ни. И думать о таком не смел. Ласкал. Подарки дарил. Но чтобы вот так: ресничка моя... Аля с интересом посмотрела на молодого человека. Так. Ничего особенного. Невзраченький даже. Худой, маленький. А голос приятный, добрый. И вот это вот: незабудочка, ресничка. Але с необычайной силой захотелось домой, к мужу. Чтобы он приласкал ее, обнял и прошептал бы в самое ушко: «Алечка, солнышко, ресничка ты моя».

С тех пор она не могла забыть того мужчinkу. Запал он ей в душу. Не внешностью, нет, голосом, искренностью, а Аля была абсолютно уверена, что слова его были искренни. А как же? Такие слова и вдруг ложь? Ребятки, не гневите Бога. Такими словами не разбрасываются.

Она вернулась домой из санатория вовремя, чтобы не огорчать Мишу. Муж обрадовался. Приласкал. Обнял. И все такое. Но вот слов тех заветных так и не сказал. И впрямь не умел или стеснялся. Он ведь все-таки мужчина, глава семьи, так сказать. Ничего. Скажет еще. Когда-нибудь. Непременно скажет. Прямо в ушко. По-доброму так. Искренне:

— Солнышко мое. Алечка любимая. Ресничка моя.

И от этих слов закружится ее голова. Потекут по щекам умильные слезки. Скажет. Обязательно...

Миша погиб через два месяца. В сентябре. И вот теперь она одна. Ни детей, ни мужа. Аля всхлипнула снова и спешно достала семейный альбом.

Свадебные фотографии. Мишка здесь смешной. Луковка торчит. Гости пьяненькие. А вот Артемкины фотографии. Ты мой мальчик. Вот он в машине, вот со свекром на тракторе, а это зимой на льду озера. Здесь и погиб, провалившись под лед. Вроде бы на этом самом месте. Аля спешно переворачивает страницу. Вот они всей семьей в Ленинграде, вернее, в Петербурге, конечно. Это за полгода до Артемкиной гибели. А затем несколько листов с фотографиями погибших защитников Белого Дома. Это еще Миша собирал. Не то, чтобы политикой увлекался, но считал расстрел российского парламента личной трагедией что ли. Она не осуждала, а вскоре и привыкла к этим скорбным свидетельствам недавней истории. Бывало, разложит их на столе. Лица знакомые, почти родные. Особенно молодежь. К этим у Али особое чувство. Дима Артамонов, семнадцать лет; Олег Иванов, семнадцать лет; Кирилл Матюхин, восемнадцать; Денисов Рома, совсем мальчик, пятнадцать лет; еще один Рома, Веревкин, семнадцать; Слава Бондаренко, восемнадцать лет; Саша Житомский, семнадцать; Кузьмин Сережа, семнадцать; Песков Юра, восемнадцать; а вот девочка. Марина Курышева, красивая, шестнадцать лет. Ах, ты, Господи, Боже мой. Как же это так, ребяташки вы мои? Жили себе. Детишек бы нарожали. Эх... А матерям-то каково? Как матери-то перенесли гибель своих кровинушек? Аля разговаривает с фотографиями, словно с живыми. Рассказывает им новости. О политике ни-ни. Что вы! Зачем будоражить раны забытых теней? Тянет, тянет ее поговорить вот с ними, с навеки семнадцатилетними, погибшими в бессмысленной бойне, за призрачную идею, за робкую надежду, за ненасытную пропасть чужого, нечеловеческого чрева. А ведь Алиному первенцу тоже могло быть сейчас семнадцать, вот как этим мальчикам. Если бы тогда, в девяностом, она не согласилась на аборт. Тогда еще жива была Али-на мама, хотя больна уже была безнадежно. Ну, как здесь рожать? Сама студентка, муж студент, у мамы рак. Вот и загубила дитя. Дура! Кретинка. Прости меня... Прости меня, Господи, простите меня, дети... Рома, Юра, Дима, Марина... Артемка, мои мальчики, мои девочки... простите дуру... Надо было рожать. Надо было...

Аля вдруг вспомнила, как рожала Артемку. Ну, тут все по науке было, все по уму. УЗИ там, все такое. Мальчик. Развитие нормальное. Рожать в мае. И число точное. Ну, все чин по чину. Миша кроватку соорудил. Коляску купили. Пеленки, распашонки, пинетки, шапочки. Малыш желанный. И отцом, и матерью. Рожать решила в областном центре, в роддоме, оборудованном по последнему слову техники. Договорились с машиной, чтобы за день до намеченного срока. А за два дня захотелось ей ночью по нужде. Дошла до туалета и, Боже мой, никак, воды отошли? Миша, Миша, вставай. Неладно что-то. Да и в самом деле отошли. Просто так, ничего особенного. Чувствует себя нормально. Нормально? И тут началось. Ох, как прихватило. Аля чувствует, что вот-вот родит, а что, как, чего? Ой, Господи, помоги! Машина у соседа. Он спит, естественно, ночь ведь. Миша бегом к нему. Тот, слава Богу, трезвый. Выкатил машину. Бензину только до райцентра. Там, кстати, есть родильное отделение. Но Аля уперлась. «Нет!» — кричит. Лучше, мол, пусть в машине родит, только не в районной больнице, где грязь и тараканы. Умрет, говорит, но туда ни ногой, везите в область. Сосед поворчал для приличия, но поехал. Где-то по дороге заправились. А у нее схватки. Кричит. Ой, беда-беда. На въезде в город их гибедедешни-

ки тормознули. Ну, куда без них? Почему, да отчего? А не дыхнуть ли вам в трубочку? А чегось это вы скорость превышаете? А вот чегось! Посмотри, командир, в салон. Мать честная! Роженица. Вот-вот родит. И на их участке!!! Не положено. Живо в роддом. Сзади машина с мигалкой. Хорошо хоть сирену не врубили. Точно бы в салоне родила. А так успели-таки довести. Тютелька в тютельку успели. Только в операционную внесли, и родила.

Аля улыбнулась, вытерла слезы, собрала фотографии. Чего уж там плакать-то? Такова жизнь. Не перевернешь, не перекроишь. Вот только Миши очень не хватает. Очень. И зачем она его в тот вечер отпустила?

После института Миша подался в милицию. А что? Парень крепкий, в армии отслужил, военную кафедру в институте посещал. Умный. Дали лейтенанта, определили в районный отдел уголовного розыска. Заочно устроили на юридический, в областной университет. Живи себе, работай, учись да радуйся. Так нет же. Слишком рьяно взялся молодой специалист за свои обязанности. Такое бывает. Молодой, необтесанный. Это ненадолго, это поправимо. Тут главное — слушать советы старших по возрасту, по должности и по званию. Миша не слушал. Мало того, когда он «закрыл» цыганского барона за содержание притона, за наркоторговлю и хранение оружия, то, встретив этого же барона через два дня уверенно гуляющего по почти принадлежавшему ему районному рынку, Миша попытался вновь арестовать его. Ну, не может такая сволочь свободно разгуливать на свободе. Вор должен сидеть в тюрьме, и Высоцкий здесь ни при чем. В этот же день в сейфе у Миши старшие товарищи «случайно» обнаружили пакетики с героином. Дело, естественно, замяли. Зачем отделу лишние неприятности? Но и барон избежал каких-либо неудобств и недоразумений с законом. Мише вlepили выговор. Работай, парень, исправляйся. Он снова стал работать, все еще уверенный в справедливости ЗАКОНА, с надеждой на честные, чистые руки российских органов. Вышел на одного бандюгана. Тот, кажется, был связан с чеченскими боевиками. Кажется? Ну, точных данных у следствия нет, но вот косвенные улики... При чем здесь косвенные улики? Ты, Михаил, юрист, и знаешь, что правосудие может основываться только и исключительно на твердой доказательной базе. Словом, когда Миша взял этого бандюгана, то на орден, конечно, не рассчитывал, но на новую звездочку к погонам губу раскатал. Слишком прочную эту самую доказательную базу он подвел под своего клиента. Из области даже генерал прикатил на оперативное совещание по этому поводу. Миша сиял, как свеженький орден. Генерал взял слово и... разнес молодого лейтенанта в пух и перья. У бандюгана того такая «крыша» оказалась, что десятки генералам мало не покажется. Так что вместо ордена и звездочки отправили Мишу участковым в родное село. И это он еще легко отделался. Но и здесь лейтенант не образумился. Всюду ему мерещились жулики да ворюги. Ну, воруют. Вот беда. Да кто в нашей стране не ворует? И что, каждого сажать? Так, знаете, мы всю державу превратим в огромную тюрьму, почище ГУЛАГа. Нельзя так. Не демократично. Понимать надо. Миша не понял. Поймал главу сельского округа в лесу. Тот лично руководил погрузкой на грузовики ворованного леса. Кубометров на... да что говорить, на очень много. И кубометров, и денег, и лет в местах отнюдь не курортных. Ордена опять не дали, но дело завели. Реальное, уголовное дело на лейтенанта милиции Михаила Меркулова. Но не стоит думать, что в милиции служат одни толь-

ко трусы и подонки. Нашлись и честные люди. Дело замяли, однако ценой увольнения Миши из славных российских органов. Ну, запил он, конечно, сторяча. Это понятно. Ненадолго. Семью-то кормить надо. Подался в школу. Учителем физкультуры. Взяли. А куда денутся? Школа третий год без физрука. А тут Артемка родился. Учительской зарплаты стало не хватать. Вот и занялся Миша фермерством, с кумом своим на пару. Овец завели, поросят. Ничего вроде бы развернулись, пошло дело. Почти десять лет фермерствовали. Да вот беда, такой земной раек в умирающем селе стал кое-кому глаза мозолить. Прежний сельский глава, ну тот, на кого Миша пытался заводить уголовные дела, прям-таки войну фермерам объявил. Фиг их знает, что тому причиной, а только до пальбы дело доходило, до лесных засад. Кинобоевик, да и только. Миша и в милицию обращался, и в прокуратуру. Требовал, грозил, в Москву обещал написать. А однажды под вечер собрался на дальнюю «fazенду». Чего ему там понадобилось, в сентябре, вечером, теперь уже не узнать. Вроде как встречу ему там кто-то назначал. Но так ли, нет, сказать не беремся. Не хотела, ох, не хотела его отпускать в тот вечер Аля. Чуть не плакала. Чужало сердце беду, наверное. Да и побаивалась она после гибели Артемки оставаться дома одна. Но упрям был муж. Поцеловал жену в макушку, по носу шуточно щелкнул и ушел. Когда на другой день его нашли, живого места на теле не было. Словно некий маньяк кромсал его острым тесаком. Убийцу так и не нашли. Люди разное говорили: бандиты, конкуренты и даже, ну, это уж совсем невероятно, даже сотрудники органов. Но чего гадать-то? Был человек, и нет. Осталась Аля одна. Один на один со своей долей горемычной.

За окном темнело быстро. Декабрь в этом году теплый, бесснежный, словно затяжная осень. Тоскливая, безжалостная. Аля включила телевизор, будто приняла слабую пилюлю от тоски. На одном из каналов, в дурацком ток-шоу, где все говорят одновременно, совершенно не слушая собеседников, актриса, некогда игравшая Красную Шапочку в детском фильме, ругала на чем свет стоит почивший Советский Союз. Как это, дескать, глупые люди хотят обратно в СССР? Это же империя зла, коммунистической диктатуры и кагешного беспредела? Слушала Аля, слушала, и с каждой секундой закипала в ней таившаяся где-то в глубине души горькая обида. Наконец, достигнув точки кипения, выплеснулась наружу рекой слов, из которых добрая половина никогда доселе не числилась в лексиконе учительницы Алевтины Меркуловой.

— Ах ты, коза драная, — кричала она, — шапка хренова! Ты, зацелованная властью, заласканная славой, ты собирала бутылки по лесополосам, искала жратву на помойках, спала на вонючих вокзальных лавках? Что ты знаешь о моем народе, ты, сытая, лощеная? Мой народ не диктатуры хочет, не коммунизма. Ему покой нужен. Ему дети нужны веселые, мужья живые, жены здоровые. Ты понимаешь это? Ты... Где тебе понять, вонючка ты безмозглая?..

Простим Алевтине этот срыв. Наболело. Что вы хотите от несчастной, одинокой женщины, брошенной судьбой в беспросветную пучину безнадеги, коих, как сосен в тайге, не перечесть в славном нашем Отечестве? Пусть выговорится. Пусть. Может, хоть на часок бедняжке полегчает.

За окном совсем стемнело. Выговорившись, выголосившись, опустилась бессильно Аля в кресло, уставилась стеклянными глазами сквозь телеви-

зор. Так сидела некоторое время, пока ушей ее не коснулись еле уловимые слова, сказанные то ли Мишей, то ли мужчиной из далекого кисловодского парка, то ли еще кем-то. Добрым. Справедливым. Любящим:

— Что ты, что ты, земляничка моя, потерпи, солнышко. Все еще будет хорошо. Всё. Ресничка моя. Ресничка...

И стало вдруг Але тепло-тепло, и волна неги и умиления пригладила уставшее ее тельце. И потекли из глаз нескрываемые уже слезы. И плакала она до поздней ночи, как маленькая школьница, всхлипывая, не смахивая слезинок, слегка шевеля обиженными губками. Потерпи, солнышко. Потерпи... Ресничка.

УМЕРЕТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Вместо заключения

Защемило сердце хмельной тоской. Да так, что зубы стиснул беспричинно. Так, что ручки по щекам и губам оскаленным. И было бы отчего. Ах, ты, тоска моя, кручинушка. Древняя, старорусская. Это как в разгар дня солнечного, безмятежного, вдруг услышишь, откуда — Бог весть, из глубины памяти, из того уголочка, что еще хранит вкус материнского молока, вдруг услышишь протяжный, высокий стон-плач народной русской песни. Девушка поет или молодая женщина. Не за себя плачет, за всю нашу матушку Русь. И вот тут-то и защежит, затерзает сердце общая наша тоска-неминучесть. И заплачем, заголосим беззвучно, а порой бесслезно — это-то, последнее, большее всего. Завтра будем с соседом драться за клочок межи, завтра зеленой завистью иззавидуемся братьевьям, успешно приткнувшись к пристани Жизни-реки, завтра украдем что надо и что не надо прихватим, завтра «живьем съедим» лучшего друга и засудим публично за мелкую провинность лучшую подругу. Но это завтра, завтра. А сегодня обнажим оголенные аорты, снимем с них изоляцию равнодушия, и сердцем нагим, точно зубами провода, соединим, пропустив нещадные токи сквозь остатки чистоты наших русских душ. Да так, чтобы побольнее. Так, чтобы без жалости.

Плачь, плачь, душенька. Кручинься, тужи о доле своей беспросветной, о грехах своих бесчисленных. О соседе, у которого обманом отобрал клочок межи; о братике, который в городе еле-еле сводит концы с концами, работая на трех работах сразу; о друге своем горемычном, у которого жена-змея да теща-ведьма; о жене друга — некогда писаной красавице, загубившей молодость в непосильных деревенских трудах; о теще друга — веселой прежде девахе, потерявшей дар веселья под побоями мужа и судьбы. Плачь, сердечко. О людях русских, скованных стальными цепями вечного одиночества, беспробудного пьянства, забывших или не знавших слов ласковых, потерявших таланты, Богом данные, в бездонной пропасти ненужности и неостребованности. Плачь, человек о человеках; плачь об утерянном подобию Божиим. Об этих мертвецах, глупо уверовавших, что они еще живы. Нет. Не живы они. Давно погибли. Убиты в ежедневных житейских суетах. Так обыденно просто убиты, даже не заметив этого. Не заметив сводящую с ума, безжалостную косу вечной войны, раскrojившей внезапно, в очередном своем взмахе, подававшие надежды их светлые души. Словно кто-то незримый, важный, почти главный отдал им беззвучный приказ: быть уби-

тыми, и они, не слыша этого приказа, буднично и добровольно исполнили его. А места в строю погибших заняли их тени. Каждой из этих теней рано или поздно придет срок исчезнуть под могильной твердью земли, но разве это имеет значение для теней? Если люди, чистые, добрые, искренние, талантливые, умеющие любить, давно убиты? Так просто. Банально. И как всегда отряд еще оставшихся до поры в живых не заметил потери бойцов. Не заметил. И лишь только сердце пытающихся выжить редко, но вспыхнет вдруг неизъяснимым факелом тоски — слабым напоминанием о возможности жить. Господи, пусть же чаще болит и сжимается мое сердце болью слабого прозрения и остатков любви. Э-хе-хе...

Герои этой повести вовсе не герои. Это обычные люди. Они не бросались на амбразуры фашистских пулеметов, медленно расстреливаемые компьютерными пулеметами офисных будней. Они не прикрывали отход разведгруппы, преследуемой чеченскими бандитами. Зачем? Устав сражаться в одиночку, они давно уже подорвали себя последней гранатой затяжных запоев. Они не смеялись в лица палачам, срывавшим с них живых кожу, за молчание под пытками. Их самих предали изначально власти и командиры, законы и реформы, законники и реформаторы. Они живут среди нас. Живут и медленно погибают. От одиночества, от безысходности, от предательств, от равнодушия. Ах, Ты, Боже мой, не они первые, и последние не они. Все мы, явившись в этот мир, должны пройти через череду смертей, чтобы на высшем, последнем уровне личной жизненной игры обрести, наконец, в качестве суперприза свою собственную смерть. Иными словами, мы живем, чтобы умереть. Смерть не обманешь, не подкупишь, не перепродашь. Она твоя и только твоя. Слепа, скупа и внезапна. А все равно жалко людей. Жалко. Особенно тех, кто умер, будучи живым, так и не познав истинную цену смерти. Ибо смерть неосознанная — это всего лишь смерть. Как жаль, что, не осознав цену жизни и смерти, наши герои не обрели бессмертия, не сумели умереть, чтобы жить. Как это? Ну, я не знаю. Догадываюсь только. Читал что-то, слышал. Я ведь тоже обычный человек. Один из многих, кому кто-то, почти главный, приказал когда-то погибнуть, стать тенью. И я выполняю этот приказ. Но все-таки... Несколько секундочек, несколько драгоценных мгновений осталось и у меня на невыполнение строгого смертного приказа. Воспользуюсь ли? Успею ли? Смогу ли? Господи, дай мне силы...

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ДЕЛЯНКА РЫЖИКОВ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

После июльских дождей, пронизанных солнечными лучами, наполненных теплом, пошли грибы... Они друг за другом повылезали из своих моховых норок, как будто услышали зов небес, сообщавших, что пришла грибная пора, что самое время явить людям чудеса земли. Да и как ей не похвастаться, как не полюбоваться своим детищем: нелегкий для природы труд вынянчить, вырастить, сбегать от непогод такое чудо как гриб. Поньше идут споры о таинственной сущности этих удивительных то ли растений, то ли существ. Лес, обнищавший мягкими лапами деревьев деревню, притаившуюся на опушке, превратился прямо-таки в «золотую» кладовую.

Мишка каждое утро уходил за грибами, словно на работу. С вечера заготавливает закусочку — складывает рядком: хлеб, огурец, яйцо, лук, маленькую солонку, бережно насыпает в нее щепотку соли. Утром наливает в бутылку, не проливая ни капельки, молоко из холодного погреба и с первыми солнечными лучами отправляется в лес. Около просеки его уже ждут друзья-приятельники, закинув турсуки¹ за спину, мальчишки, поеживаясь от утреннего холодка, как в воды степенной реки входят в лес. Лес чистенький, нет ни завалов, ни корневищ, весь валежник убран и свезен на дрова.

Птицы гулко распевают свои еще по-летнему оптимистичные песни, как будто радуются, что утренний дождик их умыл, и они горлышки прочистили.

В первые дни ребята собирали все: в турсуках теснились маслята, волнушки, подберезовики. Но это грибы для жарехи. В начале августа стали встречаться величавые белые,

¹ Турсук (вост. Сиб.) — берестяной кузов по грибы, по ягоды.

пугливые грузди, облепленные для маскировки палыми листьями, акварельные рыжики. Грибам этим цены не было, в каждом деревенском доме их запасали на зиму — на праздник и на «черный» день.

— Рыжики и грузди, соленые огурчики и квашенная капуста, да если урожай на картошку получится, значит, доживем до весны, — сладко, с радостной улыбкой, говорила мама.

Мишка за грибами ходил с палочкой. Он выбирал ее в лесу, ошкуривал острым ножом-складнем. Это была не подпорка, а народный грибоискатель, дополнительный глаз, третья рука. Пред каждой кучкой выпуклого мха не надо было нагибаться. Увидел под кустиком кочку, разрыл ее палочкой, вот и гриб открылся. Тогда уж и на колени встать не зазорно, срезать бережно, с любовью положить в турсук. А грузди хитрые грибы, растут семьями, нашел одного, ищи — вокруг, всегда найдешь еще с десяток: здесь палочка незаменимая помощница.

Когда грузди и рыжики укоренились, когда разрослись их дружные семьи, в лес на заготовки пошли взрослые сельчане. Некоторые всем домом отправлялись на грибную охоту. Турсуки за спинами, ведра в руках. Пустела «золотая» кладовая после таких походов, затихал лес, глядя на вывороченный мох, на грибные очистки, оставленные ловкими грибниками. Обиженно меркла красота.

В такое время Мишка, исхаживавший километры, возвращался домой уставший, а грибов — только дно турсука едва закрыто.

В один из вечеров он горько жаловался матери:

— Как Мамай по лесу прошел, все вытоптали и выломали вместе с грибницами. Кажется, все грибы закончились, а у нас в кадушке чуть-чуть засолено.

— Ох, ты мой помощничек, — мать ласково пригладила вихри на Мишкиной голове.

Он вывернул голову из маминых ласк и, насупив брови, по-взрослому сказал:

— Мама, какие уж тут нежности, заготовка идет на зиму, а у меня ничего не получается, вот у Анисимовых уже десятиведерная кадушка засолена.

Мать рассмеялась, он с удивлением посмотрел на нее, не понимая причину радости.

— Ты уж прости меня, Мишенька, это я радуюсь, что ты у меня такой хозяйственный, ответственный. Не забывай, что у Анисимовых семья двенадцать человек, потому и заготавливать надо больше.

— Да они, мама, всей семьей ходят. Идут по лесу цепью, ни одного гриба не пропускают.

— Им семьей ходить можно, есть время. Отец милиционером работает, мать по дому с детьми, колхозными делами не заморачивается, да и ртов полон дом, такую ораву прокормить много чего надо.

— Не только они ходят, уже в лесу до кулиги и малой речки все чисто.

Мать с сыном замолчали, оценивая каждый по-своему сложившуюся ситуацию.

— Знаешь, Миша, я постараюсь договориться, чтобы меня Марья подстраховала с вечерней дойкой, и пойдем в воскресенье мы с тобой за грибами, — вдруг решительно сказала мать.

- Правда что ли, мама? — воскликнул обрадованный Мишка
- Правда, правда. И пойдем мы далеко, за Малую речку, к Рассохе.
- Вот здорово! — у Мишки даже слезы радости брызнули из глаз.
- Здорово, конечно, и мне хочется по лесу побродить.

После утренней дойки, в воскресенье, Мишка с матерью пошли за грибами. Турсуки за спинами, позвякивает походный котелок, привязанный к Мишкиным вещам, это для того чтобы чайку вскипятить. Еда тоже обычная, походная. До Кулиги в лес не заходили, шли по дороге, вдоль поля. День обещал быть солнечным, погода обнадеживала. Дорога была податливой, мечты — легкими, как облака, заботливо сопровождавшие путников в далекие края. Мишка заметил, как много стало желтых листочков на берегах, но от этого наблюдения грустно ему не сделалось. Шли долго, молча, вкушая как дивный напиток сложный, насыщенный как чай, аромат еще благоухающих трав.

У Кулиги передохнули, место для отдыха было приготовлено заботливыми первопроходцами давно: напиленные чурбаки, сколоченный стол, кострище.

Вокруг, защищая это место от ветра, столпились могучие, закаленные в невзгодах, самоотверженные ели. Под ними притаились ольховые кусты, обступая и оберегая еще не созревший брусничник. Наливающиеся соком цвета зари ягодки, как малыши, нежились на подушечках их изумрудного мха. Как, откуда они набирают ту жизненную силу, которую потом жертвенно отдадут людям?

Справа угрожающе выступили на опушку особо высокие сосны, как будто предупреждали людей: мы даруем вам свои богатства, и вы будьте милостивы к природе. И, казалось, вторило им огромное вспаханное поле, показывающее изнанку великой картины природы, непостижимую в своей щедрости плоть земли. Поле обрывалось крутым угором, и уже у другого берега виднелась светлая гладь реки.

А за полем, за рекой, сказочной горой высилась Качинская сопка с примыкающим к ней волшебным Шальновским хребтом. Они были, казалось, театральным занавесом солнечной сказки, за который в конце дня уходит уставшее солнце. И они же, вернее их тень, становилась тем таинственным серо-синим покровом, который летней ночью укрывал все окрест на недолгие часы отдохновения.

Мишка, мечтательно глядя на сопку, спросил:

- Мама, а ты была на вершине?
- На какой вершине?
- На Качинской сопке.
- Чего я там забыла-то, — безразлично ответила мать.
- Как чего, оттуда все видно.
- Она высокая, конечно, видно.
- Вот перейду в седьмой класс, пойду в поход на вершину.
- А что, раньше не берут?
- Не берут.
- Ну тогда вставай, нам немного осталось идти, с километр, пожалуй.

Мишка вскочил, неловко забрасывая турсук за спину.

— Сынок, ты не гонись, все надо делать без спеха, — поправляя лямки на спине сына, напутствовала мать.

— Мама, как же без спеха, уже солнце поднялось эвон куда.

Они вышли на неширокую дорогу, утоптанную скотом, ведущую вдоль изгороди, отделявшей сосновый бор от колхозных полей.

За Кулигой, ближе к болоту, колючей стеной стоял ельник. Однако мать не пошла к нему.

— Пойдем, Миша, дальше, перейдем Малую речку, а там моя делянка есть.

— Какая делянка, мама?

— Самая настоящая.

— Ты что, там грибы садила?

— Грибы не садила, но каждый раз, когда я бываю там, всегда набираю и грибов, и ягод.

— А я почему ее не знаю?

— Давненько не была там. Последний раз лет пять назад сюда заходила.

— Да, тогда я еще в детсад ходил.

— Да, да, под стол помещался во весь рост, — светло усмехнулась мать.

— Мама, а кто про эту делянку знает?

— Кто. Отец знал, твои сестрички знали, бегали сюда, пока замуж не вышли и не уехали.

— А деревенские?

— Ну откуда мне знать. Да и таблички на том месте нет, что она наша и другим вход запрещен. Кто наткнется, тот и соберет урожай.

— Да, может кто-то уже побывал, — печально произнес Мишка.

— Не горюй, сынок, всем хватит, место хорошее, урожайное.

Мать с сыном аккуратно прошли по деревянному мосточку через речку, что бурлила полноводным потоком, неся свою темную, будто газированную, водицу к большой реке.

— Эка как от дождей Малую разнесло, на лодке можно плыть, — с интонацией бывалого моряка сказал Мишка. — В июне сюда коров с Женькой-кондитером гоняли, перепрыгнуть можно было.

— В воде тaitся сила огромная, любую гору свернет, даже свет из нее можно высечь, — восторженно произнесла мать, явно любящая рекой. — Посмотри, Миш, вода-то какая черная, видимо, болото переполнилось.

— Наверное, мама.

Они прошли еще немного, и мать резко, словно что-то вспомнив, остановилась у поваленного дерева. Ветер вывернул его с корнями давно, кора его уже покрылась слоем мха. Вблизи корневища тонкой ладонью мать бережно расчистила от мха небольшую поверхность, и Мишка увидел буквы «А + К».

— О, здорово, какая древность! — воскликнул он. — А кто эти «А и К»?

— Догадайся.

— Мама, это ты ведь. «А» — это Анна. А «К», неужели, отец?

— Видишь, как быстро догадался. Да, это отец вырезал, тебя еще на белом свете не было. Действительно, древность, — то ли с сожалением, то ли с обидой на жизнь дрогнувшим голосом согласилась Анна.

Наступила звенящая тишина, Мишка даже оглянулся. В упор на него смотрели молодые березки, тоненькие с маленькими листочками на редких ветвях. И островерхие темно-зеленые ели, и лиственницы с яркой хвоей фишашкового цвета — все, казалось Мишке, смотрели на него, словно жда-

ли от него трудового подвига. Будто лес хотел расстаться со своими богатствами, но отдать хотел их душе юной, неалчной, осененной материнской и отцовской любовью.

— Ну-ка, подожди немного, Миша, — нарушила тишину мама, — попробую найти палки, у корневища во мху в последний раз оставляла. Вот же они, здесь. Никто не тронул, — по детски обрадовалась Анна.

Она бережно вытащила палку, поросшую мхом.

— Сгнила, наверное, мама?

— Сейчас узнаем, — бодро ответила Анна, ударив палкой о ствол высокого дерева. Палка переломилась.

— Сгнила, еще бы не сгнить, время-то сколько прошло. Найди две палочки посуше, полегче чтобы были.

Мишка хотел выполнить задание наилучшим образом. Поэтому он стал искать не у тропы, а зашел в березняк, дошел до ельника. Плотные ветки взбросенных, неопрятных елей не пропускали солнечные лучи, и у земли было прохладно и сумрачно.

Срезав верхушки у двух засохших елочек, он вернулся к матери. Очищая палки от сучков и мшистой коры, спросил:

— А где мы заходить будем и куда пойдем?

— Здесь и зайдем, в этом еловом лесу ходить будем, и обратно домой отсюда пойдем.

— Собирать все грибы будем или только рыжики и грузди?

— Вот зайдем в ельник, там должны нас ждать рыжики, но уж если их не встретим, тогда все подметать станем. Так как ходить будем поблизости, давай котелочек свой, я туда еду положу, припрячу вот здесь у нашего дерева. Чтобы тяжесть не изнуряла.

— Нет, мама, давай я все-таки котелок с едой с собой возьму. А то ведь собака может пробежать, а то и лиса, съедят наши припасы и нам ничего не оставят.

— Как хочешь, Миша. Бери, носи, я ведь не против, устанешь, помогу.

— А я его на поясок к себе приспособлю. И плеч не потянет, и не тяжело будет.

Мишка стал привязывать котелок, привязав, подергал, проверяя прочность.

— Ой, мама, — вдруг закричал он.

— Что такое сынок? — испугалась Анна.

— Авария! У меня резинка у трусов лопнула.

— Шнур у меня есть, сейчас поправлю твою аварию, скидывай свои трусы, — заулыбавшись, ободрила сына мать.

Она выдернула порванную резинку, потянула ее, она опять оборвалась.

— Да, отжила свое резиночка, ну ничего, я сейчас шнурочек туда вдену.

— Вот теперь нормально, — она еще раз проверила выполненную работу. — До дома доживешь, а там новую резинку вденем. Смотри, если туговато, ослабь, все равно штанами все прикрыто.

— Нормально, мама, пошли в лес, а то день закончится.

— Хорошо, сынок, пойдем.

Анна блаженно вздохнула, огляделась кругом, запрокинув голову, залюбавалась родными местами. Подергала за лапку ель, как старую знакомую. Обняла тоненькую березку, прижалась щекой к ее шелковой коже. Постояла словно в забыты.

Мишка первым пошагал в лес. Анна его догоняла.

В цепкий ельник они вошли вместе. Ковер мха пружинил под ногами, идти было трудно. Даже в середине лета почва в этом полусонном царстве прогревалась по-разному. И поэтому воздух слоился: в одном месте был теплым, а два-три шага в сторону — становился холодным.

— Это твоя делянка? — неодобрительно спросил Мишка, показывая матери на связанные густой паутиной ели.

— Потерпи, сынок, сейчас она откроется. Ведь рыжик тепло любит, хорошо растет в молодом соснячке, да мох ему подавай.

Грибники прошли словно через плотный заплот, состоящий из ельника, и перед ними открылась поляна, заросшая невысокими задорно кучерявыми сосенками. Анна подошла к одной из сосенок, обняла ее и поцеловала золотистый смолянистый ствол.

— Ну, милая, выросла-то как! Уж меня выше стала. Здравствуй, родная, вот и встретились. Я не одна, с сыном к тебе пришла в гости.

— Мама, ты чего это, уж и с соснами разговариваешь? — удивленно и сочувственно спросил Мишка.

— Да, родной, она все слышит и понимает.

— Мама, — неодобрительно вздохнул Мишка. — Ну как сосна может понимать? — уже с иронией парировал он.

— Так же как и ты, родной мой, — невозмутимо ответила Анна и замолчала. Только рукой взмахнула.

Семейки рыжиков, которых было здесь, как в сказке, видимо-невидимо, расположились в подножиях сосен, разместились на моховых подушечках, приютились на маленьких освещенных лужайках. В солнечных лучах они, влажные, радужно искрились, не скрывая своей красоты, нежились в объятиях теплого дня.

Мишка не показал своего восхищения, как маленький мужичок он деловито поставил турсук на землю, вытащил из него складешок и наклонился к первому грибу, ярко оранжевому с пятнистой шляпкой.

— Миша, я прошу тебя, большие рыжики не срезай, выбирай молодые грибочки. Большие — старые и обычно червивые, а молодые солятся хорошо. Они очень вкусные, — облизнув губы, проговорила мать. — Да с волнушками не перепутай.

— Мама, я что, впервые грибы ломаю, — важно ответил сын и нетерпеливо набросился на добычу. У него дух захватывало от радости, что здесь, на маминой делянке, столько золотых рыжиков. Как будто чья-то неведомая рука насыпала их здесь для них, двоих, для матери и сына, беззащитных, заброшенных судьбой в таежные края двух бедных, но несказанно богатых любовью к миру и природе людей.

Мишкины глаза уже мастерски высматривали белесый мох, находили едва заметный бугорок. Палочкой расширял он прикрытие, аккуратно помогал пальцами, и вот дар — семейка маленьких рыжиков.

Но волнушки отвлекали его взгляд, уж больно были хороши: лилейно-розовые, с загнутой к низу кисейной бахромой. Настоящие лесные балеринки. Они являли свою красоту миру, они требовали восхищения и не прятались как рыжики.

— Миша, не бегай по делянке, а то, неровен час, потопчешь грибы. Ходить надо аккуратно, они тут на каждом шагу.

— Хорошо, мама, хорошо, я и так уже боюсь наступать, рыжиков тут мерено-немерено. Вот, смотрю, только они какие-то разные встречаются.

— Как так, разные?

— Вот, на, посмотри.

Мать остановилась, подошла к сыну, заглянула в его корзинку.

— Да, вижу. Это рыжик еловый, поэтому покрывается зелеными пятнами. Место среза тоже быстро становится зеленым.

— Зелень на грибе, это плохо, мама?

— Плохо, но только не у рыжика. Твой отец говорил, что это сок, в котором медь содержится, поэтому он зеленеет на воздухе.

— Медь? Откуда она там?

— Я не знаю, Миша, — ответила Анна таким тоном, как будто знала и об этом, и обо всем том, о чем и говорить нельзя.

Не успело солнце подняться над горизонтом, а оба турсука уже были полнешеньки отборных рыжиков. День расщедрился на тепло, и Мишка в утепленной куртке разжарился и вспотел.

— Мама, я сниму куртку?

— Да, действительно, жарко стало. Сними сынок, подойди ко мне, я заправлю рубашку в штаны.

— Мама, а давай наберем рыжиков в котелок и в куртку?

Мать рассмеялась.

— Хозяин ты мой родной. Но не надо жадничать. Это бы добро донести. Ведь у меня турсук трехведерный, а у тебя два ведра за плечами будет. Даст Бог, еще придем сюда.

— А вдруг другие все соберут до того, как вернемся еще раз.

— Не жалей и не жадничай, родненька. Каждому человеку свое отмерено: ни больше и ни меньше урвать ему не удастся. Как будто Кто-то нам всем отмеряет по нашим добродетелям. Ты у меня добрый мальчик, вот тебе и достался сегодня завидный дар. Радуйся, благодари природу. Пойдем лучше к реке, отдохнем, чай вскипятим, поедим и поторопимся домой.

С тяжелой, но не тянущей поклажей мать и сын пошли к реке.

Река открылась им так же неожиданно, как недавно раздолье рыжиков. Широкий и вольный поток плавно нес громаду воды. Берег круто обрывался, и они не сразу нашли спуск. Расположились на небольшой песчаной отмели. Это отмель мыском входила в реку. Оказавшись в окружении густого ивняка и прибрежной осоки, они следили за тем, чтобы не зацепиться и не уколоться.

На их счастье, на отмели остались следы от костра с куском сухой березовой коры, а главное, таганок стоял в целости и сохранности.

— Видишь, как удачно. Да что нам с тобой еще надо для полного счастья, сынок?

— Костер развести и чайник вскипятить, — взволнованный радостью удачной грибной охоты закричал Мишка.

— Ну-ка поищи сухих хворостин, пару штук хватит, мы ведь не целый котелок кипятить будем.

Сухие сучья загорелись сразу. Мать набрала в котелок воды, нацепила его на закопченную березовую рогульку. Не торопясь, нарезала хлеб, достала припасы, разложила их на белоснежном вафельном полотенце, которое каким-то чудом оказался у нее. В это время вода в котелке закипела, Анна

заправила ее смородиновыми листьями, которые сорвала по дороге, и прикрыла Мишкиной курткой.

Сын восхищенно смотрел на свою мать, как на волшебницу.

— Что, есть захотел?— заметив его взгляд, с улыбкой спросила она. — Сейчас, сынок, все будет готово, а ты яйца начинай чистить, да посолить не забудь, соль не экономь, мы сегодня заслужили вкусный обед.

Еда закончилась быстро. Остался только чай. Мать медленно, явно наслаждаясь, маленькими глоточками пила этот мало похожий на настоящий чай напиток, но пила его с таким удовольствием, с такой изысканной грацией, что казалось, это был заморский сказочный шербет. Мишке пить чай впустую не хотелось. Полюбовавшись матерью, он встал, сняв ичиги¹, подошел к воде. Вода лизала песчаный берег и его усталые ноги, она была на диво теплой, даже не верилось, что это вода той самой реки, необузданной мощью которой они недавно восхищались.

— Мама, можно я искупаюсь?

— Да берег уж больно не ласков, да и река в этом месте незнакомая.

— Чего ее знать, река это ведь вода. А вода — это жизнь, — пофилософствовал молодой человек.

— Не скажи, Миша. Река — это и путь, и труд, и даже смерть, — поправила его мать.

— Я ведь плавать не буду, здесь окунусь и все.

— Здесь на моих глазах можно, Миша.

— Я же не маленький, с ребятами эту же реку у нашей деревни переплывали.

— Это с ребятами. Будь осторожен.

Мишка, кивнув, побрел, выискивая место поглубже. Песок под ногами был зыбучий, поставишь ногу, а подводный песчаный вихрь осаживает ее, засыпает и приподнять для следующего шага уже тяжело.

Мишка опрокинулся на спинку, подгребая руками и чуть отталкиваясь ногами. Небеса поглотили его взгляд, заморозили медленно плывущие облака, убаюкали птицы, щебечущие в прибрежном ивняке, укачала теплое течение. Время остановилось. Вдруг Мишка очнулся от осознания того, что мыска, где осталась мать, не видно. Он попытался плыть к берегу, течение не позволяет — сносит на глубину, Мишка понимает, что оно сильнее его. Попытался встать на ноги, а дна — не достать.

Страшно не было, просто не верилось, что в это прекрасный день случилось что-то плохое. Больше всего Мишку беспокоила мысль, что будет ругаться мама. Мысль о матери наполнила глаза слезами.

Мальчик вновь попытался достать до дна, надеясь, оттолкнувшись, получить импульс, но не получилось. К его ужасу он зацепился за что-то шнурком, заменившим порванную резинку. Мишка попытался оторваться, стал дергаться во все стороны, но кроме потери сил, ни к чему это не привело. Он пытался освободиться от зацепа, шаря за спиной руками, но при этом сразу уходил под воду. Паника охватила его, к нему пришла мысль, что он сейчас утонет. Ничего не соображая, Мишка наглotalся воды и уже смирился с неизбежным. Он пытался кричать, но вздохнул, и крика не

¹ Ичиги — вид легкой обуви, имеющей форму сапог с мягким носком и внутренним жестким задником.

получилось. Что-то тянуло его вниз, оно двигалось вместе с Мишкой, но отцепиться от него не хотело.

При очередном выныривании мальчик с криком выдохнул остаток воздуха, жалобный крик пронесся над водой.

— Мама-а-а-а!!! — и вновь ушел под воду, глотая ее в немереных количествах.

Мать, обеспокоенная длительным отсутствием сына, подошла к воде, чтобы посмотреть, где он находится. В это время она не то чтобы услышала, скорее, уловила, почувствовала сердцем вялый крик, похожий на стон.

Она бросилась в воду мгновенно. Наткнувшись подошвой на острый камень, распорола ногу. Не обращая внимания на боль, пронзившую все ее тело, с криком, в несколько гребков, Анна оказалась рядом с сыном, терявшим последние силы. Вода стала заполнять его легкие, и он медленно и безвольно погружался на дно.

Мать нырнула, не столько разглядела, сколько нащупала Мишкино тело, крепко схватив его за волосы, потащила наверх. Однако сил вытащить на поверхность у нее не хватило. Обхватив одной рукой за плечи, она изо всех сил рванулась наверх вместе с ним, тут же почувствовала, что какая-то сила удерживает сына и не дает им подняться наверх. Еще раз нырнув, Анна с ужасом увидела, корявую озлившуюся ветку дерева, зацепившуюся как крючком за шнурок трусов сына. Топляк — промелькнула в голове матери. Собрав последние силы, почувствовав внутри себя великую яростную силу, она, поднырнув под сына так, что он оказался у нее на плечах, делая невероятные усилия руками и ногами, потащила его вместе с тяжелым прицепом на себе. Ноги ее путались в ветках топляка, исцарапавших их до крови. На ее счастье, омут был небольшой, и через минуту она оперлась ногами о твердое дно.

Отцепив сына от зловещего дерева, с трудом дотащив мальчика до берега, Анна стала делать то, что, когда-то видела, делают с утопленниками. Видеть одно, сделать самой труднее. Она согнула тело сына, околотив его по спине, потом, повернув его себе, стала нажимать на грудную клетку. Скоро с радостью увидела, как изо рта у того пошла вода. Мокрым подолом платья оттерла лицо сына от тины. Мишка зашевелился, у него появилось дыхание, приоткрылись веки.

Но Анну силы покидали, ноги не держали, она упала на колени, но нашла в себе волю подняться, когда заметила, что у сына появились рвотные спазмы и кашель. Бледная, изможденная, с окровавленными ногами, в мокром дешевом ситцевом платье, мать, когда сын посмотрел осмысленным взглядом вокруг себя, упала на траву и завывала.

Завывала громко, прикусив треснувшие губы. Завывала то ли от боли, то ли от горькой мысли, что еще минуту назад могла потерять своего единственного сыночка.

Этот вой был похож на звериный, он, прорезая солнечно-воздушный стужок августовского дня, пронесся над ивняком и осокой и слился с водами реки.

Мишка не понимал, что случилось, у него текли слезы и сопли, он еще плохо видел и слабо соображал. Встав на колени перед матерью, всем телом он прижался к ней, вдыхал ее родной запах и шептал.

— Мама, мама, мама, мамочка...

И снова плакал.

С крутого берега бесстрастные сосны и березы с высоты своего положения безучастно наблюдали человеческую трагедию. И только юные березки, под ветром склоняясь друг к другу, перешептывались, дивясь увиденному.

А свидетели — облака поспешно покидали это место, улетали, подгоняемые небесными потоками. Да и чем они могли бы помочь? Только человек сильнее смерти. Только материнская любовь может поспорить и с мощью непреерекаемой реки, и с бесовской силой коряги-топляка, и с неотвратимостью судьбы.

ВЫШЛА КНИГА

Хайрюзов В. Н.

Истории таежного аэродрома. — М.: Щербинская типография, 2017. — 64 с.

В книге известного сибирского летчика и писателя Валерия Хайрюзова «Истории таежного аэродрома» собраны рассказы для детей, написанные в разные годы. Некоторые из них он записал в то время, когда мир маленьких северных аэродромов был так же привычен для него, как класс для школьного учителя. Как учитель каждый день рассказывает о чем-то своим ученикам, так и писатель делится со своими маленькими читателями тем, что видел сам и слышал от своих старших друзей, которые частенько рассказывали друг другу необычные случаи из их лётной жизни.

По большей части это рассказы о братьях наших меньших, о той нити, что связывает их с людьми. Валерий Хайрюзов рисует портреты своих четвероногих героев — будь то собака, медведь или лошадь — в теплых тонах, по-доброму рассказывая о них. Он уверен, что судить о людях можно по их отношению к животным — той части окружающего мира, которая способна еще многому нас научить.

ПОЭЗИЯ

**Владимир
ПОДЛУЗСКИЙ**

«ПАХНУТ УТРЕННИКИ ЛАДАНОМ И ПРОЩАНИЕМ РЯБИН»

Владимир Всеволодович Подлузский — родился в с. Рохманово Брянской обл. в 1953 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западную академию гос. службы и управления, Брянский сельхозинститут. По образованию журналист, менеджер и агроном. Печатается с пятнадцати лет. Автор нескольких книг стихотворений и поэм, лауреат литературной Национальной премии «Щит и меч Отечества»). Член Союза писателей и Союза журналистов России. **Живет в Сыктывкаре.**

ЛАДАН

В этом мире неразгаданном,
Дух смущая до глубин,
Пахнут утренники ладаном
И прощанием рябин.

Не пойму, чего с Успения
Больше думаю про рок.
Может быть, от песнопения,
Что приносит ветерок.

Мама в царствии невиданном;
Я — без изгороди куст.
В храме вместе с панихидами
Заказал сорокоуст.

До чего же там ритмичная
Стихотворная стопа.
Август, жнивень с рукавичками,
Ставит душу «на попа».

Вновь без имени, без отчества;
Сирота в седых годах.
Привкус горький одиночества,
Как рябина, на губах.

В этом мире, на дом заданном,
От купели до седин.
Пахнут утренники ладаном
И прощанием рябин.

ПОКРОВ

Утро синее крупую
Сыплет щедро из горсти.
Перед белою толпою
Просветленные пути.

Ходят люди; ходят тати
Мимо собственной беды.
Нежеланные печати,
Рыжеватые следы.

А порошу крестят пальцы
Листьев красных октября.
Я молчу, стихи на пятаках
Вышиваю про себя.

Не разломанное слово,
Как кулич в канун святой.
Синь свинцовая Покрова
Над мирскую суетой.

ИВАНОВЫ

Николаю Федоровичу Иванову

Мы не стары, мы не новы,
Мы такие, как всегда.
Ивановы, Ивановы,
Золотая череда.

По дымящейся державе
Колокольни, бубенцы.
Прихожане, каторжане
И великие бойцы.

Куль зерна и горсть половы,
Пару слез и громкий смех.
Ивановы, Ивановы,
Выпить к празднику не грех.

Мы народ, а не прослойка,
Душу русским не трави.

Как и прежде, мчится тройка
Вдоль нескошенной травы.

Через синие дубровы
И певучий белый свет
Ивановы, Ивановы
Едут к Богу на обед.

Вы к ним под руку не суйтесь
С кучей скучных заморок.
Коль живете, будто все,
Бесам выплатив оброк.

Будьте же вовек здоровы
Средь печалей и страстей.
Ивановы, Ивановы,
Цвет божественных гостей.

РУССКИЙ ДУХ

Идем туда, куда не знаем,
И ищем то, не зная что.
Мы душу вечную терзаем,
Как будто старое пальто.
Хватаем все, что перегрелось,
И тут же дуем сгоряча.
К чему испытываем верность,
То рубим радостно плеча.
Как переполнены восторгом,
Так им же и охлаждены.
Меж Западом и меж Востоком
Живем войною без войны.

Мы не гордимся перевесом,
От недовеса не грустим.
И по ветру все беды лесом
Пускаем, коли захотим.
От нас с ума сойдут цыганки:
Шли к океану, вышли в Крым.
Сидим, смолим себе сигарки
И вновь о вечном говорим.
Идем туда, куда не знаем,
Клубком ведет нас русский дух.
И сами мы не понимаем —
Как получается все вдруг.

ШКОЛА

Гора, как шлем, над ликом дола,
Лука зеленая Стечны,
И под железом красным школа,
Моя владычица весны.

У старомодного штакета,
В охалку взявшего сирень,
Блестит, как хром велосипеда,
Громами вынынченный день.

Заросший парк и сад хрустящий,
И любопытный огород,

Из-за угла на нас глядящий,
Разинув тыквою свой рот.

А мы такие непоседы,
Еще от счастья без ума,
Хватаем стоптанные кеды
И золотистые тома.

Мир перевариваем рьяно,
Как будто мамины блины.
Таится в зарослях бурьяна
Предощущенье глубины.

Гора, как шлем, над ликом дола,
Пред входом кружка и титан.

И по Стечне родная школа
Плывет владычицею стран.

ГРЯДУЩИЙ ЦАРЬ

Воркуют голуби, трещат сороки,
Орлы вздымают к небу якоря.
Подходят заповеданные сроки
Явления Грядущего Царя.

Как глупая детинка, настрадалась
От мудрости и от упрямства Русь.
Не мог всего предвидеть Нострадамус,
Не мог по-русски думать Златоуст.

Историю Отечества сжигали
По грозному велению Петра.
И сами от себя же убежали
С намоленного нашего двора.

Потом казаки налетали с Дона,
В бунт ударялся гавкающий сброд.

Зачем царя мы сталкивали с трона,
А заодно и собственный народ.

Откуда истекла неразумность
И вера в негодяев и воров.
Впадая в детство и немного в юность,
Не отбоярились от их даров.

Теперь уже, как сонные тетери,
Зевая власть, пытаемся мудрить.
Со скрипом в свет распахиваем двери,
Встречая тех, кому и должно быть.

И в состоянии анабиоза
Мы до сих пор стоим у алтаря
И понимаем — рано или поздно
Все ж призовем Грядущего Царя.

ВЫШАА КНИГА

Следствие продолжается...: Кн. двенадцатая / сост. В. В. Егерев. — СПб.: Первый класс, 2018. — 440 с.

Двенадцатая книга сборника продолжает рассказывать о деятельности следственного подразделения УКГБ СССР по Ленинградской области — УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Очерки и воспоминания сотрудников следственного подразделения дополняют документы, публикуемые впервые.

всю глубину наитий,
всплески моих сомнений,
всполохи откровений,
чувственную усладу,

горечь, любовь, досаду —
все, до последней строчки,
до запятой, до точки.

Если оно Вам надо...

ЧУДНÁЯ ПТИЦА

Из наших споров и баталий
навряд ли истина родится,
но вновь летит в святые дали
поэзия — чуднáя птица.

В нее давно палят дуплетом,
картечью мнений и сомнений,
но где-то, волею поэтов,
живут Татьяна и Евгений,

белеет парус над волнами,
жираф изысканный пасется,
и скиф раскосыми глазами
глядит на северное солнце...

Блаженны русские поэты
прошедших дней и дней грядущих,
те, кто поэмой и сонетом
врачует раненые души...

ЧЕРНЫЙ ВИР

Деревня Черный Вир располагалась в Карамышевском районе Псковского округа Ленинградской области, ныне — Карамышевская сельская волость Псковского района Псковской области. Деревня уничтожена карателями в 1943 году, теперь там урочище. В книге Павла Лукницкого «Ленинград действует...» читаем: «В деревне Черный Вир расстреляли часть жителей и деревню сожгли». Впрочем, я слышал от своей бабушки несколько иную историю.

Деревни Черный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Здесь в сорок третьем
зверствовал СС —
Не немцы, а эстонские солдаты,
Их бабушка моя звала — «кураты»...

Она, сбежав с детьми в дремучий лес,
Сама спаслась и деток сохранила.
Но сколь потом жила — не позабыла
Расстрельный год, и пережитый ад,
И страшное ругательство — «курат».

Те, кто остался, выжить не смогли.
Горел овин, обложенный соломой,
В нем, под напев
пластинки граммофонной,
Детей и женщин заживо сожгли.

А после — расстреляли мужиков,
Почти ополоумевших от горя,
Не чувствующих холода и боли
И поседевших в несколько часов.

Деревни Черный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Деревни Черный Вир на карте нет...

В ЗИМНЕЙ СКАЗКЕ

В зимней сказке, заснежено-белой,
Тихо, мирно, светло и уютно,
У камина альбом пожелтый,
И часы отмеряют минуты.

Только времени бег незаметен:
Сколь прошло?
То ль века, то ль мгновенья...
За стеною беснуется ветер,
Я в камин добавляю поленья.

За стеною морозы крепчают,
На стекле заплетая узоры,
А за кружкой душистого чая
Мы ведем о любви разговоры.

В зимней сказке покой и мечтанья,
А в любимых глазах столько ласки!
В зимней сказке чудес ожиданье,
И чего только нет в зимней сказке...

СКАЗАТЬ ПОДЛЕЦУ

Споры все же подходят к концу.
Умный — тему досрочно закроет.
Но сказать: «ты подлец» — подлецу,
На мой взгляд, обязательно стоит.
Глупость вновь нагоняет тоску,
Превращая нас в серое стадо,

И сказать: «ты дурак» — дураку,
На мой взгляд, обязательно надо.
Только чаще я слышу в ответ:
«Не влезай, промолчи, будь умнее...»

Принимая подобный совет,
Не становимся ль сами подлее?

ЛЮБИМОЙ

Мой дом наполнен тишиной,
и полночь за окном,
с моей красавицей женой
мы чай на кухне пьем.

Ласкает душу тишина,
льет лампа мягкий свет...
— Ты у меня навек одна,
тебя прекрасней нет!

Спасибо за двоих сынов,
что в детской мирно спят,

спасибо за твою любовь,
за дом, что тих и свят.

За то, что два десятка лет
ты бережешь семью,
за эту ночь и за рассвет,
за трепетность твою...

.....
Среди невзгод и суеты,
среди мирских тревог
есть капля сбывшейся мечты —
наш тихий уголок.

* * *

А тишина осталась тишиной,
Хотя ее стреляли и взрывали,
В нее орали, брызгая слюной,
Ее не раз сиреной разрывали,
Неоднократно мучили войной.

Но тишина осталась тишиной...
И в той тиши лишь шепот откровений,
И звуки уходящих вдаль сомнений,

И воздух, очарованный весной,
И ты в обнимку с ветром и со мной.

Ведь тишина осталась тишиной,
А значит, есть надежда на восход,
На то, что снова сердце запоет,
На радость встреч, объятья под луной.
На тишину, что будет тишиной...

* * *

Все не просто и очень хитро —
Как изгиб человеческой сути:

Девять дней, как взорвали метро...
Девять дней — пьем, смеемся и шутим...

* * *

Имеют право русские на суд,
И на возмездие, и даже на расправу.

Но лишь тогда, когда они поймут,
Что только Бог имеет это Право.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ВСЛЕД ЗА МЕНШИКОВЫМ В БЕРЁЗОВО

Елена НАУМОВА

Теплоход медленно приближался к пристани. Впервые за многие часы плавания поросшие тальником низкие берега Оби при впадении в нее Северной Сосьвы сменились холмами, на которых стоит поселок Берёзово. Некогда он назывался крепостью Берёзов или Гнилой Берёзов. Она появилась в 1593 г. на месте поселения хантов Суматвош, что в переводе означает «город берез». И сегодня три березы считаются символом поселка Берёзово.

Несмотря на свою отдаленность и труднодоступность, Берёзово не выглядит забытым захолустьем. Скорее наоборот. В поселке проложены асфальтированные дороги, построены добротные дома, много магазинов, возводится современный речной вокзал. Главной же достопримечательностью по праву считается оформленное с большим вкусом здание местного музея. Берёзово —

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преполагает в РГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Дом Меншикова в Раненбурге

районный центр Ханты-Мансийского автономного округа. Нетрудно догадаться, что его благополучие объясняется расположенным поблизости Берёзовским нефтегазовым месторождением.

Интересно, что одна из улиц поселка названа в честь Героя Великой Отечественной войны, уроженца этих мест снайпера Г. Е. Собянина. Знакомая фамилия, подумают многие. Спешим проинформировать, что однофамилец Героя, мэр Москвы, также имеет отношение к Берёзову: здесь он провел школьные годы.

А сколь интересно прошлое Берёзова! Ведь именно сюда ровно 290 лет назад, в 1728 г., был сослан ближайший сподвижник Петра I, «полудержавный властелин», как назвал его А. С. Пушкин, светлейший князь А. Д. Меншиков. Оказавшись после смерти Петра на вершине власти, он в считанные дни потерял ее. Низшей точкой его падения оказалась ссылка в Берёзов.

Мы решили проследить скорбный путь светлейшего, отчасти повторив маршрут, по которому он следовал в сибирскую ссылку. Первую остановку сделали в городе Чаплыгине Липецкой области, который до 1948 г. назывался Раненбургом.

Меншиков с семьей добрался сюда 3 ноября 1727 года. Опальное семейство остановилось в некогда принадлежавшей светлейшему крепости. Она находилась на пути в Воронеж, где Петр строил корабли. Царь часто останавливался у Меншикова в Раненбурге, что в переводе означает «апельсиновый город». Цитадель представляла собой земляное укрепление с пятью бастионами. Внутри располагались четыре больших двухэтажных дома. В один из них и поместили Меншикова.

К счастью, этот дом, единственный из всех, сохранился до нашего времени. В советские годы в нем размещались коммунальные квартиры. Как рассказали нам сотрудники местного музея, на втором этаже дома жили шесть семей. В каждой комнате стояла печь. Нижний этаж использовался под

сарай. Дом разрушался, и жильцы покинули его. В 1983 г. было принято решение о сносе. Но вместо него снесли находившиеся на территории крепости бани столь же старой постройки. А затем произошло чудо. Ввиду огромной исторической и архитектурной ценности крепостной дом отреставрировали. В 2005 г. в нем открылся музей, часть экспозиции которого, естественно, посвящена Меншикову. Жаль только, что в музее ничего не сообщается о пребывании в крепости другого знаменитого изгнанника — малолетнего Императора Иоанна Антоновича, закончившего свои дни в Шлиссельбургской крепости. А начался его скорбный путь, как у Меншикова, с Раненбурга. Сегодня на территории

Памятник Петру I и А. Д. Меншикову

крепости разбит парк, при входе в который стоят два памятника. Один посвящен Петру I и А. Д. Меншикову, другой — Иоанну Антоновичу.

Меншиков покинул Раненбург 16 апреля 1728 года. Но если из Петербурга, несмотря на опалу, он выехал как знатный вельможа, в карете, в сопровождении многочисленной челяди и при наличии немалых материальных средств и поместий, то Раненбург он покидал сидевшим в повозке бедняком, получавшим суточные деньги от командира конвоировавших его семью солдат. Окончательно осознав свою победу, противники безжалостно сводили счёты с тем, перед кем еще недавно заискивали и пресмыкались. Пребывание Меншикова в Раненбурге вызывало у них серьезное беспокойство. Они опасались, что через своих сторонников он может предпринять попытку вернуться к власти. Поэтому появился указ о ссылке опального, лишённого всех званий и имущества вельможи в далекий сибирский Берёзовский острог. Современники свидетельствовали, что Меншиков вел себя мужественно и с достоинством выдерживал выпавшие на его долю испытания. По пути он сам готовил себе пищу, а на сэкономленные деньги смог купить шубу тяжко страдавшей жене.

Спустя столетия следуя за Меншиковым, мы оказались в расположенном неподалеку от Казани селении Верхний Услон. Здесь, на сельском кладбище, в мае 1828 г. похоронили Дарью Михайловну Меншикову, не выдержавшую после многих лет роскошной жизни выпавших на ее долю

Памятник Императору Иоанну Антоновичу

Наш дальнейший путь лежал в Ханты-Мансийск. В этом городе, возле расположенной неподалеку от речного порта Покровской церкви, мы увидели установленную в 2000 г. гранитную стелу. Она напоминала о том, что здесь, в селе Самарове, как первоначально назывался административный центр нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа, по пути из Тобольска в Берёзов на молебен и отдых останавливался А. Д. Меншиков. Отсюда до Берёзова оставалось «всего» 560 километров. В августе 1828 г. печальный путь Меншикова в ссылку наконец-то завершился.

Сегодня, приезжая в Берёзово, чувствуешь себя первооткрывателем, мысленно представляя, где поселился Меншиков со своими детьми, чем он занимался, с кем общался. Дело в том, что до наших дней практически не сохранился ни один документ периода пребывания светлейшего в Берёзове. Все, что было написано о нем, появилось гораздо позже, причем главным источником информации явились воспоминания, которыми спустя годы делились люди, общавшиеся с опальным князем. Но память человеческая несовершенна, и многие из свидетельств очевидцев оказались неточными, не

физических, а главное, моральных страданий. По некоторым источникам, она «умерла, потеряв зрение и рассудок». Урожденная Арсеньева, дочь якутского воеводы, она вышла замуж за 33-летнего Меншикова в 1706 году. В донесении Верховному тайному совету лейтенанта С. Крюковского сообщалось: «Сего мая 10-го дня, не доезжая Казани за 7 верст, Меншикова жена умерла, а погребена в вотчине Троицы Сергиева монастыря в селе Верхнем Услоне против Казани, у церкви Введения Богородицы того села священником Матвеем Федоровым». Подойдя к гранитной плите, появившейся благодаря усилиям энтузиастов в 90-е годы прошлого столетия, мы прочитали простые, но проникающие в душу слова: «Здесь погребено тело рабы божией Дарьи Михайловны Меншиковой, почившей в лето 1728. Прости нас, княгиня».

соответствовавшими реальным фактам и событиям. Поэтому неудивительно, что самым известным и «достоверным» свидетельством ссылки «полудержавного властелина» стала картина художника В. И. Сурикова «Меншиков в Берёзове», где сидящий в тулупе опальный князь изображен в окружении своих детей — дочерей Марии, Александры и сына Александра. Кстати, в музее в Берёзове выставлена эффектная 3D-реконструкция этой картины.

Из Берёзова Меншиков не вернулся. Он умер 12 ноября 1729 года в 56 лет — весьма солидном для той эпохи возрасте. Осталась лежать в сибирской земле и его дочь Мария — та самая, которая на суриковской картине изображена читающей книгу. Едва не став женой Петра II, она закончила свой жизненный путь через месяц после кончины отца, умерев от оспы 26 декабря 1729 года. Первоначально планировалось отправить Марию в Горицкий монастырь на реке Шексне и постричь там в монахини. Но позже Пётр II, вернее Верховный Тайный совет, смилостивился, видя, что ни сам Меншиков, ни члены его семьи уже не представляют никакой угрозы. Марию отправили в Сибирь вместе с остальными членами семьи.

А вот другим детям Меншикова — дочери Александре и сыну Александру повезло. Уже в августе 1731 г. они вернулись из Сибири, после того, как на трон взошла Анна Иоанновна. Александра становится фрейлиной, ее выдают замуж за Густава Бирона — родного брата всевильного фаворита Императрицы. Впрочем, освобождением и блистательной придворной карьерой дочь светлейшего обязана не только бескорыстию и доброй воле Государыни. Дело в том, что деньги Меншикова, хранившиеся в английских и голландских банках, могли получить только наследники. Ну как тут не вернуть детей! Супруг Александра мог рассчитывать на ее весьма крупное приданое. В 1736 г. Александра умирает, а спустя несколько лет происходит падение Бирона и его клана. У Густава Бирона отбирают все имущество и деньги, в том числе и приданое его покойной супруги. Так что, редкий случай в истории — богатства Меншикова дважды подвергались конфискации.

Сын же Меншикова, Александр, прожил дол-

Стела в Ханты-Мансийске

В Берёзовском музее

Памятник А. Д. Меншикову в Берёзове

гую жизнь. Дослужившись до генерал-аншефа, он скончался в 1764 г. при царствовании Екатерины Второй. Но попытки вернуть принадлежавшие отцу дворцы и поместья оказались тщетными. У них уже появились новые хозяева.

Предполагаемое место погребения Марии Меншиковой

Меншиков и трое его детей содержались в тюремном остроге, возникшем на месте упраздненного монастыря. Известно также, что в Берёзове разжалованный генералиссимус срубил с помощниками деревянную церковь. Он овладел плотницким мастерством, работая вместе с Петром на верфях Голландии. Мог ли тогда предположить светлейший, когда ему пригодятся приобретенные навыки. Но в построенную им церковь ставший плотником вельможа ходил недолго. Он умер вскоре после окончания строительства. За алтарем храма его и похоронили. Но могила не сохранилась. Скорее всего, ее смыло во время разлива Северной Сосьвы.

Место погребения А. Д. Меншикова

Дом, откуда бежал Троицкий

На месте сгоревшей меншиковской церкви ныне стоит каменный храм, воздвигнутый в 1786 году. Осматривая пространство вокруг церкви Рождества Пресвятой Богородицы, мы, пробравшись сквозь густые заросли, подошли к восточной стороне металлической ограды. На одном из ее столбов увидели появившуюся в 2004 г. табличку с надписью: «Здесь в ноябре 1729 года был захоронен сподвижник Петра I Меншиков Александр Данилович (1673–1729)». Вышли за пределы церковной ограды и по прямой прошли вдоль сквера к памятнику Меншикову. За ним, на крутом яру, откуда открывается завораживающий вид на Северную Сосьву и Обь, растет сосновая роща, которую, согласно преданию, высадил Меншиков. Правда, теперь здесь растут молодые деревья. В самом начале рощи расположено символическое захоронение Марии — дочери Меншикова.

Вроде бы, жаль Меншикова. Верный сподвижник Петра, один из героев Полтавской битвы, он многое сделал для осуществления петровских реформ, для утверждения международного авторитета России, расширения ее границ. Но талант светлейшего расцвел в тени Великого императора, а когда Петра не стало, «полудержавный властелин», несмотря на все свои таланты, не смог стать достойным продолжателем его дела. Ему не хватило той решительности и безжалостности, с какой утверждал свой авторитет Петр. Утратив инициативу, Меншиков в конечном итоге стал жертвой придворных интриг и борьбы за власть, в которой он активно участвовал. Он так же расправлялся со своими противниками. Вспомним, что прежде всего его стараниями оказался в ссылке в Соловецком монастыре его главный политический оппонент, тоже сподвижник Петра престарелый граф Петр Андреевич Толстой.

И совсем скоро та же участь постигла самого Меншикова. Его появление в Берёзове положило начало превращению этого затерянного среди

сибирских просторов городка в центр политической ссылки, а заодно и в некрополь знатных особ. Очень скоро вслед за Меншиковым в Берёзове оказались некоторые из его политических противников. Уже в 1730 г. сюда ссылают семейство Долгоруких, пытавшихся ограничить полномочия приглашенной ими же на царствование Императрицы Анны Иоанновны. Глава семейства А. Г. Долгорукий и его жена не вернулись из Берёзова. Их предполагаемая могила расположена недалеко от захоронения Марии Меншиковой.

В марте 1742 г. сюда доставили, как оказалось, навсегда, главного врага Меншикова — «российского Талейрана» графа Андрея Ивановича Остермана. Не кто иной как он составил указ Петра II о ссылке некогда всесильного князя. Предавая всех своих соратников, Остерман входил в число фаворитов нескольких монархов. Но он допустил просчет, став противником будущей Императрицы Елизаветы Петровны. За что и поплатился, оказавшись в Берёзове. Здесь же он и умер, здесь же находится его могила.

Спустя столетия в Берёзове появился еще один ссыльный, но отнюдь не знатного происхождения. Но очень скоро его имя узнал весь мир. Экскурсоводы в Берёзове показывают дом, в котором в 1907 г. остановился на пути в ссылку в Обдорск — нынешний Салехард — Лев Троцкий. Из Берёзова он бежал в тот вечер, когда его конвоиры присутствовали на любительском спектакле. Вскоре сосланный оказался за границей.

В наше время в Берёзов не ссылают, хотя до сих пор добраться сюда не легко: в летнее время по воде и воздуху, а в холодную пору — по зимнику. Но зато в Берёзове... высаживают. Нам рассказывали о том, как на тепломходе, шедшем из Салехарда в Омск, загуляли возвращавшиеся с Крайнего Севера вахтовики. Дебоширили, приставали к пассажирам. И тогда капитан, ко всеобщему одобрению, принял решение высадить их в Берёзове.

ПРОЗА

Валерий ХАЙРЮЗОВ

ДЕРЖИСЬ ХОХЛА

Валерий Николаевич Хайрюзов — родился в 1944 г. в Иркутске. Окончил Бугурус-ланское летное училище, пилот авиации 1-го класса. Затем окончил Иркутский ГУ отделение журналистики. В 1980 г. присуждена премия Ленинского комсомола. В 1982 г. был принят в члены СП СССР. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Награжден главным призом XII Международного кинофестиваля «Золотой витязь». Автор многих книг прозы, пьес, сценариев. **Живет в Москве и Иркутске.**

Это была моя первая поездка за границу. Отдел культуры Центрального Комитета комсомола совместно с Союзом писателей России решил свозить молодых, собранных со всей страны писателей, за кордон, но недалеко — в ГДР, чтобы мы посмотрели, как живут наши немецкие друзья.

На дворе был восемьдесят второй год, возможно, один из лучших годов «застоя». Еще не было Сумгаита, Нагорного Карабаха, Приднестровья. Мир еще не знал слов «Чернобыль» и «Спитак». Мы ехали в разных вагонах, но одного поезда, и думали, так будет всегда. Собранные в одну делегацию молодые писатели со всего Советского Союза хорошо знали друг друга, тогда еще существовало единое литературное пространство, и мы ревностно следили за публикациями своих ровесников. Среди собравшихся я увидел ташкентца Нурала Кабула, поэтессу из Таджикистана Зульфию Атои, бакинца Вагифа Ибрагима, поэта из Чернигова Дмитро Иванова, дальневосточника Сашу Герасименко, поэта Геннадия Красникова, прозаика Сергея Лыкошина. Как это повелось, основу делегации составили москвичи. Не было секретом, что многие писатели из провинции мечтали о публикациях в Москве, там выходило много журналов, но для приехавших из союзных республик, пожалуй, самым желанным был журнал «Дружба народов», публикация в нем порою приносила авторам всесоюзную и даже зарубежную известность, поскольку заграничные журналы нередко перепечатывали материалы из него. Подобные поездки и встречи были хорошей возможностью не только познакомиться ближе, но и завязать творческие контакты.

Нас собрали в гостинице «Юность», рассказали, что мы бу-

дем делать, с кем встречаться, сколько и чего можно будет провезти через границу.

— Не больше двух бутылок водки, — сказал руководитель отдела культуры Михаил Кизиллов. — Иначе могут возникнуть неприятности на границе. Ответственность за хранение и раздачу деликатного продукта возложили на писателя Саню Герасименко, дальневосточника, который плавал моряком и успел побывать в разных странах, так что опыта зарубежных поездок у него было хоть отбавляй. Свою новую обязанность Герасименко воспринял, как присвоение очередного воинского звания, он тут же составил список и приступил к продрозверстке. Женщины были освобождены от сбора, мужская часть потянулась к своим чемоданам. Единственный, кто воспротивился требованиям Герасименко, был Дмитро Иванов. Он заявил, что в таком деле не потерпит понуждения и постарается сохранить свою независимость.

— Тоже мне, нашли охранца для горилки, — нахмурившись, сказал Иванов. — По сути, блатная должность — каптерщик, по-нашему каптер. Такие в армии не ходят в наряды, их не отправляют на стрельбы, не гоняют строем.

— Не каптер, а капельмейстер! — тут же поправил его Герасименко.

— Это еще кто такой?

— Дирижер, буду дирижировать вашим настроением, — и язвительно добавил: — Уж это-то должен знать образованный человек, направляющийся на родину Гете. Кстати, вчера одна ваша поэтесса пригласила нас в компанию киевских собратьев по перу. Зашли, они сидят за столом, пьют горилку, закусывают, аж уши трещат. Она попыталась представить нас, мол, российские письменники пришли познакомиться и поговорить о житействе. Ноль внимания, только уши шевелятся: вверх-вниз, вверх-вниз.

Лицо Дмитро побагровело, но защищать собратьев по перу он не стал. Да и как-то не с руки было затевать склоку из-за горилки, еще не тронувшись с места, чего доброго, возьмут и отцепят от поезда в последний момент.

— Знаю я вас, москалей, — все же буркнул он. — На грош амуниции, на десять амбиций.

— Ты сдай, а уж потом ворчи, — Герасименко поднял вверх палец. — Как говорится: команда дадена — выполняй!

— А ты и рад стараться! Побежал уперед паровоза.

— Уперед, — Герасименко задумавшись пошевелил губами. — Вот кажи мне, Дима, что было уперед — кура или яйцо?

— Уперед был хохол! — в тон Герасименко ответил Иванов. — На Дальний Восток хохлы приехали много позже.

— И первое что он сделал, пошел искать сало! — не сдавался Герасименко.

Все слушатели нечаянно возникшего ристалища засмеялись.

— Дура ты, — засмеялся Иванов. — Не сало, а горилку. Ты заходи до мене — угощу!

— Знаю я твое угощенье.

— Саня, не приставай к человеку. Ему сам Борис Олейник выдал на горилку охранную грамоту, — пошутил я.

Имя Олейника произвело на Герасименко отрезвляющее действие, нам он рассказывал, что во время последнего писательского съезда в перерыве даже выпил с ним стопку.

— Ну-у! — протянул он. — Нашел козырного туза. В огороде — бузина, в Киеве — дядька. — И, повернувшись к Дмитро, пригрозил: — Учти! Будешь просить — не дам!

На том и разошлись.

С Дмитро мы уже встречались на совещании молодых писателей в Свердловске, там вместе с ним мы выступали на вечере в клубе Уралмашзавода. Читая свои вирши, Дмитро покори́л уральцев с первых же строк.

*В этом городе пахнет Россией,
Тут такая же вод синева,
Небо тоже такое же синее,
И березок такая ж листва.*

Но особенно проникновенно читал Дмитро лирические стихи о ридной Украине.

*Падають з неба ромашки.
Хто ж стільки їх накосив?
Щось мені зранку так важко,
Що й підвестись нема сил.
Дивно: ромашки на кола
Перетворилися вмиг.
Як їх багацько навколо
Крутиться — не полічити!*

Еще Дмитро запомнился тем, что во время семинара объездил весь Свердловск в поисках пива. Он сам рассказывал, что добрался аж до Первоуральска. На что ему в шутку посоветовали съездить на такси в Чехословакию, там, говорят, этого добра завались. Он, как мог, отшучивался, зачем ехать в Чехию, уж лучше в Чернигов, там у них пива, как у дурака махорки. Если очень хочется, то можно попробовать пенного прямо с комбината «Десна».

Но его стихи запали в душу, мелодичные, образные, молодые писатели шутили, что стихи Иванова можно слушать хоть под пиво, а можно и без. Писатели — люди впечатлительные и цену друг другу знали.

И вот новая встреча, почти всех, кто ездил год назад на Урал, включили в состав делегации для поездки в ГДР. Уже направляясь в гостиничный номер, Дмитро продолжал ворчать.

— От этого Герасименко надо держаться подальше. Хитрый чоловик, такого за версту видно. Начальство еще глазом не моргнуло, а он уже готов строить и стричь. Голодомор решил учинить. Нет, со мной такого не пройдет. Как говорят у нас: да здравствует — не допустим!

По всему было видно, Иванов уязвлен выбором московских начальников в пользу хохла дальневосточного. Уже в коридоре я узнал, что мы с Дмитро оказались в одном гостиничном номере. Этому он искренне обрадовался. Закрыв дверь на ключ, он на всякий случай задернул штору и, аккуратно положив на стол свой объемистый чемодан, открыл замки. Я увидел завернутый в промасленную бумагу большой шмат сала.

— Стратегический запас, — засмеялся Дмитро. — Они есть не будут, а мы отведаем. И чарочку размочим.

— Давай отложим на завтра.

— На завтра, так на завтра, — легко согласился Дмитро.

Он приподнял сало, и я увидел закрывающий дно чемодана холодный ряд бутылок с горилкой. В глазах зарябило от множества этикеток с двумя красными перцами.

— Экспортный вариант. Идет только за кордон.

— Слушай, нам же сказали, брать не больше двух! — недоуменно протянул я.

— Нам сказали, мы пришли, погуляли и ушли, — хохотнул Дмитро. — Ты держись хохла, со мной не пропадешь! Затем, сделав театральную паузу, спросил: — Не помнишь, сколько нам поменяют рублей?

— Сказали: двести рублей.

— Ну, купишь кроссовки, майку. Возможно, еще и шаровары. Кстати, мне сведущие туристы подсказали, там полно поляков.

— Их и в Москве предостаточно. Да здесь у тебя столько горилки, всю Польшу можно уложить, — засмеялся я.

— Сразу видно доверчивую людину, — Дмитро поднял указательный палец. — Чого навчав Исус, коли расповидав про птах и квити? Да через тех же поляков можно поменять горилку на валюту.

— На польские злотые? Кому они нужны?

— Видно сокола по лъету, а сову з поглядю, — засмеялся Дмитро. — Да у них марки.

— О-о-о! Видно пана по халявам, — засмеялся я.

Дмитро махнул рукой, мол, что с тобой говорить.

Я открыл свой чемодан, достал пакет таежного чая, полотняный мешочек с кедровыми орехами и шишки.

Дмитро внимательно и одновременно растерянно посмотрел на подарки и, подняв на меня глаза, вдруг признался, что особую приязнь он всегда испытывал к сибирякам.

— Во время службы у меня было много друзей, — сказал он. — Самые порядочные были с ваших краев. Они и Москву защитили, и с ними румку всегда приятно выпить. — Дмитро сунул чемодан под кровать и вздохнул: — Если произошло что-нибудь хорошее, пьешь, чтобы отпраздновать. Если что-нибудь плохое, пьешь, чтобы забыть. Если ничего не произошло, пьешь, чтобы что-нибудь произошло. Признаюсь, на эту поездку я должен выполнить важное поручение. Мне заказали взять для жонки бюстгальтер. У нее — шестой номер! — Дмитро вновь взял паузу. — Бриллиант должен быть в хорошей оправе, а у нас, в Чернигове, нужного размера нет. Все лавки, все магазины обошли — не нашли. А если подумать, это не такая уж и мелочь. Неделю назад итальянцы снимали фильм о нашем городе, — глаза у Дмитро потеплели. — Увидев мою Зореньку на пляже, предложили шесть тысяч долларов, чтобы она разрешила снять себя обнаженной на фоне Черниговского Кремля.

— И что?

— Она отказала.

— Неужели не захотела стать главной достопримечательностью города?

— Отказалась наотрез! Вот такая она у меня. — Дмитро вновь замолчал. — У нее скоро день рождения. Вот, ломаю голову, чем удивить.

Собираясь в поездку, я тоже размышлял, чем удивить своих товарищей по перу. А если придется, то и потомков Гете.

Вновь открыв свой чемоданчик, я достал завернутое в целлофан кольцо из нефрита. Протянул Дмитро:

— Это твоей Зореньке. Нефрит любили китайские императоры, его называли камнем бессмертия. Он в два раза прочнее стали. Есть поверье, что он оказывает омолаживающее действие на женский организм.

Дмитро вытаращил глаза:

— Но ты людина! Честно — не ожидал! Ну, орешки, куда ни шло. Но чтоб нефрит! Да ей весь Чернигов будет завидувати. Люблю ее до смерти. А тещу свою я зову контр-адмиралом. За то, что держит меня в ежовых рукавицах. При ней я всегда трезв, как стеклышко. Если б не Зоренька, сбежал бы от нее на свой хутор. Все мечтаю, но как-то не получается. А то, что ты вспомнил Олейника, то угадал, он считает меня из молодых первым поэтом. Если бы ты писал стихи, я бы попросил тебе перевести на русский свою новую книгу. Это будет бомба! Но не могу найти толкового с именем переводчика. Мы же знаем Нурпеисова и его переводчика Юрия Казакова, Якова Козловского и Расула Гамзатова. Найти талантливый переводчик — это все равно вытащить счастливый номер.

— Теперь я понял, зачем ко мне подходил Нурала Кабул и просил дать ему домашний телефон Валентина Распутина.

— Тут и думать не надо. Хочет взять к себе переводчиком, — уверенно сказал Дмитро. — Он же зять самого Рахимова. Первого секретаря Узбекистана. Скажи, а кто в нашей депутации самый талантливый?

— Герасименко. — Подумав немного, сказал я. — Он и стихи пишет, и прозу.

— Да после его виршей ни одна корова не отелится! — воскликнул Дмитро. — Нашел поэта!

— Ну, может быть, Гена Красников? Хороший поэт, представляя его книгу, Евтушенко отмечал:

*Вот книга первая поэта.
Она не слишком приодета,
В ней на коленях — пузыри,
И локти светят изнутри.*

— Ни, мне-таки не подойдет, — махнул рукой Дмитро. — Мне нужен поэт без пузырей.

— Ну, как видишь, ни Евтушенко, ни Распутин с нами не едут.

— Будем искать, — сказал Дмитро. — Талантливый человека, как и гриб в лесу, не сразу отыщешь.

На другой день рано утром к гостинице подали автобус, и мы поехали на Белорусский вокзал. Миновав все пограничные и таможенные кордоны, через сутки благополучно добрались до Дрездена. Там немецкий союз молодежи разместил нас в международном лагере и предложил экскурсии по городу.

Вечером решили отпраздновать дни рождения тех, кто родился в сентябре. Начальство пригласило к застолью отдыхающих в лагере поляков, болгар, словаков и немцев.

Здесь произошла рокировка, и бразды правления в свои руки взял Дмитро Иванов. Он вызвался вести застолье, начал читать стихи, а после стал играть на сопилке «Марш казаков» и спел песню про Дорошенко.

*Ой, на гори та жнецы жнут,
Ой, на гори та жнецы жнут,
А по-під горою, ярм-долиною козаки йдуть.
Гей, долиною, гей, широкою козаки йдуть.
Попереду Дорошенко
Попереду Дорошенко,
Веде своє вийско, вийско Запорижсько, хорошенько.*

А потом торжественно вручил мне, как имениннику, на память подарок — украинскую сопилку.

— Вообще, хохлы никуда не годятся, но голос у них хорош, — заметил Герасименко.

Ответ прилетел мгновенно.

— Тебя я, переодетый москаль, лишаю очередной румки. Не ты меня, как обещал, а я тебя!

— Один хохол — гений, два хохла в одной делегации — катастрофа, — подытожил их словесную перепалку Кизиллов.

Под конец вечеринки Дмитро разошелся, стал то и дело бегать к себе в домик за очередной бутылкой горилки. Начальство смотрело на все это сквозь пальцы, они даже не представляли, что к щедрым русским писателям нагрянет так много гостей. Почему не дать ребятам погулять? Здесь же, за столом, мы договорились сыграть завтра с поляками товарищеский матч по футболу.

Дмитро вызвался быть судьей:

— Я хорошо размовляю, шпрехаю, пшикаю по-польски, но еще лучше знаю футбольные правила. Эх, если бы мне еще водочки для обводочки, так я бы и сейчас мог сыграть центра! — Проходя мимо с очередной бутылкой, Дмитро шепнул, что знает, как ослабить наших будущих соперников:

— Я их уложу.

— Смотри, Дмитро — не переборщи! — засмеялся Михаил Кизиллов. — Может, возьмешь на матч вместо свистка свою сопилку: засвистишь, и пойдут поляки за тобой, как за Сусаниным в болото.

— Пойдут, пойдут, — заверил Иванов. — Я обещаю.

Но никто из нас не знает, что ждет нас через час или минуту. Утром Дмитро не явился на завтрак. Не явился он и на обед. Посланные ответственным секретарем Союза писателей Юрием Александровичем Лопусовым разведчики доложили: у Дмитро случился срыв.

— Закрылся и никого не пускает к себе. Ну, в общем, наш Сусанин держит оборону.

Вспомнив размеры стратегических запасов в чемодане Иванова, я понял — держаться он может долго.

И все же назначенный матч был проведен, в упорной борьбе мы уступили полякам. Судил матч немец.

После матча я постучался в дверь к Иванову. Дмитро впустил. Я увидел то, что и предполагал: разор и погром. Помятую постель, окурки, пустые бутылки из-под горилки.

— Ну, как сыграли? — вяло спросил Дмитро.

— Проиграли один мяч. Ложились костями. Угробили нашего капитана — Серегу Лыкошина. Его после матча в больницу возили. Наложили гипсовую повязку.

— Эх, не дождал я их! — вздохнул Дмитро. — Кончились мои запасы горилки. Могли из благодарности хотя бы в нищю сыграть. А какие слова говорили: «братья славяне!». А Бонек — их капитан — собирался приехать ко мне в Чернигов. Верно говорят: славян с поляками связывает многое. Поляков со славянами — ничего. Если бы я судил, то за Лыкошина обязательно поставил бы ляхам пеналь.

— Ты уже поставил, — заметил я. — Только себе.

Дмитро промолчал, затем с особой доверительностью срывающим голо-
сом попросил:

— Ты, может, принесешь мне румку? Голову надо бы поправить. Чер-
товы ляхи! Я их пригласил, а они, как удавы, все высосали. У тебя е?

— Свои бутылки я сдал, — в свою очередь вздохнул я. — Еще в го-
стинице.

— Герасименко?

— Ему.

— Вот что! Сходи и попроси. Помру ведь.

— Не даст. Начальство запретило.

— А я бы дал. Ты сходи. Тебе не откажет, — смахнув слезу, Дмитро
полез обниматься. — Сходи, Христом Богом прошу! Кроме тебя я здесь
никому не нужен.

— Не могу. Ты на себя посмотри. К тому же мы не дома.

— А я бы ходил.

— Так в чем же дело?

— Этот не даст. Там, что взяв Герасименко, другому хохлу делов нема.

Посидели еще немного, помолчали. И вдруг Дмитро начал читать груст-
ные стихи:

*Знов тебе, коню, продали.
Наобіцяли всього,
Поки перепрягли,
А в тебе, Чалий,
В очах — ні радості, ні сліз.
Мовчиш, мов камінь...*

— Вот ты подарил камень бессмертия, — вздохнул Дмитро. — Ну,
этот нефрит. А зачем мне бессмертие? Только вирши могут создать иллю-
зию вечности. Вернусь, уеду в село. К себе домой на хутор.

И все же я решил попытать счастья, но получил то, что и должно было
произойти.

— Поверь, мне не жалко. Но пьющий человек — обуза для всех, — Ге-
расименко был жесток и неумолим. — Дима — неплохой хлопец, но вреда
от него больше, чем пользы. Мы должны обслуживать его, нянчиться с ним.
Тогда пусть сидит у себя на черниговской печке и сосет горилку. Арифме-
тика проста: вода ищет щелочку, он — сердобольного человека.

Дмитро не явился и на ужин. Руководство делегации срочно собрало
совещание. Стали гадать, куда он мог подеваться. Нашлись и такие, кто
сделал предположение: он разыграл всю эту комедь и слинял за границу.

К нам подошли поляки и, узнав в чем дело, вспомнили:

— Ваш Дмитро попросил капитана футбольной команды Бонек вы-
звать такси. Мы вызвали такси, и он уехал.

Поляки развели руками, показывая, что разделяют нашу тревогу. Миновала полночь. Дмитро не появлялся. Было решено звонить в посольство и сообщить о случившемся. Все понимали: наш первый вояж за границу мог стать последним.

В четыре часа утра на территорию лагеря въехало такси. Открылась дверца, наш ясновельможный пан сунул таксисту марки и, сделав шаг в сторону, свалился на землю Гете.

На другой день Дмитро вновь не открыл дверь. Руководитель делегации Юрий Александрович Лопусов попросил меня, что бы я не оставлял нашего украинского друга одного, не то, чего доброго, возьмет такси и укатит в американскую зону.

Мне он все же дверь открыл.

— Ты мне что-то принес?

— Нет.

— А я-то думал.

— Теперь за тебя думать буду я. Вернее, будем держаться вместе. Куда нам теперь друг без друга.

Теперь все шли на экскурсии, а я держался Дмитро: он в туалет — и я в туалет. Все деньги он спустил в казино, угощая случайных знакомых. Пару раз, чтобы не слышать его вздохов, я купил ему пива. Пересохшими губами, уже не поминая сибиряков и их славные дела под Москвой, он пил пиво, смотрел на пробегающие мимо немецкие пластмассовые «Трабанды», сравнивал их с «Запорожцами». Несколько раз я пытался завести его в салоны женского белья, но Дмитро упорно не хотел замечать их.

— ГДР для нас — це Европа, но ее можно проехать и ничего не оставить в памяти, если в кармане нет грошей, — устало говорил Иванов. — И чего здесь нашел Тютчев?

— Он работал в посольстве и переводил Гете.

— И что из того. Вот кто меня переведет?

— Не беспокойся, Дима. Найдутся.

— Домой, домой, больше не могу!

У хорошего и плохого есть свое начало и свой конец. Мы вновь вернулись в Москву, устроились в гостиницу. После утомительного ночного переезда из Берлина все разошлись по своим номерам и кроватям. Вдруг сквозь сон я почувствовал, как кто-то трогает меня за рукав. Открываю глаза — Дмитро!

— Ты прости меня, дурака, и сам настрадался, и тебя заставил, — зашептал он. — Ты мне не займешь четвертак?

«Хорошо, что здесь Москва и мое обязательство держаться хохла автоматически отменилось», — подумал я. Затем достал из кармана деньги. Дмитро исчез.

Проснулся я от криков. Иванов звонил своей жене в Чернигов.

— Все! Все купил, как ты и просила! Да, да, немецкий! Произведение искусства. Ты знаешь, какие со мной здесь ребята? Да, да, я в номере с сибиряком! Да я с ними теперь хоть в огонь, хоть в воду. Жаль, что он пишет только прозу! Хорошо-хорошо, обязательно приглашу погостить. Целую!

«Ну чем тебе не взрослое дитё, — подумал я, закрывая голову подушкой. — Наверное, поэты и должны быть такими».

Много позже, уже после Чернобыля, свалившейся незалежности, когда замайданенные заробитчане потянуться обустраивать и посягать Европу, в одном из сборников, вышедших в Чернигове, мне на глаза попались стихи Дмитро Иванова. В предисловии прочел слова поэта-классика украинской литературы Бориса Олейника, который сказал, что Дмитро Иванов протоптал свою тропинку в поэзии и добавил, что его вирши прозорливы и просты, в них «расповидається про життя людей, и все они талантливы и народни».

Я прочитал стихи, вспомнил нашу поездку в несуществующую ныне ГДР и подумал, что поэту дано предугадать и сквозь время увидеть то, что не подвластно многим.

*В село, домой иду полями.
И что теперь туда несу,
Где некому сказать мне «Мама!»,
Где не с кем разделить слезу.*

*Где нивы тучные шумели,
Там зона мертвая легла,
И даже песня колыбели
Уже исчезла из села.*

*Тут у людей — уже нет мочи —
Тоска — куда ни бросишь взгляд,
И смотрят хат пустые очи
На запустенье и разлад.*

*Тут на могилах вырубают
Деревья.*

*Господи! Прости!
А над погостом пролетают
Уже не гуси, а кресты.*

*Кресты по небу вдаль уходят,
Бегут от горя и страстей...
Тут сыновья отцов изводят,
Отцы изводят сыновей.*

...Иду.

*Песком пружинит берег,
И тихо плещется вода,
И монотонно волны бреют
Щеку заросшего пруда...*

*Былое скрылось за годами,
Нигде его я не найду.
Чего ж свинцовыми шагами
Так долго я домой иду?!*

Вячеслав УЛЫБИН

**ОЛЬГА
БЕРГГОЛЬЦ
И АННА
АХМАТОВА**

Вячеслав Вячеславович Улыбин — родился в Германии в 1968 году. Окончил юридический факультет СПбГУ, юрист. Автор (составитель) девяти книг, в том числе: «Архимандрит Фотий и графиня Анна Орлова-Чесменская», «Александр Первый: обратная сторона царствования», «Летопись Новгородского Юрьева монастыря». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Доклад прочитан в апреле 2010 года в Институте Русской Литературы (Пушкинском Доме), в рамках международной научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества О. Ф. Берггольц.

Когда дружат два литератора, это всегда интересно. Тем более, если это такие разные поэтессы, как Берггольц и Ахматова. Между ними была целая поколенческая разница: Ахматова старше Берггольц на 20 лет; а с учетом и вековой разницы — и мировоззренческая. Творческие приемы, которые они использовали, также были разными. Не совпадали и интересующие их темы. Шире сказать, их музы были разными. Берггольц вообще считала свое творчество «прямо противоположным ахматовскому». Однако все вышеперечисленное не мешало их дружбе.

Когда же она началась?

Берггольц познакомилась с Ахматовой в конце 20-х годов и с той поры почитала поэтессу в числе своих первых литературных учителей. В «Попытке автобиографии» она писала: «Кляняюсь Анне Андреевне Ахматовой: я имела счастье быть ее другом — с того дня, когда девчонкой с косами пришла к ней, до дня ее смерти»¹. В другой «Автобиографии» Берггольц писала: «Анну Ахматову я знала с 18 лет, дружила с ней, любила ее и ее стихи...»² Итак, знакомство Берггольц и Ахматовой состоялось в 1928 г. и длилось почти сорок лет, вплоть до смерти Анны Андреевны. Факт их знакомства подтверждает и сторонний источник: «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой» (сост. В. А. Черных),

¹ Берггольц О. Ф. Попытка автобиографии. // Собр. соч. в 3 т. Л., 1972. Т. 1. С. 14.

² Берггольц О. Ф. Автобиография. Т. 3. 90-е годы.

где сказано, что 2 января 1929 г. Берггольц была в гостях у Анны Андреевны¹. До сих пор неизвестно, при каких обстоятельствах они познакомились. Ахматова в 1928 г. была признанной поэтессой; Берггольц же только начала свой путь в большую литературу (начало это было, впрочем, весьма увесистым: к тому времени Ольга Берггольц уже как 4 года публиковалась в периодике и входила в литературную группу «Смена»). Возможно, «девочка с косами» принесла Ахматовой свои стихотворные опыты; может быть, это знакомство носило случайный характер. В какой-то мере на этот вопрос может ответить еще один фрагмент автобиографии поэтессы, изданный в 1990 г., в котором сказано: «кланяюсь <...> блистательному Клюеву, который указал мне путь к лучезарнейшей Анне Андреевне Ахматовой»². Крестьянскому поэту Николаю Клюеву было к тому времени далеко за сорок, в двадцатые годы его громила советская критика, как «кулацкого певца». Вряд ли Берггольц была лично знакома с Клюевым — но она была знакома с его творчеством. (К слову сказать, Клюев познакомил с Ахматовой Есенина). Окончательную точку в вопросе о первом знакомстве Берггольц с Ахматовой могут поставить дневники Берггольц за 1928 г., пока недоступные для исследователей. Так или иначе, Берггольц, посредством ли Клюева или независимо от него — прочла Ахматову до своего знакомства с ней. Это подтверждают ранние стихотворные опыты Ольги Берггольц. Опыты эти заключены, в том числе, в двух ученических тетрадях, которые хранятся в о/р ИРЛИ. Обе эти тетради (одна без даты; вторая относится к зиме 1927—1928 гг.) несут ахматовское имя: первая в виде цитаты, вторая как упоминание в списке литераторов, которых Берггольц прочла. Кроме того, некоторые юношеские стихи Берггольц несут на себе ахматовский флер: «Осень 1927 г.» и «Хоть что-нибудь придумать»³.

Дружба двух поэтесс имела односторонний характер. То есть если Берггольц дружила с Ахматовой, то Ахматова позволяла ей с собой дружить. Когда Берггольц была репрессирована в 1938—1939 гг., Ахматова не проявила к ее судьбе никакого участия. Совсем иначе повела себя Берггольц, когда Ахматова подверглась гонениям и травле в послевоенные годы. Вероятно, равнодушие Ахматовой к узнице Берггольц вызвало у последней, как минимум, обиду. Это косвенно подтверждается следующим замечанием Ахматовой за июль 1939 года в изложении Чуковской:

«Почему-то разговор коснулся Ольги Берггольц.

— Она раньше часто ко мне бегала. Очаровательно хорошенькая была. Джокондовская безбровость ей очень шла. А потом она вдруг изменилась. Наклеила брови. И стала жандармом в юбке. И сразу подурнела — вы заметили?»⁴

После реабилитации Берггольц упоминает о нескольких своих встречах с Ахматовой в самом начале войны. Анна Андреевна во время одной

¹ Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889—1966. М., 2008. С. 258.

² *Берггольц О. Ф.* Из неизданного варианта автобиографии. Очерки разных лет. // Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 443.

³ Упомянутые стихи были опубликованы впервые в 2009 г. См. более подробно: Ранние стихи Ольги Берггольц. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 1045—1096.

⁴ Вероятно, разговор коснулся Ольги Берггольц в связи с ее освобождением 3 июля 1939 г. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. М., 2007. Т. 1. С. 35.

из встреч пацифистски клеймила ее разжигателей. О следующей встрече упоминается в книге «Говорит Ленинград». Берггольц писала: «Мы записывали <выступление Ахматовой> не в студии, а в писательском доме, так называемом “недоскребе”, в квартире М. М. Зощенко. <...> Я записала под диктовку Анны Андреевны ее небольшое выступление, которое она потом сама выправила, и этот <...> уже пожелтевший листок я тоже до сих пор храню бережно»¹. Сейчас этот пожелтевший листок находится в архиве о/р ИРЛИ, и в нем не только правка Ахматовой, но также и правка самой Берггольц. Возможно, это единственный совместный публицистический документ двух поэтесс. Вопрос этот также нуждается в более тщательном исследовании. Следующий эпизод их взаимоотношений — эвакуация Ахматовой из осажденного Ленинграда осенью 1941 года. Как писала Берггольц, Ахматова хотела взять ее в качестве «служки», сопровождающей на борту самолета, по крайней мере до Москвы. Берггольц отказалась — и правильно сделала, иначе мы бы никогда не узнали о блокадной музе, чьи слова, как писал Фадеев, стали «неотразимы, как свинец». Желание Ахматовой взять Берггольц в качестве сопровождающей подтверждает и писатель-сказочник Евгений Шварц. Вот что он писал: «Решили эвакуировать Ахматову. Она сказала, что ей нужна спутница, иначе она не доберется до места. Она хотела, чтобы ее сопровождала Берггольц. И я пошел поговорить с Ольгой об этом. <...> Ольга оказалась дома, и я не спросил, а решительно заявил, что ей надо вылетать вместе с Ахматовой, если она не хочет гибели замечательной поэтессы. <...> ...через два дня Ольга решительно отказалась эвакуироваться с Ахматовой»². В Москве некоторое время Ахматова жила на квартире сестры Берггольц Марии.

Эвакуация Ахматовой подвела черту под первым периодом их знакомства — с 1928 по 1941 годы. Этот период можно назвать так: учительница и ученица, причем в роли первой выступала, разумеется, Ахматова, в роли второй, конечно, Берггольц. Берггольц, кстати, сознательно культивировала среди современников такую формулу своих взаимоотношений с Ахматовой.

Второй период дружбы начался с возвращения Ахматовой в Ленинград в 1944 г. и длился вплоть до смерти Анны Андреевны, т. е. до 1966 года. Любопытно, что оба периода занимают примерно 22 года. Отношение Ахматовой к Берггольц с 44-го по 66-е годы в целом не изменилось. Разве только укрепилось доброе отношение к Ольге Федоровне после событий 1946 года. О них написано достаточно много, мы приведем цитату Пуниной: «Больше других, рискуя всем, открыто помогала Ольга Федоровна Берггольц»³. Кстати, Берггольц и в 1956 г. открыто выступила против Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», за что ее, как писала Лидия Чуковская, «прорабатывали всюду»⁴.

Приведем еще одни воспоминания Чуковской, в которых содержится ахматовская оценка берггольцевского творчества.

¹ Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2008. С. 337.

² Там же. С. 337–338.

³ Там же. С. 422.

⁴ Там же. С. 500.

«9 января 57 г.

Оля — талантливая, умеет писать коротко. Умеет писать правду. Но увы! Великолепно умеет делиться на части и писать ложь»¹.

«Поэтический дар ценила весьма, но относилась к стихам придиричиво, принимала их с большим отбором — и ...иногда не без иронии. К самой же Ольге Федоровне была дружески расположена, памятуя о том, что в 1946 г. Берггольц оказалась среди людей, от нее не отвернувшихся, среди тех, кто продолжал посещать ее, заботиться о ней, слушать и хранить ее стихи»².

13 апреля 57 г.

«Рассказала с большим огорчением об Ольге Берггольц. Та, оказывается, погибает: пьет. К ней приставлена сиделка, чтобы она не могла убежать из дому и пить где-то с шоферами, шатаясь по кабакам, но все равно, она и дома с утра до вечера хлещет коньяк — голая, без рубахи, в халате, накинутом на голое тело.

— Бедная Оля, — сказала Анна Андреевна. — Еще одна гибель еще одного поэта»³.

Та же Чуковская вспоминает, что Ахматова сравнивала Берггольц с мало известной поэтессой Петровых (с мало известной — тогда и сейчас), называя Берггольц «беленькой лошадкой», а Петровых «черненькой»⁴.

Известны и резко отрицательные отзывы Ахматовой о военной лирике Берггольц. Среди них и такой (в изложении Чуковской):

«2/XI—42.

Мне NN (Ахматова. — *авт.*) велела прочесть стихи Берггольц, напечатанные в “Знамени” (В “Знамени” № 8 за 1942 год напечатаны четыре стихотворения Ольги Берггольц: “Стихи женщинам Ленинграда” (1. Слово матери. 2. Разговор с соседкой. 3. Сестре.) и “Москве”. — *авт.*).

“Ну, как?”

Я сказала, что худо, но мне понравились некоторые строки во втором. — “Никаких там нет строк. Такие стихи можно писать только по приказу. Ни один ленинградец так чувствовать не мог и не может”»⁵.

И после войны Ахматова не изменила своих критичных оценок военных стихов Берггольц. Возможно, Анна Андреевна просто ревновала свою младшую современницу к ее военной поэтической славе. Полагаем, что и Берггольц знала об этих оценках и в долгу не оставалась, считая ахматовские военные стихи «слабыми». В этом военно-лирическом споре права, конечно, Берггольц. Во-первых, и в последних, потому, что военных стихов у Ахматовой — взвод, тогда как у Берггольц — целая дивизия.

В послевоенный период, как мы уже писали, отношение Ахматовой к Берггольц не изменилось. И эта статичность не покидала Ахматову до последних дней ее жизни.

Но, может, изменилось отношение Берггольц к своей старшей наставнице?

Ответ на этот вопрос нам дадут два послевоенных документа: один известный, другой нет.

¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М., 2007. Т. 2. С. 255.

² Там же. С. 725.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 530—531.

Сначала откроем воспоминания Л. Левина о том, как Берггольц встречала Новый, 1947, год.

«В разгар застолья я заметил, что Ольга и Макогоненко о чем-то переговариваются. Оказывается, речь шла о том, чтобы пойти за Анной Андреевной Ахматовой. Это было условлено заранее и известно всем, кроме меня.

Ахматова жила неподалеку, в так называемом Фонтанном доме. Макогоненко скучно было идти одному, и он предложил мне прогуляться с ним до Фонтанного дома.

— Но удобно ли это? — возразил я. — Мы с Анной Андреевной не знакомы.

— Чудак! — ответил Макогоненко. — Вот тебе прекрасный случай познакомиться.

Короче говоря, мы отправились на Фонтанку.

Подойдя к дому, где жила Ахматова, Макогоненко оставил меня на улице, а сам вошел в дом. Через некоторое время он вернулся, ведя под руку Анну Андреевну.

Ахматова посмотрела на меня, как мне показалось, с некоторой опаской. Но Макогоненко тут же представил меня как друга Берггольц, Германа, Шварца. Анна Андреевна сразу успокоилась. Хотя Ахматовой еще не было шестидесяти, шла она нелегко, не могла справиться с дыханием. Мы с Макогоненко то и дело замедляли шаг.

Ольга встретила Анну Андреевну, что называется, с королевскими почестями.

Когда Ахматова вошла в комнату, все стояли с бокалами в руках. Анна Андреевна опустилась на подготовленное для нее место (не села, а именно опустилась). Шварц сказал тост в ее честь — на этот раз серьезно, без тени юмора.

Новогодняя встреча продолжалась.

Но течение ее неуловимым образом изменилось.

Все мы были те же самые, что час назад, и в то же время как будто совсем другие. Все было по-прежнему и в то же время совсем иначе.

Я подумал, что это ощущение возникло, быть может, у меня одного: я впервые видел Ахматову вблизи и не мог не чувствовать себя при ней несколько скованно. Но и остальные вели себя сейчас не совсем так, как раньше. В чем состояла разница, я не взялся бы определить, но что она была — мог поручиться.

Только в поведении Ольги не ощущалось никакой перемены. Она вела себя с полной естественностью и свободой. Хлопотала вокруг Ахматовой, то накладывая ей салат, то наливая коньяк или водку. По всему видно было, что общение с Анной Андреевной давно стало для нее бытом и сегодняшняя встреча за новогодним столом — лишь одна из многих других.

Потом я понял, что поведение Ольги определялось не только тем, что она привыкла к встречам с Ахматовой. Она вела себя непринужденно главным образом потому, что чувствовала себя с ней *на равной ноге*.

За нашим столом сидели Шварц и Герман — писатели, чей талант Ольга, как мы знаем, ценила достаточно высоко, но *под стать* Ахматовой все-таки была здесь она одна. Являлось это осознанным убеждением или подсознательным чувством — не все ли равно? Важно, что Ольге так казалось. Право на равенство с Ахматовой Ольга завоевала тем, что было

пережито ею за последнее десятилетие, и тем, что было создано на почве пережитого. Ахматова всегда была одной из достопримечательностей Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Теперь такой же достопримечательностью стала Берггольц.

Если бы кто-нибудь в эту минуту сказал Ольге, что она ощущает себя наравне с Ахматовой, Ольга — не сомневаюсь! — стала бы яростно возражать. Но независимо от сознания и воли это ощущение до самого конца неистребимо гнездилось в душе, “в ее немых глубинах”, как — по совсем другому поводу — удивительно точно сказала Берггольц.

Между тем тосты следовали один за другим. Все они так или иначе были теперь за Ахматову. Шварц продолжал шутить, мы по-прежнему отвечали ему улыбками и смехом, но и это выглядело сейчас не так, как совсем недавно.

Было уже очень поздно — или очень рано? Наставала пора расходиться. Казалось, все тосты за здоровье Ахматовой сказаны. Вдруг Герман потребовал, чтобы мы наполнили бокалы.

— Дорогая Анна Андреевна, — сказал он, вставая и вслед за собой поднимая всех нас. — Мы вас очень любим и хотим, чтобы вы слышали это еще и еще раз. Вы для нас всегда были и навсегда останетесь великим русским поэтом. В русской поэзии были Пушкин, Лермонтов, а теперь есть вы. Вы — законная наследница их славы.

С повлажневшими глазами Герман подошел к Ахматовой и с нежной почтительностью поцеловал ей руку. Анна Андреевна поистине царским жестом полуобняла его и поцеловала в лоб.

Новогодняя ночь кончалась. За окном занималось первое утро 1947 года»¹.

Воспоминания Левина ценны тем, что он показывает, как относилась в это время Берггольц к Ахматовой — как равная. Но может, это ему привиделось?

Прочитруем второй документ: дневниковую запись Берггольц от 23.8.47 года:

«А Старуха (Ахматова. — *авт.*) — совсем клинически душевнобольной человек: призраки мучат Музу, плача уже неотступно, она бредит непрерывно. Нет, это не рисовка. Это болезненная гипертрофия личности, — она ни о чем почти не может говорить, как о себе, и все, что происходит кругом — кажется ей обращением к ней и против нее... Она ела и пила жадно, она голодает, наверно, потом пришли ко мне, и она опять, сама, запросила вина, и очень быстро и серьезно опьянела, — чего с ней раньше не бывало, — от сухого вина, в небольшом количестве, и все говорила и говорила, как за ней следят, как дежурит теперь около ее дома какой-то офицер, как Большой Дом только и думает, что о ней. Слушать все это было страшно, опровергать — бессмысленно, потому что она, как истый сумасшедший, уже твердо верит в свой бред, а действительность, не скупясь, подбрасывает ей все новый материал. Действительно, какой-то сержантик болтается около ее дома, явно по бабской линии, или служащий Арктического... — “Вот

¹ Левин Л. Жестокий расцвет. // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 84–86.

он”, — сказала она таким голосом, когда мы, провожая ее, подошли к ее дому, что у меня все оледенело внутри, и я сама, — маньячка, — подумала, что она права, вопреки всякой логике...

Зрелище Старухи, ее тяжелого безумия, распада ее чудесной, светлой личности, было так невыносимо <...>, что проводив ее, я, совершенно не чувствуя результата вина, упросила Юрку купить еще бутылку, т. о. на вино вчера ушло (при полной нищете, долгах и т. д.) двести рублей...»¹

О чем говорит эта дневниковая запись? Равная пишет о равной. Поэтому предположение Левина о том, что Берггольц, по крайней мере с послевоенных лет, считала себя равной Ахматовой, верно.

Теперь спросим: считали ли ценители русской поэзии такую самооценку Берггольц оправданной? Считали ли читатели уместным ставить Берггольц рядом с Ахматовой и даже Цветаевой? Ответ на этот вопрос был дан еще в июле 1966 г., когда в переполненном зале Ленинградской консерватории был дан большой вечер русской поэзии. На этом вечере прозвучали стихи Берггольц и Ахматовой — в первом отделении; Цветаевой — во втором. Ахматова, кстати, скончалась за несколько месяцев до этого вечера.

Подытожим сказанное.

Отношения Берггольц и Ахматовой пережили две стадии. Сначала это были отношения ученицы и учительницы; затем — паритет двух равных муз. Вряд ли Ахматова считала кого-либо равным себе (и Берггольц в том числе). Простим ей этот недостаток. По очень точному замечанию одного эмигрантского критика, в 50–60-е гг. Анна Андреевна примерила на себе титул вдовствующей императрицы русской поэзии. То, что у нее в свите не было Берггольц — она не заметила.

Полагаю, что вечер поэзии 1966 г. был не случайным. Берггольц своей жизнью и своей поэзией заслужила, чтобы стоять рядом с Ахматовой и Цветаевой и вместе составлять великий триумvirат Русской Женской Поэзии XX столетия. Причем первые две поэтессы представляли собой отечественную и зарубежную ветви Серебряного века, тогда как Берггольц была первой поэтессой бронзового века русской литературы. Благодаря этому триумvirату, русская женская поэзия существует и по сей день. Надеюсь, что эта простая истина будет все больше и больше находить себе сторонников.

И последнее. В целом можно сказать, что Ахматова недоценила человеческий и творческий потенциал Берггольц, не сумела разглядеть в ней великую поэтессу XX века и просто страдающую женщину. Берггольц для Ахматовой так и осталась «белой лошадкой». Вряд ли можно поставить ей это в укор. Берггольц полностью могла быть оценена лишь при прочтении ее дневников, которые Ахматовой были неизвестны. Зато «белая лошадка» оценила свою старшую подругу по достоинству уже при жизни.

¹ Цит. по: *Улыбин В. И* лжи заржавеет печать. (Двойные звезды Ольги Берггольц). СПб., 2010. С. 118–119.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

В НАС ОДНА КРОВЬ

Николай Владимирович Переяслов — родился в 1954 г. Секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтером в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской обл., директором Самарского отд. Лит. фонда РФ, помощником мэра Москвы. Автор 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и др.; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров». Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалями св. кн. Даниила Московского, св. кн. Александра Невского, а также Мусы Джалиля и другими наградами. **Живет в Москве.**

О романе Олега Этлухова «Следы на песке»¹

Олег Адиль-Гиреевич Этлухов живет в Карачаево-Черкессии, где он известен как ученый, организатор и общественный деятель. Окончил Грузинский политехнический институт им. В. И. Ленина по специальности «самолетостроение», сегодня он — доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии транспорта, президент ассоциации «Карачаево-Черкессавтотранс» и генеральный директор автотранспортной организации «Апсны». Указом Президента РФ В. В. Путина он удостоен почетного звания «Заслуженный работник транспорта РФ». А кроме того, он — председатель регионального отделения российских ученых социалистической ориентации и член республиканского совета Союза советских офицеров.

Но главное — Олег Этлухов является автором нескольких необычайно глубоких художественных книг, таких, как романы «Следы на песке», «Звезды над Каиром» и «Притяжение», посвященных героической и трудной судьбе представителей абазинского, абхазского, черкесского, адыгского и ряда других народов Северного Кавказа. По сути дела, Олег Адиль-Гиреевич является едва ли не единственным писателем в Карачаево-Черкессии, который с необыкновенной глубиной и силой поднимает вопросы национального бытия и истории в республике. Его романы не просто интересны для читателей, но пробуждают в них национальную гордость, напоминают всем о героизме их предков, учат вырастать гордыми и честными людьми.

¹ Этлухов О. Следы на песке. Сухум, Дом Печати, 2016. С. 852.

О том, с какой скоростью при советской власти распространялась по нашей стране информация о литературных произведениях, сегодня даже не верится. Так, например, в марте 1952 г. начинающий в то время писатель Михаил Николаевич Алексеев опубликовал в журнале «Сибирские огни» свой первый роман «Солдаты», и уже на следующее утро он проснулся знаменитым. Его имя стало мгновенно известным на просторах всего нашего государства, с ним познакомились читатели от Бреста до Владивостока, его признали своим коллегой все прозаики. И так было со многими другими писателями той поры, в считанные дни обретавшими широкую литературную популярность.

Однако, вскоре, после прокатившейся по стране перестройки ситуация на литературной ниве кардинально изменилась. В кратчайшие сроки оказалась полностью разрушенной структура прежнего книгораспространения, со страниц газет и журналов практически напрочь была изгнана литературная критика и, кроме нескольких раскручиваемых ведущими издательствами авторов, ни о ком больше почти ничего не писалось. По этой причине изданный еще в 2016 г. в сухумском издательстве «Дом Печати» роман Олега Адьяль-Гиреевича Этлухова «Следы на песке» дошел до Москвы только летом 2018 г., хотя, на мой взгляд, уже два года назад он мог стать настольной книгой для многих читателей, вышедших из бывшего СССР. Ведь этот роман, представляющий собой на первый взгляд книгу исключительно о любви, на самом деле на восемьдесят процентов является произведением, исследующим суть произошедшего в конце XX века в Советском Союзе государственного переворота. Линии любовных отношений главного героя романа с женщинами могли бы выткаться в чисто красивый лирический сюжет, если бы над ним не витали тени ряда зловещих персонажей из нашей недавней и нынешней реальности. Роман «Следы на песке» во многом перекликается с такой книгой, как «Бермудский треугольник» известного прозаика Юрия Бондарева, в котором описываются события 1993 г., когда ОМОН и милиция с помощью дубинок разгоняли антиельцинский митинг. Определенная перекличка романа Этлухова просматривается также с книгой «Битва за воздух свободы» писателя и депутата Сергея Шаргунова, а особенно он оказывается близок к таким книгам прозаика Александра Проханова, как «Господин Гексоген», «Красно-коричневый», «Крым», «Политолог», «Гибель красных богов» и множеству других его романов, наполненных фигурами широко известных российских политиков последней поры, в большинстве своем — негативных, обладающих откровенно сильными разрушительными энергиями. Эти же тени-призраки, которые действовали в романах Александра Проханова, замаячили за спинами героев и Олега Этлухова — это такие известные всем россиянам персонажи, как Гайдар, Чубайс, Горбачев, Ельцин, Солженицын, Козырев, Немцов, Сванидзе, Касьянов, а также многие другие их соратники по разрушению Советского Союза. «Громадные деньги, которые были вложены западными спецслужбами при попустительстве Горбачева в общую программу развала Советского Союза, начали давать уже горькие отравленные плоды, — с горечью написал в своем романе Олег Адьяль-Гиреевич. — Только одураченный народ не знал еще, что плоды эти ядовитые. Вброшенные из-за рубежа

Олег Адиль-Гуреевич Этлухов

деньги позволили через ангажированные средства массовой информации одурманить миллионы людей. Заставить их поверить, что Ельцин, нарушивший присягу и предавший свою Родину Советский Союз, чуть ли не патриот и освободитель России. Когда многие поняли, что мнимая борьба между Горбачевым и Ельциным — хорошо отрепетированный спектакль, написанный западными спецслужбами, и оба они управлялись одним и тем же кукловодом, — было уже поздно...»

Листая страницу за страницей этот глубокий, но тяжелый, во всех смыслах, роман Олега Этлухова, понимаешь, что его серьезная умная книга представляет собой по сути дела печальную и емкую энциклопедию разрушения величайшего в мире народного государства. Окружая судьбы своих героев непростыми политико-экономическими событиями, автор показывает, как были вырублены при Горбачеве прекраснейшие виноградники на Кавказе, как были изгнаны с директорских постов самые умелые руководители заводов, фабрик, предприятий и комбинатов, как были обанкрочены тысячи крупнейших в стране хозяйств и оставлены без работы миллионы специалистов.

Но вместе с этим писатель показывает, как в 1992–1993 гг. во время войны Абхазии с Грузией добровольцами в составе абхазской армии за независимость воевали абазинцы, и многие из них полили там землю предков своей кровью, а многие из них и остались лежать на абхазской земле.

Сложность национального вопроса на Кавказе до сегодняшней поры пребывает в весьма непростом состоянии, но особенно острым для писателя является положение абазинцев и абхазов, хотя не менее близкой для него остается также судьба адыгов, убыхов, черкесов, кабардинцев и целого ряда других, близких между собой по крови, языку и культуре народов. Но, как отмечает в своем романе Олег Этлухов, «к абазинам у абхазов особое

трепетное отношение. Впрочем, как и у абазин к абхазам. Обижать абхаза там, где есть абазины, нельзя. Любой абазин воспринимает это как личное оскорбление и будет защищать гостя, независимо от того, знает он его или нет, прав абхаз или не прав».

Вспоминая об упомянутой выше грузино-абхазской войне, главный герой романа «Следы на песке» Александр Асланович говорит, как «после нее искренне, от всей души принимали в Карачаево-Черкесии многие тысячи абхазских беженцев. Их одевали, кормили, поили, делились с ними, как с самыми близкими, всем, что было. Уже после войны, в самые холодные и послевоенные годы, абазины организовывали многочисленные поезда гуманитарной помощи, которые спасали от голода многие абхазские семьи. Везли сотнями тонн муку, сахар, медикаменты, теплую одежду. Абхазы не забыли всего того, что делали тогда для них в трудные годы абазины. Они помнили добро и платили своим соплеменникам тем же...»

И даже в сегодняшние дни абхазы — те, у кого погибли во время войны их самые родные и близкие люди, — говорили, что ни о чем случившемся они и сейчас не жалеют.

«— Мой сын, — сказала в романе одна из абхазских женщин, — погиб в этой войне. Но если бы он был жив и снова началась война, — она на секунду задумалась, но затем твердо добавила, — даже, если бы я точно знала, что мой сын снова не вернется с этой ужасной войны, я бы все равно снова послала его воевать. Он у меня родился мужчиной. А мужчина должен быть готовым отдать свою жизнь за Родину. Так учили нас абхазов наши отцы и деды...»

Книга Олега Этлухова недвусмысленно доносит до сведения его читателей особенности характера и нравственных основ абазин и абхазов, умеющих не только воевать за свою свободу, но и дружить с другими народами. «Мы соседи, и нам никуда не деться друг от друга, — говорил в романе «Следы на песке» Герой Абхазии Раули об отношениях абхазов с грузинами. — Грузины — это большой красивый, талантливый народ. Мы, абхазы, готовы дружить и жить с ними в мире. Но дружить и общаться — как равные, а не как малый народ, подчиняющийся другому большому. Мы, абхазы, гостеприимный народ. Если грузины хотят приходить к нам в гости, мы всегда рады им».

Роман Олега Адиль-Гиреевича чуть ли не впервые за последние несколько десятилетий раскрывает перед читателями душу абхазского народа, живущего на «Богом избранной земле, земле красивых легенд и народных преданий».

«— Смотри, мама, это наши братья абазины с Кубани, — сказал во время одного из праздников мальчик, глядя на проходившую мимо них колонну из Краснодара.

— Нет, сынок, — отвечала ему мать. — Абазины — не наши братья. Наши братья — это адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги. А абазины и абхазы — это единый народ — народ абаза. И мы с абазинами — один народ. В нас одна кровь. Мы единое целое».

Книга Олега Этлухова щедро наполнена яркими, похожими на афоризмы, многочисленными выражениями. Такими, например, как фраза: «Герои уходят. Народ остается». Или же: «Абхазия богата на талантливых людей».

Здесь что ни знакомый, то личность. Личность с большой буквы». Или такими жемчужинами, как высказывание: «Род превыше всего. Многие в жизни старятся. Но не многие становятся от этого мудрыми. Это бесценное сокровище дается не каждому...»

Абхазия, говорит в романе Александр Асланович, «это страна талантливых людей. Талантливых поэтов, писателей, историков, артистов. И признание этого народа многого стоит...» А несколькими страницами дальше эта мысль продолжает отчасти новое воплощение: «Мудрость приходит с годами. Годы учат многому. Учат и находить, и терять. Учат тому, что потери — это неизбежность. Так устроена жизнь... Все имеет начало. Все имеет конец. Так было всегда. Так всегда будет. Такова воля Всевышнего».

Читая книгу Олега Этлухова, понимаешь, насколько богат и объемён язык народов Северного Кавказа, речь которых безмерно наполнена пышными и содержательными оборотами. Высказывания здешних жителей отличаются поэтичностью и афористичностью, карачаевцы, к примеру, говорят: «На одной и той же ветке могут расти и спелые фрукты, и зеленые, и сочные, и гнилые. Но почему это так, знает только Всевышний». А абазины с иронией говорят: «То, что должна была сказать лошадь, сказало седло». А еще замечают: «На стареющего медведя лают даже шакалы».

Северный Кавказ — это не просто удивительно красивая сказочная местность, это общая родина целой группы родов и народов, к которым относятся также абазины и абхазы. «Абхазы, — пишет Этлухов, — часто приезжают в Карачаево-Черкесию. Абазины еще чаще ездят в Абхазию». Это их общая земля, питающая их общими для них духом и культурой.

Представители этих двух народов не просто красуются яркостью своих выражений, но делятся имеющейся у них мудростью с друзьями и собеседниками, передавая им свой жизненный опыт и знания. Так, например, абхазы говорят: «Глупый человек живет одним сегодняшним днем, не видит ни прошлого, ни будущего. Умный — никогда не забывает прошлого, и это дает ему возможность лучше видеть будущее». Потому что будущее должно опираться на многолетнюю историю своего народа, его традиции и обычаи, культуру, нравственность и этикет. Постоянно храня это в своей памяти, Олег Адыль-Гиреевич неоднократно напоминает читателям об укорененном в быту абазинского народа этикете, который, «как и этикетки абсолютно большинства народов Кавказа, требует встречать старшего по возрасту, выходя ему навстречу». А описывая встречу своего героя с пришедшими к нему гостями, он сообщает, как Александр Асланович «демонстративно, согласно кавказскому обычаю, пропустил вперед старших товарищей...»

Жизнь города Черкесска протекает на фоне местного Есенинского сквера, на скамейках которого ближе к вечеру собираются уважаемые люди — ветераны, пенсионеры, известные горожане, седобородые старики. Главный персонаж книги Олега Этлухова Александр Асланович тоже частенько заходит в этот парк, чтобы послушать умных людей, встретиться с известными деятелями культуры города. А то и просто известных всему Черкесску говорунов, таких, к примеру, как громогласный болтун Жора, щедро рассыпающий направо и налево свои летучие афоризмы, но о котором горожане говорят, что «судьба прошла мимо него». Хотя многие в Черкесске его любят и даже цитируют его выражения, подкрепляя свои речи ссылкой: «Как сказал Жора». Афоризмы Жоры становились широко

известными и быстро разлетались по окрестным аулам, обретая там достояние местного фольклора. «Изображение есть, а звука нет», — изрекал он о своих отношениях с женой, которая, сердясь на него, переставала с ним разговаривать. «Желания на километры, а возможности на сантиметры», — замечал он о престарелых ловеласах. «Трезвым даже соловей не поет», — тяжело вздыхая, приговаривал он, не имея возможности купить себе выпивку. «Можешь не пить, но угощать обязан», — приговаривал он по этому же поводу и с тоской добавлял: «В Черкесске не пьют только мертвые и памятник Ленину».

Здесь же Александр Асланович повстречал однажды известного ученого-литературоведа, критика, заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, председателя правления Союза писателей Карачаево-Черкесии, почетного гражданина города Черкесска — Лейлу Абубекировну Бекизову. Слушая ее интересные мысли о литературе, он проводил ее, как того требует этикет народа, до самого подъезда ее дома.

«— У абазин говорят, — заметила она, когда они остановились у подъезда, — что холоп доводит до двери, а князь до ворот. Ты довел меня до самых ворот, но я и без этого знала, что ты не холоп. Ты все правильно сделал. Я хорошо знала твоего отца и твою мать, так и держи. Береги их честь...

Лейла Абубекировна до пустых фраз не опускается. В каждом ее слове что-то есть. Нужно только внимательно слушать и правильно понять подстрочный перевод каждого ее слова, каждой ее мысли...» — замечает Этлухов.

Жизненный круг Александра Аслановича очень широк — помимо огромного количества рядовых людей, в него входят такие высокопоставленные персоны как Сергей Багапш, Александр Хлопонин, Геннадий Зюганов, Владислав Ардзинба, Александр Ткачев и другие руководители, губернаторы, чиновники, политики и различные общественные деятели. Некоторых сегодня уже нет на свете, но каждого из них (и о каждом из них) все равно следовало бы послушать, так как каждый из них в свое время хотел внести в эту жизнь определенные разумность и прядок, сделать наш мир счастливым и добрым. Жаль только, что не все вокруг стремятся к такому положению. «Все в этом мире имеет начало. Все имеет конец. Нет ничего вечного в этом мире. И мир этот тоже не вечен. Вечны только Бог, время, пространство и наши души», — говорила в романе одна мудрая женщина.

Несмотря на то, что роман Олега Этлухова «Следы на песке» позиционируется как некая история о любви (не случайно одна из глав этой книги называется «Чего хочет женщина»), вся его сюжетная линия развивается на фоне довольно сложных историко-политических и этнографических событий, которые демонстрируют нам, что произошло с Россией за последние сто лет истории, а главное — с народами Северного Кавказа, и в особенности — с абазинами и абхазами, а также их непростыми отношениями с Грузией. «Ассимиляции подверглась не только Абхазия. Процесс ассимиляции затронул и абазин. Почти двести тысяч адыгов имеют абазинские корни. Еще совсем недавно их предки были абазинами... Когда-то абазины были большим могущественным народом, который мог выставить более ста ты-

сяч всадников. В средние века и абхазы, и абазины были единым народом абазара...»

К сегодняшнему времени след этого народа почти полностью был стерт из истории Кавказа, хотя абазинский язык еще сохраняется, имея два диалекта — тапантский, лежащий в основе литературного языка, и ашхарский. Самых абазин по данным переписи 2010 г. численность их насчитывает чуть больше 40 тысяч человек.

«У всех представителей малочисленных народов резко заостряется чувство самосохранения, чувство ответственности за семью, род, родное село, — пишет Олег Адыль-Гиреевич и вместе с тем добавляет, — ответственность за то государство, в котором они сегодня существуют и надеются сохраняться в будущем».

Его роман «Следы на песке» — в высшей степени откровенен, предельно повествующий об отношениях народов Кавказа между собой и с народом России. В отличие от огромного количества сегодняшних писателей он искренне пишет о том, сколько горя и боли принесли ему в девятнадцатом веке русские войска во время присоединения Северного Кавказа к России, подчиняя себе непримиримых горцев, но он же говорит, что сегодня им стало крайне важно, чтобы русские с Кавказа уже никогда не ушли. Потому что «русские — это высококвалифицированные ученые, врачи, учителя, рабочие, элита. Наконец, это высокоэффективный проводник интересов Кавказа в России. Поэтому процесс исхода русских с Кавказа необходимо срочно остановить. Остановить сейчас, пока не поздно. Мы хотим жить вместе с ними. Жить в мире и во взаимопонимании...»

Разворачивая перед читателями историю любви и жизни Александра Аслановича, Этлухов через своих героев говорит не столько об их личных чувствах, сколько о состоянии тех, кто находится во главе России. Среди которых, к сожалению, не всегда наблюдается такой же патриотический настрой, как среди тех, кто находится среди представителей власти Абхазии — таких, которые были готовы «положить свои головы за свободу и независимость своей родины».

Страницы книги Этлухова наполнены глубокими мыслями, высказанными умными людьми. Одним из таких людей был Сергей Васильевич Багапш, второй Президент Республики Абхазия, при котором состоялось ее официальное признание Российской Федерацией как суверенного и независимого государства. «У нас прекрасное прошлое, нам нечего стыдиться, — сказал он журналистке Светлане во время их беседы. — Нам есть, чем гордиться, оглядываясь назад. Но нельзя идти вперед, все время оглядываясь назад. Прошедший день нужно знать, помнить и извлекать из него уроки, но смотреть нужно не назад, а вперед. Наше будущее впереди. О нем мы должны думать каждый день. Ни у одного народа, в том числе и у абхазов, нет вечных друзей и вечных врагов, есть только вечные интересы. Вот о них мы и должны думать...»

Хочется, чтобы подобные мысли владели умами также и политиков России, потому что и нашей стране нужно строить будущее не только для тех, кто владеет сегодня огромными счетами в банках, а для всех простых людей, для всего народа России, включая народы наших братских республик — как Северного Кавказа, так и всех других уголков нашего бывшего Советского Союза.

И все-таки этот роман — о любви. В него включена небольшая история о смертельной болезни, которая случилась с одной женщиной, двадцать лет проработавшей в объединении Александра Асламовича начальником планово-экономического отдела, и звали ее Евдокией Петровной. Однажды врачи обнаружили у нее рак, и когда ей осталось всего три-четыре месяца, она уволилась с работы и уехала в свою родную станицу на Кубани, чтобы умереть дома у себя на родине. Там она познакомилась с одиноким соседом — вдовым учителем литературы и русского языка, который играл на пианино, писал стихи и неплохо пел. Они встречались по вечерам, ели вареники, пили самогон и пели песни. А весной она вышла за него замуж и вскоре родила дочку. А про болезнь забыла.

С той поры к ней зачастили врачи, пытаясь разгадать секрет ее выздоровления, но она не знала, чем им помочь. «Ей казалось, что переломным моментом в борьбе с болезнью стало возникшее в ней никогда ранее не испытанное ею чувство любви. Она раньше никого не любила. И теперь начинала верить, что исцелила ее именно любовь. Чувство, которое она раньше не испытывала, и, испытав которое, побоялась его потерять. Другого объяснения ни она, ни врачи не видели...»

Так проявляет свою силу обычная земная любовь.

А еще об одной истории любви Александр Асланович услышал на празднике, где он познакомился с человеком необычайной силы по имени Батрудин, который спокойно сгибал в кольцо кусок стальной арматуры, а потом без малейших признаков усилия разгибал ее до прежнего состояния.

«— А у детей твоих тоже такая сила? — поинтересовался он, на что получил немного удививший его ответ:

— Нет. У меня просто еще нет детей. Я еще не женился.

— Почему? — задал не очень скромный вопрос Александр Асланович. — Вроде у тебя уже не пионерский возраст.

На что Батрудин так же спокойно разъяснил:

— По законам нашего народа мужчина должен сам заработать на калым своей невесте. У отца, матери, друзей, родственников брать взаймы нельзя. Вот и я скоро закончу собирать установленную “таксу”. Тогда и женюсь. У меня уже и девушка на примете есть, она в этом году заканчивает медицинский колледж в Махачкале.

— Мне нравятся законы вашего народа. Так и должно быть. Мужчина должен сам решать свои проблемы, — заметил он.

...Когда поезд с Батрудином отошел от перрона, он долго еще, как сердобольная старушка, махал рукой вслед своему новому чистосердечному другу. Приятно было сознавать, что в наше мутное, не очень чистое время были еще люди, сохранившие свое человеческое достоинство. Люди, которые могли передать потомкам чувство собственного достоинства, приоритет долга и чести над деньгами и сиюминутными факторами...»

Надо сказать, что сам Александр Асланович тоже прошел в романе через две большие любви, которые он от себя со временем отпустил. Однажды ему приснился странный сон, в котором две любимые им женщины шли по длинному пляжу, и при этом одна из них поднимала с песка его следы и тут же их роняла, а другая их собирала и бережно хранила. Но каждая из них ушла своей собственной дорогой, а он остался один среди этого песка.

Но в жизни, конечно, он был не одинок, и помимо замечательных близких ему людей, которых он по-своему любил, его окружала еще и удивительная природа Кавказа. К примеру, такая, как ведущее к знаменитому озеру Рица Бзыпское ущелье, которое нельзя было не полюбить его, однажды увидев, за потрясающую красоту. «Громады скал, обрамлявших ущелье, нависали над ними дикой, страшщей и все равно притягивающей красотой. На их вершине висело высокое, бездонное, синее-синее небо. Где-то очень высоко парил одинокий орел... Рица — это не Севан, это не Кара-Гель, это не Иссык-Куль. Рица — это что-то другое, что-то особое. Большая чаша синей кристально-чистой воды обрамлена со всех сторон высокими горами. Горы покрыты деревьями. На самых вершинах гор даже в августе искрится снег...»

Или же — вот еще одно из самых живописных и красивых мест на земле из того, что создал Бог — урочище Псху, черты которого остаются в памяти тех, кто увидел его, навсегда. Что из него запоминается? «Большое яркое солнце, зеленая сочная трава по колено, чистые речки, кишасщие рыбой, леса и сады, полные зверей и плодов, все — Псху. Земля первозданной красоты, окруженная со всех сторон и летом, и зимой белоснежными неприступными скалами. Земля, красота которой не может быть описана словами...»

Это и есть объект любви человека к своей земле.

Любовь — это ведь не только отношения между мужчиной и женщиной, любовь захватывает в сферу своих чувств все, что окружает человека. Горы и леса, реки и озера, траву и деревья, небо и землю. Род, к которому ты принадлежишь, и шире того — народ, среди которого ты живешь и на языке которого говоришь. Песни этого народа и легенды, танцы и музыка, культура и тысячелетняя история, наполненная битвами и кровью, достижениями и славой. И «по какому бы пути не шел его народ, правому или неправильному, — говорит Олег Адыль-Гиреевич, — мужчина в критические моменты должен быть вместе со своим народом...» Точно так же, как это делает сам Этлухов. И как положительные герои его трудного, но замечательного искреннего романа.

Зоя БОБКОВА

«НА БЕРЕГУ ФОРЕЛЕВОЙ РЕКИ»

Зоя Степановна Бобкова — поэт, прозаик, журналист, член СП России, член Союза журналистов, главный редактор газеты «Приневский край». Автор более 20 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий, имеет более 50 почетных грамот, благодарностей, дипломов от администраций и общественных организаций. Награждена памятными медалями «А. П. Чехов», «А. С. Грибоедов», «4-й гвардейский мотострелковый полк», «М. Ю. Лермонтов», «За заслуги перед отечественной культурой». **Живет в г. Гатчине Ленинградской области.**

Строго глядит на меня
Николай-чудотворец.
В храме два-три человека.
Покой. Тишина.
Служба закончилась.
В левом останусь приделе.
Вижу икону.
Теперь я пред нею одна.

Брови насуплены.
Лик обрамлен сединою.
Матово светят
Из глуби столетий глаза.
Цельный неведомый мир
Для себя я открою,
Словно включу в свою жизнь,
Хоть на миг, небеса.

Не оставляет желание
Выкроить благо
Из полотна
Под крикливым названием
«Жизнь»,
Вот и пришла я к святому.
Очей его тяга
Неизъяснима,
И слышу: «Не падай, держись!»

Я помолилась.
Немного, но стало мне легче...
Лето в зените,
И травы раскинули плат,
В воздухе тесно от звуков,
Так много в нем певчих,
Музыкой делится каждый
И этому рад.

* * *

Я иду за святою водицею
Под крещенских морозов звон,
Облака разноцветными ситцами
Красят небо в праздничный тон.
Льют они на снега неподвижные
Свой ласкающий радужный свет,
И прохожие стали мне ближними,
И врагов у меня больше нет.

СЛОВАРЬ

Памяти В. И. Даля

Страшно толстый, страшно умный,
Плотный, словно темный лес.
Я блуждаю в нем бесшумно —
Неподделен интерес.
Все в нем дышит стариною,
Слово каждое — брильянт,
Незнакомое порою,
Но уж точно не мутант.

И становится мне страшно,
Что мои уходят дни —

Не поднять мне эту пашню,
Не возжечь в душе огни
Слов ушедших безвозвратно.
Этот пласт неповторим,
Пашем нынче так халатно —
На поверхности летим.
А глубинные основы
Исчезают в толще лет,
Только там не гаснет Слово.
Даль — наш первозданный свет.

* * *

Поэзия...
Да, это сад,
Где важен каждый цвет!

Ромашки трепетно горят
Огнем больших планет.
Проснувшись, ландыши цветут,
Укутались в росу,
Освобожденные от пут
Земли, свою красу

Возносят на алтарь весны
И славят каждый день.
Благоуханны и красны,
Ажурны, словно тень,
Являют миру нежный лик
Семейства алых роз.

Так мир поэзии возник
И до людей дорос.

* * *

Небо — васильковое,
Поле — золотое...
Сколько разноцветного
Между тьмой и мною!

Сколько звуков трепетных,
Запахов душистых —
Так и опускаются
С облаков слоистых!

Белая дорога
В окантовке черной...
Да была ль кому-то
Та дорога торной?

Небо — васильковое,
Поле — золотое,
Все неповторимое
Между мной и тьмою.

* * *

А лето ведренным стояло,
Июль покосом богател,
Цветным пестрея покрывалом,
Луг колокольцами звенел.

Шмель добавлял свои мотивы,
Мохнатый звук летел, как пух,
Ромашек ситцевое диво
Сияло солнечно вокруг.

Кузнечик тренькал на гитаре
В густой невидимый траве,
И так хватил в лихом ударе,
Что зазвенело в голове.

Я по июлю шла, гуляла,
Трава стелила шелком путь,
Искала радости начало.
Найду его когда-нибудь...

ЗА КЛЮКВОЙ

Буреломы, скандалы сорочьи,
Жадно чавкает гиблая почва.
Там бо-ло-о-о-то...
Пространство без меры,
Горизонт не проснувшийся, серый
И роскошные россыпи клюквы...

Эй, не думай о смертушке лютый!
Мы с тобой заползли так далёко,
Тащит нас завидущее око.

А болото багульно, угарно,
А болото угрюмо, коварно,
Манит клюквенной кочкою рыжей.

Эх, рискнем!
Доползем!
Клюква брызжет
Яркой радостью полных корзинок.

Так хватаем, как будто на рынок.

Но ни ягодки на продажу,
То железное правило наше:
Столько сил и опасного ражу,
Так что клюковка золота краше.

ГАТЧИНСКОМУ РЕАКТОРУ

Привет, таинственный
и сумрачный сосед!
Мы рядом не одно десятилетье.
Нас не столкнул пока парад планет
И ветер времени
не исхлестал нас плетью.

Пока живем... И ты живешь, и я.
У каждого забот своих немало,
В быту — я, ты за гранью бытия.
Я от своих забот уже устала,

Но лучше будет все перетерпеть.
Перемолоть.
Ты — в жерновах науки,

Твои нейтроны корчатся от муки,
Ученые их заставляют громко петь

Во имя постижения миров
И тайн материи, и глубины сознания.
Когда же выйдет срок

твоим исканьям,
Не оставляй пучки нейтронов
без оков.

Таинственный и грозный мой сосед!
Ты неизбежен, мы в одной стихии,
Притерлись и друг другу не чужие,
И впереди у нас немало общих лет.

* * *

На радость людям и на радость мне
Взошло сегодня солнце, как впервые,
Оно лучи рассыпало златые,
Листы горят в живительном огне.

И словно бы при сотвореньи мира
На зарожденье капелек росы
Гляжу. И зло уже не тяготит весы.
Я чувствую, как трепетная лира
Мне в душу заронила слово-свет.

Наверно, так рождается поэт.

ПОЭЗИЯ

Яков МАРКОВИЧ

«РОССИЮ ТАК НЕЖНО ЛЮБИТЬ МОГУТ ТОЛЬКО ПОЭТЫ»

Яков Семенович Маркович родился в 1941 г. в Баку. Служил в Советской Армии. Окончил Московский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию в ИМЛИ. Публиковался в «Новом мире», «Литературной России», «Литературном обозрении», «Книжном обозрении», «Литературной учебе», «Южной звезде», «Дружбе народов», «Сибирских огнях», «Подъеме» и др. **Живет в Москве.**

* * *

Шел я долго-долго, размечтался —
И дорога — человеческий признак —
Призраком растаяла в безмолвье.

Вдруг змея на древе зашипела —
И вскричал я:

«Боже правый, где я?!»
«Ты в Эдеме, ты не заблудился».

Тучам вслед умчалась, плача, тучка —
И в одежде божьего фасона,
Словно девушки, кизил краснеет.

Иволга печалится о чем-то —
И развесили слоновьи уши
Груши — уши слушающих веток.

Ветер в люльке тишины проснулся —
И, волнуясь нежно, лес нагорный
Морем расшумелся шепеляво.

Я прилег на бархатной опушке —
И, повеяв древним ароматом,
Мятный дух наваял сновиденье.

Я на острове, в своей отчизне —
И в округе шепелявят волны
Вольный свой рассказ о бытии.

* * *

Поле что степь. Я бреду к окоему,
А неумная тень — впереди.
Сонно глядит раскаленное солнце,
Бьется лениво сердце в груди.

Тень впереди. Ее вижу, а где я?
Я сновиденье тени своей,
Солнца, полей, несказанной печали,
Долгих причалов на смятой траве.

Из муравы муравей быстроногий
Новой дорогой — по мне — зашагал.
Мал, а туда же, в ту степь, к окоему,
Как и моя неумная тень.

Темь съела тень мою — и под луною
В миг с муравою пошло все ко дну.
Вижу луну я сквозь слезы, а поле
Боле не вижу, не вижу страну.

* * *

Отцу

Брожу по тучам чернолесья,
Не весь я здесь, душа у моря,
И взгорья волн вздымают кручи,
Где тучи, как рубин, сверкают.

И вновь шагаю я по войнам,
По волнам с знаменем Отчизны,
И призраки бойцов отважных
Веду я в бой во имя жизни.

Черкает путь мой темный ливень, —
Тоскливей песни я не знаю, —
Но вдруг знаменье огневое
В босое детство возвращает.

Ах, хвойный лес, ах, мое море.
Заговоренный вами что ли,
Или исполнен весь я боли
Любви и неизбывным горем?

* * *

О, Русь моя! Жена моя! До боли...

А. Блок

Я обожаю женщин,
Но не сравню их с тобой,
Россия,
Потому что ты прекраснее,
Потому что ты благодарная,
Потому что ты зажгла в городах
Вечный Огонь

И святишь
Могилу Неизвестного Солдата,
Прах моего отца
Или его друга,
Или друга его друга —
Твоих Спасителей.

* * *

Он выпил последний бокал,
Отвернулся на койке к стене
И навеки ушел.

А он ходил по земле,
Замороженной холодом власти.

Говорят, что жена зарыдала
(Актриса она),
Он умер, с ней не простившись.

Как влюблен был он в жизнь,
В одинокую жизнь
Безграничных лесов и степей —
В этот праздник средь жуткого быта!

Чехов стихов не писал,
Потому что считал,
Что поэзия —
Это полет в небеса,

Чехов — поэт, несомненный поэт,
Ведь Россию так нежно любить
Могут только поэты.

* * *

Свиристель — малышка, но малый из обжор,
А еще жонглер он на сборе урожая,
Обживая радужно зимнюю рябину,
Он рубины на рябине вмиг уничтожает.

Крапинки рубинов и топаз в надкрыльях,
В черносливах крылья, брови, подбородок,

Братец он удода хохолком моднучим,
Лучший из породы чудных от природы.

Розовый как роза — птица и цветок —
И как флейты дальней нежный голосок.

* * *

Погасла лампада.
Не надо света.
Ночь оплачу
Горючей слезой...

Эти объятья ее,
Или ангел
Крылья сложил
За моей спиной?

ВЫШЛА КНИГА

Хайрюзов В. Н.

Мы же русские! Записки сибиряка / Валерий Хайрюзов. — М.: Вече, 2018. — 480 с.: ил. (Моя Сибирь).

В новую книгу Валерия Хайрюзова «Мы же русские!» вошли очерки и рассказы, объединенные темой Сибири, Прибайкалья, людей, проживающих ни перстах Байкала, Ангары и Лены, названия которых сегодня известны всему миру. Автор рассказывает о людях, еще вчера сидевших в кабинах самолетов, работавших в редакциях газет, о сибиряках, предки которых не на самолетах, а на лодках и кочьях, имея под рукой всего-то лишь топор да пицаль, без компасов и мобильных телефонов двигаясь на восход солнца, преодолели и обжили огромные территории от Каменного Пояса до берегов Великого океана. Героям Валерия Хайрюзова выпала судьба быть не только свидетелями, но и уже на рубеже тысячелетия стать участниками исторических событий, происходивших на нашей земле.

Летчик, командир корабля, пилот первого класса Валерий Хайрюзов родился в Иркутске в 1944 году. Окончил Бугурусланское летное училище и Иркутский государственный университет. Широкому кругу читателей он известен по книгам: «Непредвиденная посадка», «Опекун», «Приют для списанных пилотов», которые были отмечены премией Ленинского комсомола. Автор книг «Почтовый круг», «Истории таежного аэродрома», «Иркут», «Колыбель быстрокрылых орлов», «Колумб Вселенной», которые были написаны в последние годы. В. Хайрюзов лауреат Национальной литературной премии имени Валентина Распутина и Большой литературной премии России.

ПРОЗА

**Анатолий
БЕЛИНСКИЙ**

ГРОМОЗДА

Анатолий Иванович Белинский — родился в 1926 г. в с. Подлесовка Ямпольского района Винницкой обл. Работал в колхозе, служил в Советской армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, возглавлял редакцию художественной литературы «Лениздата», главный редактор издательства «Дума». Автор многих книг прозы и публицистики. Член Союза писателей с 1979 года. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Он появился в партизанском отряде летом сорок третьего года — худенький босоногий мальчишка, одетый в какую-то рвань. Белокурая головенка его вся была покрыта струпьями, руки, изъязвленные чесоткой, кровоточили. Под толстым слоем грязи личико его казалось смуглым, на лице — голубые не улыбающиеся глаза. Через плечо у мальчика висела на бечевке пустая холщовая сумка.

Командир подрывников Гриша Москаленко привел его ко мне и сказал:

— Командир, парень хочет с тобой поговорить.

Я тогда сидел в землянке, составлял сводку боевых действий за месяц. Глянул на парнишку — лет ему семь, не больше. Какая причина привела его сюда?

Глядя на меня строгими глазами, мальчуган почесал ногу об ногу и спросил:

— Ты — Карцев?

— Ну, Карцев.

Он полез в свою торбу, достал оттуда лист бумаги, сложенный вчетверо, с оторванными уголками, — видно было, что бумагу не очень аккуратно сорвали со столба ли, со стены.

— Это про тебя написано? — спросил мальчуган, протягивая мне листок.

Я развернул его: это была немецкая листовка, в которой говорилось, что за голову партизанского командира Карцева, живую или мертвую, немецкое командование давало пять тысяч рейхсмарок, три пуда соли и дом в любом месте Идрицкой волости. Такие листовки мне уже приносили партизаны.

— Про тебя написано? — допытывался мальчуган, и голубые глаза его глядели на меня, не мигая.

— Про меня.

Тут на его лице впервые появилось что-то похожее на волнение, даже глаза вдруг закосили.

— Я хочу в твой отряд, партизаном, — заявил он.

— Как тебя зовут? — спросил я его.

— Громозда.

— А по-настоящему?

Он пожал плечами:

— Меня все так зовут.

По его выговору я догадывался, что паренек — белорус.

— А где ж твой отец да мать?

Мальчуган отвернулся, ответил, не глядя на меня:

— Нету батька. И матки тоже нету.

Гриша Москаленко, что молчал до сих пор, вмешался в разговор:

— Говорит, фашисты деревню сожгли, а мужиков и баб с ребятишками всех расстреляли. Один он спасся.

— Какую деревню?

Паренек молчал, а Москаленко охотно объяснил:

— Он сам не знает. Я спрашивал, так выходит, что где-то возле Езерища. Месяц скитается один.

Я внимательно посмотрел еще раз на мальчика:

— Что же ты, Громозда, умеешь делать?

Тот вскинул на меня не улыбочивые глаза и ответил:

— Петь умею и фашистов ругать.

Я подумал и сказал:

— Надо тебя, Громозда, сперва помыть, почистить, одеть, а тогда уж решим, что с тобой делать.

Вызвал к себе нашего фельдшера и приказал:

— Парня привести в надлежащий вид, он чесоточный.

— Ну, что ж, натрем сейчас толу — будем лечить, — ответил фельдшер.

С медикаментами у нас в то время туго было, чесотку мы лечили взрывчаткой.

Когда фельдшер увел мальчугана с собой, я снова принялся за сводку и скоро забыл про парнишку.

Часа два спустя, закончив работу, вышел из землянки и еще на пороге услышал громкий смех и тоненький ребячий голосок, который что-то пел. Возле бани толпилось человек двадцать партизан, а в их кругу стоял Громозда. Его успели уже вымыть и переодеть — на нем были солдатские шаровары, обрезанные до колен и кое-как ушитые в поясе, ситцевая рубашонка его уже была кем-то выстирана. И сам паренек весь посветлел после мытья: волосы — белые как лен, на лице оказалось бесчисленное множество конопушек. Все его болячки, язвы и ссадины были окрашены желтым толовым порошком.

Увидев меня, партизаны, улыбаясь, расступились. Кто-то подзадорил паренька:

— А ну, Громозда, давай еще!

Громозда, нисколько не смущаясь, стал притопывать ногами на одном месте и запел. Это, скорее, было не пение, а просто он тоненьким протяжным голоском проговорил частушку про фашистов. Частушка была хлесткая, забористая, партизаны прямо покатывались со смеху. Один Громозда не улыбался.

Я не знал, что сказать. Конечно, партизанский отряд — это партизанский отряд, тут в разговоре не всегда употребляют только учтивые выражения. Но слова частушки, которую пел Громозда, вряд ли были уместны в устах семилетнего паренька.

А Громозда запел уже новую частушку, все так же притопывая босыми пятками на одном месте. И все так же глаза его не улыбались. Эта вторая частушка была про то, как партизаны разгромили фашистов и те, убегая через болото, оказались все до единого без штанов.

— Ну, Громозда, ну парень! — сквозь смех произнес Гриша Москаленко и тут же предложил: — Командир, а командир, оставим парня в отряде? Один он, пусть живет у нас...

Я и сам подумал: ты, Громозда, и не представляешь, какое большое дело делаешь — веселишь партизан, воспитываешь в них презрение и ненависть к фашистам.

Громозда остался у нас в отряде.

Вечером я сидел в штабной землянке у стола, изучал в который раз карту района. Жизнь партизан — особая жизнь. Отряд не может бездействовать, он должен уничтожать врагов. А чтобы успешно провести операцию против фашистов, нужно каждый раз тщательно готовить ее: правильно выбрать место нападения, продумать, как подойти к этому месту незаметно, что предпринять, если фашисты обнаружат тебя или их окажется больше, чем ты ожидал. Да мало ли какие случайности могут произойти! И все надо предусмотреть заранее. Одним словом, подготовка операции — половина ее успеха.

И вот сижу я за картой. На столе в глиняной плошке фитилек горит, потрескивает. Вдруг вижу: спускается в землянку Громозда. Подошел к столу, сел, молчит. Молчу и я, жду. Тогда он и говорит:

— Товарищ командир, надо мне на задание идти!

— Ну, что ты, Громозда, — говорю ему, — посиди, отдохни немного. Наберешься сил, а там, может, и пошлем тебя на задание.

А сам думаю: какое тебе задание, парнишка ты мой!.. Ну, еще помогать хозяйственникам, для кухни хворост собирать или там картошку чистить — куда ни шло!..

На другой вечер он снова ко мне пришел:

— Товарищ командир, мне пора на задание идти!

Я, конечно, снова отказал ему, дал какое-то пустяковое поручение по хозяйству. Больше он ко мне не подходил с просьбой о задании.

Мы в то время готовились к «рельсовой войне» против фашистов. Конечно, мы и раньше подрывали на железной дороге фашистские эшелоны. Но летом сорок третьего года пришел приказ: всем партизанским отрядам быть готовыми, чтоб в одну ночь вывеси из строя всю железную дорогу, на много километров. Так что дел у меня в то время был много, и я забыл про Громозду. Вернее, не забыл, а просто не очень-то обращал внимание на то, где он и что делает. Знал только, что Громозда привязался к группе Гриши Москаленко, там его опекала Фрося Гришмановская, наш комсомольский секретарь.

Иду как-то по лагерю — вижу: сидят рядышком Гриша Москаленко и Громозда. Громозда просит Москаленко:

— Рассказал бы ты мне, Гришка, как эти поезда подрывают.

— Просто подрывают, — ответил Москаленко. — Видел когда-нибудь, как поезд по рельсам идет?

— Видел, сколько раз видел!

— Ну, так вот: поезд тяжелый, от него даже рельсы гнутся, когда он едет, такой тяжелый. А мы подкладываем под рельсы мину. Как фашистский эшелон подойдет, рельс прогнется, надавит на взрыватель — тут мина и шарахнет: будь здоров фашистский эшелончик!

Громозда слушал его внимательно.

— Фашисты, конечно, тоже не дураки, — продолжал Москаленко. — Как партизаны стали их взрывать, так они начали ездить медленно-медленно, пешком можно догнать. И перед каждым паровозом они теперь цепляют две железнодорожные платформы.

— Зачем цепляют?

— А затем, что наедет платформа на мину, мина взорвется, платформа — в воздух, а паровоз цел. Понял?

Громозда взволновался:

— Так и уйдут?

Москаленко снисходительно улыбнулся:

— От нас далеко не уйдут! У партизан тоже на плечах головы есть, мы на их хитрость тысячу своих хитростей придумаем. Ты как считаешь, что тяжелее — паровоз или платформа?

Громозда долго думал, потом сказал:

— Паровоз тяжелее. Он такой большой, черный...

— Ну вот, — одобрительно кивнул Москаленко, — значит, от паровоза рельсы гнутся больше, чем от платформы, так? Вот мы и установим мину поглубже, чтоб если платформа пройдет над миной, то ничего, а если паровоз наедет — тут мина и шарахнет! Понял?

Громозда помолчал-помолчал и сказал:

— Ты дай мне, Гришка, мину: я тоже хочу шарахнуть!..

Москаленко рассмеялся:

— Подрасти немного!

Прошло дней десять, а может, и больше, как вдруг передают мне наши разведчики, что видели на днях среди немцев на станции Идрица нашего Громозду. Я встревожился: мы собирались через день послать на операцию группу Москаленко, а ну как Громозда что-нибудь знает об этом да, может, расскажет кому?

— Где сейчас Громозда? — спросил я дневального.

— Где-то тут бегал, — отвечает. — Вон там, у озера, сидит на бревне.

Я хотел послать за пареньком, но раздумал и сам направился к озеру. Еще не доходя до бревна, на котором сидел Громозда, я услышал его тоненький голосок, он пел какую-то песню. Я остановился, прислушался. Громозда, не видя меня, пел:

*При дорожке, при дороженьке,
что идет обходом на Рязань,
в рубашонке сереньким горошком
там лежит убитый партизан.
Кровь текла и красила рубашку,
призакрылись карие глаза.*

*Эх, зачем веселый наш, Ивашечка,
ты пошел обходом на Рязань?..*

Он замолчал, и я шагнул вперед. Увидев меня, он не поднялся, продолжал сидеть на бревне, свесив босые ноги прямо в воду. Я присел рядом с ним, только лицом в противоположную сторону. Плечи наши соприкасались.

— Ну, что, Громозда, делаешь, как живешь? — спросил я его.

Он не ответил.

— Ты, говорят, вчера в Идрице был? — допытывался я. — Как ты туда попал?

Не глядя на меня, он вздохнул и сказал:

— На задание ходил.

— Кто ж тебя посылал на задание?

Он с беспокойством взглянул на меня и спросил:

— А вы не будете ругать его?

— Кого?

— Та Гришку Москаленка.

«Вот в чем дело!» — сообразил я наконец.

— Он тебя посылал в Идрицу?

— Гришка дал задание. А не дал бы — я б сам ушел! Вы Гришку не ругайте! Не будете ругать?

— Да. Не буду, — пообещал я. — Только надо бы и меня спросить, я все ж командир отряда.

— А вы не пустили бы. Я уже просил.

Громозда был прав. Я просидел с ним еще немного, потом возвратился в землянку, приказал найти Москаленко. Гришу не нашли, вместо него пришла Фрося Гришмановская.

— Где Москаленко?

— На складе, получает боеприпасы. Сейчас придет.

Я нахмурился.

— Что же вы с Гришкой мальчика не жалеете, Фрося? Куда это годится, такого пацана подвергать опасности? Не ожидал я от тебя!

Фрося покраснела.

— Товарищ командир, он же сам пошел! То есть не сам, а сказал: «Не даете мне задания — сам уйду, убью какого-нибудь фашиста!» И пошел бы, пропал бы ни за что! Мы подумали-подумали и решили: пусть пойдет, что ли, в разведку — на него никто не подумает. И опасности все ж меньше...

Говорим мы с Фросей, а тут и Москаленко явился. Я к нему.

— До чего, — говорю, — ты товарищ Москаленко, дошел: пацана не жалеешь!..

— Евгений Васильевич! Товарищ командир! Да что ж, я сам не понимаю, что ли? Ну, не удержать парня! Он знает какой, Громозда? Вы ж видите — никогда не улыбнется. У него одно в голове — фашистов надо бить!

— Ну, ладно, был в разведке — и довольно! — говорю им. — Больше не посылайте, а то он еще захочет с вами на «железку» пойти, эшелон подрывать!..

И вдруг вижу: мои подрывники мнутя, друг с другом переглядываются.

— Что вы? — спрашиваю.

Гришка отвечает:

— Он, товарищ командир, уже ходил с нами один раз... Но вы не думайте, мы его бережем! Мы его близко не подпускаем, чтоб не случилось чего. Потом, правда, посылали его потолкаться среди людей, узнать результаты взрыва. Принес точные сведения.

— Вы это бросьте, — говорю, — нечего рисковать мальчуганом. Больше ни на какие задания Громозду не брать!

— Есть не брать Громозду! — отозвался Москаленко.

Он со своими подрывниками ушел на задание в ночь. А утром кинулись искать Громозду — нет парня. С вечера был в отряде, возле кухни вертелся, потом видели, как пошел спать в землянку, а наутро и след простыл. Часовые клялись, что никто из лагеря без разрешения не уходил, и все ж Громозда исчез.

На другой день к вечеру вернулся с задания Москаленко со своими подрывниками, вижу: весь даже почернел. У Фроси глаза опухли от слез, третий подрывник, Серебряков, в глаза не смотрит.

— Командир, — докладывает Москаленко, — задание мы выполнили, пустили эшелон под откос. А только потеряли мы паренька, Громозду...

— Как потеряли? Громозду?!

Гриша мне и рассказал все по порядку.

Отправились они в путь. Не успели еще отойти километров пять, как их догнал Громозда. Они стали просить его, чтоб вернулся, приказывали ему, гнали от себя — не слушается. Сказал:

— Вы на задание идете, и я тоже иду на задание. Вы сами по себе, и я тоже иду один, без вас!

Пришлось взять его с собой. Так и пошли вместе. Шли долго, к утру вышли к железной дороге. Место было разведано раньше: крутой поворот, высокая насыпь. Тут, если подорвать паровоз, весь эшелон кувыркнется, даже если идет медленно.

Почти к самому полотну железной дороги подходило ржаное поле. Лежа во ржи, партизаны видели, как медленно прошел по насыпи фашистский патруль — солдаты в касках, с автоматами на ремнях. Как только они скрылись за поворотом, Москаленко и Серебряков быстро выскочили на насыпь, установили мину и возвратились к Фросе и Громозде, которые ожидали их во ржи.

Послышался гул идущего поезда. Подрывники начали отход — становилось светло, и здесь, во ржи, их могли заметить сразу. Они успели выйти к опушке леса, когда на «железке» раздался взрыв. Отсюда, от опушки, не было видно того места, где они установили мину, однако, судя по взрывам, грохоту и скрежету металла, по треску выстрелов эшелон они подорвали.

— Теперь дай Бог ноги! — сказал молчаливый Серебряков. — Сейчас они из Идрицы подьедут, начнут прочесывать кругом.

— Начнут-то начнут, — возразил Москаленко, — но надо посмотреть, как сработала мина. Хоть издали глянуть. Вы, ребята, отходите к Чайкиному моху, а я гляну одним глазом — и сразу вас догоню.

Фрося с ним не согласилась.

— Не дело это, Гриша, одному оставаться. Или давайте все вместе, или совсем не ходи.

— Как так — не ходи? Я командиру должен сказать то, что видел собственными глазами, а не выдумывать. А я не видел, как там эшелон фашистский, может, он весь целый остался.

Пока спорили, Громозда бочком-бочком отошел в сторону, ближе к полю, а потом крикнул издали:

— Вы тут побудьте, я разведую!

И исчез во ржи.

Подрывники опешили, потом Москаленко бросился вслед за мальчишкой:

— Громозда, стой! Громозда, не надо!

Но паренек его не слушал, голова его скрылась во ржи — он бежал к железной дороге, Москаленко ринулся вслед за ним. Он наверняка догнал бы мальчика, как вдруг над головой его свистнула пуля: со стороны железной дороги по ним стреляли фашисты. Москаленко успел заметить развороченное взрывом полотно дороги, дымящиеся покореженные вагоны и вдали — немецкую мотодрезину с солдатами. Оттуда, с дрезины, и стреляли из пулемета.

— Громозда, назад! — не своим голосом крикнул Москаленко.

Мальчик и сам наконец заметил, что по ним стреляют, упал в рожь, на четвереньках пополз назад, к опушке.

— Гриша! — окликнула их Фрося. — Каратели! Обходят по большаку!

Москаленко оглянулся и увидел: вдали, на противоположном конце поля, медленно движется грузовая машина с фашистами. Еще минута — и она будет здесь, путь к отходу будет отрезан. А в этой ржи их переловят, как перепелов.

— Громозда, бегом! — крикнул Москаленко.

Но мальчик не откликнулся, его даже не было видно.

Москаленко вскочил и бросился туда, где еще минуту назад был Громозда — мальчика там не было, только в глубь поля тянулся след примятой ржи: видно мальчишка сбился с направления.

— Громозда! — еще раз окликнул Москаленко.

Остро и тонко свистнуло возле уха, фашистская очередь срезала прямо перед ним несколько колосков. Москаленко рухнул в хлеб, краем глаза успев заметить, что машина с фашистами уже близко. Оттуда, с машины, стрекотали автоматные очереди.

Медлить было нельзя — уже и так, кажется, было поздно. Надеюсь, что фашисты, увлеченные погоней за ним, быть может, не заметят Громозду, Москаленко рванулся вперед, к лесу. Упал, снова вскочил. Вокруг свистели пули, но он успел добежать до опушки невредимым. Фрося и Серебряков открыли огонь по фашистской машине, немцы запрыгали с машины, развернулись в цепь. Партизаны перебежками, то и дело отстреливаясь, углублялись в лес, прочь от дороги.

Они ушли от карателей и к вечеру следующего дня вернулись в отряд, а где-то там, среди поля поспевающей ржи, окруженный фашистами, остался белоголовый паренек с голубыми не улыбающимися глазами.

Я молча слушал рассказ Москаленко. Я не мог обвинить его в том, что он сделал что-то не так. Он не был виноват, что Громозда не послушался. Но мальчик погиб.

А может, не погиб?

Я вызвал заместителя по разведке и приказал послать кого-нибудь в Идрицу: может, удастся узнать о судьбе мальчика.

Дня через два мне доложили, что в тот день каратели вели по улицам Идрицы окровавленного мальчишку, по приметам похожего на Громозду:

лет семи, в солдатских шароварах. Но что с ним сделали фашисты — никто не знал. Скорей всего казнили, хотя никто не мог подтвердить этого.

Партизанская жизнь всегда сопряжена с опасностью. Мы часто теряли в боях товарищей, но долго не хотелось верить, что Громозда погиб.

Иной раз сидишь у стола, и вдруг почувдится, что рядом стоит белоголовый парнишка со строгим взглядом. Стоит, молчит, а потом скажет:

— Командир, надо мне на задание идти...

ВШАА КНИГА

Коняев Н.М., Титков Е.П.

Дорога в империю. Арзамасский узел русской истории / Н. М. Коняев, Е. П. Титков; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас: Арзамасский филиал ИНГУ. 2017. — 336 с.

Легендами окутан древний русский город Муром с его святыми Петром и Февронией, с его богатырем Ильей Муромцем.

Здесь в былинном Муроме на берегу Оки стоял Иоанн Грозный, наблюдая, как переправляются на другой берег уходящие в казанский поход полки. С этой переправы и начинается русская история Арзамасского края.

Станы Иоанна Грозного становились здешними селами, а Царская дорога, Сакма, как ее называли тогда, дорогой всей Руси...

Но по этой земле проходит еще одна Царская сакма, дорога, по которой ездили в орду Великие князья. Здесь, на берегу Волги, стоит древний Городец, где зашло в 1263 году Солнце земли русской, где скончался святой благоверный князь Александр Невский, который, повенчав Русь со степью, определил ее путь на много веков вперед.

Арзамас, как и весь Нижегородский край, находится в перекрестье Дивеевского монастыря и Пушкинского Болдино, былинного Мурома и Сарова, в переплетении великокняжеского пути Александра Невского и Царской сакмы Иоанна Грозного.

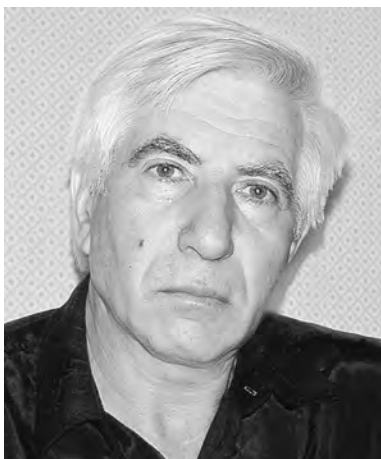
О духовной энергетике края и рассказывает повествование Николая Коняева «Арзамасский узел».

Это путешествие по Нижегородскому краю и по времени органично дополняет документальная повесть Евгения Титкова «Сталинский патриарх», рассказывающая о патриархе Сергии (Страгородском) выросшем — он учился в Арзамасе! — в перекрестье духовных лучей, исходящих от великих православных святых, расположенных на этой земле.

Книга адресована всем, кому дорога история нашего Отечества.

ПРОЗА

Василий ЗАБЕЛЛО

БУРУНДУК

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 г. в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966—1969 гг. служил на флоте, имеет 42 года рабочего стажа. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России с 1993 г., избирался председателем Иркутской писательской организации. Награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». **Живет в г. Байкальске Иркутской области.**

Николаю Александровичу Смородникову было 76 лет. Выглядел он довольно бодро. В коренастом суховатом теле проглядывалась размеренная крепость и осторожная, но твердая поступь, присущая человеку таежному, наблюдательному. По-знакомились мы в тайге по дороге к выселкам. Наша машина спускалась с Дабана, по водительской неопытности села мостом на карчу. Ни взад, ни вперед. Место было болотистое, поросшее молодым чахлым березняком. Поросль для рычага не годилась: гнулась, ломалась. Тут-то и объявился, как из-под земли, Николай Александрович. Одет он был по-таежному: в суконный костюм и резиновые мокроступы.

— Что, сидим? — спросил, как бы для порядка. — Вон, ребята,azole взлобка сушинка стоит, она подойдет.

Листвяжную сушинку мы видели, но даже не подумали воспользоваться, уж больно трухлявой казалась.

— Это с виду, — заметив наше замешательство, продолжил Николай Александрович, — зато сердцевина каменная.

Мы переглянулись, но возражать не стали, пошли за стягом. Николай Александрович оказался прав. Листвяжок в самом деле был упругим и прочным. Кузов одним нажимом сняли с карчи и поехали дальше. Николай Александрович с нами. Пока ехали, я узнал, что он — профессиональный охотник и у него на руках имеется договор на заготовку кедрового ореха. В данный момент Николай Александрович осматривал свою деляну, оценивал урожай. Я стал напрашиваться к нему в товарищи, давно мечтал пошишковать, да и деньжат подзаработать. Николай Александрович посмотрел на меня наметанным взглядом и дал добро.

В семидесятые годы прошлого столетия было не просто получить разрешение на заготовку кедрового ореха. Промышленные урочища в отрогах Хамар-Дабана находились под контролем промхоза и лесничества. По договору артель была обязана сдать орех на базу. Для каждой артели отводился участок, обозначенный границей, так что любой случайный человек попал под пристальное внимание и был вне закона.

Через неделю мы зашли на деляну. Затаборились. Срубили сайбот для складирования шишки и занялись заготовкой. Я ходил под колотом, а Николай Александрович с третьим товарищем собирали шишку. Для первой обработки условились наколотить сорок крапивных мешков. Погода баловала, шишка была намолотной, вызревшей, так что двух-трех ударов было достаточно, чтобы кедр отдал весь урожай, который шумно осыпался под крону. Товарищи споро подбирали паданку, а я уже протрясал следующий кедр. Ударись, и сразу под колот, чтобы шишка по голове не саданула, затем переходишь к другому, рядом стоящему. Однажды замешкался, и шишка, падая с двадцатиметровой высоты, зарядила по темени, подпрыгнув, отлетела в кусты. Благо, — кепка спасла, а то бы двух пудов колот из рук выпустил. Николай Александрович, как будто ждал этого момента, угрюмо пошутил: «Хорошо мозгов нет, а то бы стряс». Невольно подумалось: у меня мина наперекос, а ему смешки, но тут же, в такт третьему товарищу, через боль ухмыльнул и я. Потерев ушибленное место, перешел к другому дереву, примерил колот по высоте удара и со всей силы приложился. Сотрясение кедр внезапно породило отчаянный свист бурундука. Смертельно испуганный зверек, опасаясь за свою жизнь, заметался по веткам. Я отступил. Вскоре бурундук, убедившись, что угрозы нет, спустился и молниеносно юркнул под корни. Стало понятно: здесь у зверька гайно с кладовой.

Кто не знает этого шустрого таежного зверька с темными продольными от мордочки до хвостика полосками? Бурундук — зверек оседлый. Облюбовует развесистый с густой хвоей кедр, поселится в корнях, тут же и кладовую устроит. Заготовит ядерного ореха от своего могучего кормильца, чтоб зернышко к зернышку, — и зима не страшна, знай, свернись калачиком да посыпав в теплой норужке до первых апрельских опечков. Обычно одного кедр для прокорма зверьку хватает с лихвой. Хорошо, если год урожайный, а случись голодный, или кедровка шишку спустит, тогда — беда, много по тайге в поисках кормового припаса не нарыскаешь. Зверек хоть и ловок, да быстро устает. Спирально взбежит по стволу, проверит плодоносные ветки, сбросит две-три шишки на мох под кедром и скорее, так же по спирали, вниз вышелушивать зерна. Набьет отборным орехом щеки и в кладовую на хранение. Из четырех-пяти шишек выходит стакан. А их надо заготовить не менее семидесяти. Вот и приходится бедняге всю осень до снега трудиться. А тут еще и дожди мглистую занавесь опустят, потому в ненастье зверек пронзительно свистит и уробно взбулькивает, будто ругается и плачет.

Бурундук никому не враг, живет только своим трудом. Зато у него, кроме дождя, врагов хоть отбавляй. Поживиться плодами чужого труда, будь здоров, всегда найдутся охотники. Из них самый жестокий — медведь, бродит по тайге и вынюхивает, где орехами да бурундуком пахнет. Учуёт, разроет когтистой лапицей кладовую зверька и, пофыркивая, зажуёт припас вместе с хозяином. Также не прочь полакомиться зверьком и его

запасом соболей, колонок, горностаев, а то и круглолицая, с загнутым клювом неясить, зазеваешься, с лету схватит и унесет в подарок своей подружке, только шерстка клочками по веткам разлетится. Даже мыши — рыжеватые куцехвостые полевки — и те норуют в отсутствие хозяина пробраться в кладовую и украсть орешки. Трудная жизнь у бурундука, как ни осторожничай, а опасность всегда возле.

Помнится, выдался неблагоприятный год. В верховьях прошли пожары, и с погорелых мест бурундуки в большом количестве стали мигрировать в другие тайги. Миграция краем прошла через деревенские усадьбы, дачи, вышла к реке и, не останавливаясь, стала переправляться на другой берег. У бурундука хвост длинный и ворсистый, чтобы не намочить, держит трубой, смотришь, то там, то здесь плывут маленькие кораблики, только трубы торчат, не дай Бог, ленок схватит или течением в шиверу снесет, тогда гибель. Намокшие хвосты потянут ко дну. Не многим мигрантам удалось переправиться на другой берег. Старые охотники говорили: «Хозяин одной тайги проиграл в карты хозяину другой тайги».

Мы, мальчишки, ради забавы ловили полосатых проказников на капустной грядке, привязывали к шее поводок из дратвы и таскали за собой. Поначалу бурундук упирался, старался выкрутиться, дергался, подпрыгивал, верещал, но вскоре смирялся и становился покорным. Пойманные зверьки быстро привыкали, становились доверчивыми. Мы, конечно, их подкармливали, помню, Пугин Миша — ровесник мой — приручил бурундука настолько, что тот забирался к нему на плечо, по-хозяйски устраивался и грыз хлебную корочку. Он с ним даже в клуб кино смотреть ходил. Но одомашнивание бурундука, как ни старайся, приводит к печальному исходу: то собака задавит, то кошка скараулит.

Незабываемо хороши после трудового дня таежные вечера на Дабане. Медленно сгущаются сумерки, с западной стороны на небосклоне появляется яркая, отливающая стальным холодным блеском, звезда. Какое-то время она неотразимо захватывающей красотой царствует в небесной сфере, но сумерки уплотняются, и одна за другой из небесной пучины проклевываются новые звезды и звездочки, далекие и близкие, и вскоре становой хребет Хамар-Дабана исчезает в ночной непроглядной саже. Остается только небо, густо усеянное мерцающими огоньками звезд, да костерок, вокруг которого собираются артельные товарищи.

К нашему костру со своими дровами подошли соседи, для порядка спросили:

— Можно присоединиться?

— Присоединяйтесь, места не жалко, — Николай Александрович был доволен почином (семь крапивников взяли) и, судя по интонации, пребывал в хорошем настроении, обыденно спросил:

— Ну, как успехи?

— Да так, жить можно.

— Что и говорить, урожай — грех обижаться.

О чем только не говорят артельщики, собравшись у костра, какие только темы не обсуждают. И про мировую закулису услышишь, и про современную Хазарию. Говорят обо всем, кроме женщин. Но о чем бы ни судачили, все равно разговор повернут к ремеслу, к тайге и ее обитателям.

— Мы вчерась, — заговорил один из подошедших, — нашелушили ведро ореха, хотели сегодня покалить, да каленого у костра вечером пощел-

кать, а закрыть на ночь забыли. Утром глянули — ведро пустое, бурундук перетаскал, не более двух горстей осталось и те — охвостье без зерен.

— Ничего удивительного, бурундук пустой орех не понесет, если есть чем поживиться с малой затратой сил, фарт не упустит. Представь, или на дерево ему залазить, или из ведра взять, — Николай Александрович обозначил свое суровое резюме и с ухмылкой взглянул на соседа, дескать, «варежку» не разевай. Тут же поведал о случае из своей таежной жизни, даже не поведал, скорее, хвостанул.

— Как-то подошел к бортяжному кедр, а сверху шишка упала на редкость убористая, с крупным орехом. Я поднял, положил в карман. Смотрю, вторая падает, да такая бравая, лучше первой, прибрал и ее, падает третья, думаю: кто же гостинец посылает? Стою, жду — може еще упадет. Смотрю, бурундук спускается и в черничник к тому месту, куда шишки падали. Покрутился, порыскал, нет шишек, я стою не шевелюсь, наблюдаю. Бурундук еще малехо покрутился, потом столбиком встал, уставился на меня. Я замер, интересно, что дальше будет? Бурундук подбежал ближе, примерно с полметра от меня остановился, потянул мордочку кверху, как-то по-своему угрожающе заворковал и в каку пору на груди моей оказался, и — в лицо, еле отмахнулся. А он опять заскочил на грудь, на плечо, на голову, по спине брызнет, машу руками, еле отбиваюсь, а он соскочит и опять в драку бросается. Главно, свистит и хвост трубой. Вот учудил так учудил.

На этом Николай Александрович затих, молчали и мы, потом у меня как-то само собой вырвалось:

— Так вы шишки-то ему отдали?

В ответ Николай Александрович усмехнулся и бравадно так рукой отмахнулся.

— Обойдется, он себе еще достанет.

Кто-то из соседей:

— Как же так, обидели маленького зверька, хоть бы одну шишку отдали, трудился ведь.

Более никто слова не проронил. Костер догорал и вскоре совсем зачах. Повеяло ночным холодом, и все разошлись готовиться к ночлегу.

Не спалось, навязчиво думалось про бурундука, который самоотверженно отстаивал свой труд и защищал жизненное пространство. То, что бурундуки между собой дерутся, сам видел, но чтоб с человеком... Бывалые таежники рассказывали: разорить кладовую зверька, значит, обречь его на погибель. Бурундук от безысходности ищет на дереве рогатку, просовывает голову и зависает. Вспомнилось, как сам обрек на гибель пищуху, прозванную сеноставкой. В азарте, выкуривая соболя из-под корней могучного кедра, спалил грядку высушенного черничника, заготовленного пищухой на зиму. Наверняка зиму она не пережила. Неуютно было на душе, мучительно. Уснул только под утро. Разбудил голос Николая Александровича: «Васюха, вставай, проспали!»

Через пару дней по таежной традиции снова собрались у костра. Подошли соседи узнать, как дела, и просто пообщаться. Как обычно, разговор сначала завел в дебри за политику: один говорил, что жизнь пошла не по Ленину, пошла по Сталину. Другой же почитал Сталина, как отца родного, доказывал, не будь его, войну бы проиграли и были бы сейчас у фашистов рабами, поскольку Гитлер каждому немцу обещал по десять рабов. Досталось и Никите Хрущеву — сталинскому шуту, за его недалёковидную поли-

тику, и Леониду Брежневу, прозванному в народе бровеносцем в потемках, и о том, что никто понять не может, что живет при его правлении в пору развитого социализма. Однако посотрясали воздух, посотрясали, выпустили в небеса накопившийся пар негодования и перешли на бурундуков. Один из соседей спросил:

— Кто скажет, как отвадить бурундуков от сайбота, как ни подойду с ношей, — пара-тройка крутится?

— Никак! — резанул Николай Александрович. — Во-первых, плашками всех не переловишь, да и время потеряешь. Во-вторых, много не растащат, кедровка больше снимает. И в-третьих, мы не пообедем, где им на прокорм взять? Почитай половину гривы обколотили, — как всегда Николай Александрович вывел из создавшейся ситуации резюме и неожиданно для всех стал повторять рассказ про драку с бурундуком. Все в недоумении замерли. Николай Александрович повторял чуть ли не слово в слово, а когда закончил, я, как в прошлый раз возьми да спроси:

— Так вы емо шишки-то отдали?

— Конечно отдал, что я изверг какой, что ли!? — Николай Александрович так убедительно произнес, что никто не осмелился ему возразить.

Вскоре костер зачах, потянуло холодом, и мы разошлись готовиться к ночлегу.

ВЫШЛА КНИГА

Бурдина В. И.

Высокие широты: сборник стихов. — СПб., Контраст, 2018. — 248 с.

Вера Бурдина, член Союза писателей России. Лауреат международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» за книгу «Волны и камни» (2010), лауреат Всероссийской Православной литературной премии им. Св. и Блг. влк. кн. Александра Невского за книгу «Горнее эхо» (2013), лауреат Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева за книгу «Петербургские сны» (2001), лауреат Всероссийского конкурса «Семья — основа государства» за книгу «Калиновая гроздь» (2013).

Автор пятнадцати поэтических сборников, в том числе «Песочные часы», «Листва Невы», «Мой Ямбург», «Острова обетованные», «Яблоки грома», «Разорванные горизонты» и др.

В трехтомной энциклопедии «Литературный Санкт-Петербург. XX век» (2015) творчеству Веры Бурдиной отведена целая страница, где отмечены присущие поэту качества: яркая образность, классическая строгость форм, лирико-философские аспекты поэтической речи, легко выделяющейся из общероссийского литературного хора.

На обложке, цветных вклейках репродукции картин члена Союза художников России, лауреата Всероссийского конкурса «Салют Победы» Валерия Ивановича Яроша. Фотография автора на обложке Марины Быстровой, на фронтисписе Ольги Булыгиной.

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ

БЫТЬ ДОБРУ

Владимир Дмитриевич Пронский — родился в г. Пронске Рязанской обл. в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов, повестей, множества рассказов. Публиковался в журналах «Родная Ладога», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъем», «Север», «Странник» и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии им. А. С. Пушкина, Международной литературной премии им. Андрея Платонова и нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Василий Филимонов все свои пятьдесят лет, казалось, ходил в единственной застиранной рубашке, в засаленных джинсах и в рабочих ботинках с глазастыми ржавыми заклепками. Зимой — в мятой куртке и кособокой кепке. Ботинки те же. Сам — прогонистый, худой. Ну и, конечно, космат до невозможности. В общем, поселковая достопримечательность, почти бомж, потому что последние лет восемь нигде официально не работал, после того, как закрылся механический завод, где трудился в сборочном цехе электронасосов. После смерти жены Василий жил один. Сразу не смог ни с кем сойтись, а теперь кто пойдет за такого?! Да и не нужен ему теперь никто, потому что похожей на жену не найти, а на других он и не заглядывался: жил себе потихоньку и жил. Каждую весну пытался копаться в огороде, но кроме лука и картошки ничего у него не выросло, а урожая хватало ненадолго. Но хотя бы осенью, особенно если родились яблоки, жил относительно сытно, а в остальное время ходил по соседям. Нет, он не побирался, а всегда придумывал работу, когда не ел день-другой и очень хотелось чего-то перехватить. Он знал, у кого какие непорядки в хозяйстве, и всегда в нужный момент предлагал свои услуги. Скажет, например, соседке: «Баб Оль, забор-то у тебя вот-вот от ветра завалится! Стопроцентно говорю. Надо бы укрепить!» — «Укрепи, милай, укрепи! А прежде зайди, супчика похлебай! С пустым нутром какая работа!» — отзовется неповоротливая соседка, жившая, как считал Василий, богато, потому что получала пенсию. На пенсию, конечно, можно жить, а вот попробуй проживи, когда ниоткуда и единой копейки не ожидается! Поэтом похлебает Василий супчику, похрустит хозяй-

ской глазуньей, а как поест, то начинает трудиться столько, сколько требуется. Хоть два дня. Но все сделает и доложит хозяйке. На следующий день далее идет. Но сколько бы ни бродил по поселку, всегда возвращался на свою Подгорную улицу, поближе к бабе Оле. Она когда-то дружила с его матерью, а он рос с ее детьми, потом разъехавшимися по стране. Они разъехались, а он остался, и стал соседке за сына, пусть и непутевого.

Василий мог перебиваться бесконечно, не зная, как изменить выпавшую ему долю. Но по-настоящему задумывался над этим лишь в те дни, когда начинала досаждать налоговый Аня. Ростом мелкая, пронырливая, она, казалось, могла из-под земли достать любого должника. Доставала и Василия, никогда при встрече не называя по имени.

— Филимонов, — скажет, улыбаясь чему-то своему, — ну что, попался?! И когда мы налоги платить будем?

— Анют, погоди до августа. А пока квитки оставь.

— Что это значит — «оставь»? По почте официально пришлем распечатки, чтобы не отвертелся потом. А то дождешься — дело заведем, с судебными приставами явимся! Ты этого хочешь?!

— Да ладно тебе, не позорь, заплачу, куда я денусь! — клятвенно обещал он и твердо добавлял, словно печать прикладывал: — Стопроцентно!

Анна доводилась Василию дальней родственницей, и, видимо, это обстоятельство способствовало тому, что он обходился без штрафов, успевая за лето скопить нужную сумму, заработанную по случаю. Разживется очередными ста рублями — сразу отнесет соседке и предупредит:

— Вот, баб Оль, сохрани! В августе буду с Анюткой рассчитываться, а если начну назад просить, к примеру, на выпивку — тотчас гони меня, не допускай близко к деньгам! Стопроцентно говорю!

Говорить-то он говорил, но такая жизнь обрыдла окончательно. Представился бы случай, вообще куда-нибудь уехал из поселка: завербовался или еще чего-нибудь придумал, чтобы не видеть эту Анютку. Любому надоест такая колочка! Особенно в последние годы надоела, когда стало невмоготу, и не столько от нее, сколько от копившегося в душе беспокойства, когда все чаще начинал думать о том времени, когда в один день оборвется привычная жизнь. И неважно — хорошая она или плохая! И никому тогда не нужны будут его налоги, никто не спросит, уплатил он их или нет.

Но сколько ни думай и ни рассуждай, расслабляясь мечтами, приходилось пока терпеть то, что есть, добывая на пропитание и налоги случайными заработками. В иной год Василий не успевал скопить нужную сумму, и тогда надеялся на сына, приезжавшего за яблоками. Но на него, конечно, надежда плохая, тем более что не каждый год выдавался урожайным. Это когда были живы родители Василия, жена, то сын всегда навещался, а когда не стало их, мало-помалу охладел к родным местам, даже начал чураться отца, укорял частенько: мол, за собой не следишь, нигде постоянно не работаешь! Какой пример подрастающим внукам подаешь?! Так что стал приезжать один. Примчится на день-два, нагрузит машину — и назад. Был — и нет его. Жди до следующего года.

Правда, у Василия еще был один вид заработка. До ста человек прибирал Господь в поселке за год, и для половины из них он с товарищами отворял могилы. Считай, в среднем по одной в неделю. Платили за эту работу хорошо, но денег почти не оставалось, потому что собиралось копателей

трое-четверо, и за несколько дней они прогуливали заработок. Но тут уж никуда не денешься: что заработано артелью, то артелью же и тратилось! Таков порядок!

Этими привычками Василий перебивался бы до скончания своего века, но нынешней весной, когда после Пасхи попал на дальнее кладбище, то оказался неподалеку от могил родителей. Сперва не придал этому значения, обошел их стороной, как всегда обходил, а когда артельщики пошли в ближайшую лесопосадку отмечать окончание работы, задержался и впервые заметил, как могилки запущены, и устыдился, укорил самого себя, словно укол: «Что же это я? Чужих обихаживаю, а до своих руки не доходят?!» Подумал так и озадачился, совсем неожиданно для себя: ведь никогда ничего похожего не происходило, ничто за душу не цепляло, а теперь, получилось, зацепило. Показалось, что родители все видят и знают, какой он теперь неухоженный, к себе окончательно равнодушный. Он был согласен с ними, и мысль эта настроения не прибавляла. Лопаты у могильщиков острые, за полчаса Василий навел порядок: посшибал до земли и сгреб прошлогодний бурьян, поднял холмики, поправил покосившиеся кресты, очистил рукавом пиджака потускневшие фотографии и таблички с облезшими надписями. Очистил и поклялся, что покрасит оградку, кресты.

Управившись, он примкнул к артельщикам, выпил, перекусил. Потом все вместе двинулись в поселок, где накупили водки, продуктов и набились к Василию в дом, чтобы продолжить пиршество. Обычно артельщики, кто хотел, оставались ночевать, а тут все почему-то разбрелись, видимо, от непривычного поведения хозяина, его непонятной молчаливости, неизвестно откуда пришедшей. Он никого не удерживал, а утром отправился к соседке за деньгами, потому что все заработанное осталось у старшего. Попросил у бабы Ольги деньги, а та заупрямилась и укорила:

— Забыл, что сам говорил?!

— Не так поняла... На краску деньги нужны. У отца с матерью оградку покрасить.

Соседка подозрительно посмотрела и припугнула:

— Смотри у меня, если обманываешь?!

— Нет, баб Оль! Святое дело! Стопроцентно!

В тот же день он покрасил оградку, кресты — до полудня трудился. Даже надписи вывел черной краской, пусть и не особенно ровно. Работа простая, но и она показалась несказанно радостной. И радость шла более от ощущения необычности — оттого, что догадался обиходить могилки. И почему-то захотелось поделиться радостью, и он поделился бы, появившись рядом душевный и внимательный человек. И пусть такого не оказалось, но все равно на душе стало приветнее, будто она на место встала, а до этого блуждала в потемках.

Возвращаясь, Филимонов решил пройтись нижней улицей, заодно взглянуть в бывший монастырь, в котором, говорят, налаживается церковная жизнь, а по выходным приезжает из области священник и проводит службы. При советской власти монастырь закрыли, долгое время в нем располагался детдом, потом школа-интернат, а теперь вернули церкви. Похожее событие произошло в поселке три года назад, когда архиепископ освятил восстановленный храм, что стало тогда радостным событием для всей округи. И Василий радовался. Но службы он не знал, поэтому в храм из робости

не ходил, а вот в монастыре захотелось побывать, поговорить с кем-нибудь. Хотя, о чем будет говорить с тамошними людьми — не знал, да и захотят ли привечать его, когда увидят перед собой такого... Василий никогда не задумывался о своем виде, а теперь будто поглядел на себя со стороны и застыдился, решил зайти в следующий раз.

Он спустился с холма, обойдя кирпичные корпуса монастыря, красневшие в нераспустившихся липах, прошел к колодцу, увидев стоящее на срубе оцинкованное ведро. Пил долго, с перерывами, заглушая в себе вчерашнюю выпивку. Когда же выплеснул из ведра остатки, то увидел рядом высокого человека в черной одежде, в черной же выгоревшей шапочке. Он осенил Василия крестным знаменем и спросил:

— Добра ли водица?

— Очень добра, батюшка! — ответил Филимонов в тон и смутился, не зная, как далее вести себя.

— Откуда же путь держишь?

— Да вот... — указал Василий на лопату и пакет с банкой из-под краски. — К родителям ходил. Порядок кое-какой навел. Надо бы на Радоницу, да не смог.

— Ты, что же — местный житель?

— С рождения живу...

— Семейный?

— Был когда-то, а теперь вдовый... Сын после армии под Москвой обосновался, редко пишет, а позвонить ему не могу — телефона не имею...

— Куришь ли?

— Этим зельем не балуюсь, а выпивать — выпиваю, есть такой грех...

Чем подробнее Василий рассказывал о себе, тем все более проникался душой к русобородому священнику, от строгого взгляда темно-синих глаз которого впадал в смущение. Священник лишь сперва задавал вопросы, а потом Василий и сам разговорился. Ведь никто в последние годы не хотел выслушать его, поговорить. Хотя бы немного. Всегда все отмахивались, чурались, и вот нашелся такой человек — хотя и молодой, но понимающий, внимательный. Василий давно ждал, когда кто-то обратит на него внимание, поможет, хотя чем — не знал. Поэтому страшился заглянуть священнику в глаза, понимая, что, рассказывая о себе, допустил ненужную слабость, начал жаловаться на жизнь, зачем-то сына приплел, в общем, повел себя не по-мужски... И в какой-то момент Василий не выдержал нахлынувшего смятения, закрыл загорелой ладонью лицо, пытаюсь остановить пролившиеся слезы, от которых и вовсе был готов провалиться сквозь землю... Не попрощавшись, он заторопился под уклон, но священник остановил:

— погоди!

Василий замер, утерся рукавом и стоял, понурившись, не зная, что делать.

— Пойдем обедать! — предложил священник. — Самое время. И успокойся! — Он перекрестил его, обнял: — Пойдем!

И Филимонов не посмел ослушаться, догадавшись, что священник понял, что творилось у него на душе, и не только сейчас, а все последние годы, будто давно знал о нем. Поэтому покорно пошел следом. Их встретил человек в обычной одежде: в сапогах, в сером хлопчатобумажном костюме, и священник сказал ему:

— Покормить бы нас надо!

Выслушав за столом молитву, Василий пообедал вместе со священником, назвавшимся Лавром, с удовольствием съев винегрета, миску лапши.

После обеда, вновь помолившись, Лавр сказал:

— Приходи, Василий, сюда на жительство! Будешь служить Богу! Трудник Андрей встретит, поможет устроиться, а ты будешь ему помогать.

— Монахом стать предлагаете?! — спросил Василий, радостно замерев душой, вдруг поняв, что именно этого он и хотел все последние годы, чтобы раз и навсегда забыть неустроенную жизнь, забыть прилипчивую Анютку.

— Со временем, возможно, и станешь, а пока необходимо потрудиться во славу Божию!

— Надо подумать...

— Подумай и приходи! Руки твои очень нужны — сам видишь, сколько работы!

Хотя Василий ничего не обещал конкретного, но когда, благословленный батюшкой и будто окрыленный, отправился на Подгорную улицу, то уже знал, что не посмеет уклониться от просьбы священника. Поэтому, вернувшись, сразу начал готовиться: помылся, приделся почище, собрал в сумку мелкие принадлежности, смену белья, документы и в тот же вечер, сказав соседке, где его искать, если вдруг приедет сын, оставив ключи от дома, спешно отбыл в монастырь, словно кто-то мог его опередить и не позволить расстаться с неприкаянной жизнью.

Василий ходко шел своей улицей, но у поворота к монастырю остановился, присел на валяющуюся тракторную покрывку, невольно задумался, вспомнив о бабе Оле, сыне и внуках. Получалось, что он спасался от них бегством, словно они сделали ему что-то плохое, словно совсем не любили его. Но Василий твердо знал, что это не так! Но почему же он тогда сам убежал? В первый момент непредвиденной остановки он так и не понял, не мог объяснить причину своего бегства, но когда все-таки встал с покрывки и начал подниматься на взгорок к монастырю, вдруг понял, что убегает не от родных и знакомых, а от себя прежнего, от которого устал до невозможности! И радостная мысль налила ноги силой, и Василий зашпешил, заторопился. У самого въезда в монастырь Филимонов увидел дорожный знак, оставшийся с советских времен: «Въезд запрещен», называемый в народе «кирпичом», но знак этот лишь для машин и, видимо, тех людей, кто стремился на монастырское подворье в спешке, с неправедными мыслями — он словно отпугивал теперь всех тех, кто говорил одно, а делал другое. И как только Василий так подумал, то увидел неподалеку от въезда знакомого человека, встречавшего его.

Оказалось, что Андрей, кормивший днем, пока единственный обитатель сего места. Он сказал, что батюшка отбыл в область, и предложил Василию пройти за ним, если он прибыл на послушания.

— Так и есть: на послушания, как обещал! — подтвердил Филимонов.

Гремя сапогами, Андрей проводил в большую и пустую комнату в братском корпусе, как объяснил он, наполовину загороженную старой мебелью, в которой стояло несколько раскладушек, и указал на одну из них, заправленную свежим бельем и одеялом.

— Вот здесь можно расположиться, — сказал он, на вид сердитый, но, как заметил Василий, с добрыми и немного грустными серыми глазами. — Как устроишься, приходи на ужин.

Ужинал Василий один, потому что Андрей поужинал ранее, но прежде повторил за ним «Отче наш». Василий шептал слова неуклюже, до конца не понимая их смысла, но когда сел за стол, то уже с другим настроением. Каким именно, сказать сразу не смог бы, но то, что в нем что-то изменилось — в этом был убежден твердо. После ужина принялись разбирать обвалившуюся стену кирпичного амбара, а когда начало смеркаться и посвежело, отправились на вечернюю молитву.

Наступившей ночью Василий долго не мог заснуть от мыслей, возникавших одна за другой, на которые не находил ответа. Почему-то не верилось, что пришел в это место навсегда. Завтра наступит утро, а его не окажется на родной Подгорной. Дружки начнут цепляться к соседке, но она знает, что им сказать: мол, нечего его искать — в монастыре мальчй! Теперь забудьте о нем!

В монастыре, действительно, никто из дружков не беспокоил, и мало-помалу Василий начал забывать прежнюю жизнь, привыкая к новому порядку. Конечно, в первые дни все-таки скучал, даже нервничал, когда Андрей говорил, что надо сделать то-то и то-то, а Василию казалось, что надо приняться за что-то иное. Но это только в первые дни, а потом они начали по вечерам обсуждать предстоящие дела, и когда их обговаривали, то потом и вопросов не возникало. Постепенно Филимонов привык к такому распорядку, при котором молитвы перемежались работой, а работа молитвами.

Так прошло почти полтора месяца. Все это время Василий не досаждал никому просьбами, лишь на Троицын День, когда прибывший Лавр отслужил праздничную службу, отпросился у него, чтобы навестить оставленный дом, бабу Ольгу. Лавр согласился и даже выделил денег на гостинцы. И решил Василий купить соседке конфет и торт. Торт она пусть сразу отдаст, а конфетками потом побалуется.

Филимонов появился в поселке, ничем особенно не выделяясь, лишь непривычно было его видеть с отросшей бородкой. Да и не мог за недолгое время сменить облик от привычной работы, когда надо раствор замешивать, землю копать. А вот молитвенный труд — он убедился в этом сам — тяжелей тяжкого. А ведь именно он, как сказал отец Лавр, изменяют человека до неузнаваемости.

Отлучаясь из монастыря, Василий обещал не соблазняться ничем мирским, хотя батюшка не принуждал к такому обещанию. Филимонов словно знал, что такой соблазн будет, когда увидел около магазина прежних приятелей, двух братьев-близнецов: небритых, в кроссовках на босу ногу и рубашках, узлом завязанных на животах. Братья сразу заулыбались, увидев его, радостно осклабились, обступили.

— Ну, рассказывай, старик! Говорят, в монахи подался?! — попытался один из них по-дружески обнять Василия и не отважился.

— Пока в трудниках хожу...

— Надо встречу обмыть! — предложил второй.

Василий теперь не знал, как вести себя с ними, о чем говорить, потому что не выпивал полтора месяца, и теперь не хотел. Но не хотел и обижать, поэтому заговорил на прежнем языке:

— В завязке я, мужики! Стопроцентно говорю!

Он отсчитал денег на бутылку, закуску и, едва они, забыв его, скрылись в дверях, пошел в другой магазин. На оставшиеся деньги купил кон-

фет и появился у соседки все-таки не с пустыми руками, чем удивил ее и обрадовал. Пока она радостно охала, он, заметив перекосившуюся дверь на веранде, сразу отправился к себе за рубанком, но соседка попыталась остановить:

— Не канителься, праздник сегодня...

— Понятно, что праздник, но боком продираться не дело, хотя дверь ни при чем — веранда проседать начала. Поднимать надо! — сказал он.

— Разве сама сделаю?!

— Ладно, вот сын приедет, что-нибудь придумаем! А пока и так сгодится! — и, сняв дверь с петель, подстрогал с торца.

Подремонтировав дверь, попив чаю, Василий долго рассказывал о новой жизни, хотя и не сразу разговорился, а лишь после того, как соседка забеспокоилась, спросила:

— Не обижают там? А то ведь знаешь, как бывает: наобещают, заманят, а потом что хочешь, то и делай!

Василий усмехнулся, подумав о том, что бы сказал отец Лавр, услышав эти слова:

— Если бы заманивали — тогда другой разговор! А я по доброй воле пошел.

— А мне непривычно, что ты тихим стал, задумчивым! Прежде-то ох! как шебутил!

— Особенно после встречи с друзьями! Сейчас у меня другая жизнь, баб Оль, о какой прежде и не догадывался. А что к подворью пристал, так ведь всегда уйти оттуда могу — никто удерживать не будет. Только мне это не нужно. Я, может, всю жизнь мечтал об этом месте, а не знал, как попасть туда.

— Хорошо, если так... Я вот смотрю на тебя и мать твою вспоминаю. Ох, как бы порадовалась! Помню, любила она в церковь ходить. Как праздник — обязательно в слободу затопится! Меня всегда звала с собой, да тяжела я была на подъем, далеко идти казалось.

— В поселке ведь церковь открыли! Всегда можно сходить, помолиться!

— Теперь-то я совсем отяжелела! Перекрещусь на ночь, этим и довольствуюсь. Не приучены мы с детства были. Церкви то открывали, то закрывали, иные рушили, а вам-то теперь какая красота! Сходил, помолился — и жизнь вокруг кажется иной. Эх... — Она не договорила, горестно махнула пухлой ладонью, словно запоздало отмахивалась от кого-то, все понимая и, видимо, не зная, как теперь перебиваться на склоне лет. Вздохнула.

Василий мог бы много рассказать из того, что слышал от Лавра и Андрея, но не стал. Поговорив с хозяйкой о детях, о видах на урожай, он с легкой душой отправился в монастырь, и возвращался туда как в дом родной. На Подгорной же обещал побывать в конце лета, когда приедет сын за яблоками и картошкой и надо будет платить налог. Тогда отдаст сыну ключи от дома, и пусть он сам потом хозяйничает: рассчитывается с Анюткой, привозит на отдых жену и сыновей, а то уж забыл, когда привозил их, а они, наверное, давно соскучились по знакомому месту.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШОРОХОВА

**«ДОБУДЬТЕ
ОРУЖИЕ СИЛОЙ —
ТАК ДЕДЫ ВСЕГДА
ПОСТУПАЛИ!»**

Татьяна Сергеевна Шорохова — родилась в городе Люботин Харьковской области. Большая часть жизни прошла в Крыму. Автор многих сборников стихов, книг прозы и статей. Лауреат премии им. Св. Александра Невского. Член СП России. **Живет в городе Тосно Ленинградской области и в Крыму.**

ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

Как умом ты тут не прикидывай,
Проходя с трудной думой по полю,
А намяются: Русь — без Киева,
И Россия — без Севастополя.

Так — в мороз без теплого свитера...
Так — в реке
 меж острыми крыжами...
Украина бедна без Питера,
Без Москвы Тавриде не выдюжить.

На беленом — заметней красное...
И грядущее машет знаками,
От которых яснее ясного:
Что-то будет здесь, да инаково.

ЛЬВОВСКИЕ СКАЧКИ

В листочках вместо поясов...
Как тот дикарь в звериной мести,
Скачи же, африканский Львов!
Скачи-скачи с Обамой вместе!

Уж где ты только ни скакал!
Но знай, ложась под иностранца,
Не будет ни один москаль
С тобой в скакании тягаться!

Запомни, не твоя судьба
Нам уготована Мессией! —
Взирает на скачки раба
Высокородная Россия.

ПОЧЕМУ УКРАИНЦЫ ЗА НЭЗАЛЭЖНИСТЬ?

Ой, страшат и даль и ширь
Шефов демонстраций!
У России есть Сибирь —
Все ее боятся!

Ни тайга, ни Енисей,
Ни Байкал, ни омуль
Не нужны громаде сей,
Попривыкшей к дому.

Вот и можно дурковать,
Можно и жестоко
Кровь людскую проливать —
Не сошлют далеко!

К СОБЫТИЯМ В УКРАИНЕ

И снова — за вилы, и снова — за пики,
Надеждам, покою — под дых...
И снова могилы, и снова гвоздики,
Земля на телах молодых.
Безгневные камни в руках разъяренных...
Увы, не Давид со пращой! —
Невольный заложник умов изощренных...
Он будет ли Богом прощен?
А каждый, кто целился, в ком застревала
Убойная заданность пуль —
Те в добрых людей из камней и металла
Опять обратятся ль?
Испуг
И детский, и женский пусть станет мольбою
В едином порыве: «Господь!
Заполни сердца милосердной любовью
И ненависть дай побороть!»

МЫ ВМЕСТЕ

В бессильи постигая силу,
В огне майданов и в чаду,
Я выучила гимн России,
Когда мой Крым попал в беду.

Кто уберег Руси святыни,
Чья правда в мире высока,
Своих не бросили. Отныне
Мы вместе. Вместе на века!

Со всеми, кто любовью мерил
Великой Родины слова,
С надеждой признаюсь и верой:
— Я так ждала тебя, Москва!

Сердца в едином чувстве слиты —
Всей мощью распростертых крыл
Над Херсонесом, над Тавридой
Орел двуглавый воспарил.

СЫНАМ ОТЕЧЕСТВА

К событиям в Одессе

И школьник, и опытный витязь,
Умывшись слезами, мужайтесь!
Кто может молиться — молитесь!
Кто может сражаться — сражайтесь!

Добудьте оружие силой —
Так деды всегда поступали!

Над братской Одесской могилой
Покой обретете едва ли.

Нахлынули горе и беды...
За правду, гордились которой,
Пусть в этой борьбе до Победы
Вам матери станут опорой.

ПАРНЮ С ЗАПАДА

Кожу жжет и шелк
Фосфорное сделье...

Ты зачем пришел
На чужую землю?

Ты зачем свою
Злобу здесь обрушил?
Ведь в твоём краю —
Сплошь живые души!..
На чужой кусок

Зря ты покусился!
Не спускай курок —
Ты здесь не додился!!!

В городе-селе
Мы под небесами
На своей земле
Разберемся сами.

В СТАРОМ КРЫМУ

Путь накатан, призывны дела,
И заботы все время в приросте...

В Старый Крым угодив, я вошла
Прямо к Юлии Друниной в гости.
Дом добротный... Уютный музей...
Фотографии... Книги в витрине...
Все с любовью, без лишних затей,
И букет сухоцветов в кувшине.
Убедителен сказ и правдив
У вещей, как дневник пилигрима.

Здесь легко без препятствий пройти
По античному Старому Крыму.
Перекресток имен, городов,
Судеб, слов, что сюда заносились...
Старый Крым до цветенья садов
Так похож на глубинку России!
Здесь беспомощность СССР
Мне предметы напомнили тонко.

...День весенний и мягок, и сер,
Словно нежный каракуль ягненка.

ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

На Приморском — и светло, и красиво...
Волны — в просинях...
А в Донбассе убивают Россию —
Новороссию.

Цвет акаций душу настроит
В лад с узорочьем...
А в Донбассе погибают герои
В сердце с горечью.

В Севастополе с могильными плитами —
Маки истовы...
А героев обзывают бандитами,
Террористами.

Роза прелестью своей озабочена
Рядом с тополем...
А в Донбассе оборона не кончилась
Севастополя.

СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

Троицкой Лавры кремлевские стены...
Звон колокольный — могучий, степенный...
Древние лики... Господь Иисус...
Молится с Сергием Спасова Русь.

Нам, не забывшим Донского Дмитрия,
Бедствия Смуты, сражений реликвии,
Как не понять? — в твой молитвенный щит
Сердце народа согласно стучит.
Царь и мужик... всякий шел к Преподобному.
Рядом с мощами и горе народное
Легче сносилось. Так было не раз
Беды теперь донимают и нас.
Но не о личном наше моление...

Просим, заступниче, благословения,
Как получали и князи, и рать,
Снова соборно за Русь постоять.
Силу духовную в русских всели,
Светлый печальниче Русской земли!

ВЫШЛА КНИГА

Сдобняков В. В.

Лестница. — Нижний Новгород: Родное пепелище, 2017. — 400 с.

На полки книжных магазинов поступила новая книга прозаика и публициста, главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век» (именно за издание журнала Президент Российской Федерации наградил писателя государственно наградой — Медалью Пушкина), председателя Нижегородской областной организации Союза писателей России, лауреата многих всероссийских литературных премий и Международной премии имени М. А. Шолохова Валерия Сдобникова.

Более тридцати книг вышло у В. В. Сдобнякова за сорок с лишним лет его творческой деятельности. Сотни публикаций произведений писателя увидели свет в известных литературных газетах, журналах, альманахах. И вот в издательстве «Родное пепелище» вышла книга «Лестница», в которую вошли повести и рассказы наиболее всего запомнившиеся и полюбившиеся читателям: «Колька», «Птицы над нами», «Лестница», «Путешествие к мечте», «На острове», «Последний день», «И воздастся по делам нашим», «Утишение» и другие.

Издательство предваряет издание следующим вступлением:

«Так уж устроен мир, что каждый из нас от самого рождения восходит по “лестнице”, имя которой — жизнь. У каждого своя неповторимая “лестница”. Их так много, и все они так разнообразны, что на протяжении столетий не перестают удивлять всё новыми и новыми гранями. И хотя далеко не всегда, как и при покорении альпинистами вершин, восхождение бывает удачным и далеко не все способны к покорению неприступных вершин, даже самое малое участие в этом пути оставляет в нашей жизни неизгладимый след. Из таких удивительных восхождений по “лестнице” жизни и состоит эта книга».

Все произведения Валерия Сдобнякова написаны в традициях русской классической литературы и, несомненно, будут интересны самому широкому кругу читателей.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Яснев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 25.10.2018 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 1500 экз. Заказ 1810292.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.